

Михаил Ишков

Заповедник архонтов
фантастический роман

Москва
Издательство «БПП»
2009

ИШКОВ
Михаил Никитич

ЗАПОВЕДНИК АРХОНТОВ
фантастика

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 468.

После гибели в сражении при Сатурне Серый волк возрождается на другом краю галактики. Здесь он обретает статус космического хранителя, для чего ему приходится выполнить задание, которое выполнить нельзя, разве что применить необычный способ поверить в то, что цель может быть достигнута. Это трудно, но еще труднее убедить в этом окружающие его странные существа, для которых выживание стало символом веры.

© ИШКОВ М.Н., 2000
© Издательство «БПП», 2009

ПРОЛОГ

Я умирал. Я знал об этом. От мучной лихорадки спасения не было — за стенами нашей хибарки в поселке, устроенном на месте бывшего лагеря, от этой заразы перемерли почти все жители и перемещенные лица, присланные сюда для работы в ртутных шахтах. Осталось с полсотни человек. Вот еще Иуда, теперь скулящий в углу — он тоже местный. Сначала рыдал, божился, что не по чьей-либо прихоти поцеловал меня в уста. Клялся, что по небрежности. Теперь, сидя на корточках в углу, едва слышно твердит одно и то же — по любви...

Я взглянул на руки — кожа на глазах покрывалась белым налетом, в комнате было душно, меня мучила жажда. При этой хвори пить — последнее дело. Сил пока хватало, чтобы не мучить учеников слезливыми просьбами. Поэтому я бредил. Лежал посреди комнаты на сколоченном из горбыля топчане и рассказывал сказки. Ученики, не спрашивая разрешения, перетаскивали меня подальше от стены, сами расселись в кружок. Лица печальные, заинтересованные... Что с них взять, совсем как дети. Бородатые мужики, а слушают, раскрыв рты. Вздыхают, хлопают себя по коленям, время от времени цыкают на рыдающего, но тянущегося ко мне ухом Иуду.

Я заливал им о рае, о чудесном, светлом мире под голубыми небесами — эта диковинка почему-то особенно сразила их. Рассказывал про обширные теплые моря, про льды и снега. Про зверей и птиц. Про луговые

травы — у них здесь, на Хорде, все какие-то разноцветные колючки стелются по равнинам и горам, а из деревьев пальмы сплошняком. Про людей — белокожих, смуглых до черноты, краснокожих, узкоглазых, с крупными очами, курчавых и длинноволосых, старых и малых. Про женщин и мужчин... Должно быть, теперь они живут счастливо. Солнце у них доброе, оно в одиночку разгуливает по небосводу и его света хватает всем. Не то, что два местных ярких светила. ~~б~~большее на неделе раз пять меняет цвет и блеск. Вот и сейчас, под вечер, касаясь склоны горы, где расположено устье шахты, оно опять густо зарделось. Значит, утром встанет омытое зеленью, опять пойдет дождь, с гор, из пальмовых лесов, натянет туман. Выходит, буду умирать в сырости, еще простыну напоследок. Так и не увижу белоглазое, второе в этих местах светило. Вот на него я и ссылаюсь, когда повествую ученикам о рае. В тех краях солнце похоже на Таврис, только вполтину крупнее, пожелтее, поласковее...

Может, не все так радостно на Земле, но мне вспоминается только хорошее. О бедах, горестях, гладе, море, наводнениях и засухах, об истреблении народов не хочу им рассказывать. Смысла нет. Их этим не удивишь, сами нахлебались досыта, веру до сих пор не сумели обрести, заменили ее целью. Даже меняющий обличия Даурис им не указ, его светоносный гнев они воспринимают исключительно с точки зрения метеорологического прогноза и еще как поле битвы, на котором сражаются какие-то «славные».

Как-то упомянул о «высшей силе», поведал об уроженце Назарета, бродившем по воде аки по суху и

втолковывавшим людям, что живут они неправильно, грешат.

Вскользь изложил им Нагорную проповедь.

Они выслушали молча. Никто слова не сказал, тут же разбрелись по своим камерам. Иуда, с которым я делил помещение, тут же улегся спать. Заснул сразу. Губошлепы это умеют — отключаются мгновенно и спокойно посапывают до утра. Кстати, в ту пору я и дал им земные имена. Начал с соседа, которого местные называли Сулла. Даже при смерти я нашел в себе силы усмехнуться — менее всего этот самый молодой и непоседливый губошлеп был похож на знаменитого древнего полководца. Был он нечист на руку, перетрогал все мои вещи, а в тот день стащил нож для резки хлеба. Я попытался проникнуть в его мозги — может, во сне обнаружится, куда он спрятал добычу?

Может, признается?..

Разобраться в том, что копошилось в его сознании, было трудно — какие-то смутные образы, обрывки мыслей, ни намек на судьбу складного ножика. Тогда я наградил его ярким цветным сном, повествующем о приключениях земного Иуды в пасхальные дни незабываемого месяца нисана. Сразу и имечко приклеилось. Затем интереса ради прошел по камерам, попытался познакомиться со сновидениями, посещающими соседей в часы ночного отдыха. Картина была та же. Что подтолкнуло меня наградить их библейскими видениями, сказать не могу — наверное, играючи. Вместе со снами раздавал имена. Кому какое подходит. Борода-тому толстоногому мужику, узревшему во сне гладь Галилейского моря, в самый раз именоваться Петром. Со-

сед его стал Андреем. Дальше — больше. Зануду окрестил Левием Матвеем, неверующего — Павлом, добряка — Исайей.

С того дня сказки анекдоты, побасенки, пересказы земных романов перестали их интересовать. Помнится, Петр как-то положил мне руку на плечо и подсказал — ты, приятель, кончай нам бабки вколачивать. Давай-ка про этого, галилеянина, сумевшего воскреснуть после смерти.

Зачем это?

Так и пошло-поехало. Поскольку на Земле существует несколько пониманий «высшей силы», и я отношу себя к христианам православного толка, начал с Библии. Пересказал, что помнил из Ветхого завета, затем перешел к рассказу о страстях Христовых, о муках его во имя спасение всех, кто населял Землю. Затем изложил жизнь Мухаммеда, объяснил, что значит «Аллах акбар». Слушали меня внимательно, начали называть учителем. Наконец добрался до Просветленного, узревшего под смоковницей первую из четырех благородных истин.

Здесь меня и настигла болезнь. Заразился в шахте. Иуда чмокнул в губы. Я упал, сердце больше не билось! Лежал до окончания смены. Все, что во мне было хордьянского, а именно плоть, — вело себя терпеливо, не досаждало болью. Как только закончилась смена и стражник ударил в рельс, меня отнесли в барак и уложили на пол.

...Мне бы какой-нибудь антибиотик, самый простенький, может, помог бы этой, осыпанной мучным налетом плоти. Все говорят, что мне повезло — при

этой заразе боли не чувствуешь. Умирать легко, только страшно. И правда, боли особой нет, только ломота во всем теле, мышцы ноют, словно перетрудились. Хотя бы откликнулся кто-нибудь — зову, зову, все напрасно.

Эти меня за рукав теребят — рассказывай, мол...

Я вздохнул.

— Сказал Просветленный: «Есть четыре благородные истины или Арьясачча. Познай их и ты обретешь покой. Первая гласит — жизнь есть страдание. В чем же источник страданий? Ответ дает вторая истина. В ненасытной жажде удовольствий, соединенной со страхом смерти — вот в чем источник страданий. Третья истина утверждает, что нить страданий может быть оборвана. Так говорил Гаутама, так говорил Иисус, так говорил Мухаммед. Четвертая истина повествует о благородном пути, ступая по которому, любой может избежать страданий и обрести царство Божие в душе и посмертную радость в райских садах. В этом и заключен смысл жизни. Есть и пятая истина — я бы не назвал ее благородной, я бы назвал ее мудрой. Изрек Христос — можно жить без смысла, не думая о выполнении приказа, можно жить без цели...

Ученики затаили дыхание. Я примолк, долго смотрел в потолок — по шершавой штукатурке ползали местные насекомые, напоминающие божьих коровок, только спинки у них были лазоревые, тоже в крапинку, и глаза-искорки. Помру, а они так и будут ползать, пока дом не сгорит. Когда сгорит, переберутся в соседний. Там и возродятся в щелях между досками.

— Можно просто жить... — повторил я.

Иуда в углу ахнул. Наступила тишина. Потом Левий Матвей засуетился, принялся искать тетрадку, куда записывал мои изречения. Спросил у Иуды.

— Ты не брал?

Тот плаксиво возмутился.

— Чуть что, сразу Иуда! Не брал я твою писанину. Так запомнишь. Что здесь записывать! Уж куда проще! Убивать будут — не забуду. Можно, оказывается, просто жить. Учитель, — окликнул он меня, — а как это — просто жить?

— Не знаю, — ответил я. — В этом вся соль. Истина глубока, вы можете лишь горстями черпать ее, как воду из родника. Глотните, и уразумеете, что я имею в виду. Можно стремиться к цели, можно и плевать на нее. Можно не опасаться смены цвета Дауриса, гнева гарцука, окрика стражника, бригадира или звеньевого. Если строить ковчег, то только тогда, когда появится желание, когда сами воочию убедитесь, что это дело нужное, полезное, радующее сердце. Вы говорите, отцы наши, деды и прадеды строили ковчег. Все строят ковчег, но видел ли его кто-нибудь из страждущих духом? Вот еще одна заповедь: блаженны страждущие духом, ибо их есть царствие Божие. Поселяне вправе познать плоды своих трудов. Есть и другие истины: не убий, не укради, возлюби ближнего как самого себя, не возжелай ближнему своему того, чего сам не испытал, не прелюбодействуй... Все сразу не упомнишь.

— Ага, — скептически выпятил губу Петр, — а если захочется прелюбодействовать?

— Тогда вспомни благородные истины.

— Как, учитель, у тебя все легко получается, — закрутил головой Савл (я его так назвал за то, что он постоянно и грубо хулил меня, старался поймать на несуразностях, упрямо пытался разобраться в подоплеке свершаемых мною чудес). — Если захочешь чужую мамку, то вспомни, что жизнь есть страдание, источником которого является желания и так далее. Ну, вспомнил я, а если желание — яд этот — ну, насквозь разъедает плоть, что тогда делать?

— Вспомнить пятую истину.

— Ну и?..

— Исполни желаемое.

Теперь ахнули все ученики.

— Ладно, с мамками понятно, — рубанул воздух ребром ладони Петр. — Захотел — исполнил желаемое, не захотел — не исполнил. Как же тогда быть с ковчегом? Что же выходит: хочу — строю, а не хочу — бросай топор, пошли в барак? Так, что ли?

— Да, — с трудом кивнул я.

— Как же тогда, — хитровато прищурился Савл, — разобраться: когда нужно избавляться от желания, а когда нет.

— Голова у тебя на что? — я повысил голос. Действительно умирать от мучной лихорадки совсем не больно. — Прежде, чем желать, задумайся — может, легче избавиться от желания, чем исполнить его.

— Да-а, это думать надо, — недовольно возразил Савл.

— Левий Матвей, Левий Матвей, ну, что ты сидишь! — жарко зашептал Иуда. — Записывать надо!

Потом он поднял руку и робко спросил.

— Можно вопрос? Мне вот что непонятно — всякое ли желание надо обдумывать или только тогда, когда до смерти хочется?

— Вот об этом поразмышляй на досуге. Когда я умру...

Иуда сразу погрузился, начал тереть глаза кулаками.

Я спросил.

— Приказ можно обсуждать?

Все загоготали, даже Иуда повеселел, с интересом глянул на меня — во дает учитель!

— Кто же приказы обсуждает, — басом ответил Петр. — Попробуй обсуди, вмиг на сбор водорослей сошлют.

— Вот видите! — подтвердил я, — А желания обсуждать можно. И должно! Захотелось чего-нибудь — ну, я не знаю: украсть или донос на собрата написать. Или мамку нарядную увидел... Не спеши. Сядь, пошевели мозгами, с опытными людьми посоветуйся — стоит ли? Есть еще одна заповедь. Вот что, други мои, зарубите себе на носу — мамка тоже человек.

— Ты, учитель, умирай, умирай, да не заговаривайся, — возмутился Петр.

Андрей вдруг опечалился.

— Это точно, — со вздохом сказал он. — Я иной раз сам чувствую, что с мамками что-то не так. Не по приказу мы иной раз с ними поступаем. Только их выпустят, мы уже мчимся... Нет, это верно, это глубоко. Я подумаю над этим.

— И то слава Богу. — сказал я. — Хотя бы один из вас решил задуматься.

— Это ты не прав, — возразил Савл. — Размышлять мы все горазды. Если по приказу, все такими умниками становятся. А вот если без того, то хуже. Ладно... Значит, учитель, отходишь?

— Что уже? — испугался я.

— Лицо вроде бы совсем побелело. Полчаса еще, может, помаешься. Значит, говоришь, можно жить?

— Живите, — подтвердил я.

— А если потом станет мучительно больно за бесцельно прожитые годы? Вдруг в душе родится вопрос — зачем время терял?

— Ты его не теряй. Ты его храни. Так что, понесете меня на гору?

— Понести-то понесем, отчего не понести. Нам эта зараза не страшна, мы уже все ею переболели и выжили. Можем даже в уста тебя на прощание поцеловать.

— Этого не надо, — испугался я.

Был я местный, плоть от плоти, кровь от крови поселения, и все равно видеть их синюшные, с лиловым налетом, толстые губы не мог. У самого такие же, а вот пересилить себя был не в состоянии. У них, у местных, называвших себя «ссылными» или «безразрядными», поцелуй — это самое плевое дело. Они и здороваются посредством чмокания. Я их сначала так и звал — чмо. Потом стал называть поласковее — губошлепами. Сам подлинный, до кончиков пальцев чмо, а нос воротил. После этого невольно задумаешься, что же, в конце концов, определяет: бытие сознание или наоборот. Сознание землянина, плоть местная, и все равно чмокаться не желаю. Противно...

Был я когда-то человеком и не просто каким-то занюханным субчиком, а бисклаваретом. Человеком-волком — это, знаете ли, звучит гордо. Весело жил, охранял природу — леса, поля, реки; сберегал общий человеческий настрой, историческую ауру; боролся с нетварями, рожденными извращенным разумом. Считался потомком божества, одолел в себе границу между сном и реальностью. Хорошо жил — что говорить, но от судьбы не уйдешь. Потянуло на странное, и хотя я успел досконально обдумать желание, а вышло по-иному. Пришлось расстаться со своей земной плотью... Очень хочется на Землю, мечтаю стать самим собой. Не тут-то было! Отправили просвещать этих дремучих. Объяснять им, что не каждый приказ стоит выполнять, не всякому желанию поддаваться. За что мне выпало это наказание, не знаю?

— Учитель, слышишь, учитель? Мы тебя уже несем, — донесся голос Петра.

Я открыл глаза. Надо мной пестрело бирюзовое, ближе к горизонту в пронзительную зелень небо. Высоко стояли кучевые облака, золотились стороной, обращенной к востоку. В том направлении начинался восход. Еще минута-другая, и вдогон огромному уходящему Даурису из-за покрытой дымкой горы всплыл лазурный, с золотистым прилеском, Таврис. Был он мелковат по сравнению с собратом, суетлив, сразу принялся карабкаться к зениту. При этом время от времени, словно от страха рыскал из стороны в сторону. Может, вынюхивал что-то на небе. Звезд на этом невысоком раскрашенном куполе я не видывал. Говорят, подобное чудо здесь случится через несколько сезонов, когда

придет осень, потом зима и наступит долгая ночь. Тогда держись! Местным почему-то звезды не по нраву. К наступлению темного сезона готовятся заранее, начинают каяться, составлять отчеты, что уже сделано, что еще предстоит сделать в следующем светлом сезоне. Дело спасения у них поставлено на индустриальную основу. Что соорудят, отправляют на небо, и никому в голову не приходило посмотреть, что там лепят из «плодов их труда». Хотя при чем здесь ирония? Это горе. Катастрофа!.. Когда небесное светило начинает менять блеск и цвет — жди беды. Местных понять можно, но мне-то что за дело.

Как я соскучился по Земле, по темным еловым тверским лесам, по таежным урочищам в среднем течении Вычегды, нашим светлым подмосковным рощам. По определенности цвета, температуры и климата. По голубому небу, ночной безоблачной мгле, когда можно вволю полюбоваться звездной россыпью. По легкому и жгучему морозу; по снегу, золотистому в ясные дни и подсиненному в лунные ночи. По засухе и дождям, по ветру и запахам, по утренней зорьке.

По грибам наконец...

Я заплакал.

— Не плачь учитель, — успокоил меня Петр. Был он необыкновенно длинен, длиннорук, с толстоватыми ножищами. Нос очень походил на вороний и был также тверд. Борода вокруг шеи лопатой, глаза стоячие — часами может смотреть в одну точку. Как уставится на меня, жуть берет. — Посмотри, какая красота вокруг. Радостно умирать будешь, — он повел рукой.

Я приподнялся на носилках. Окрест было все то же изобилие света, надоедливая пестрота. Холмы и сопки, покрытые разноцветным пальмовым лесом. Даже мох под ногами переливался, словно покрытый маслянистой пленкой. Каждая былинка здесь старалась выглядеть не хуже других — благо, света на всех хватало. Любого спектра, какой угодно силы... Здесь и радуги не надо — все вокруг мельтешит разноокрашенными бликами. Это днем. Когда же через несколько часов Даурис уйдет за горизонт, наступят недолгие сумерки.

Потом нагрянет Таврис. На рассвете, как обычно, поднимется ветер, нагонит облака, хлынет дождь, поползут туманы, и мир сузится до нескольких десятков метров. Воли здесь не чувствуешь. Хорд — планета крупная, ходить тяжело. Жизнь здесь есть — вот они местные, называющие себя поселянами, вот горы, леса, вот камни, вот поселок — а воли нет. Что-то давит.

— Прощай, учитель. Спи спокойно, — напутствовал меня Андрей.

Иуда всхлипнул.

— Значит, говоришь, еще раз воплотишься? — с заметной ехидцей спросил Савл.

Я ждал этот вопрос. Все время, пока умирал, с той самой минуты, когда свалился в бреду. Даже когда мучился от жара, ждал, когда же спросят об этом. Что мне ответить? Что технически в этом нет ничего сложного — я, например, отдаю концы во второй раз. Что нет у меня желания возвращаться сюда. Стоп, отдохни, поразмышляй... Если не сюда, то куда? В беспросветный виртуальный колодец, утопленный в нейтринных недрах звездолета? Можно свернуться клубком в космической

оболочке и заснуть навечно? Жуткая история... Хочется вернуться на Землю. В райские кущи, которые так вдохновенно описывал ученикам? Не такие уж они райские, и вряд ли меня там ждут. Вероятно, дружки-хранители давным-давно похоронили меня. Что после сражения в окрестностях Сатурна от меня осталось? Обрубок руки, превратившийся в спутник этой планеты и кувыркающийся где-нибудь в одном из колец. Разве худо свернуться в недрах искусственного разума, занять там персональные ячейки и заняться философствованием? Поразмышлять над началом и концом мира.

Да, это неплохо.

Это, в конце концов, разумно.

И все равно тянет домой...

— Так что, ждать тебя? — спросил Андрей.

— Возвращайся, а-а? — заканючил Иуда. — С тобой интересно.

— Да, врешь складно, — кивнул Савл.

— Ладно, ждите, — буркнул я. — В ином обличье...

Я с ненавистью оглядел себя. Тело было прикрыто каким-то мешком с отверстиями для рук, ног и головы, поверх был наброшен ношенный дорожный плащ, под этим покровом скрывалась исхудавшая, очень похожая на человеческую, зеленовато-синюшная плоть. Только и отличий, что на конечностях по шесть пальцев, ноздри смотрят вверх и шевелюра на голове более напоминает птичье оперение, чем привычные волосы. Местные — полноценные, наделенные разумом существа, озабоченные постройкой ковчега, на котором они надеются спастись во время взрыва взбесившегося Дауриса. Все

вместе. По крайней мере, в их уставе сказано: «Ни один из малых сих забыт и брошен не будет».

Наконец меня втащили на вершину пологого холма, поставили носилки на каменную россыпь. Сразу, где надо, подравняли, в голову обломок скалы подложили — аккуратность у них в крови. Положили ногами на восток, чтобы я мог видеть восход Тавриса.

— Так что, учитель? — обратился ко мне Петр (видно, что-то надумал). — Может, похоронить тебя полюдски, землицей присыпать? Зачем эти чудеса с воскресением? Потом сколько времени обмысливать их придется.

— Ступайте, — я едва пошевелил пальцами. — Отхожу. Спаси вас Бог.

Они потоптались, потом гуськом пошли по тропке, ведущей к подножию. Долго среди камней помелькивала розовато-лиловая, поблескивающая лысина Петра, потом и она исчезла. Скоро они все также гуськом взобрались на соседний пригорок — расселись, стали ждать обещанного чуда. Я им про Христа рассказывал, теперь то же самое они ждали от меня. Я ничем не мог им помочь, силы уже были на исходе. Грустно было помирать на чужбине, в одиночестве, не выполнив контракт, не отыскав местонахождение ковчега. Хотя в договоре был пункт о форс-мажорных обстоятельствах. Все равно безлюдье угнетало. О родных я не говорю, они далеко, за несколько миллионов световых лет, в другой спиральной ветви Галактики, но из этих, пославших меня сюда, кто-нибудь мог бы откликнуться, навесить, поприсутствовать на похоронах, слезу обронить.

Где ты, ржавая летающая тарелка, дружок-вернослужащий?

«Здесь я, здесь, — знакомое, с гнусавинкой бормотанье проклюнулось в сознании. — Уже вторые сутки в зарослях отлеживаюсь. Что так долго в ящик играешь, не впервой вроде бы. Заждались тебя...»

Мне стало легче. Не придется гнить на вершине, никакая хищная тварь не тронет тело. Хоть и чужое, а все-таки свое. Кроме того, раз «Быстролетный» по поручению, значит, сознание будут переписывать с этого лилового хлопца, и в первозданное состояние я вернусь с опытом пребывания на Хорде. Невелика прибыль, но все же...

Между тем вершину холма начало густо затягивать туманом. Он напелзал клубами, будто спешил. Уже в белесой мгле меня подхватили мягкие лапы манипулятора, втащили в шлюзовую камеру. Голова моя оказалась зажатой в чем-то, напоминающем шлем, потом оцепенело тело.

Затем молчание...

ЧАСТЬ I

Однажды китайскому мудрецу Чжуань Цзы приснилось, будто он красивая бабочка, порхающая над цветком. Утром мудрец задумался — кто же он на самом деле? Человек, которому привиделось, что он легкокрылая бабочка, или наоборот, бабочка, которой снится, будто она — китайский мудрец?

Глава 1

Не знаю, из чьих окороков и костей меня слепили на этот раз, однако в нынешнем своем теле я почувствовал себя намного лучше, чем при первом воплощении в хордянина. Изобразили стариком, однако здоровья и силушки хозяин отвесил, дай Бог всякому. Был я теперь высок, худ, костист, губы сделали потоньше, да еще с таким чувственным изгибом. Нос большой, пеликанистый. На лбу и темени залысина, обрамленная венчиком седых, вьющихся перьев. Взгляд пронзительный... Зрачки у хордян — по-видимому, из-за обилия света — махонькие, темные. Мне же, по знакомству, устроил пошире и густо-бирюзовые. Одним словом, с точки зрения хордян я — смотрелся. Изобилие света не досаждало мне, наоборот, наоборот, я скоро отогрелся, и синюшная плоть приобрела лиловый оттенок.

Высадили меня на материке Дирах, далеко от тех мест, где располагались ртутные шахты. Материк был

огромен, лежал на экваторе и, по мнению попечителя, являлся наименее освоенной территорией по сравнению с двумя другими континентами — Дьори и Такнаалом. Пустошей, дебрей, пустынных и безлюдных мест на Дирахе было достаточно. «Быстролетный» лег на грунт в горной местности, в широкой расщелине с покатым выглаженным дном. Ниже, в распадке позванивал ручей, у истока которого были расположены развалины какого-то сооружения. Я испытывал нестерпимое желание назвать эти руины древним «святилищем», «капищем», «храмом», но вокруг даже намека на ауру святости, таинственной силы, затаившейся в этих дремучих местах, не было.

На Хорде, в присутствии развалин, возможно, даже и культового характера я не испытывал никаких побочных волн, кроме сонного равнодушия, оцепенелого безразличия, которое испытывала эта земля к разумной расе, пригревшейся на ее широкой груди. Это могло означать только одно — мифологическая память у губошлепов стиралась долго, тщательно, на генетическом уровне.

Но этого быть не могло! С точки зрения эволюции подобный вариант был исключен напрочь! Без памяти предков, закрепленной в сказке, песне, детской считалке, в пословице, заговоре, поверье, мифе, наконец, губошлепы не смогли дотянуться до созидания ковчега. Кто-то силком тянул их за уши?

Всю планету?!

Каждую особь?!

Или они были чужие на этой планете?

Я решил не спешить, хорошенько все обмозговать. Устроился поудобнее на каменном выступе, привалился спиной к скале, осмотрелся...

Стояло лето, полный день, сушь... Вокруг меня простирался мир сверкающий, обременительный для глаз. Будь я человеком, уже через четверть часа лишился бы зрения; вряд ли здесь помогли бы и солнцезащитные очки. Под ногами островками лежал мерцающий мох, в который были воткнуты редкие «целлофановые» стебельки и такие же прозрачные кустики колючника. Здесь же ползали нелепые «организмы», поминутно выпускающие ростки, которые на глазах тянулись вверх, рождали соцветия, потом коробочки, которые с треском лопались, разбрасывая вокруг искры-споры. Здесь светилось практически каждое живое существо, а также камни, развалины, скальные столбы.

По берегам ручья, где торчали увесистые кристаллы-«валуны», суетились какие-то водяные жучки с глазами-искорками. По обе стороны от потока стояли грибообразные создания — местные деревья, — шляпки которых были утыканы бриллиантово поблескивающими острями. Ниже тянулись заросли местного «камышка» — по их стекловидным листьям, лепесткам пышных бутонов ползали какие-то букашки. Ниже начинался пальмовый лес. Деревья представляли собой многоствольные сооружения, осененные «плакучей», как у наших тропических растений листвой. При набеге ветерка они позванивали...

Пусто... Никакого подспудного шевеления, ни раздумий, ни воспоминаний о былом, словно не было на Хорде, «былого». Телепатическая аура была чиста и ес-

тественна, как в первые дни творения, ничто не заму- няло ее свободные переливы. Точно также вел себя сгу- сток воды в невесомости — этаким прозрачный шар, поверхность которого в отсутствие гравитации и под воздействием сил поверхностного натяжения, бездумно ходила ходуном. Мое пров́дение не отливалось ни в какие конкретные — пусть даже непонятные — формы! Ничто не мешало заглянуть далеко вниз по течению ру- чья.

А ведь здесь, в расширившемся, поросшем паль- мовым лесом ущелье было на что обратить внимание, возле чего постоять, подумать. Ниже по берегу натоп- танный тракт ветвился, разбегался в разные стороны. На распутье возвышался вставший на попу, плоский ка-мень. На камне просматривались вырубленные меты, указывающие, направо пойдешь, выберешься к поселе- нию, налево — угодишь на ртутные шахты. Прямая до- рога вела в неведомые дали. Решишь вернуться — по- падешь в «замок».

Два дня (сутки на Хорде составляли около наших двадцати часов) провел я возле камня, питался, чем Бог пошлет. Потом отправился в сторону «замка». По пути занимался знахарством, просил милостыню.

Подавали... Два раза попадал в руки стражников, прикидывался слепым — бродяжничество на Хорде пресекалось самым решительным образом, босяков повсеместно отлавливали и отправляли либо на посе- ление, либо приписывали к шахтам, рудникам, гнали на лесоповал, на строительство дорог, на сбор водорос- лей. Меня спасал возраст. В обличье старика мне не о чем беспокоиться, губошлепы с видимыми увечьями,

особи, дожившие до седых перьев, получали желтые билеты, и местные власти напрочь забывали о них.

В замок — или, скажем, форпост, где была сосредоточена местная власть и находилась резиденция губернатора, или, как выражались дирахи, гарцука — меня приволокли сразу, как только в одном из поселений я излечил нескольких губошлепов, захворавших мучной лихорадкой. Они вповалку лежали на земле, за пределами беднейшего квартала, возле кучи отбросов, — умирали тихо, скорбели молча, ни о чем не вспоминали: ни об инкубаторе, где провели детство, ни о годах, проведенных на шахтах, ни о заготовке рыбы в море, ни о мамках, к которым их выпускали раз в месяц. Никто даже в мыслях не вспоминал о результатах этих набегов, о возможных своих наследниках — по крайней мере, я ничего подобного не уловил. Сожалели исключительно о том, что вовремя под руководством старшего не удалось им перемучить эту хворь, а теперь, когда ковчегу больше не нужны их усилия и труды, кто им поможет? Кто сунет в рот спасительную конфетку, которая помогла бы им распасться на изначальные стихии и хотя бы в таком виде поучаствовать в строительстве священного, обещающего спасение всем поселянам корабля?

Мысли умиравших были ровные, плоские, подогнанные друг к другу, как зубцы шестеренок — так и цеплялись одна за другую. Не гневайтесь, славные, простите, мудрые, нет больше сил, наказали меня за нердивость и беспринципность; о собственном благе пеклись мы больше, чем о спасительном ковчеге; умираем в здравии и радости. Если бы только в последнюю минуту перед тем, как опуститься в недра Дауриса, хотя бы

глазком взглянуть на желанный корабль? Томились они и мыслями о будущем своих нехитрых пожитков — кому достанется хламида, ложка, обувка и те несколько дырчатых «монет», зашитых в подоле. Заботы о собственности воодушевили меня — это было так по-человечески вспомнить перед смертью о вещах, которые столько лет грели тебе руки.

Я сунул всем троим лекарственные конфетки. В бытность мою на борту фламатера, во время подготовки к очередному посещению Хорда, попечитель вдоль и поперек исследовал телеса губошлепов, составил рецепты, снабдил меня запасом лекарственных средств, изготовленных из местных растений. Основной запас химикатов хранился на борту челнока, укрывшегося возле места приземления, но кое-что я носил с собой — упрятал в левую ногу. Теперь я мог считать себя самым искусным знахарем на Хорде, и судя по ретивости и страху стражников, единственным на всю округу. Спустя сутки, когда помиравшие от пятнистой заразы губошлепы, почувствовали себя лучше, они все, как один, встали и, не сговариваясь, бросились к местному начальнику канцелярии. Я не сразу сообразил, что послужило причиной подобной прыти, а когда до меня дошло, было поздно. Стражники — дюжие молодые ребята в панцирях и касках, напоминавших испанские шлемы времен Конкисты, — разбудили меня тупыми концами древков копий. Ткнули так, что я взвыл и со страху завопил — за что?! Стражи не стали вдаваться в объяснения, сгрудили меня и трех излеченных мною губошлепов и, подгоняя тычками, погнали в столицу материка.

Как водится, наша компания брела в ногу, в прежнем, уже знакомом порядке: впереди вожак, назначенный из канцелярии, по бокам два стражника, в середине мы, четверо преступников. Как-то я поинтересовался у стражника: зачем нужен вожак, когда есть дорога, хоженная-перехоженная?

— Как же без вожака, — добродушно усмехнулся тот и переложил копье на другое плечо. — Это их обязанность водить поселян. У них природа такая, хочешь не хочешь, а веди. Попробуй его не пустить, с тоски помрет.

Признаться, я мало что понял в подобном объяснении. Допытываться не стал, на сердце легла тоска — ну, и занесло меня!

В Дирах, обширное поселение, служившее «столицей» материка, мы притопали, когда на широкую холмистую местность, прилегающую к полноводной реке, легли светлые сумерки, и вокруг редкими россыпями засияли электрические огни. Ярко был освещен замок, представлявший из себя скопище пристыкованных друг к другу сооружений, возведенных на вершине прибрежной скалы. Комплекс был окружен низкими стенами, по углам четыре бастиона. Отдельно возвышался дворец с бросавшейся в глаза претензией на архитектурный стиль. На его крыше были видны параболические тарелки, путаница проводов, штыри направленных антенн.

Вожак подвел нас к воротам, здесь распрощался, почесал каждого на прощание и, дождавшись, когда створки распахнутся, направился в местную канцелярию. Нас же загнали в подземелье. По крайней мере

меня в буквальном смысле!.. Завели в коридор, распахнули дверь, повернули лицом ко входу и пинком увесистого, с загнутым вверх носком сапога, переместили в камеру.

Слава тебе, Господи! Здесь я мог отдохнуть от неусыпного, обильного сияния, от которого страдал наверху. Нельзя сказать, что в подземелье царил полностью мрак, однако сумерек здесь хватало, как, впрочем, и темных углов.

В подвале было тесновато — те же Петры, Андреи, Иуды, Абрамы, Иваны, Рахимы и прочее простолюдые. Была парочка Роовертов или Роональдов, так их называли сокамерники. Эти держались особняком, выделялись одеждой, на них были халаты, расшитые геометрическим орнаментом. Из разговоров я понял, что они принадлежали к замковой службе, один из них даже имел доступ к гарцуку. Я, правда, так и не понял, почему у них были одинаковые имена. Были здесь и двое с виду образованных заключенных — один пожилой губошлеп, другой молоденький прихрамывающий парнишка, с богатой, напоминающей птичье оперение шевелюрой. В чем заключалась их вина, я не мог понять, однако соседи и в первую очередь провокатор, посаженный в камеру по случаю появления новеньких — меня и тех трех несчастных, которых я излечил от мучной лихорадки — называли их «политическими». На провокатора никто не обращал внимания, видно было, что исполнение обязанностей было ему в тягость. Он и ко мне не сразу подошел, сначала порасспросил тех троих, без конца изъяслявших восторг, что их вовремя заключили под стражу и без конца клявшихся в верно-

сти общему делу, потом только перебрался ко мне поближе.

— Откуда будешь? — спросил он.

Вопрос на Хорде невысказанный по наивности.

Я не ответил.

— Куда идешь?

— Куда глаза глядят. Пропитание ищу.

— Байки всякие загибаешь, людишек лечишь?

— Лечу.

— Чем?

— Патоку из трав варю, из нее облатки делаю.

Можно настой употребить.

— Дружок у меня есть в городе. Дружка бы вылечил? — попросил он. — Подхватил он где-то мучницу.

— Не могу, облатки кончились, снадобья нет.

Между тем вокруг нас начал собираться народ.

— Где же ты до этого их брал?

— Сам делал (это была истинная правда). Дед научил, где какие травы искать, каких жучков отмачивать. Как сушить, перемалывать, на чем настаивать.

— Кто?!

— Дедушка, отец моего отца.

Провокатор взорлил.

— Как же ты узнал, неверующий в ковчег, кто твой дед? Тебе что, в канцелярии справку дали?

— Нет, мы жили вместе. Это было давно, еще в прошлом году, в горах.

— Где же такие горы располагаются, в которых люди вместо того, чтобы ковчег помогать строить, с дедушками лясы точат?

По лицу провокатора стало видно, что он почуял жирную поживу. Собравшиеся было вокруг меня губошлепы сразу сделали вид, что этот разговор их не интересует, начали отворачиваться, позевывать...

В камере наступила томительная тишина.

— Есть такие горы, — ответил я. — На юге, где чума людей покосила. Тех, кто выжил, оставили в покое. Одним словом, на время лишили великого счастья участвовать в созидании ковчега. Это, правда, давно было. Два года назад.

— Сколько?.. — не поверил провокатор и вопросительно глянул на пожилого «политического». Тот авторитетно кивнул в знак согласия, потом добавил.

— Было такое, я сам видал документы о нашествии чумы в южные горы Дираха. С той поры славные повелели перевести в резерв этот рассадник всякой мерзости.

Лица губошлепов заметно посветлели (точнее, обрели нормальный синюшный цвет). Один из заключенных удивленно присвистнул.

— Значит, ты два раза успел под звездами пожить?

— Было дело, — кивнул я и обратился к провокатору. — А ты как здесь очутился? На чужую мамку позарился?

Я угодил в точку — прочел об этом в его взгляде. Тот сразу сник, отвел глаза. Долго сидел, в тупой безнадежности разглядывал каменную кладку. Конечно, ему не позавидуешь. Кому понравиться должность мелкого соглядатая в тюрьме, которого в конце концов могут ни за что не просто удавить в камере. Если бы не долг, не

зов ковчега, он давным-давно сбежал бы отсюда, но куда пойти?..

Он вздохнул — рыбка, то есть я, сорвалась с крючка. Я не врал, не таился, биографию попечитель состряпал мне что надо. Вот и «политический» подтвердил, что такие горы, где о поселянах забыли, существуют, а о том, что было два года назад, не ему судить. Настучать он настучит, и если у меня за спиной есть какие-то грешки, мной займется личная канцелярия гарцука, в обязанности которой входило искоренение ересей, спрямление уклонов и любых прочих попыток извратить великую цель строительства ковчега. Одним словом, бороться со всякими противоправными «политическими» деяниями, и в первую очередь с организованным отказом от работы во имя спасения Хорда.

Тот же «политический», что постарше, поинтересовался.

— Слушай, товарищ, за что же тебя в каталажку упрятали?

Я кивком указал на трех моих подопечных.

— Вон тех от мучной лихорадки вылечил, а они на меня донесли.

— И правильно сделали! — вызывающе тонким голосочком выкрикнул один из них, высокий тощий мужик с включенной чернющей бородой, почти скрывавшей лиловые навывкате губы. — Кто первый донесет, тот может на урановые рудники рассчитывать, а если кто опоздал — не миновать ему ртутных шахт или того хуже.

— А если и первому не повезет? — спросил я.

Другой из этой же компании нахмурился.

— Как это не повезет? Мы все трое тютелька в тютельку прибежали в канцелярию. Все трое, как по ниточке, в дверь влезли. Должно повезти. Зря мы, что ли, на тебя стражей натравили.

Третий, более смекалистый, печально возразил.

— Если не повезет, на добычу водорослей могут направить.

— В чем же разница? — не понял я.

— Ну ты, знахарь, даешь, — провокатор хлопнул себя по бедрам, потом по очереди ловко почесался под мышками: сначала под правой, потом под левой. — Водоросли ядовиты, а в рудниках — тьфу! Всего-навсего радиация.

Я поперхнулся.

— Чем же радиация лучше?

На этот вопрос ответил один из дворцовых слуг — оба стояли неподалеку и с брезгливым видом прислушивались к разговору.

— Ты, старик, совсем дикий? У вас там, в горах, университетов не было? Или ты на занятия ходил от звезд прятаться?.. Фон в рудниках минимальный, а на водорослях любая царапина, и тебе кранты. Цианистый калий знаешь, как действует!..

— Да, — согласился «политический», — цианистый калий это не сахар. Крайне неприятные ощущения. Меня, товарищ, два раза травили. Такой понос пробирает, что только держись.

Я хмыкнул — привыкать мне к этим губошлепам и привыкать.

— За что же травили? — обратился я к «политическому».

— Эх, товарищ, поверил я одному забулдыге, явились мы с ним в город и на площади громко крикнули: «Когда ковчег покажете? Сколько можно ждать?»

Наступила тишина. Все мало-помалу начали отодвигаться от нас, с независимыми лицами разбрелись по обширной со сводчатыми потолками камере. Потолочные паруса опирались на мощные, сложенные из бетонных блоков столбы. Стены тоже были бетонные, зарешеченные окна высоко, под самым потолком.

— Вдвоем явились? — заинтересовался я.

— Зачем вдвоем. Толпой. Тысяч десять... Со всех заводов. И с авиационного, и турбодизельного, и с кабельного пришли.

— И всех забрали?

— Зачем всех, только организаторов. Мы сами явились. Рассовали нас по разным изоляторам и вопреки всякой законности, вопреки завету, который день держат без справедливого суда.

— Почему же с судом тянут?

— Как ты не понимаешь, товарищ! Решают, обойдется без нас производство или мы еще можем послужить во славу родному Хорду. Ты не думай, мил человек, что кто-то из славных допустит хотя бы с ноготок произвола. Если человек может принести хотя бы самую пустяшную пользу, его никто зазря в изоляторе держать не будет. А если нет, извини, подвинься. Если от меня... — он неожиданно загорячился, начал хватать меня за подол хламиды, — уже никакого толку, согласись, товарищ, зачем же со мной нянчиться? Я сам добровольно отправлюсь на ртутные шахты. Там тяжело, но все-таки какая-то польза от меня будет. Все равно, —

упрямо повторил он, — хотелось бы на ковчег взглянуть. Пусть его хотя бы на праздники покажут.

— Ты опять за свое? — уныло спросил провокатор.

— И за свое, и за чужое! — вскипел «социал-демократ». — Душа у меня горит, когда несправедливость чую. Разве это достойно ковчег от людей прятать? О том же и мил человек говорит...

Я догадался, что тема опасная, и следует утихомирить «социал-демократа».

— Кем же ты на заводе был?

— Я-то? — переспросил он. — Главным инженером. Славный был организатор производства. С опытом, хваткой... Инженерное чутье потрясающее, — он вдруг заговорил о себе в третьем лице, потом махнул рукой и замолчал.

Я набрался смелости и спросил.

— А парнишка откуда.

— С кабельного.

— Он тоже в демонстрации участвовал?

— О чем ты говоришь, товарищ! — замахал на меня ручищами главный инженер. — Какая демонстрация! Это был вопль народной души, мы испытывали радость от предстоящего разговора с властями, ведь они плоть от плоти, кровь от крови народные.

Он помолчал, потом с прежней страстью в голосе добавил.

— Не вышло... Парнишку, спрашиваешь, за что? — деловито переспросил он. — За то, что изготовил модель ковчега? Так, как он сам его вообразил?..

— За это в каталажку? — не поверил я.

— Не в каталажку, не в каталажку... — досадливо поморщился сидевший рядом, пострадавший молоденький изобретатель, — а на исправление мыслей. Некоторые конструктивные решения в моей модели не совпадают с тем великим замыслом, который задумали великие.

— Что же в этом странного? Не мог же ты объять умом всю глубину их гениального замысла? За это не исправлять, учить надо.

— Ах, вы не понимаете! — воскликнул парень. — Не за то, что я не во все тонкости проник, а за то, что зря рабочее время потратил, которое можно было использовать для изготовления одной малюсенькой, но крайне важной детали для настоящего ковчега. Теперь вот сижу, маюсь — вдруг мне никакого стоящего дела не отыщут, ведь я как никак индустриальный техникум закончил. Сварщик из меня высший класс. В любых средах варю, любой сплав.

— С ногой что?

— Когда пришли стражники, я испугался, влез на крышу и прыгнул во двор. Вот с тех пор нога и болит. Ноет и ноет, сука, ничего не помогает.

— Дай-ка взгляну, — предложил я.

Парнишка испугался, однако главный инженер ободрил его.

— Послушай товарища. Он плохого не посоветует. Он дедушку видал!

Я осмотрел распухшую ступню — обыкновенный вывих. Беда в том, что парень в припадке энтузиазма, стараясь скрыть свою немощь и неспособность принести пользу ковчегу, сильно перетрудил ногу. Я объяснил

инженеру, что необходимо сделать две шины и пусть мальчишка поменьше бегаёт, побережёт сустав. Дело молодое, заживёт быстро. Тут же нашлась веревка, дело было за двумя дощечками. Добыли их у густо бородатого — вся шея заросла перьями — стража, который стоял за дверями камеры на часах. Тот было заартачился. Когда же я напомнил, что в случае его нерасторопности парнишка может потерять ногу и какое-то время не будет участвовать в строительстве летучего корабля, он принес две планки. Мне пришлось пояснить, какой формы должны быть шины — тот руками развел. Заявил, что заступая на пост, они обязаны сдавать личное оружие — нож сейчас хранится у начальника охраны. Вот разве что копьем...

Я удивленно глянул на него, пожал плечами.

Тот покраснел, позвал начальника охраны. Тот сначала тоже заупрямился, сразу в кулаки — бунтовать? Дерзить? Перечить? Ему объяснили, в чем дело, и он разрешил стражу вытесать деревянные шины. Потом засомневался в моих указаниях — откуда ты, старый пень, не обучавшийся в университетах, можешь знать, что и куда накладывать. Ему шепнули, что я дедушку видел. Начальник стражи испугался и послал своего человека в канцелярию гарцука. Неожиданно явился сам гарцук — моложавый, очень вежливый и высокий губошлеп. Узнав, в чем дело, он некоторое время размышлял, шевелил губами, наконец объявил.

— Делайте, как велит этот старый пень! Если боль не исчезнет, отправьте на водоросли, — с тем и удалился.

Все решилось в течение какого-то получаса, просто, по-семейному. Я вправил молодому человеку сустав, дал ему обезболивающее — маленькую лепешку, спрессованную из местных растений, в которую еще на борту челнока-койса было введен сильный болеутоляющий препарат. Страж тут же в камере вырезал две планки, их примотали к ноге, парнишку отнесли в угол, освободили место на нарах, положили на матрас, рядом с каким-то поселянином, который все то время, что я провел в камере, находился в каком-то заоблачно улыбчивом состоянии. Щека, обращенная ко мне, была сожжена и неприятно-мясисто краснела. На голове посреди буйной, нестриженной заросли перьев-волос, с правой стороны проглядывала обширная плешь. Кстати, какую расу, обитающую на Хорде, не возьми, поселяне были волосистым народом. И более темные северяне, и отличавшиеся мелкотой зрачков и неестественно прозрачной кожей жители экваториальных областей — все были густовато покрыты пухом.

Здесь, между парнишкой и придурком с обожженной щекой, меня и пристроили — люди как-то сразу стали заботливы по отношению ко мне, посматривали с интересом: сошлют меня на водоросли или нет? Я обратился к главному инженеру.

— Послушай, товарищ, о каком мил человеке ты все время упоминал?

Тот кивнул в сторону моего плешивого соседа.

— Вот об этом. Суллой его зовут. Это он подбил нас на незаконную форму общественного протеста. Хороший товарищ, только немного того... — он почесал висок когтистым пальцем, затем добавил. — Врет, однако,

складно, и все про какого-то учителя, ушедшего к судьбе, толкует...

В этот момент несчастный повернулся в нашу сторону.

Я замер — на меня смотрел Иуда.

Глава 2

Он не узнал меня. Доброжелательно улыбнулся, отвернул голову и вновь мечтательно уставился в потолок. Я перевел дух, подосадовал на себя — почему Иуда да Иуда! Какой смысл именовать губошлепов именами-отголосками далекой родины?

В самом деле, как местные окликали Иуду, как он сам именовал себя?

Язык хордян в основном представлял из себя сочетание протяжных, удваиваемых гласных и согласных. Они практически выпевали речь. Смычных звуков, напоминающих наши «б», «п», у них в языке не было, словно хордянам трудно было шевелить губищами. Если не пугаться аналогий, можно сравнить их звуковой ряд с языковыми системами угро-финнов, осевших на берегах Балтийского моря. Звуки они часто удваивали — что-то вроде «Таллинн», «олломей» «каарса ныв», «Сулла». Сколько я его помнил, Сулла-Иуда постоянно был взволнован, жаждал истин, вечно путал свое добро с чужим, при этом его всегда тут же хватили за руку, нередко крепко били. Петр и Андрей называли такие экзекуции «учить уму-разуму во славу великого ковчега». Иуде подобные уроки были, что с гуся вода. Вот чего он страшно пугался, так это потерять хотя бы самое ничтож-

ное слово из моих драгоценных речей. Он без конца тербил соседа — записывай, Левий Матвей, записывай, Левий Матвей!.. Где ты теперь, мой верный секретарь? Где всегда недоверчивый, страстно желающий поймать меня на противоречиях Якуб? Взыскующий истины Андрей? Где вы, друзья и ученики? Я поймал себя на неуместной, человеческой, жалости. Это как раз в тот момент, когда мне необходимо быть настороже!

Между тем в камере стало еще темнее. Я устроился на нарах между главным инженером и Суллой, положил мешок с травами под голову, вытянул ноги, с удовольствием почесался. Страж, вырезавший деревянные накладки, гремя ключами и матерно, как умеют только губошлепы, выругавшись, вошел в подземелье, отыскал забытое в камере копье, погрозил мне кулаком — смотри, мол, а то на водоросли! — и вышел за дверь. Щелкнул замок, наступила тишина. Сулла по-прежнему глупо улыбался и бездумно шевелил губами.

— Что это он? — я толкнул главного инженера в бок. — Все бормочет и бормочет... Свихнулся, что ли?

— Свихнешься, когда ядерным зарядом бок подпалят, — отозвался технарь. — Но я бы не назвал его бред безумием. Есть в нем... — он прищелкнул пальцами с длинными узкими, чуть загнутыми ноготочками, — зерно истины. Врет складно. Спрашиваешь, что бормочет? В текущий момент обращается к своему учителю — он называет его «земным». Тот, говорят, сдох от мучной лихорадки. Просит учителя снабдить его пропитанием, простить долги и оградить от Черного гарцука.

— Не к «земному» учителю я сейчас обращаюсь, — губошлеп с обожженной щекой ласково поправил ин-

женера, — а к небесному!.. Посланному отцами нашими, когда поселяне о ковчеге еще слыхом не слыхивали. Когда люди жили дружно, в охотку, когда были чисты их помыслы, когда всякий славный считал своим долгом помочь и обучить благородного, а благородный сил не жалел, чтобы просветить поселянина — вот откуда ни точка тянется. Все мы забыли о предках, они копили-копили, строили-строили... Только странник вспомнил о дедушке, а мы!.. — он горестно махнул рукой. — Земного учителя уберечь не смогли. Был бы он среди нас, снял бы мои хвори, просветлил. Вот я запомнил — как-то он по-особому пропитанье называл...

— Ты, это, — попросил провокатор, — о благородных истинах расскажи. Это здорово, когда, если надумал, делай что хошь...

Один из Роовертов насмешливо добавил.

— Ты сразу бы к мамкам побежал, всех бы перепробовал?

— Зачем всех, — пожал плечами провокатор. — Мне все ни к чему. Мне одна приглянулась, а бугор, сволочь, видит, разок мы уединились, другой, сделал вывод и нагрянул, падло, в самый напряженный момент, когда делились мы друг с другом мыслями, что нет в жизни большего счастья, чтобы вот так, вечером, когда пропоет заводской гудок, сходить прогуляться на речку, посидеть под пальмой, а с утра выйти вместе из дома, добраться до проходной, трудиться рядышком, жить рука об руку, а когда придет срок, вместе узреть ковчег... — он на мгновение примолк, потом, потянувшись, остервенело почесал спину. — В самую душевную минуту влез! Начал орать, почему не совокупляемся,

почему тратим драгоценное время на пустопорожнюю болтовню!..

Он замолчал, потом долго и трудно, с хрипом, дышал. Я — учитель хренов — был вконец ошарашен и, не выдержав долгой паузы, спросил.

— Дальше что?

— Что дальше?.. Врезал я ему. Вот как сидел, так сразу и набросился. Тот в рев. Меня скрутили. Благо, гарцук, наш опекун, честь ему и хвала, разобрался и направил сюда, чтобы я держал ухо востро и чуть какая ересь, сразу пресекал.

— Гарцук из благородных? — спросил я.

— Не-е, он из образованных, — поморщился провокатор. — Он за весь материк перед славными в ответе. Дочка у него в замке есть — им образованным и благородным, говорят, можно дочек в доме держать. Они их порой на поводке прогуливают. Звать Дуэрни. Люди сказывают, в благородные мамки метит, на ковчег ее отправят. Ладно, что мы все по пустякам лясы точим. Эй, Сулла, ну-ка давай про благородные истины!

— Нет, ребята, — улыбнулся Иуда. — Я лучше расскажу вам, как некий губошлеп из самых простых пятью буханками хлеба и двумя рыбами пять тысяч поселян накормил. Случилось это далеко, на другом континенте, возле замка Руусалимм. Там еще гора есть большая, называется Сиион...

Он замолчал, склонил голову. Все собрались в кружок вокруг него, открыли рты. Я тоже не удержался — было забавно, как он распорядится моими словами, слышанными еще в прежний сезон, о чем поведет речь?

Он начал так.

— Блаженны плачущие, ибо они утешатся...

Я не смог сдержать слез...

— Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Божие... Блаженны кроткие, ибо они наследуют хорд... Блажены жаждущие правды, ибо они насытятся...

Одно наставление вызвало горячее одобрение слушателей.

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где и ртуть их иссушит и радиация обожжет; но собирайте сокровища в выси, где ни ртуть их не иссушит, ни радиация не обожжет;

Ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше».

— Это очень правильно, товарищи! — подтвердил главный инженер. — Там, в небесах, где в междуцарствии Дауриса и Тавриса строится ковчег, туда мы все уйдем, там нас ждет исполнение мечты. Там сокровища небесные... Туда, туда! — он выразительно потыкал пальцем в потолок, затем добавил. — На зло звездам!.. — и затих.

Я замер — ковчег строится в междуцарствии Дауриса и Тавриса. Интересно, где это междуцарствие?

Вновь присоединившийся к нам страж зевнул и приказал Сулле кончать агитацию и ложиться спать. Губошлепы сразу зашевелились, принялись раскатывать тюфяки, набитые местной лишайниковой дерниной — мягкая и душистая, должен заметить, подстилка. Лучше не бывает... И очень полезная. Но в тот первый день мне так и не дали уснуть. Сначала пристал провокатор, потом его поддержали оба Рооверта — Расскажи, мол,

странник, где ходил, что видел? Бывал ли на море? Какое оно? Говорят, выпуклое, как река. Довелось ли побывать в стране мрака? Как там? Здесь скучно... Вижу, никто из сокамерников укладываться не собирается, в мою сторону поглядывают.

Делать было нечего — загнул я им историю, назвал ее «сказкой».

— Вот, дай вам ковчег здоровья, знаете, какое на горах было дело? Не во гнев вашей милости, — обратился я к стражу, тот снисходительно кивнул — ври, мол, дальше, и я повторил.

— Не во гнев вашей милости, как мы теперь раскалялись между собой, жил-был у нас в поселении некий губошлеп. А случилось это в старые времена, в горах тогда правили великие гарцуки, родство считали по отцам и дедам, а мамок держали при домах. Жил тот губошлеп небогато, всякими трудами добывал хлеб насущный, а была у того доброго поселянина дочь молоденькая, еще не мамочка. Вот пришло ей на ум пойти в лес погулять, и пропала она без вести. Прошло три срока. В этом самом поселении жил храбрый охотник и каждый божий день ходил он с собакой и оружием по горам. Раз идет он по лесу; вдруг собака его залаяла и перья на ней щетинками встали. Смотрит охотник, а перед ним на тропинке лежит колода, на колоде странный какой-то мужик сидит, обувку ковыряет. Подковырнет подошву да на Таврис и погрозит: «Свети, свети, ясно солнышко!» Дивно стало охотнику: отчего, думает, мужик еще молодец, а перьями сед. Только подумал он, а тот словно мысль его угадал: «Оттого, говорит, я и

сед, что прозрачного дед!» Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой губошлеп...

В этот момент глаза у провокатора округлились, он с испугу выпалил.

— Вот злыдень прозрачный! Как же охотник его разглядел?

— Вот так и разглядел. Леший, — разъяснил я, — это был. Он не из прозрачных. Он по лесам пасется, дебри охраняет. Нечистая сила, одним словом.

— Ну-ну! — скептически заметил один из Роовертов. — Это что за нечистая сила? И не из прозрачных. Может, сам Черный гарцук?

— Тише вы, преступники! — взъярился вконец раздосадованный страж. — Дайте послушать! Что там дальше было, старик?

— Охотник, — продолжил я, — не будь дурак, нацелился оружием — бац! И угодил ему в самое брюхо!

Все радостно загалдели, запрыгали с ноги на ногу. Главный инженер от радости вскинул руки и пошел по камере вприсядку. Наконец все утихомирились, придвинулись ко мне поближе.

— Леший застонал, повалился через пальмовую колоду, да тотчас привстал и потащился в чашу. Следом за ним полетела собака, а за ней охотник поспешил. Шел-шел и добрел до высокой горы, в той горе расщелина, в расщелине домишко стоит. Переступил через порог, смотрит — леший на лавке валяется, совсем издох, а возле него сидит молоденькая мамка и горько плачет: «Кто теперь меня кормить-поить будет?» Поздоровался с ней охотник, спрашивает, чья она будет,

откудова? «Ах, добрый поселянин! Я и сама не ведаю, позабыла, кто я и где мои отец с матерью»...

— Они такие... — подтвердил один из излеченных мной губошлепов. — Стоит на волю выпустить, сразу забывают, чьи родом и в каком инкубаторе воспитывались.

— Тише ты!.. — перебил его парнишка. — Ну и как он, охотник, с мамкой совокупился?

— Нет, — ответил я, — сначала домой к родителям отвел, спросил разрешение, потом только. Но самое удивительное, знаете, в чем?

— Ну? — вытаращил глаза парнишка.

Страж подался вперед, даже оба Роональда рты пораскрывали.

— Рассказала та мамка, что у лешего в жилище всякого добра — ртути, двуокиси титана, золота самородного — видимо-невидимо. Бросились поселяне искать его, долго плутали по лесу, только не нашли.

— И-эх! — крякнул с досады страж и стукнул тупым концом копья о пол.

Роональды скривились, глянули презрительно, а главный инженер, отдохнув после присядки, задумчиво потер переносицу — мне ошарашено померещилось, что он сейчас пенсне снимет — спросил.

— Как понять «горько плачет»? Под мышками чешется? Есть сомнения и насчет «нечистой силы». Такой не существует... Разве что и впрямь агент Черного гарцука?

— Что-то вроде этого, — кивнул я, потом повернулся на бок, глянул на плешивого. Тот лежал, повернув голову в мою сторону, положив руки под щеку. Глаза бы-

ли открыты, он пристально всматривался в мое лицо, словно пытался что-то вспомнить. Наконец прошептал.

— Это ты правильно сказал, старик, пропитанье называют «хлеб наш насущный».

Я тихонько забормотал.

— Дажь нам днесь... и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим! И не введи нас во искушение, но избави нас от прозрачного, ибо твое царство есть, и сила, и слава. Аминь.

Глаза у Суллы расширились. Он некоторое время неотрывно смотрел на меня, потом потянулся и трепетно схватил за руку.

— Ты?!

— Я.

Он блаженно улыбнулся и с облегчением вздохнул.

— Наконец-то! Будь славен, святой ковчег!

Раздался далекий удар колокола, люди в камере встрепнулись, начали раскатывать тюфяки, взбивать кулаками подушки. В последний момент я успел заглянуть в душу провокатору — у того струйкой скользнула в сознание опаска, как бы не проспять злой умысел. Храни меня, ковчег, только бы не сплеховать, успеть схватить злоумышленника за руку, вовремя донести о наметавшихся кознях. Вот было бы здорово, тогда бы ему послабление могло выйти. Ему так хотелось на волю, к мамке, однажды встреченной на случке и оказавшейся такой милой, душевной собеседницей. Я едва успел навеять ему надежду — придет срок, и они встретятся, наговорятся досыта. Никакой бригадир или звеньевой не осмелятся подойти к ним в самую интимную минуту.

Никто не повысит голос, не ткнет тупым концом копья в ребра. Они убегут далеко-далеко, в степь, что распахнула простор на той стороне реки. Найдут уютную рощицу, там совьют гнездо. Мамка отложит четыре яичка, они по очереди будут высиживать их... Провокатор как-то мучительно потянулся и в следующую секунду отключился.

Долго я ворочался на ложе — сон не брал меня. Даже после отбоя! Рядом дрых Сулла, с другой стороны успокоился главный инженер. Был он как каменный. Вообще, засыпали хордяне мгновенно, также просыпались. Как утюги! Включишь — загорится лампочка, побежит тепло, можно гладить; выключишь — перед тобой остывающий кусок металла. Меня же подобная мертвящая оторопь никогда не брала — видно, попечитель перестарался. Я лежал и с прежней бездумной улыбкой смотрел в потолок. Там густо, семьями, ползали разноцветные букашки. Сквозь высоко расположенные, зарешеченные проемы в камеру вливался легкий изумрудный свет. Видно, Таврис, сменив большого брата, побежал по небосводу. Я повернулся к Сулле и ткнул его кулаком в бок. Тот мгновенно проснулся, рывком сел на нарах.

— Давно здесь кантуешься? — спросил я его.

Тот огляделся, сладко зевнул и ответил.

— Почти половину сезона...

Я прикинул — по земному счету это что-то около двух лет.

— Чем все это время занимался?

— Думал. Прикидывал что да как.

— Что надумал?

— Прав ты, учитель, оказался. Исполнение желания или отказ от него — это не просто. Для этого высшая мудрость нужна. Вот тут, — он постучал себя по правой стороне груди, — истина хранится. С сердцем следует соизмерять желания. Сердце — божий дар, оно не обманет.

— Как же ты в тюрьме оказался?

— После ядерного удара разбрелись мы по материкам...

Я оторопело глянул на него.

— После какого ядерного удара?..

Сулла посмотрел на меня с укоризной.

— Что ж ты, учитель, воплотился, а не ведаешь, что после твоей смерти, мы долго сидели, обмозговывали насчет ковчега. Сначала всем поселком, потом всеми поселениями, что возле шахт расположены. Потом собрались скопом и попросили руководство показать нам ковчег. Вот тогда славные и накрыли нас ядерным зарядом. Мы-то сначала сомневались: может, прозрачные постарались, потом людей послушали, сами покумекали. Решили — нет, без славных здесь не обошлось. С тех пор родилось в нас сомнение. Выжили немногие. Андрей, Петр и я, мы в ту пору были в шахте. Глубоко...

— Кто-нибудь еще спасся?

— Не знаю. Говорят, где-то видали Левия Матвея, его, ослепшего, водят Савл и Якуб. Мы, учитель, храним твое слово, несем по поселениям, заводам и шахтам. Повстречаем ходока, разговоримся. Если тот спросит, почему жизнь хреновая — объясним популярно, что к чему. Если ему долг опостылел, расскажем о тебе — был, мол, такой хордянин, который о всех нас заботил-

ся, видел вглубь и вширь, врал складно. Вот ты, поселянин, и пораскинь умишком, долг ли учитель исполнил или иначе жить не мог? Ты маешься не от того, что жизнь докучна, а потому, что не тем занялся. Когда же прозреешь, уцепишься покрепче за истину, вздохнешь свободно. А желания?.. Что такое желания... Суета. Исполни, если позарез хочется. Но не забудь спросить себя, те ли желания исполняешь? Может, тебе иного хочется. Может, ты всю жизни мечтал на ковчег взглянуть, и потому скорбишь.

Он примолк, а я испуганно решил, что это время для Иуды не прошли даром, он много чего надумал за это время. Все было ценно, мучительно верно и влекло к себе, как свет редко видимых, внушающих ужас звезд. За что же их, страждущих духом, ударной волной, радиацией?

В горле комом застряла боль, было жалко.

— Зачем же они вас ядерным зарядом?

— Испугались, наверное. Ударили не подумавши, а теперь сами маются — дальше что? Вон уже и Тоот, и его юный друг Этта, — он кивком указал в сторону технаря и сварщика, — вышли на улицу просить о предъявлении ковчега.

— Кто мается? — спросил я.

— Славные. Опора народа, защитники простых поселян. Мы им не враги, мы вразумить их желали — давайте сообща строить ковчег! Если что не так, вместе прикинем, поищем, где промашка. Что вы, славные, все таитесь? От кого хоронитесь?.. Мы же никогда не пойдем на поводу у Черного гарцука. Не те мы люди, чтобы от божьего ковчега отступиться.

— Черный гарцук кто будет?

Сулла, казалось, не услышал вопроса. Он почесался и участливо спросил.

— Что, учитель, трудно далось возвращение на Хорд?

— Да, нелегко... — признался я. — Многое забыл, подрастерял...

— Благою весть принес?

Я не ответил. Долго лежал, считал букашек на сводчатом потолке. Должно быть, занятая у них жизнь, не скучная: копошатся, ползают, ищут чего-то...

— Послушай, Сулла, — наконец вымолвил я. — Все уже сказано, теперь ваш черед размышлять, отыскивать истину. Теперь у меня другая печаль — мне о вашем спасении подумать надо. Понять хочу, почему на Хорде так устроено, что кто-то распоряжается, а кто-то исполняет. Откуда сила у славных? Где ваши предки, где их родина? Почему все хордяне на одном языке разговаривают?.. Почему от муторных мыслей в тюрьге прячутся?

— А сердца очищать? Верный путь указывать?..

— Это твое поприще. Это поприще твоих друзей. Ведь у меня таких земель, как Хорд, что на ногте пылинки. Все надо осмотреть, всем надо подсобить. Никто за вас стараться не будет. Вы уж, ребята, сами потрудитесь, а надо будет, я вам подсоблю.

— Это мудро, — кивнул Сулла. — Я подумаю над этим.

— Вот и ладушки. Излечить тебя надо, парень, организм от радиации очистить.

— И это обмыслю.

— Так кто он будет, этот Черный?

— Исчадие одноцветной тьмы. А прозрачные — его прихвостни. Сам Черный прячется где-то там... — он ткнул пальцем в потолок. — В пещере... Наши славные до сих пор не могут выжить его оттуда. Так, по крайней мере, народ говорит. Славные, конечно, хорохорятся — мы этого гарцука вмиг скрутим!.. Только что-то не похоже. А прозрачные здесь, на Хорде бродят. Ловят их ловят, все равно всех до единого переловить жила тонка. В чем зло от прозрачных? Они одно и то же твердят: что есть ваш ковчег? Решето! В нем ли воду носить? С его ли помощью от звезд спастись? Обратитесь к звездам, поклонитесь им, они — властители! Представляешь — звездам поклонись!.. Уверяют — как только сокрушим третий столп истины, тогда заживем.

— Давно они со славными воюют?

— Что значит давно? Всегда. Каждый божий день...

— Но ведь когда-то это противостояние началось?

— Конечно.

— Когда?

— Всегда.

Я чуть слышно вздохнул.

— Послушай, Сулла...

— Учитель, если я твой ученик, зови меня Иудой.

— Хорошо. Давай разберемся с этим замком, в чьем подвале мы сейчас находимся. Ведь этот замок был когда-то построен?

— Конечно.

— Когда?

— Когда-то.

— Ну, а в сезонах, годах, веках это сколько будет?

— Не знаю. Разве это важно?

— Очень. Вот явишься ты в какое-нибудь поселение и скажешь: «Был учитель, вот его слово...», а тебя спросят, когда и где этот учитель был. Что ты ответишь?

— Кто спросит?

— Ну, я не знаю, кто-нибудь из поселян.

— Какому же поселянину придет в голову спросить когда? Разве ему не все равно? Если он поверит мне, ему станет ясно, что ты был и есть; если же решит, что я лгу, то ему будет все равно, сколько лет, сезонов, веков прошло с той поры. Когда!! У них о другом будут мысли, как бы побыстрее оповестить власти, донести обо мне, рассуждающем странно.

— Ты это одобряешь?

— Нет, теперь, поговорив с тобой, не одобряю, ибо есть многоцветье невечернее и ему следует нести все, что сумел разузнать, все до чего дошел, все, что открылось в моих слова. И есть свет земной, тусклый. Без переливов. Он лишь отражение света истинного. А далее, как сердце посоветует, если, конечно, хорошенько подумать, помолиться, взорлить, так и следует поступать.

Я не ответил, а про себя решил, что это был значительный шаг в моральном облике нелепых тварей божьих, неизвестно кем, неизвестно как и зачем сотворенных и заселивших эту цветастую планету. У меня сложилось впечатление, что искренность, почитание начальства, обязательность и дотошность при исполнении приказов заложены в них изначально. Однако мораль моралью, а у меня свои задачи, и я продолжил разговор.

— Скажи, Иуда, этот замок... С той поры, как его построили, он все тот же? В тех же пределах, те же здания?

— Не знаю, но слышал, что прежде замок Дирах был значительно больше и под ним располагаются обширные подземелья.

— Кто их соорудил?

— Древние люди.

Я едва удержался, чтобы не спросить «когда», вместо этого поинтересовался.

— Что же, эти подземелья до сих пор существуют?

— Не знаю. Зачем мне это?

— Значит, древние люди построили замок, накопили подземных лазов, потом пришли нынешние люди и возвели здания, которые мы видим в настоящий момент, так, что ли?..

— Выходит, так.

— Но эти подземелья сохранились?

Сулла пожал плечами.

— Что, если нам сходить посмотреть?

— А разрешение есть?

Следом на его лице обнажилась откровенная растерянность. До него вмиг дошло — разве учителю требовалось разрешение, чтобы исполнить желаемое? С другой стороны, запрет был весом, освящен именем ковчега. Некоторое время он сидел на корточках, шевелил губами, прикидывал так и этак. Наконец кивнул и легко соскочил с лежанки.

— Двери здесь не запирают, — шепнул он. — Во время ночного отдыха никто не может выйти без приказа.

— Ага, — подтвердил я, — никто.

Мы осторожно вышли в коридор. Страж спал на стуле с раздвоенной, в виде ласточкиного хвоста, спинкой (прорезь доходила до самого сидения). Загораживал проход вглубь подземной тюрьмы. Ноги расставил широко, пришлось через них перешагивать. Я вытащил факел, воткнувший в узкий раструб, и мы отправились по широкому и низкому коридору. Не знаю, являлась ли наша камера единственной в подземной тюрьме, однако далее я не встретил ни одной двери. По обеим сторонам глухие стены, пол ровный, выстлан плитами. Скоро мы добрались до поворота, и, свернув за угол, я едва не скатился по крутой, уходящей глубоко под землю лестнице. Едва успел подставить ногу!.. Спустился на несколько ступеней, сразу почувствовал, что уклон какой-то непривычный, и подступенок мелковат. Ширина проступи тоже никак не годилась для ноги среднего хордянина. Спускаться по этой лестнице все равно что идти по шпалам — шаг постоянно сбивается.

Я глянул на своего спутника. Иуда, задержавшийся наверху, дрожал, как пальмовый лист. Затем перевел взгляд в противоположную сторону. Удивительная для Хорда тьма ждала нас внизу. Заманивала? Пугала? Всякая чернота, однообразный цвет или же отсутствие такового, были невыносимо для обитателя Хорда — это я почувствовал на собственной шкуре. Но и отступить не мог, все-таки человеческого во мне было больше, чем сиюшного. По крайней мере, я верил в это, тем более что мой ясновидящий взгляд, глубоко протыкающий темноту, так и не выявил никакой, пусть даже предполагаемой опасности. Кроме того, в руках у меня был факел.

— Шагай веселее, Иуда! — подбодрил я спутника.

— О, учитель!.. — только и смог вымолвить он и, жалко улыгнувшись, робея совсем, как человек, поставил ногу на первую ступеньку.

— Помолись и спускайся, — добавил я.

Наконец он сжал губы — довел их до толщины мизинца и двинулся вниз по лестнице.

Мы спускались долго. Подземный ход пребывал в отличном состоянии, разве что пыли и некоей липкой паутинистой пленки здесь было предостаточно, а так ступени все целы, края не выщерблены, грани едва округлились. Первый отблеск, означавший конец пути, вспугнул меня, когда я уже решил, что конца этой лестнице не будет. Ударило в глаза металлическим тусклым отсветом, потом густо запахло ржавым металлом — уж что-что, а нюх у меня был, хвала ковчегу! Я долго стоял принохивался, затем бодро шагнул вперед и уперся в металлическую, напоминающую букву «о» плиту. Установили ее, по-видимому, сразу после отливки и обработкой поверхности себя не утруждали. Тут в мою спину ткнулся Сулла, жалко взвизгнул и принялся отчаянно чесаться: сначала левой ногой правую, затем правой — левую.

Я повернулся к нему.

— Если твоя вера крепка, ничего не бойся.

Он судорожно кивнул. Я улынулся, он тоже заметно повеселел. Тогда я не удержался от назидания — как ни крути, а схождение в ад даже для нашего свет губошлепа было трудным испытанием.

— Если есть желание бежать отсюда, вспомни: ты — соль земли! Если соль потеряет силу, чем сделаешь

ее соленой? Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечник, и светит она всем в доме. Если же найдешь в себе желание испытать себя, вспомни: не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем; довольно для каждого дня своей заботы. Проси и дано будет, ищи и найдешь, стучи и отворят тебе.

Щеки у Иуды заметно полиловели — он обрел мужество, наградил им и меня, оробевшего до замирания сердца при виде двери, своей формой и расположением напомнившей ту, перед которой я томился, охваченный страхом и надеждой, далеко-далеко, в райском краю, именуемом Якутией. Это на планете Земля, в другом галактическом витке Млечного пути. Там моя родина, там я сражался за папоротников цвет, там попал в подземелья, где шестьдесят пять тысяч веков укрывался мрачный фламатер. Вход в таинственную сопку прикрывала такая же плита, здесь я не мог ошибиться. Это был факт, ошеломляющий, вгоняющий в оцепенение!..

В случайность не верилось, в необыкновенную удачливость тоже. Неужели за тридевять земель мне вновь повезло наткнуться на упрятанный в толще местных горных пород звездолет?

Не слишком ли часто? Но если эта дверь была отлита ди, что мне было делать на этой поганой, варившейся в собственном соку планете? Зачем меня послали сюда?..

Я уселся на ступеньку, лихорадочно почесал виски. Иуда пристроился рядом, выжидающе глянул в мою сторону.

Итак, повторим легенду, то есть приписываемую мне биографию.

Давным-давно некий звездолет II класса, называемый фламатером (у него и название было, которое можно перевести как что-то среднее по смыслу, извлекаемое их слов «неугомонный», «вечно бодрствующий», «сохраняющий мужество на страже»), был отправлен расой Ди в далекое далеко. Цель — определить параметры какой-то космической постоянной.

Сообщество Ди принадлежало к цивилизациям первой волны. (Земля по их классификации — к третьей.) В Солнечной системе звездолет попал в засаду, организованную некими архонтами. В бою «Неугомонный» получил серьезные повреждения и совершил аварийную посадку на Землю эпохи плейстоцена (то есть шесть с половиной миллионов лет назад), где и укрылся, свернувшись в изначальную оболочку. Служебный устав и маршрутное задание требовали возвращения звездолета на Ди, однако восстановить собственными силами приводную станцию, то есть весь самый сложный комплекс, обеспечивающий межзвездный скачок, — фламатер оказался не в состоянии. Экипаж погиб, сам корабль получил серьезные повреждения, поэтому звездолет залег в спячку (назовите ее анабиозом) до той поры, пока на приютившей его планете, переполненной примитивными формами жизни, не появится достаточно разумная раса, с помощью представителя которой можно было бы восстановить стартовый комплекс. При этом главным условием пребывания межзвездного корабля на первобытной земле являлось сохранение тайны.

В конце концов, именно мне выпало бремя подсобить затаившемуся пришельцу покинуть пределы Солнечной системы. В момент старта фламатер сразился с галактическим крейсером архонтов, весь этот срок поджидавшим его в районе Сатурна. Я тоже принял участие в битве, в которой был сражен насмерть, там же расстался с земной плотью. Меня, погибавшего, успели доставить на борт «Неугомонного», где переписали в нейтринные ячейки фламатера, успевшего переместиться на другой край галактики. Так я оказался за тридевять земель от родины. (сноска: эти события излагаются в романе «Знак оборотня («В рабстве у бога»), вышедшем: М., Центрполиграф, 1999 г.)

«Неугомонный» прибыл на Беркту, где располагался приводной централ — что-то вроде узлового пункта для этого сектора Млечного Пути. Там меня нанял некий попечитель, один из последних представителей древней, к тому моменту уже почти совсем угасшей расы. В обмен на возвращение на Землю он предложил мне работу — помочь зачистить Хорд от предметов, аппаратов и машин, которые он именовал артефактами и которые в избытке обнаружили на расположенной в системе двойной звезды планете, заброшенной на задворки Млечного пути. В подробности попечитель не вдавался — заявил, что разберусь на месте. Обещал облечь в хордянскую плоть, вооружить — я похлопал себя по голени правой ноги — обучить навыкам оказания медицинской помощи.

На вопрос, что он, попечитель, понимает под артефактами, тот ответил, что это явления или рукотворные предметы, которые не могут существовать, действовать,

или быть изготовленными, исходя из круга тех знаний, которыми обладает данное общество. Определение мудреное, лишь частично соответствующее тому, которое существует на Земле, (сноска: под артефактом понимается любой продукт, изготовленный разумным существом, либо памятники древней культуры, а также побочные эффекты, соответствующие применению того или научного метода, прибора для исследования явления, например появление ложного изображения в оптической системе) но я сообразил.

— То есть, с точки зрения представителей местной популяции являются чудом? Что-то вроде ружья в руках североамериканского индейца? Тот наблюдал, как эта штука действует. Ему, возможно, даже известно — стоит белому нажать на расположенный внизу деревяшки крючок, и из длинной трубы вылетит огненная смерть. Надо только направить ее в сторону врага. Но как действует это оружие, какая сила сидит внутри железной трубы, он объяснить не в состоянии.

— Именно так, — ответил попечитель. — За исключением того, что индеец скоро находит объяснение этому чуду, но оно скорее мифологического, а не технического плана.

Я согласился...

Такова легенда, которой я должен придерживаться, нравится мне это или нет.

Все равно в этом была какая-то запредельная, не поддающаяся осмыслению мистика. На роду мне, что ли, написано то и дело наткаться на упрятанные ди звездолеты? Если даже я сплю, дверь вот она, перед

носом. Реальней не бывает. Итак, я вновь оказался в тупике, перед лицом понуждающей меня к действию необходимости, не имея на этот раз ни поддержки земных друзей-хранителей, ни волшебного пояса, позволявшего мне обращаться Серым волком — да-да, именно тем существом, которое помогло царевичу добыть Елену Прекрасную.

На это раз я был родом из губошлепов — примитивного племени, представители которого чуть что бежали в тюрягу замаливать грехи.

Некоторое время, пытаюсь отворить дверь, я мучился с ментальными формулами. Все было напрасно. Без помощи нанявшего меня попечителя здесь не обойтись, а связаться с ним я мог только через «Быстролетного».

Вот с какими мыслями вернулся я в свою камеру. Вверх Иуда поднимался веселее. Молча мы улеглись спать. Иуда отключился сразу, тут же принялся повизгивать и дергаться во сне. Я наградил его роскошным сном — пусть хотя бы видением озарит его свет райского уголка, именуемого Землей. Я провел его по нашим лесам, распахнул морскую ширь, дал возможность воочию полюбоваться голубыми небесами. Мне же в ту ночь приснился берег моря, покосившаяся изба, старуха, требовавшая у меня то новое корыто, то просторную избу, то столбовое дворянство, то царство. Каждый раз я был вынужден идти на берег и звать золотую рыбку. При этом сам я представал во сне то Гитлером, то Чарли Чаплиным.

Утром, после подъема спросил у Иуды.

— Что привиделось? Всю ночь ворочался.

Тот удивленно глянул на меня, почесал голову.

— Как это привиделось? Учитель, что может привидеться в часы ночного отдыха. Лег — отдыхай.

Теперь я с некоторым удивлением глянул на него.

Чего ради я старался?

Глава 3

Между тем сокамерники продолжали донимать меня просьбами рассказать что-нибудь дозволенное. Делать было нечего. На следующий день я поведал про Кощея Бессмертного, заключенного мамкой Моревной в темницу, где его подвесили на цепях, в полной темноте, без хлеба и питья. Скоро Кощей обессилел, стал прозрачным. Поведал о Иване-гарцуковом сыне, бездумно поддавшемся нечистому желанию и в нарушение приказа сунувшему ключ в запретную скважину. Заветную дверь тоже описал — металлическая, в рост поселянина плита, формой напоминает вытянутый круг. С горечью рассказал о том, как гарцуков сын напоил ключевой водой злодея, и тот воспрянул, порвал цепи и унес мамку Моревну в пещеру. На этом прервал рассказ, оставив продолжение на завтра. Не тут-то было — заключенные тут же в камере устроили дискуссию и скоро вынесли решение продолжать «немедля». Часовой для верности ткнул меня тупым концом копья в ребра. Правда, дали передохнуть, сами в это время занялись обсуждением услышанного, после которого единодушно пришли к выводу, что в этой сказке речь идет о Черном злыдне, превращающим добропорядочных поселян в неких

жутких тварей, отличающихся прозрачностью. Страж авторитетно подтвердил — точно, это про Черного гарцука.

С той поры зажили мы в камере весело, душа в душу. Сулла постоянно держался возле меня, расспросами не докучал, только иной раз вопросительно поглядывал в мою сторону — видно, ждал призыва. Пришел, мол, твой час, Иуда, ступай, служи истине! Я в свою очередь рассказывал товарищам по несчастью байки о нечистой силе, которую они тот час окрестили «прозрачной». Рассказывал об упырях, ведьмах, русалках, вилах, домовых, гномах, гобблинах, чудовищных орках, мелких, снующих тут и там абасах¹ (сноска: злые духи в якутском фольклоре) — одним словом, о тех таинственных сущностях, хранителем которых я являлся на далекой, отсюда невидимой Земле. После того, как нога у Этты перестала болеть, мне вышло заметное ослабление режима. Днем, когда узников гоняли в каменоломни, где ломали пласты известняка, ко мне стали приходиться из столичного поселения всякие болявые-корявые, увечные, хворые. Несли свои немощи, язвы, бельма, нарывы, грудные жабы, распухшие глотки, иссохшие руки и ноги. Со всеми надо было поговорить, всех утешить, кому в силах помочь — помогал. Пока лечебные снадобья были, спасал многих, потом как-то поклонился собравшейся толпе и заявил.

— Нечем больше лечить, поселяне. Травки нет, облатки кончились, — показал им свой пустой мешок, потом добавил. — И в руке сила исчезла. Не обессудьте.

Хворые молча почесались, повернулись и разбрелись кто куда. Вечером в камеру явились сам начальник

канцелярии с помощником. Первым делом помощник по имени Огуст вытряхнул содержимое моего мешка, пораскидал запасные сандалии, мыло, хламиду, нижнее белье, потом спросил.

— Где заначку прячешь?

Я растерялся.

Начальник канцелярии — густоперый, с заметным пушком на груди, средних лет губошлеп — пояснил.

— Если сам заболеешь, чем лечиться будешь?

Я непроизвольно развел руками, и тут же с досадой сообразил, что следовало почесаться.

— Где же здесь заначку спрячешь? Травы пахнут, их сушить надо, перетирать. Настаивать... Жуков варить, гаденышей засаливать, что-то перегонять. Где же здесь этим заниматься? Господин, за что меня здесь держат? Я стар и глуп. Какой от меня вред ковчегу? Отпустили бы меня на волю, а?..

Он не ответил, однако на следующий день меня освободили от ломки камня. Приказали — добудь траву, приготовь настой, облатки, чтобы добрые поселяне не жаловались.

Так я временно вышел на свободу. Первым делом познакомился с поселением, раскинувшимся на холмах возле замка. Поселение также, как и материк, именовалось Дирахом. Местные жители тоже называли себя дирахами.

Побродил по улицам столицы, заглянул по приказу начальника канцелярии в лавки здешних лекарей. Все они имели образование, у каждого был диплом, себя называли не иначе, как «специалистами». Беседуя, я выяснил, что все они имели верное представление о

морфологии и функциях внутренних органов, о составе крови, о живой клетке и ее строении, свободно оперировали такими понятиями как «микробы», «вирусы», «обмен веществ» или «метаболизм», однако вся их терапия основывалась исключительно на диетах, физических нагрузках и гомеопатии. Далее использования лечебных растений и попытки отыскать способы терапевтического воздействия на организм не распространялись. В их знаниях налицо были существеннейшие пробелы, особенно в области психиатрии. О рефлексах, условных и безусловных, о бессознательном и подсознании (это не одно и то же), об «эго», не говоря уже об «суперэго», об архетипах и либидо и всякой прочей атрибутике, описывающей внутренний мир разумного существа, они слыхом не слыхивали. Не имели понятия о гипнозе, хотя хордян без сомнения можно было отнести к внушаемой расе. При использовании самой упрощенной методики — заворачивающего посверкивающего предмета, маятника либо словесной формулы, — они практически поголовно впадали в сомнамбулическое состояние, однако заставить их, введенных в транс, исполнить какое-либо задание было совершенно невозможно. Они напрочь отключались от реальности, просто не слышали мой голос. Психика у них была в полном порядке, сон не нарушаемо крепок, неврозы считали «причудами и капризами», что, по-моему, свойственно всем варварским обществам.

Все равно их способность мгновенно отключаться внушала недоумение. Возможно, поэтому они практически не интересовались этими вопросами. Лозунг «Дашь ковчег!» имел у них не столько политический или

философский смысл, сколько медицинский. Одно только упоминание о ковчеге, о его сокрушающей мощи, о цели, к которой должен был стремиться каждый добрый поселянин, порой производило удивительное действие. Люди вставали и мчались на работу! В этом не было никакой показухи, лицемерного энтузиазма — хордянину, которому напоминали о его долге перед ковчегом, на самом деле становилось лучше, снимались боли, рассасывались недоброкачественные опухоли, восстанавливались функции внутренних органов.

Я сам был тому свидетель.

Когда же, поделился со мной один из местных лекарей, диагноз был неясен и не подпадал ни под одну из ранее описанных болезней, необходимо было тут же доложить о случившемся в замок и терпеливо ждать откровения. Если ковчег брал на себя бремя пророчества, в замке тут же выписывали рецепт и методику исцеления, которым лекарь должен был следовать неукоснительно. Бывали, правда, непоседы, пытавшиеся собственным умишком дойти до этой мудрости, но даже в случае успеха они первым делом отправлялись в темницу и там добровольно заявляли о найденном способе. В камере они ожидали приговор ковчega. В любом случае свои открытия они приносили в дар славным и какому-то третьему столбу.

Здесь в поселении я впервые увидел местные транспортные средства. Я назвал их мобиллями. Передвигались они с помощью электромоторов, питаемых малоразмерными аккумуляторами. Мобиллей было немного и раскатывали на них исключительно благородные и образованные, то есть, власть предержавшие.

Удивительно, что никто не знал, когда и где появилась подобные самодвижущиеся экипажи, кто их изобрел? На все вопросы следовал один и тот же ответ — это дар славных своему народу, и какая разница, где и когда подобное чудо техники досталось поселянам. Говоря об «откровениях», «дарах», дирахи ничуть не лукавили — они искренне считали, что всякое изобретение, устройство, новое лекарственное средство, способ развлечения, техническая новинка (электричество, например) посылались в награду за усердие, за неописуемый энтузиазм, которым простые поселяне проявляли в деле строительства ковчега. Вот еще загадка — конструкция любого мобиля была примитивнейшая: подвеска жесткая, лобовые и боковые стекла плоские, внутренняя отделка на уровне пещерного века, а шины — резиновые! С камерами, с автоматической подкачкой!..

Дороги, по крайней мере, те, которые попадались мне на Дирахе, были дрянные, так что ездили образованные и благородные небыстро, но с удобствами. Управлялся мобиль с помощью ручки, как электропоезд. Я как-то улучил мгновение и заглянул под капот. Так и есть — коробки передач у мобиля не было! Электромоторчик маленький, практически все пространство занимали батареи. Какова же в таком случае должна была быть их емкость, если, как утверждали местные, при самой усиленной эксплуатации аппарат мог месяц обходиться без подзарядки?! Для восстановления рабочего состояния батареи строго по графику грузили на баржи и сплавляли вниз по реке. На вопрос «куда именно», поселяне удивленно поглядывали на меня и

начинали чесаться. Только раз мне удалось услышать более-менее подробное объяснение.

Один из моих пациентов удивленно глянул на меня и почесал брюхо. О маршруте известно тому, кому это доверено знать, заявил он. Ему-то это зачем? Потом, правда, обмолвился, на местных заводах их точно не подзаряжают. Говорят, что везут на материк Дьори, к расположенным там «огнедышащим горам». Позднее я выяснил, что в порту батареи действительно перегружали на подводные лодки и отправляли на соседний материк.

Мой собеседник, впервые упомянувший о перевалке аккумуляторов, сообщил об этом походя, как о само собой разумеющемся предмете. Его вообще не интересовало, какие грузы и куда доставляются, откуда берется свет, что производят местные заводы. На все про все был готов один ответ — производят и везут то, что необходимо для постройки ковчега. Так же равнодушно относились губошлепы и к космическим перелетам, только в этом случае обязательно прибавляли, что всякий шаг к звездам — мера вынужденная, оборонительная. Подобные вопросы даже вопросами не считались, они вызывали разве что сочувственное почесывание, а то и насмешки — стыдно таких простых вещей не знать.

Другое дело, попытки выяснить, когда появилось то или иное усовершенствование, как давно был запущен первый космический корабль, с какого момента в столицу Дираха и на расположенные там заводы, начала поступать электроэнергия от построенной на самой крупной реке материка, упрятанной в недра горы, гид-

роцентрали. Поселяне отвечали и на эти вопросы, но они уже не веселились как малые дети незнанию чудилы-знахаря, а отвечали заученно, испытывая при этом граничащее с неприязнью раздражение.

Я сразу уловил, что, трогая подобные темы, балансирую на грани дозволенного и ставлю собеседников перед нелегким выбором — сразу бежать в замок и донести, что некий горец интересуется тем, о чем «недостойно размышлять», или забыть об этом разговоре в надежде, что все обойдется. В любом случае я знавал слабонервных, которые после встречи со мной, сломя голову бежали в замок, прорывались в канцелярию и требовали, чтобы их немедленно заключили под стражу до окончательного и беспристрастного выяснения обстоятельств дела. При этом вовсе не требовалось называть причину ареста — общим мнением было убеждение, что священный ковчег знает, кто в чем повинен и рано или поздно вынесет справедливый приговор.

Вот почему я очень осторожно касался этой темы. В голове не укладывалось, что самую важную «государственную» тайну на Хорде составляла история цивилизации. Вообще, происхождение того или иного предмета, явления, не исключая общественных институтов, сословий, властей — кто такие, например, славные (о третьем столбе я даже спрашивать не решался, это табу у меня еще вероятно со сталинских времен осталось) — являлось запретной темой, причем подобные запреты строжайше соблюдались как на официальном, так и на бытовом уровне.

Это был нонсенс — не знать своей истории! Население Хорда, отличавшееся детским простодушием и

звериной выносливостью, жило исключительно будущим — той минутой, когда раздастся трубный глас, и все они стройными рядами, в колоннах, возглавляемых знаменосцами, с лозунгами и плакатами, украшенные гирляндами цветов, в сопровождение пляшущих мамок поднимутся на борт священного ковчега и умчатся в уже измеренную славными даль, где их ждут стабилизация, мобиль на каждого жителя, соблазнительные райские мамки, свобода, равенство, братство. Хотя при этом каждый добрый поселанин неизменно подчеркивал, что как раз свобод, равенств и братств и на Хорде вполне достаточно. Для некоторых даже с избытком. С трудом мне удалось узнать, что этот намек касался прозрачных — это была то ли секта, то ли подпольная террористическая организация, то ли присланные Черным гарцуком выродки, которые вслух заявляли, что никакого ковчега не существует и в помине, что славные дурят поселян, пудрят им мозги. На самом деле спасение придет издалека, от звезд. Там обитают прародители всех поселян, там праотцы...

Назвать все это бредом, а всю планету исполинским сумасшедшим домом у меня язык не поворачивался. Даже имея в виду их неодобрительное отношение к звездам, которых они пугались, как малые дети, как собака палки, я не мог вообразить, чтобы вся раса поголовно вдруг свихнулась на идее спасения, воплощенной в ковчеге.

Между тем наступило время мерцания. Короткие звездные ночи, когда небо вдруг очищалось от туч, наводили на дирахов ужас. Истоки безумия всегда рацио-

нальны, и слабоумный от природы никогда не в состоянии вымучить конструкцию даже наипростейшего водопроводного крана. В этом смысле хордянам было не занимать сметки, практичности, трудолюбия; при всем том жила в душах губошлепов некая привлекательная, простодушная до идиотизма наивность. Они были любопытны, всякое доброе слово ловили на лету. На них грех было обижаться, и чем дальше, тем мучительнее становилось на сердце от мысли, что кто-то из славных осмелился пожечь их ядерным огнем. Но имел ли я, пришелец с далекой планеты, ответственный за чуждую поселянам расу, за папоротников цвет, за сохранение, пусть даже стесненное существование всякой прадедовской «нечисти» — домовых, леших, вил, русалок, банников, фавнов, дриад, фей, эльфов и прочих осколков прежних эпох, — имел ли я право за тридевять земель наставлять аборигенов на путь истинный? И в чем он заключался?

От меня требовалось «знание», но никак не «помощь».

Попечитель ждал от меня отыскания возможности незаметно проникнуть на борт ковчега, ведь именно там находилось хранилище всех известных хордянам артефактов. По крайней мере, он так утверждал. Вот что удивительно, попечителя — эту странную, неосязаемую сущность, воплощенную в облике древнего ящера — вовсе не интересовал вопрос, каким образом в руки поселян попали продукты высоких технологий, принадлежавшие давно сгинувшей цивилизации Ди, огрызками которой являлись и сам попечитель, и фламатер, и мой дружок, вернослужащий-койс. Однако чем дальше, тем

труднее мне было мириться с подобной недосказанностью, утаиванием фактов, которым злоупотреблял нанявший меня динозавр.

Я считал недоверие с его стороны усечением моих человеческих прав, ведь я до сих пор считал себя человеком, хранителем.

Я хотел звучать гордо!

Даже во сне, если все, что со мной случилось можно назвать сном. Мои руки с крючковатыми ноготочками просили работы, голова — мыслей. Мне очень хотелось разворошить это самое логово славных, прозрачных, благородных, как бы они не назывались, и пошуровать там, в гуще «великих» и «надменных», чтобы они, как тараканы, прыснули в разные стороны, обнажив при этом свою подлинную суть. Это желание было нестерпимо. Я чувствовал, что наступил тот самый момент, когда пора сесть и задуматься — стоит ли воплощать мечту в жизнь? Или легче и полезнее для здоровья забыть о ней? Может, мне необходимо стать губошлепом не только по плоти, но и по мыслям, ощутить их заботы, как свои собственные — только тогда «знание» может обернуться «силой».

Это был банальный, подсказанный моим прошлым ответ, но мог ли я доверять своему «прошлому»?

Что у меня оставалось человеческого?

Способность размышлять? Этого слишком мало. Я много повидал и теперь знаю наверняка: «мыслить» далеко не всегда означает «существовать».

Ощущения?

Мне вполне могли состряпать их в какой-нибудь виртуальной форме.

Убеждения?

Чьи? Губошлепа?.. Их стремление соорудить ковчег оставляло меня равнодушным. Я уверен, что эта idee fixe являлась очередным историческим заскоком, некоей надуманной игрой-обязаловкой. С подобным времяпровождением я был хорошо знаком на Земле.

Любовь к ближнему, к свободе, сострадание, неприятие насилия и прочие добродетели?

Да, это было серьезно. Это не давало покоя. С другой стороны, мне хватало соображалки понять, что сострадать абстрактно, наблюдая со стороны, худшая форма лицемерия. Мне следовало заняться делом, но интересно, чем я мог бы заняться на этой дерьмовой планете, если не считать навязанной мне миссии? Что я знал об этих странных особях? К кому мог пристроиться, чтобы в пути соприкоснуться душами?

Когда я вспоминал о соитии с местными красотками, которых содержали в отдельных от мужиков бараках, меня начинало подташнивать. Нас выпускали по субботам, и губошлепы галопом мчались на площадку совокуплений. Там под приглядом воспитателей все и свершалось. Вспомнив ужас и отвращение, которое я испытывал к подобным кровосмесительным упражнениям, я между тем страдал от желания, истекая ночами густоватой, желтой спермой. Эти испражнения приводили меня в отчаяние, сердце страдало, я никак не мог найти себе места на набитом местным сеном матрасе.

Должен ли я был избавиться от этих желаний или, потеряв голову, отдаться им?

Что еще в существе, именуемом Роото, было моим, человеческим?..

Разве что сны? В те дни они особенно настойчиво преследовали меня. Это были долгие, мучительно яркие сновидения, порой раскрашенные, порой черно-белые. Порой бессвязные, порой изматывающе кошмарные, порой идиотски мудреные, часто повторяющиеся, прораставшие из той полузабытой реальности, называемой «детством», «юностью», «зрелым возрастом». Эти ночные видения знакомы большинству моих соплеменников на Земле. Сны наваливались гурьбой, реже в одиночку. Я не мог понять, как им удалось сохраниться в хордянском обличьи. Одно было ясно — сны были подлинными, без подмеса, без навязывания чужой воли. Любой, самый заковыристый бред до самой последней картинки принадлежал мне и только мне, как, например, много раз повторяющееся видение, что я — тот самый старик, закинувший невод и вытащивший золотую рыбку. То ли Гитлер, то ли Чарли Чаплин. То один, то другой швырял сеть в «пучину морскую». Мне мерещились лица жены и детей, и это были лица моей жены и моих детей. Часто повторялся один и тот же сюжет, как я без пропуска оказываюсь на заводе, где когда-то работал, и маюсь, как же мне выбраться с территории почтового ящика. Сколько было погонь, полетов, темных улиц родного Снова.

Порой меня посещали на удивление экзотические видения. В минуты беспробудной дремы меня порой заносило в самые таинственные края, будто я очутился на далекой планете, где осуществляются мои самые заветные желания. Это были какие-то странные, искажен-

ные подсказками земных фантастов миры, и все равно этот бред был моим, до последней детальки, до замирания губошлепного сердца. Это был факт, с ним можно было считаться.

Однако ни разу мне не привиделся Хорд!

Наконец я получил разрешение покинуть столицу и уже на следующее утро в сопровождении Суллы отправился в горы на поиски лечебных трав. Знакомым трактом, по которому меня в веревках когда-то привели в Дирах, мы двинулись к посверкивающим вдали округлым, местами поросшим пальмовыми лесами сопкам.

Я вновь оказался на воле.

Дневной срок в ту пору выдался на удивление тусклым, отчего на душе было легко и весело. Сквозь плотную радужную завесь облаков огромным багровым пятном смутно проглядывал Даурис. Время от времени на фоне туч серебристым колющим пятнышком пробегал Таврис. Стоило ему ослепительно глянуть в разрыв между тучами, вся округа сразу замирала, ощетинивалась тенями. Как только шустрое крохотное светило исчезало, местность тотчас оживала, начинала искриться, переливаться, звучать. Вспархивали пичуги, заводили трели в колючем кустарнике и пальмовых рощах. Высоко в небе появлялись могучие птицы. Едва пошевеливая крыльями, они подолгу висели на одном месте, зорко высматривали добычу в наполненных переливчатым свечением распадках, потом неожиданно, с клекотом, падали на землю. Еще через мгновение взмывали с трепыхавшейся в когтях добычей.

Скоро мы добрались до развилки, до камня-указателя. Здесь посидели, перекусили, попили воды из ручья, потом разбрелись в разные стороны, договорившись встретиться, когда каждый наберет по корзине цветков, стеблей и корешков. Что искать, я заранее объяснил Иуде. Он всегда был понятливым учеником. Я проводил его взглядом, его штопанная перештопанная одежонка еще долго посвечивала на пути, ведущем к ртутным шахтам. Сам же я направился в лощину и по все более суживающемуся ложу начал подниматься к развалинам.

Добравшись до подножия отвесной скалы, я встал напротив громадного плоского камня, вскинул руки и воскликнул.

— Сим-сим, откройся!

Когда камень откатился в сторону, земля под ногами дрогнула, и на свет выплыл густо-черный, до подобия абсолютного мрака, аппарат. Он напоминал линзу с поверхностями разной кривизны, с нелепо разбросанными по корпусу выпуклостями. Некоторое время аппарат лежал, нежась под целительным теплом, потом обнажился овальный лаз. Я опрометью бросился к нему, влез внутрь. В лицо ударил густой аромат скошенного сена. Потом потянулась струйка грибного запаха. Знаете, когда срежешь белый, а он чистенький, свежий, увесистый. Поднесешь красавца к носу...

До слез прошибло.

В рубке сначала было темно, затем обширный участок — более половины диаметра внутренней обшивки — прояснился, и радужный наружный свет залил расширившийся внутренний объем. Передо мной откры-

лось то же пустое нутро, украшенное россыпями бриллиантов, та же игра-мерцание огоньков на сохранившей форму внутреннего помещения части рубки, та же китайская роза, уцепившееся корешками за металлокерамическую плоть вернослужащего. «Быстролетный» обзавелся домашним цветком во время пребывания на Земле — его подарила инопланетному гостю наша хранительница земных растений Каллиопа. За это время роза заметно похорошела, обветвилась, густо украсилась цветами.

Я приблизился, погладил лист, другой, понюхал алые лепестки. Говорят, что китайская роза не пахнет. Враки! Она распространяла нестерпимо густой аромат родины.

— Привет, Серый, — в рубке раздался знакомый, с гнусавинкой шепоток.

— Здорово, старик. Как ты тут? Отлежался, жирку поднакопил? Вернослужащий спит, а служба идет? Где попечитель?

Аппарат ответил не сразу. Только после некоторой паузы вновь послышался тихий, с долей горечи голос.

— Занимается зачисткой территории. Где-то там... Неужто ты, Серый, полагаешь, что эта мерзкая планетенка его единственная забота?

Я немного растерялся.

— Полагал, что да.

— Зря. У него таких Хордов, что пылинок на ноге. Что там у тебя?

— Есть проблемы. Прежде всего, необходимы лекарства. Придется тебе отжать соки из трав, что я собрал. Узнал что-нибудь новенькое?

— Так, огрызки... Из радиоперехватов.

— Существенное есть?

— Как сказать... Они шифруют весь объем передаваемой информации, вплоть до поставок сельхозпродукции. Причем порой такие алгоритмы загибают, что приходится возиться с каждым ключом, с каждой подстановкой, — он опять помолчал, затем прежним гнусавым голосом принялся докладывать. — Властные структуры на Хорде делятся на последовательные уровни, напроць оторванные друг от друга. Руководителю любого ранга известен только его начальник и коллеги, с которыми он взаимодействует и общается по горизонтали. Всякое высшее руководство по отношению к нижестоящим органам анонимно. Все от кого-то хоронят, чего-то опасаются — одним словом, полный дурдом. Управленческая вертикаль строится сведущим образом: на каждой материке есть свой губернатор или гарцук, который пожизненно входит в Верховный совет и обладает правом решающего голоса. Кроме руководителей местных администраций в Верховном совете есть и фракция славных. Это что-то вроде высшей расы, орден посвященных. Возглавляет его некто...

— Третий столб! — перебил я его.

— Не Третий столб, а Третий Столп-победитель!.. Вовсе не он руководит славными, а некие Осветители тьмы. Эти Осветители входят в руководство Государственного совета, который является совещательным органом при Столпе-победителе.

— М-да, скудно, — откликнулся я и после короткой паузы добавил. — Неужели это все, что ты успел на-

рыть? Это тебе не Земля. У нас вы жирели от обилия информации, а здесь, как я погляжу, ребята тертые.

— Скорее, битые, — не удержался «Быстролетный». — А за одного битого двух небитых дают.

— Это точно. Интересно, — спросил я, — кто же их так уму-разуму научил, что они свое прошлое напрочь забыли? Вот еще удивительный факт, земляки всегда обожествляли небо, поклонялись Солнцу, Луне, звездам, а этим поселянам становится буквально не по себе, когда ночной небосвод освобождается от туч. Словно именно из звездных далей жители Хорда ждут беды и с этой целью возводят какой-то ковчег, способный защитить их звездных агрессоров. Причем, это постоянное ощущение угрозы сложилось в некую упрощенную, позитивистскую систему, напоминающую точное знание, а по существу приходится иметь дело с тем же набором мифов, только как бы вывернутых наизнанку. Упакованных, так сказать, в рационалистическую обертку.

— В каком смысле вывернутых наизнанку? Ты давай рассказывай, не стесняйся. Попечитель передал, чтобы ты представил подробный отчет.

— Вот послушай, очень занятный случай!.. Мифология Хорда берет начало не в прошлом, а в будущем. То, что происходило давным-давно, несущественно, оно как бы умерло в тот самый момент, когда свершилось. Все — и хорошее, и плохое — имеет начало где-то в ожидаемом грядущем.

— Что-то похожее на всенародную подготовку к концу света?

— То-то и оно, что нет! Безусловно, мысль о возможном крушении Хорда присутствует постоянно, это как бы само собой разумеющееся обстоятельство, вызов тьмы, однако они вовсе не замыкаются на мировой катастрофе. Я не стал бы называть их пессимистами. Они с головой ушли в строительство ковчега, уперлись в эту идею и веруют!.. Понимаешь, не в таинственное существо любого порядка, будь то камень, идол, богочеловек, не в воплощение неких идеальных представлений о добре и зле, не в истину, но в некое механическое, сотворенное собственными руками устройство. Интересно, что представляет из себя этот ковчег? Тебе, дружище, когда-нибудь приходилось иметь дело с подобной оболочкой?

Койс неожиданно заерзал на грунте. Из-под его днища посыпались камни, покатались вниз по склону, увлекли за собой осыпь. Я невольно проследил за камнепадом — в полете, обрушиваясь с обрыва в горное озеро, камешки слились в неразрывный поток искрящихся самоцветов. Струйки рубинов, изумрудов, опалов мешались с росчерками бирюзы. Как только поверхность озера успокоилась, на ней вновь засверкала россыпь золотистых, с медовым отливом блесток.

— Что такое ковчег? — переспросил вернослужащий потом ответил. — Боевой планетоид.

Я поперхнулся.

— То есть, как боевой планетоид?

— Что же здесь непонятного? Смотрел «Звездные войны»? Вот и эти что-то подобное громоздят. Выбрали в поясе астероидов одну из малых планет величиной с вашу Луну, выедают нутро и возводят что-то вроде ук-

репрайона космических масштабов. Свозят туда все непонятные предметы, какие находят на Хорде. Там же монтируют приводную станцию. Весь Хорд работает на сборку и оборудование этого монстра. Это и есть ответ, который губошлепы готовят тем, кто посмеет прийти со звезд.

Некоторое время я обдумывал его слова. Что-то смущало меня в его ответе, но что, я не мог понять. Затем поинтересовался.

— Кто же их так напугал?

Собеседник не ответил, правда, неожиданно, совсем по-человечьи, вздохнул. Потом прочистил горло. Затрепетали листочки на розе, несколько раз размеренно, вверх-вниз, качнулся самый крупный распустившийся бутон.

— Уж не мудрые ли ди? — уточнил я. — Уж не они ли соорудили подземелье под замком?

Мне никто не ответил. Наконец койс вздохнул. В его голосе послышалось сожаление.

— Ты опять-таки ничего не понял.

Я потребовал.

— Выкладывай, что здесь творится!? Кто такие, эти губошлепы? Зачем меня отправили на эту планету, если местонахождение ковчега известно? Что хочет от меня попечитель?

— Какой шустрый! Ты что, Серый, с неба свалился? Кто когда из повелителей, попечителей, президентов, координаторов, председателей, генеральных секретарей, мать их так, делился с вернослужащими своими планами? Совсем опростился на этой загаженной планетке?

Я некоторое время молчал, тупо глядел на окружающие горы.

«Быстролетный» подал голос.

— Ты здесь не первый. Мы с попечителем сначала как обычно сами взялись за очистку территории. Попытались, как бы поделикатнее выразиться помочь местным избавиться от всяких артефактов, который они свозят на этот самый ковчег. От груза прошлого, так сказать. В основном, это оружие и всякие прочие смертоносные штучки-дрючки. Действовали негласно — перехватывали транспорты, прочесывали материки.

Не тут-то было!

Они все попрятали. Наследнички!..

— Ты хочешь сказать, что хордяне...

— Да. Только мое командование не имело к этому никакого отношения. Это дело рук архонтов. Это их дьявольских рук дело! Это их подземелья! Это они понастроили здесь рудники, ртутные шахты, наладили сбор водорослей, развернули исследования...

— И по ходу занялись изготовлением тысяч?.. — я не договорил.

Язык не повернулся.

— Тысяч!.. — хмыкнул вернослужащий. — Миллионов не хочешь. Дело было поставлено на поток. Что с них взять, с архонтов? Они полагали, что здесь, на краю Галактики, самое удобное место для создания тыловой производственной базы, опираясь на которую можно будет продолжать борьбу с моими создателями, вернослужащими ди. Когда же эти злыдни потерпели сокрушительное поражение в гражданской войне, Хорд оказался брошенным на произвол судьбы. Архонтов

убивали везде, где только могли отыскать. Решили в зародыше уничтожить злое семя, чтобы вселенная расцветала и наполнялась разумом. Говорят, резня была еще та! Море крови! Не до губошлепов было... Кроме того, сам проект был так ловко засекречен, проходил с особым грифом — это означает, что попутно была проведена крупномасштабная отвлекающая операция, — что победители не сразу разобрались, с чем имеют дело. Какая-то рядовая научно-исследовательская тема. Потом документация затерялась, а еще через несколько тысяч лет уже никто не мог вспомнить о брошенных здесь биокопиях. Так, по крайней мере, попечитель мне объяснил... Этим, местным, самим пришлось приспособливаться к новым условиям.

— Почему же попечитель ни словом не заикнулся?!

— Зачем ему делиться с тобой, представителем варварской цивилизации, замыслом Творцов?! Он — попечитель!! Кто ты такой, чтобы объяснять!.. Ты хоть и повелитель, но из этих...

— Из низших.. — с некоторым даже сарказмом подсказал я ему.

— Ну, из низших, это слишком грубо. Скорее из недоразвитых.

— Спасибо.

— На здоровье!.. Как же можно-с! Это, знаете ли, нелепость!.. Полный беспредел!

Голос вернотружущего внезапно окреп, загустел, сменил тембр. В нем появились властные нотки.

— Обидно даже слышать. И что я должен был объяснять? Что все население планеты не более чем потомки приспособленных к воспроизводству биоробов —

биоинструментов, предназначенных для работы в промышленности, в сельском хозяйстве?! Кого-то натаскивали на управление транспортными средствами, кто-то имел генотип, восходящий к охранным структурам, кто-то был спроектирован как управленец...

— Что-то вроде кастовой системы организации общества?

— Да. Именно эту систему взяли за основу. Только вместо социальных барьеров, как, например, в древней Индии, местным особям заранее вкладывали в наследственные цепочки особые программы, обеспечивающие безукоризненное и безусловное выполнение того или иного вида деятельности. Были, конечно, встроены и некоторые страховочные механизмы, чтобы держать ситуацию под контролем...

— Какие?

— Они не способны видеть сны. В их сознания был встроены особый механизм, не позволяющий им запоминать сновидения. Тем более воспроизводить их в вербальной форме. Какие-то несвязанные, символические, иррациональные образы во время отдыха они, безусловно, видят — как же без картинок! — но проснуться в фазе быстрого сна, припомнить, что привиделось в часы отдыха, им не дано...

Я тупо уставился на экран. Окружавшие лощину цветастые, покрытые посверкивающей дерниной, пересыпанные россыпями искристых камней, горы потускнели. Даурис и Таврис скрылись за горизонтом, разбежались тучи, и передо мной открылось вмиг потемневшее, так похожее на наше, усыпанное милыми, робкими звездочками, небо.

Оно внушало ужас.

Космическая бездна наконец отверзла зев.

Я молчал долго, примеривался к откровениям, пытался свести концы с концами.

— Сон, конечно, важная штука... — продолжил тот же басок.

— Помолчи, а-а? — попросил я.

Мало того, что архонты искалечили живую плоть, они додумались лишить ее права на сон! Посягнули на один из самых могучих, двигающих эволюцию механизмов, которым природа наградила рефлектирующий комок нейронов?

Они подняли руку на дар Творца!?

На решающее свойство особи осознать себя разумным творением, а не прямоходящей тварью?! Они посмели запретить бред, кошмар, полеты во сне и наяву, виртуальное обладание любимой женщиной? Перекрыли канал творческого откровения, ведь сон и фантазия — брат и сестра. Это право до сих пор не отрицалось ни одним враждебным разуму извращением!.. У нас на Земле все животные и птицы видят сны. Кроме муравьеда!.. Кстати, почему эволюция обделила подобным даром это простодушное и неповоротливое животное, никто не может понять. Котята четыре пятых времени, проведенного во сне, видят чудесные картинки. Человеческий детеныш — чуть более половины суточного срока пребывает в волшебной стране, где много-много молока...

На душе стало гадко. Они подняли руку на способность Менделеева увидеть в забвении периодическую таблицу элементов, на видение Кекуле, с помощью ко-

того тот сумел проникнуть в тайну строения бензольного кольца? Они подняли руку на Тартини, сумевшего побеседовать во сне с самим дьяволом и услышать музыку небесных сфер?.. Как они посмели запретить Сократу видеть сны?! Наша история знает примеры, когда та или иная сила пыталась овладеть сновидениями, пыталась использовать их, вещать через них. За сны, бывало, сажали, но запретить!.. Отказать в праве на сладостное и мучительное забвение?..

Этот было страшное преступление, его нельзя прощать, я был убежден в этом.

— Что же случилось после того, как архонты сгинули? — наконец, спросил я.

— Когда архонты были вычеркнуты из списка предназначенных к исполнению Завета и ушли к судьбе, искусственные полудурки оказались один на один с чуждым и безжалостным миром. Это случилось давно, более сотни тысяч лет тому назад по земному исчислению. На Хорде этот срок исчисляется двадцатью тысячам сезонов. Биоробы сумели выкарабкаться, приспособиться... Как ни странно, наименее совершенные особи, день и ночь ковырявшиеся в земле, быстрее всего освоились в новых условиях.

— Ты имеешь в виду земледельцев?

— Да. В их среде начали стираться кастовые перегородки, затем тот же процесс пошел среди так называемых «путешествующих», «благородных», «образованных», «славных»...

Аппарат неожиданно примолк. Наступила тишина, долгая, нудная. Наконец тот же властный голос продолжил.

— Серый, давай взглянем на это дело спокойно, без суеты, без взаимных обвинений и без обид. Взвесим все за и против.

Я не выдержал, рассмеялся

— Наконец-то наш самый большой, самый умный, самый великодушный друг перестал играть в прятки. Красиво ли это, вещать голосом бесправного, потерявшего свой полк вернотружущего? Достойно ли попечителю скатываться до откровенной лжи?

— В чем же я солгал?

— В том, что находитесь далеко-далеко. Территории, так сказать, зачищаете.

— Так и есть. Здесь оставлена часть моей особы. Как бы иначе я смог обозревать весь объем доверенного мне пространства?

— Или захваченного?

— Нет, доверенного. Все, кончаем дискуссию! Тебе предложили работу, ты согласился, вот и займись делом.

Подведем итоги

Как уже было сказано, мы попытались сами устранить артефакты. Ничего не вышло — биоробы начали прятать от нас все, что им удалось откопать и произвести. Это полбеда. Хуже, что они использовали эти попытки для нагнетания паранойи. В любом случае без внутренних изменений, без перестройки идеалов, без внутренней потребности отказаться от необходимости дать отпор, не обойтись.

После паузы он добавил.

— Ты двигаешься в верном направлении. Держись того же курса. Помоги мне избавиться от артефактов,

оставленных архонтами, и, прежде всего, от их приводной станции. Но это только часть задачи. Об остальном поговорим позже. Ты верно решил — без помощников тебе не обойтись. Кстати, — в голосе незримого собеседника прозвучал нескрываемый интерес, — как тебе этот? Вон тащится по склону. Что это он весь искореженный? Щека сожжена...

Я бросил взгляд в сторону бредущего по распадку Иуду. Другими глазами я смотрел теперь на шагающую вверх по склону искалеченную по чьей-то злой воле тварь. Ну хорошо — существо, пусть даже теперь Сулла виделся мне системой искусственно собранных генов.

Хороша компашка! Перед кем швырял жемчуг!

— Это Сулла. Записался ко мне в ученики, просит называть его Иудой...

— Искаротским? — заинтересовался попечитель. -
— Объясни, Серый, что значит «искаротский».

— Родом из города Кириафа. Их, правда, было два, я не знаю точно, из какого именно Кириафа вышел Иуда. Возможно, из сохранившегося до наших дней Хеврона.

Попечитель звучно вздохнул.

— Все у вас, землян, приблизительно. Город Кириаф, а называется «Искаротский».

— Такова традиция. А что щека сожжена, так это его радиацией.

— Радиация — это пустяки, это минутное дело. Эти хвори мы враз подлечим. Зови его сюда.

Я вышел во входной шлюз, наполовину высунулся и помахал рукой жалкой, бредущей вверх по лощине биокопии.

Двигай, мол, в мою сторону.

Тот, как увидел меня, так и застыл на месте. Рот у него округлился, язык вывалился, он принялся отчаянно чесаться. Наконец Сулла одолел столбнячное состояние, повеселел, выпустил из рук корзину, полную стеблей травы, прижал руки к груди и бросился на мой зов. Отчаянно сопя, влез в шлюзовую камеру, проследовал в рубку. Сформированная койсом банкетка резво подбежала к нему, однако Иуда не рискнул усесться на сидение. Он рухнул на колени, прикрыл голову руками. Глаза его сияли... Я невольно поймал себя на мысли, что эти, из куриных окорочков, знают свое место. Неплохо их архонты выдрессировали. В конце концов, у этих, лишенных снов, тоже есть свои достоинства. Они двуруки, двуноги и не похожи на скорпионов.

Наконец Сулла поднял голову, спросил

— Это твой ковчег, учитель?

Я испытал что-то вроде смущения.

— В каком-то смысле...

«Быстролетный» возмущенно хмыкнул и вновь перзал на грунте. Тот же камнепад сверкающих самоцветов посыпался из-под его брюха. Следом на космический аппарат рухнул сорвавшийся с вершины обломок скалы. Койс крякнул, заходил ходуном, сполз ниже.

— Тихо лежать! — прикрикнул попечитель.

Удивительно, но, услышав чужой властный голос, Сулла даже глазом не моргнул. Сияющая улыбка не сходила с его пугающего уродством лица. Даже намек на испуг он не испытывал. Разве что время от времени с любопытством озирался по сторонам. Потом опять же

на карачках подполз к китайской розе и молитвенно, как я учил, сложил руки.

— Ковчег-спаситель, красота-то какая!.. — он с воодушевлением почесался. — Учитель, оно даже не светится. Оно само по себе зеленое и алое!.. Неисповедимы твои пути, учитель.

— Послушай, Иуда, — раздался голос попечителя. — Хочешь обрести прежнюю силу, долгую, здоровую молодость?

— Это чей будет голос-то? — деловито поинтересовался Иуда.

— Наставника, — ответил я. — Из древних!.. Существовал, когда и Хорда на свете не было, и Дауриса, и Тавриса. Он далеко отсюда живет. Среди звезд...

— Разве такое может быть? — здраво рассудил Иуда. — Он, случаем, не из прозрачных? Голос есть, а видимости нет.

Вопрос был не в бровь, а глаз! Я едва сумел скрыть злорадство. Пусть попечитель повертится.

— Нет, я не из прозрачных, — объяснил голос. — Просто нахожусь за тридевять земель отсюда. Здесь только часть меня...

— А-а, это как голограмма? Каждый ее кусок содержит весь объем информации. Мы это проходили.

Я рассмеялся, попечитель же потерял дар речи. «Быстролетный» тоже не удержался от хмыканья.

— Так как насчет существенного оздоровления организма? — напомнил попечитель. — За это тебе придется потрудиться в помощниках у Роото?

— Кто это? — удивился Иуда.

— Твой учитель.

— Но его звали Сууси.

— До воскресения его действительно звали Сууси, а теперь Роото. Что скажешь насчет исцеления?..

— Прости, наставник, но я и так служу учителю, и никакая награда мне не нужна. Раны мои и немощь моя — это от незнания. Был наказан за прежнее неведение, за насмешки, за то, что стянул у учителя нож для резки хлеба. Но как только учитель рассказал, какая суматоха на далекой Зеемле из-за этого ножа вышла, какой бедой все обернулось, сразу вернул. Вот, наставник, как порой бывает... Глянешь на себя, как в прозрачную чистую водицу, узришь отражение и на душе легче становится. Поверишь ли, когда-то я был смешлив, охоч до мамок, расторопен настолько, что не дай ковчег рядом со мной какую-либо вещицу оставить. Ручонки у меня были страсть какие шаловливые. Но жил я тогда в неведении, был глуп, и даже вроде как бы не жил, а тянул лямку. Являлся в шахту, махал кайлом — и все дела! Теперь же, после встречи с учителем, пусть я увечный, хилый, но светом истины я сыт и здоров. Я не желаю благоденствий, пусть даже от наставника, когда-то воспитавшего учителя, — они мне колом в горле встанут. Не хочу я и щедрот от древних. Побаиваюсь звезд, хотя Сууси, пусть даже Роото, не раз объяснял, что это просто раскаленные небесные тела, похожие на наши Даурис и Таврис, только расположенные очень далеко. Если надо будет, он сам меня оздоровит, только зачем меня оздоравливать? Я силен дальше некуда. Правдой силен, а не силой.

Он замолк, поднялся на ноги, поклонился и после недолгой паузы продолжил.

— Прости, учитель, но и с тобой я скоро расстанусь. С утра бродил по пригоркам, травы искал, в земле ковырялся, добывал целебные корешки и все, о чем размышлял в подземелье, само собой объяснилось. Ухожу я, учитель. Вот провожу тебя в замок, устрою на нарах, потом в путь.

— Как же с приказом сидеть в камере и не рыпаться? — спросил я.

— Да, — кивнул Иуда, — есть такое распоряжение. От властей земных исходящее... Но есть еще и ковчег, его призыв, и я сам вправе решать, как исполнить желание. Я его долго обдумывал. Тщательно... Даже учителю теперь не перебороть меня. Я послушен, но волю его желаю исполнить так, как сам это понимаю. Поселяне ждут меня, Петр, Андрей и Савл ждут меня, Левий Матвей и Муса ждут меня, Якуб и Варфоломей ждут меня, а я в камере прохлаждаюсь.

Я испытал шок. Это была первая биокопия, которая открыто заявила, что вправе не подчиняться приказам. Вот уж надумал, так надумал!.. Я не знал, куда деть руки, в губошлепной голове полная сумятица. Сказано — седи! А он в ответ — пойду я, учитель!..

— Куда же ты пойдешь, Иуда?

— Двинусь на материк Дьори. Поклонюсь Ковчегу небесному. Иисусу помолюсь, Мухаммеду поклонюсь, с Гаутамой посоветуюсь, стоит ли исполнять желанное? Помяну Иеремию и Исаяю и потопаю. Поищу Петра и Андрея, тоже, поди, не сидят сиднями, не прохлаждаются. Соберемся, помолимся... Скажем людям: «Братцы, где ковчег рукотворный? Пусть очертится в облачном небе! Пусть поделится с нами, что уже сотворено, а

что еще в проекте! Пусть подскажут, где навалиться, тогда мы все разом, дружно». А так, без правды, — он задумчиво почесался, — зачем трудиться, зачем вкалывать?

С этими словами он встал поклонился на четыре стороны и направился в сторону входного шлюза. С порога предупредил.

— Учитель, я снаружи подожду.

Мы долго молчали. На душе стало томительно-жутко и предощутительно.

Мы долго грудились в ночи и наконец край небосвода посветлел. Теперь оставалось только ждать, когда взойдет солнце. Наступит день, исполнится желание.

Это было сильное, искреннее чувство, оно окрылило меня. Легче стало на душе и у бесправного, лишённого пенсии, предков, будущих койсят, вернослужащего. Растерянно и звонко хмыкнул истерший зубы за немислимо долгую жизнь, все изведавший и все познавший, попечитель ди. Мне открылось в ту минуту, что не в первый раз он присутствует при рождение веры, прорыва к правде, к чуду, и всякий раз таинство рождения нового, высокого в помыслах, решившего переступить черту существа завораживало. Вот как оно случается? Просто, без лишних слов?.. У каждого из нас была своя заповедь, свой исход. Мы сошлись здесь четверо и скоро разбредемся, но мы успели соприкоснуться своими правдами, и это было хорошо.

Попечитель помалкивал несколько минут, должно быть, ошарашено размышлял над смыслом своих желаний, одолевавших его бесконечно долго, не менее нескольких миллионов лет — о том ли мечталось, того ли

жаждала душа? Туда ли стремился, если слово губошлепа оказалось способным всколыхнуть его незримую нейтринную плоть?

Наконец голос попечителя нарушил тишину.

— За металлическую дверь проникнуть не пытайся. «Быстролетный» все сам сделает. Тебе, Володя, надо бы на борт приводной станции архонтов попасть, добраться до ее центрального пульта управления. Не отвечает она мои запросы, таится.

— Как же насчет ковчега?

— Ковчег — производное. Главная опасность в приводной станции. Она и есть главный артефакт.

— Где же она находится?

— В междуцарствие Дауриса и Тавриса.

— Не понял.

— Скоро поймешь.

— Ну, а наградить их снами возможно?

— В принципе все, что создано руками, руками же может быть восстановлено. Химиотерапия, ментальные формулы, одним словом, подумаю... Только, Серый, не ужели ты всерьез хочешь наградить их снами?

— Да.

— Смелое решение. Конечно, вера и сон неразрывны, но все-таки... Ночные кошмары, бред, неотвязные страхи, бессонница...

Я промолчал, потом после паузы спросил.

— Значит, полагаешь, пришло время рискнуть? Встать и заявить — хватайте меня, славные! Вот он я!!

— Что-то в этом роде.

Глава 4

Вечером того же дня мы вернулись в замок. Стражи из дежурной смены уже заждались нас и начали грубовато подталкивать тупыми концами копий.

— Все гуляешь!? — ворчливо выругал меня один из них, по имени Туути (бородач, через которого мне пришлось переступить, чтобы добраться до входа в подземелье). — А тут с тоски помирай?

Затем он обратился к Иуде.

— Начнешь ты, плешивый, что-нибудь совершь про учителя, потом, после отбоя, сказки. И не вздумайте скукоту наводить! — он сунул нам под нос увесистый кулак. — Чтоб дух захватывало!

Мне нестерпимо захотелось осадить его, поставить на место. Ты кому, поганый роб, кулак посмел показать? Кому грозишь, выродок, лишенный снов? Природному homo sapiens, вершине мироздания, награжденному бессмертной душой, обладающему снами?.. Да я тебя!.. Этот простодушный и, по-видимому, до конца неистребимый расизм, вызвал у меня горькую усмешку. Менее всего Туути был похож на биомашину. Скорее на мастера заплечных дел. Кулаки у него были с местные арбузы, что росли на пальмах.

Сулла начал перед отбоем. Рассказал о блудном сыне. Камера провела обсуждение, правильно ли поступил отец, отдав предпочтение гуляке перед добросовестными работниками. Голоса разделились поровну. Затем апостол повел речь о граде земном, являвшимся отражением града Божьего. Связует их святой ковчег, который мы должны строить не только руками, но и

сердцем. Он — наш поводырь, наша надежда. Он — наш вестник и наш спаситель.

— Что есть наша жизнь? — спросил он, и сам себе с горечью ответил. — Виноградье приувялое...

Я втайне гордился Иудой, как если бы он был домашним котом или собакой, научившимися говорить. Было в этом что-то от варварства, от предрассудков, но что есть, то есть. Было лестно, что он сумел надежно соединить отдельные положения веры, превратить их в вероучение — последовательный, обоснованный рассказ о том, как жить, куда и с кем идти, что искать по дороге. Краеугольным камнем его религиозной системы являлась страстная вера, что жизнь не причуда, не игра, не совокупление перенасыщенных генами клеток, но дар, незримый, драгоценный. Согласие многих переменных. Что в ней есть смысл и таится он в спасении. Отыскать его — вот в чем заключено самое заветное желание всякой разумной особи без различия пола, принадлежности к той или иной планете, вере, без любых других душевных накруток и извращений, на которые так горазда разумная плоть. Только с земными низкими желаниями следует поступать так, как учат Благородные истины. Но помимо этих страстей есть еще мечта достичь нирваны, вот от нее никак нельзя избавляться, иначе гибель, слом души. Спасение — то есть обретение смысла — возможно и доступно, только для этого и следует возводить единый для всех ковчег. На его борту каждой твари будет уготовано место — не только поселянам, но и животным, птицам, которые в изобилии водились на Хорде, рыбам и редким страшным ящерам, обитавшим в местных океанах. Все они — за-

конные дети ковчега, ради них он и строился, ковчег. Для их спасения создавался, так что лицезреть его — это высшее счастье для каждого верующего, и никто не может лишить живую тварь права видеть его сияющий образ, триединый, исполненный святого духа. Не важно, наяву или во сне!

Так или не так, ребята?

Сразу после короткой проповеди Суллы, наступил мой черед.

Я уселся на краю нар, спустил ноги, глянул на свои сбитые, покрытые синюшным налетом подошвы, на желтые длинные коготочки, карябавшие каменные плиты на полу, — и начал.

— В некотором царстве-государстве, в горной местности, жил-был гарцук, и у этого гарцука был на дворе столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. Однажды во время ночного отдыха привиделось гарцуку, будто у золотого кольца конь привязан — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того он свою дочь отдаст и половину царства в придачу...

— Погоди, погоди, товарищ, — прервал меня главный инженер Тоот. — Развей сомнения. Как это у тебя получается: привиделось гарцуку во время ночного отдыха. Что может привидеться в этот отрезок суток? Это чушь!

— Почему же чушь?! — возмутился я.

— Потому что так не бывает, — терпеливо объяснил мне Тоот. — Дозволенное смыкание глаз — это от-

дых, это покой. Это — нерабочее состояние. Каждый поселянин спит по приказу славных, и ничего ему в такие минуты мерещиться не может, потому что распоряжения на это нет.

Я пожал плечами.

— Я же не быль рассказываю, а небылицу. Мало ли что во время отдыха может с поселянином случиться.

— Случиться может всякое, — заявил страж, присевший на порог, — а обмысливать всякую ерунду не моги. Лег, смыкай веки, отдыхай. Ты давай что-нибудь, — он повертел крючковатыми пальцами в воздухе, пошевелил коготочками, потом закончил, — что-нибудь замысловатое. Что б дух захватывало.

— Ладно, — кивнул я. — У вас так, у нас так... Только когда посетят вас во время ночного отдыха картинки, не жалуйтесь. Не проситесь назад, в дикость. Ладно, мне продолжать или лучше Роовертов послушаем, как они с мамками под ручку прогуливались?

— Не-е, давай свою небылицу, только без нарушения состояния покоя, а то даже жутко как-то стало, — попросил Этта и поежился. — Это надо же, прозрачный тебя побери, во сне увидал!..

Его передернуло, он принялся усиленно чесаться под мышками. Все, кто находился в камере, тоже начали чесаться.

Провокатор подхватил.

— Ври дальше, старик! Чего их слушать, прихвостней! Опять наврут с три короба.

Рооверты было возмутились, бросились в драку, но их быстро успокоили. Поселяне теснее придвинулись ко мне.

— Послушайте, братцы, что сказывают пересказывают. Рассказчик не прибавляет, слышавший не забывает; что услышал, то и передал, и если не ложь в моих словах, то уж, конечно, правда. Помню, в детстве дедушка Змей Огненный Волк рассказывал историю о летучем корабле.

На этот раз собравшиеся в камере люди онемели.

— Погоди, погоди, — нарушил молчание провокатор. — Ты, старый пень, соображаешь, что говоришь? Это какой такой летучий корабль? Ковчег, что ли?..

Между тем оба Роверта, так и не снявшие на ночь расшитые халаты, засуетились.

— Не спеши, старик, надо старших предупредить... Начальника канцелярии.

— Вы зачем не в свое дело лезете? — возмутился провокатор. — Это я должен власти оповестить!

— Ты сиди и помалкивай, ухажер! — пригрозили ему слуги из замка и, подобрав полы халатов, помчались к двери. Там они обернулись и предупредили присутствующих.

— Без нас не начинайте. Мы скоренько.

Действительно, не прошло и пяти минут, как в подвал набилась порядочная толпа — все из obsługi, дежурные из канцелярии, начальство, сам гарцук с дочкой на поводке. Губошлепка была молоденькая, чистенькая личиком, с длинными уложенными в подобие птичьего хвоста перьями-волосами.

— Можно начинать? — спросил я.

— Давай, старик, — махнул рукой начальник канцелярии.

— Жили-были в горах старик со старухой и было у них три сына — двое старших умные, а третий дурак. Первых мамка любила, чисто одевала, а последний за- всегда был одет худо — в черном халате ходил. Пришла в такой-то год от местного гарцука бумага: «Кто построит такой корабль, который сможет летать, тому можно будет с дочерью гарцуковой пару раз пройтись до кустов густых, до подстилок мягких»...

— В каком году эта бумага вышла? — поинтересовался начальник канцелярии. — С каким грифом ее распространяли?

— Не перебивайте! — раздался голос гарцука. — Пусть плетет дальше... Что ты там, старик, о дочке гарцуковой наврал?

— Из сказки, ваше благородие, слова не выбро- сишь, — вздохнул я. — Как слышал, так и говорю, и если не ложь в моих словах, то воистину правда. А за ску- дость умишка прошу прощенья и вашего благоволе- нья... Старшие братья решили счастье попробовать, мамка снарядила их дорогу, надавала белых пирогов, разного мясного да фляжку самогонки вручила и выпроводила...

Младшему сыну, как известно любому землянину, достались объедки и вода холодная, и если бы не ста- рец, встретивший его на дороге, никогда бы не прой- тись ему с гарцуковой дочерью до подстилок мягких.

Приказ гарцука — закон для подчиненных. До са- мого конца никто не посмел меня перебить, разве что, когда забрел дурень за семь гор, за семь рек и наткнул- ся на холм чудной — верхушка срезана, а сверху что-то вроде колпака надвинуто; когда поскользнувшись поле-

тел в яму и угодил в самые недра летучего корабля, — все ахнули. Гарцукова дочь со страху прижалась к отцу. Тот погладил ее по голове, поправил ошейник.

— Словно в преисподнюю попал дурень: ни зги не видать, ни шороха не слышать, только вдруг со всех сторон огоньки забегали и чей-то голос спросил: «С чем пожаловал, добрый молодец? Дело пытаешь или от дела лытаешь?» Тот объяснил, что вышел приказ от местного великого гарцука всей молодежи попробовать свои силы и соорудить такой корабль, который смог бы по небу летать.

Ответил голос: «Нашел ты, добрый молодец, что искал. Я и есть тот летучий корабль, только крылья у меня помяты. Был у меня бой кровавый с Черным гарцуком, теперь лежу здесь, от ран помираю. Ты меня накорми, напои, тогда и я тебе добрую службу сослужу. Только когда урок исполню, отпусти ты меня на все четыре стороны, полечу я на родину, где мой дом, где мои друзья».

На том и по рукам ударили.

Напоил дурень корабль ключевой водой, накормил досыта — тот и воспрянул. Был черным яйцом, а обернулся грозным гарцуком. Да не простым, а крылатым. Драконом называется... Взгромоздился дурень на спину дракона и помчались они во дворец. По пути всех встречных поперечных с собой забирали — и объедалу, и опивалу, и вострослухого, и всезрячего, и морозилу, и стрелка-бью без промаха. Набрали целое войско великой силы. В тую пору леса и степи, горы и долины на Хорде, были полны хранителями. Все они за тот или иной участок, за тот или иной промысел, за тот или

иной обряд несли ответственность. За то люди им поклонялись, несли убитых животных, пели песни...

Наступила тишина. Все слушатели рты пораскрывали, гарцук переглянулся с начальником канцелярии, и тот тихо и внушительно посоветовал.

— Ты, старик, ври-ври, да не завирайся! Не было этой пакости на Хорде. Мы, поселяне, его единственные владельцы и исконные обитатели. Ну, разве что звери и птицы. Никаких хранителей, тайных сил! Вот этой установки и держись и не сочиняй, чего не было!..

Я поклонился и перешел сразу к прыжкам, когда после третьего скачка дракона поцеловал дурень гарцукову дочь. Пришлось выполнить ему и ряд особенно трудных обязательных испытаний: сдать зачеты в канцелярии на должность младшего писца, в баньке помыться, которую сорок дней и ночей растапливали, добыть живой воды... Наконец пришел дракон к дурню — тот уже в гарцуковом доме сидит, дочь гарцукова подле него на привязи пристроилась, и так все ладком да рядом, что сердце радуется. Отпросился летучий корабль, взвился в небо и был таков.

Когда я закончил, присутствующие сразу начали расходиться. Никто словом друг с другом не перемолвился — слуги тихонько разобрали стулья. В камере остались одни заключенные. В этот момент раздался сигнал отбоя, однако никто не обратил внимания на удар колокола. Дирахи-заключенные расселись вдоль стен на корточках, о чем-то размышляли, даже главный инженер помалкивал. Спустя несколько минут в камеру ворвался страж с бородой вокруг шеи — орать начал еще в коридоре: «Отбой! А ну, сучьи дети, яйца недо-

ношенные, мамок ваших так-разэтак, геть по нарам!» Все торопливо бросились исполнять предписанное, улеглись, затаились, кто-то даже всхрапнул, кое-кто для верности даже испортил воздух.

На следующий день меня отстранили от работы и приказали явиться в канцелярию. Окна служебного помещения, где мне приказали дожидаться допроса по делу о неприличном упоминании славного имени ковчега в одной из моих «побасенок», были расположены высоко и выходили на широкую равнину, покрытую пальмовым лесом.

Купы стеклянистых, саблевидных, посвечивающих в мутном, с бурыми оттенками, свете Дауриса и Тавриса, деревьев нависали над многоводной полногрудой рекой — из-за повышенной силы тяжести водная поверхность заметно прогибалась к берегам. Противоположный скат был высок, обрывист и местами изрезан песчаными осыпями и узкими промоинами. Чуть пониже поселения излучина реки огибала оглаженную тысячелетиями кручу. За ней до самых гор тянулась степь, изредка перебиваемая колками древесной растительности, редкими, обильными дичью пустошами. По впадинам в той стороне копились озерки — ярко и радужно поблескивали в свете двух солнц. Местность там была привольная, дикая... Плодородная целина, только паши и засевай. Однако заречье считалось запретным краем, по противоположному берегу бродили патрули, ловили всякого, кто осмеливался переправиться через реку. Таких было немало — на Дирахе переселение жи-

телей по распоряжению властей считалось самым обычным делом, и всегда в толпе поднимаемых с мест работяг находились такие, кто находил в себе силы нарушить приказ, уйти в степь, спрятаться там в каком-нибудь урочище и жить в ожидании трубного гласа, созывающего людей погрузиться в ковчег и отправиться на поиски другой, сытной и праведной земли. Что из того, что власти предупреждали беглых, что доступ на ковчег им будет перекрыт, что их оставят одних с разбушевавшимся Даурисом, с его жаждой мести, с неизвестными чудищами, пришедшими со звезд...

— Что, манит? — раздался голос за спиной.

Я повернулся, вытянулся по стойке «смирно». В комнате находился гарцук, за его широкой спиной, за обширными одеяниями, напоминавшими наряд араба-бедуина, хоронился начальник канцелярии. Он же считался помощником губернатора материка. Этот был в заталенном рабочем халате с большим вырезом на груди. На голове головной убор, напоминающий пилотку — та же форма пирожком, та же посадка набекрень, на лобной части кокарда — рисунок разобрать невозможно.

— В той стороне мои горы, — ответил я.

— Твои горы в противоположной стороне, — усмехнулся начальник Дираха, — и ты знаешь об этом.

— Никак нет, ваша милость не знаю.

— Не лги. Ты умеешь ориентироваться по звездам, по Даурису и Таврису. Зачем ты так часто смотришь на небо, старик? Что надеешься узреть?

Я поднял глаза к потолку

— Ковчег, ваша милость. Хотелось бы первым увидеть ковчег...

— Неужто? И не называй меня «ваша милость», зови просто «гарцук». У нас, на Хорде, запросто, без всякого чиновничества, но это так, к слову... Однако вернемся к ковчегу. Простой смертный не вправе требовать, чтобы ему воочию предъявили незаконченный замысел славных. Разве ты, старик, способен оценить проект, если не разбираешься в чертежах, если ты их никогда не видал? Разве твой разум способен объять все детали осуществляемой мечты? Разве у тебя достанет грамоты, чтобы вникнуть в его конструкцию, привести в действие, направить в нужное место?

— Нет, ваша милость...

— Я уже предупреждал, называй меня «гарцук». Я не намерен оказывать тебе милость, еретик.

— Да, гарцук, мне не дано проникнуть в тайну ковчега, я и не настаиваю, что смогу что-то понять в его божественном облике, в его сложнейшем устройстве. Я просто хочу взглянуть и разглядеть в нем ту малюсенькую детальку, увидеть ту капельку ртути, тот комочек урана, который я и подобные мне добыли в шахтах, на рудниках, на приисках. Хочу убедиться, что мы работали дружно, с толком, с расстановкой, что в сверкающем совершенством и мощью корабле есть и частица моего труда.

Наступила тишина, в ней отчетливо слышался щелчок, словно кто-то нажал клавишу.

— А что?.. — гарцук неожиданно почесался и обратился к начальнику канцелярии. — Излагает складно.

Почему бы и не взглянуть на ту частичку, к которой он приложил руки? Если, конечно, приложил...

Он опять задумался, а начальник канцелярии, молоджавый, крепкий с виду губошлеп с едучими, пронзительными глазками, подал голос.

— Все начинается с малого, начальник. Сначала только краем глаза взглянуть, потом пощупать детальку, которую якобы сам сработал, потом и на борт полезет.

Гарцук глянул в его сторону.

— Это уже наша забота, что б не сумел взобраться без приказа... — он вновь погрузился в размышление.

В этот момент начальник канцелярии неожиданно воскликнул.

— Эх, прокрутить бы его на интеллекторе, что он там за душой таит!

Я обмер. Это что за новость?

— Потом выбросить на свалку? — вопросом на вопрос ответил гарцук.

— Велика потеря... — скривился начальник канцелярии.

— Смысл? — спросил гарцук. — С помощью этой меры нам удастся отыскать возбудителя эпидемию? Взять ее под контроль? Что там у нас еще?

— Рассказано более двух десятков так называемых сказок, но все они по большей части безобидны, я бы выразился так — глупы и нелогичны. Например, упоминание о неких видениях, называемых снами, посетивших некоего гарцука во время ночного отдыха.

— Что за бред! — пожал плечами губернатор материка. — Какие-такие видения? Что за сны?

— Все эти выдумки по большей части безобидны. Согласно справки, присланной из канцелярии перуна, вреда от них никакого, однако оглашенная в последний раз история под названием «Летучий корабль» представляется скрытой агитацией в пользу прозрачных. Здесь рассказчик впервые позволил перевести повествование из информативно-развлекательного плана в указательный.

— Вот именно, — гарцук поднял палец.

Был он крючковат, с тонким узким чуть загнутым коготочком. Я в тот момент подумал — возможно, что местных разумных тварей произвели из птиц, потерявших способность летать, сбросивших перьевого покров?

Неожиданно гарцук обратился ко мне.

— Старик, как звать тебя? Полностью!

— Роотозгильдяйство, ваша ми... гарцук.

— Ты, говорят, знавал своего дедушку?

— Так точно, гарцук.

— Я смотрю, ты крепкий старик, Роото. Мамку хочешь? Ласковую, свеженькую?..

Я принялся лихорадочно чесаться под мышками. Драл кожу и постанывал, потом ответил.

— Никак нет, гарцук. Мне бы на ковчег глазком...

— Что вы все заладили одно и то же! Где я его выкопаю, если до него отсюда лететь и лететь.

Он употребил глагол, означающий «одолевать безатмосферное пространство».

— Значит, говоришь, по ночам по мамке не сохнешь?

— Сохнуть-то сохну, только в горах у меня есть мамка. Дедушка сказал, что если есть мамка, другую не надо.

— А как же дружок твой, мил человек, проповедует — если нельзя, а очень хочется, то можно?

— Не дружок он мне, а слова его следует обдумать. Спешить некуда, мамки все равно нет.

Я с удовольствием почесал ногу об ногу.

— Ладно, «Летучий корабль» мы спишем на архаику и бесконтрольность развития отдельных областей, но, старик, — обратился ко мне начальник области, — как объяснить тот факт, что никому неведомый странник, якобы проживавший с дедушкой и своей мамкой где-то в горах, настойчиво пытается проникнуть в важную государственную тайну?

— Упаси ковчег, начальник! — испугался я. Неужели до них дошло, что более всего меня интересует на Хорде? — Зачем мне это надо? Зачем мне тайны? Чтобы до конца своей жизни не вылезать из тюрьги?

— Не прикидывайся дураком, Роото, — гарцук погрозил мне пальцем. — Включи свою природную сметку, будь настороже, соображай, что к чему. Мы проверили твою подноготную от и до. Верно, ты спустился с гор, там тебя до сих пор помнят. Подтвердили, что ты — знахарь высшей квалификации. Далекое не глуп, много знаешь, имеешь университет за плечами... Это говорит в твою пользу. Мы сначала решили, что эти ухари с материка Дьори подослали тебя с неким заданием. Их коварство известно. Мы долго держались этой версии, пока не получили твердое подтверждение, что живешь ты на свой страх и риск — что само по себе плохо, — по

собственному разумению участвуешь в сооружении ковчега — что хорошо, — и никакого отношения к канцелярии гарцука Дьори не имеешь. Это на время спасло тебя от интеллектора. Кроме того, размышляя над возможным, выданным тебе заданием, мы пришли к выводу, что если кто-то решил выкинуть шутку со своими верными поселянами, почему бы и нам в свою очередь не сыграть подобную шутку с нашими друзьями с Дьори. Мы обратились к нашему перуну, он в целом одобрил предложение, потребовал уточнить время и место. И в такой момент ты, Роото, выбалтываешь секретнейшие сведения в подвластном Даурису-Таврису мире.

— Помилуй меня, ковчег! — воскликнул я. — Что я выболтал? Это же сказка, побасенка, так, слова...

— Сказка ложь, да в ней намек, — хмуро глянул в мою сторону начальник канцелярии. — Так нас учили в университете.

— Ваши милости, прошу вашей милости! — взвыл я и принялся отчаянно почесывать ногу. — Объясните мне, несчастному, что я такое знаю, о чем сам не догадываюсь?

— Где ты слышал сказку про стрельца-поселянина? Я растерялся.

— От дедушки.

— А он от кого?

— Не знаю, ваша милость! Наверное, от своего дедушки, а может от мамки-бабушки.

— Хорошо, — кивнул начальник области и подозрительно глянул на меня, — объясни, почему твой Наум, Сааура-слуга вдруг стал невидим? На что, ты, подлая твоя душонка, намекаешь? Что позволяешь себе?!

Я отчаянно потряс головой, почесался и воскликнул.

— Разложите меня на пять стихий, не понимаю, в чем моя вина?

— Хвала ковчегу, что не понимаешь, а то болтаться тебе на пальме вверх ногами. Но это не снимает с тебя вины. Государственное преступление налицо, наказание должно последовать незамедлительно. У тебя есть только одна возможность получить спасение. И в этом случае не рассчитывай на помощь ковчега. Тебе самому придется послужить родному Дираху не за страх, а за совесть. Если согласишься, мы смирим гнев славных. Если заартачишься, пеняй на себя!

Я не ответил.

Наступила тишина.

Поверьте, ни гарцук, ни начальник канцелярии не испытывали и тени сомнения по поводу моего согласия. Выхода у меня не было, это точно. Интересно, чем же это я мог прогневить славных, упоминая в сказке о невидимом слуге, вездесущем и все умеющем, до конца привязанном к хозяину, который угостил его, обратился с ласковым словом. Ласковые слова здесь были ни при чем — это я уяснил сразу. Передо мной сидели ловкие ребята, поднаторевшие в интригах и подковерной борьбе, так любовно прижившихся на этой несуразной, пропитанной настроениями неизбежной и скорой катастрофы планете. Неважно, с чем была связана беда: со взрывом опухшего, гибнущего под бременем своей плоти Дауриса или с новым пришествием архонтов. С другой стороны, где их не было, этих интриг? Почему Хорд должен был стать исключением? Жаль, что я не

мог проникнуть в суть тайны. Не мог понять, о каком задании толковал гарцук. К своему удивлению, я вдруг обнаружил, что и гарцук, и начальник канцелярии знакомы с кое-какими приемами ментальной защиты. Я не мог проникнуть в их мысли. И все эти разговоры о звездах... Они вконец смутили меня. Я не мог не задуматься, является ли для них тайной мое перевоплощение?

Я чувствовал, они что-то не договаривают — и гарцук, и начальник канцелярии. Такое положение меня никак не устраивало. Мне требовалась ясность. Я так и заявил гарцуку. Он одобрительно посмотрел на меня, кивнул напыленной головой. Сбоку красовался ровный, перышко к перышку, пробор.

— Слушай, Роото, почему бы тебе не познакомить со своими сказками жителей Дьори. Они вполне достойные поселяне, возможно, им тоже понравится твое вранье, но самое главное, пусть они послушают чушь, которую несет мил человек насчет права каждого поселянина узреть ковчег.

— Великий гарцук, разве можно назвать чушью неистребимое желание поселян воочию убедиться, что ковчег прибывает в объеме, увеличивается в весе. Что сказка на глазах оборачивается былью?

Гарцук почесался, а начальник канцелярии подошел ближе и, взяв меня за шиворот, рявкнул.

— Ты что несешь, старик? В одиночку захотел?! На хлеб и воду?.. Ты зачем пытался проникнуть в подземелье замка? Что искал там, в темноте? Тебе не было страшно?! Ты знал, куда идешь?!!

Он склонился надо мной. В момент его лицо исказилось от ненависти — он стал страшен, брызгал слю-

ной. Неожиданно, не выпуская клочок моей хламиды, который сгреб возле воротника, начальник канцелярии потащил меня к стене. Здесь отдернул занавес, и ткнул меня носом в ослепительной белизны экран. Квадрат был с меня ростом и вширь раздавался более чем на размах вытянутых в обе стороны рук.

Я с удивлением оглядел глянцевую поверхность, невольно скосил глаза на взбесившегося начальника канцелярии. Тот продолжил тыкать меня носом в экран.

— Смотри, радуйся!.. А-а, я гляжу, ты спокоен! Ты даже ухмыляешься!.. У тебя прекрасная выдержка! Где тебя научили выдержке, падло? Тебя натаскивали на белый цвет? Где тебя натаскивали на белый цвет? Кто тебя обучал? Кощей Бессмертный? Кто такой Кощей Бессмертный? Адрес?! Связи?! Кто такие объедала, опивала, леший, дзяд, гобблин? Это имена или клички? Почему ты не страшишься, почему не вздрогнул, когда тебя ткнули носом в это дерьмо? Где тебя тренировали? В горах?.. Или на звездах? Ты пришел со звезд? Ты...

— Достойнейший!.. — гарцук с размаху хлопнул ладонью по столу. — Достаточно.

Начальник канцелярии выпустил ворот моей хламиды и я тут же, потеряв сознание, опустился на пол. Очнулся мгновенно — сработала волчья статья, однако виду не подал. На этот раз гарцук и его помощник ослабили ментальную защиту, все равно мне так и не удалось уловить смысл в их отрывочно мысленных восклицаниях: «как посмотрят на это старцы», «что, если правда всплывет наружу», «реакция здоровая, он, по видимому в самом деле из...», «как она может всплыть, правда?», «приказ есть приказ», «но разве одно друго-

му мешает», «очень просто, если этот негодяй попадет в руки Дьори», «ну и что, пусть болтает все, что ему вздумается, надо только, чтобы они перевалили горы и сразу на границе попали в руки местных стражников».

Наконец я шевельнулся.

— Ну, старик, как самочувствие? — спросил гарцук.
— Вставай, хватит валяться. Надеюсь, теперь тебе ясен круг вопросов, на которые ты должен дать подробные, а главное правдивые ответы. С чего начнем? Вернее, с кого? С Кощея Бессмертного?..

— Вот уж, ваша воля, гарцук, никогда бы не подумал, что отсутствие цвета может нагнать такой ужас. Это страшнее, чем спускаться в подземелье.

Меня передернуло от отвращения. Я сунул руки под мышки, съежился, потом плаксиво добавил.

— Ваша милость, господин гарцук, господин начальник канцелярии, не знаю, что вы, великие и могучие, от меня хотите. Что в детстве слышал от старших, то и рассказываю. Об истинном наличии этих сущностей ничего не ведаю. Звезд не боюсь, а чего их бояться? Они далеко, так учил фельдфебель в университете, нам никакого зла не причиняют. Правда, прапорщик с ним иногда спорил, но это к делу не относится. Вот разве что при появлении звезд свет убывает, это да, это точно. Это непорядок... Насчет двери... Не мог сдержать зуд.

Губернатор и его помощник переглянулись.

— Какой такой зуд?

— Не могу знать. Раз есть лаз, надо его проверить, так меня дедушка учил. Мало ли?.. С детства испытываю зуд, когда что-то непонятное... От любопытства по-

коя не имею. Потому и с гор спустился, что зуд почувствовал.

— Когда тебя отпустили собирать травы, зачем этого плешивого с собой взял.

— Он сам напросился. Я решил, вдвоем сподручнее...

— М-да, твоя изворотливость внушает уверенность, что мы имеем дело с сообразительным человеком. Какую плату ты потребуешь за участие в этом деле, странник.

— В каком деле, гарцук?! Я человек маленький, но попусту совать свою ногу в петлю желания нет. Знаю я этих дьори — они отца родного за черствую горбушку продадут. Торговцы, свет таких не видывал! Что мне там делать? Что я могу предложить в обмен?

— Побасенки, — ответил гарцук. — Сказки... Только о «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» забудь напрочь! Это приказ. С «Летучим кораблем» поосторожнее, только в узком кругу единомышленников, в преддверии дела. Тебе подскажут, какие имена использовать в своих рассказах, кого именно взял с собой на борт летучего корабля тот дурак... Список выучишь наизусть. Никаких Кощеев, способных жить вечно, просто и точно скажешь: такой-то и такой-то, кличка Кощей, проживает там-то и там-то, по профессии, скажем, скорняк или автослесарь. Способен жить долго, о бессмертии не заикайся. Упырь — из разряда стражников, тупой и бездеятельный человек. Проживает на окраине Дьори. Оборотень — пронира, каких свет не видывал, тайно, без приказа бегает к мамкам, бывает в таком-то месте, и так далее... Как по-

лагаешь, сможешь отыскать на Дьори единомышленников, способных увериться в необходимость демонстрации ковчега.

— Какое отношение я имею к явлению ковчега! — воскликнул я. — Это больше по части мил человека.

— А мы вас втроем и пустим. Или вчетвером... По одному резона нет. Это дело тонкое — демонстрацию устроить. И чтобы сбежалось на нее не менее десятка тысяч поселян.

— Что же это за задание агитацию вести? — даже я со всем своим древним волчьим опытом, овладевший технологией смены личин, не мог додуматься до подобного выверта. Никогда не думал, что мне придется нести революционную, религиозную, любую другу идею в массы! Выслушивать исповеди, языком трепать, папоротников цвет хранить, книги сочинять, на костре, в конце концов, сгореть — это было по мне, но разводить нелегальщину?!

Я растерялся.

Гарцук долго смотрел на меня. Наверное, сомневался, как посмотрят на его инициативу наверху, в среде славных, как отнесутся к ней некие «старцы», сам Третий столп, победитель флааматеры...

Я едва не вскрикнул, уловив в его сознании знакомое смысловое созвучие. Начальник области настороженно глянул в мою сторону, однако к тому моменту я сумел совладать с бурей, взорвавшейся в сознании. Я спросил себя — это совпадение? Возможно ли, чтобы это было местное словечко? В таком случае попечитель прав. Эти самые славные, великодушные, благородные и образованные — одним словом, элита местного об-

щества — действительно оказались способны усвоить осколки цивилизации Ди, занесенные на их планету?

История повторялась?

На этот раз я оказался участником фарса, в котором самой страшной пыткой являлась демонстрация белого экрана? Стоит засадить губошлепа в абсолютно белую комнату, он сразу копыта отбросит? Чудеса, да и только!.. Потех с этими биоробами было достаточно. Например, отношение к сновидениям, которые были запрещены издревле, и каждый из них делает вид, что во сне не видит снов. Ладно, пусть кувыркаются они на своем ослепительном Хорде как угодно и сколько угодно, но два трагических момента — их происхождение и ядерная бомбардировка материка Такнаал — тяжким грузом зависли в памяти. Я был вынужден признать, в чем-то попечитель оказался прав. Хотя губошлепы выглядят и действуют, как люди, но даже на уровне какого-то мелкого местечкового начальника в их поведении вдруг неожиданно сказывалась некая чуждая и безжалостная сила, истоки которой упирались в свихнувшихся на насильственном преобразовании мира архонтов. Кем же в связи с вновь открывшимися обстоятельствами они считали меня? Посланцем звезд? Вестником беды? Следопытом и соглядатаем?..

— Надеюсь, Роото, — неожиданно спросил гарцук, — ты слыхал о страшном наказании, которому славные подвергли еретиков на нашем материке?

— Это там, где обожгло Суллу?

— Вот именно. Это странное поветрие зародилось как раз на южной оконечности Дираха. Всем почему-то вдруг захотелось узреть ковчег. Ты, Роото, пойми, я не

против, но все должно быть организовано. Собрались бы, составили петицию, представили ее местному гарцуку. Тот передал бы бумагу по инстанции. Великодушные вынесли бы приговор, славные его исполнили — объяснили, почему эта мера в настоящий момент несвоевременна. Но этим захотелось бунта. Они собрали огромную толпу под предводительством неких «апостолов» и двинулись к тамошнему замку. К сожалению, здесь я должен покритиковать высшие власти, — наверху поленились обмыслить положение, посидеть, почесаться, поискать компромисс. Нет, сразу взъярились, отправили летучий корабль из состава воздушного флота — кыййс, между прочим, называется, слышал?

Я забылся и отрицательно покачал головой.

— Не понял, — насупился гарцук. — Что ты дергаешься?

Тут я сообразил, что здесь, на Хорде, когда что-то отрицаешь, следует чесаться под коленом, а не головой качать.

— О кыййсах не слышал, ваша милость. Об адском пламени, упавшем с небес, о гневе Дауриса-Тавриса, обрушившемся на Дирах слышал, а о кыййсах нет.

— То-то же, — строго предупредил меня гарцук и продолжил.

— К сожалению, выжечь ересь полностью не удалось, о чем славных и великодушных предупреждали заранее. Расползлась она, как мучная лихорадка, вспухла и здесь, у нас, на Дирахе, а это что значит?

Я с удовольствием почесался под коленом.

— То-то... — удовлетворенно сказал гарцук. — Это означает, что и нас может постичь такая же участь. Ну,

может, весь материк бомбить не будут, однако уже пошли разговоры о том, что наши квоты на присутствие в ковчеге, необходимо урезать. И значительно. На этом особенно настаивает Дьори.

— И на бомбардировке, и на урезании квот на посадку? — спросил я.

— Да, — начальник хмуро посмотрел на меня. — Свою просьбу они мотивируют тем, что заразу следует выжечь сразу и дотла. Наш перун уже сколько раз к ним обращался — не по-братски вы, дьори, поступаете! Зачем злонамеренно подводите дирахов под гнев третьего столпа? Разве они вносят меньший вклад в созидание ковчеге? Разве им не больно, когда Даурис жжет? Разве они не мерзнут, когда двуединое светило надолго уплывает за горизонт? Отчего же такая нелюбовь к собратьям своим? Но дьори слезой не прошибешь, они всегда и во всем ищут выгоду только для себя.

Когда наша стража словила тебя, старик, мы решили, что ты специально подослан, чтобы мутить народ и всех нас подвести под сокрушающий удар и под оргвывод о сокращении квот. Проверили — вроде не врешь, и в связях, порочащих тебя, не замечен. Вообще, ты странный какой-то, словно не от мира сего. Плетешь какие-то небылицы о каких-то чертях, упырях. Ну, подумай сам, насколько калорийно может быть мертвое тело? Сколько же плоти надо слопать твоему упырю, чтобы наестся досыта? Выходит, здесь аналогия, некий намек...

Что-то вроде вымышленного образа.

Тогда встает законный вопрос, на что же ты намекаешь, старик, что ищешь? Зуд, говоришь, тебя мучает?

Любопытство заело? Лучше тебе не давала бы покоя какая-нибудь иная страсть. Нет?.. Как знаешь. В таком случае, если не можешь справиться с любопытством, пусть оно мучает тебя где-нибудь в другом месте. На Дьори, например. Что тебе здесь торчать? Вот мы и решили, если ты не провокатор, то почему бы тебе не стать провокатором? Чувствуешь глубину замысла?

Он вполне серьезно задал этот вопрос, и меня в который раз покорила простота этих хордян, что в высших эшелонах власти, что в поселениях при ртутных шахтах.

— Но если они нас задержат на границе, это будет первейший признак, что мы идем с Дираха. К тому же, говорят, на Дьори, куда строже относятся к старикам, чем на других континентах. Они меня враз скрутят и засунут куда-нибудь на водоросли.

— Ну, это дело поправимое, — почесался начальник канцелярии. — Лишим тебя правой ноги и лады.

Я вздрогнул.

— Но, господин... — начал было я.

— Не ерпенься, Роото. То же самое мы можем устроить тебе и здесь, и затем вернуть в горы. Я согласен, что ни одну живую тварь нельзя лишить жизни или умышленно калечить без особой надобности, но ты сам посуди — когда по всем параметрам Даурис доживает последние годы, когда строительство ковчега застыло, мы не можем ждать милостей у природы. Взять их у нее — наша задача! Чувствуешь, что брошено на весы: существование всего материка, посадочные квоты и твоя не такая уж свежая ножища. Когда тебе будут ее резать, поверь, мне самому будет больно...

— А мне? — поинтересовался я.

— Тебе не будет. Все сделают под наркозом — проснешься, а ты уже отличный кандидат в бродяги. Можешь смело попрошайничать.

Наркоз — я не ошибся? Я правильно перевел это слово? Что-то в моих рассуждениях снова застопорилось. У них существует понятие об обезболивании?.. Это радует, но тревожит другое — что случится с местными врачами, когда они увидят мою культу, начиненную всякими техническими штучками, электронными шариками, мощным складным бластером и даже безразмерным «цечешцем»? И как потом начальник канцелярии поступит со мной? Сунет в интеллитор?..

Между тем гарцук почесался и радостно продолжил.

— А этому, главному инженеру, отрежем руку. Он уже дал согласие. Что ты можешь сказать в защиту своей ноги, Роото?

«Сказал бы я тебе! — неожиданно по-русски подумал я. — Жаль, что не поймешь!»

— Это будет непоправимая ошибка, ваша ми... гарцук. Кто захочет иметь дело с инвалидом? Кого и в чем может убедить калека? Припомните, как вы сами относитесь к таким обделенным судьбой — они вызывают жалость, немного сочувствия и тайную радость, что вас беда обошла стороной. Чем я буду заниматься на Дьори помимо сказок? Знахарством? Это единственное, что я умею. Но кто отважится доверить свое здоровье и жизнь калеке? С другой стороны, в любом случае нам не избежать встреч с местными властями. Как они поступят с поселянами без роду и племени, да еще

прибывшими с чужого материка. Думаю, сразу сошлют на водоросли да еще бумагу в верху накатают о вашем поведении.

— Что же ты предлагаешь?

— Зачем таиться? Я должен вполне официально появиться на Дьори, например, поучиться у тамошних врачей. Никто не сможет запретить мне тогда пользоваться несчастных и болтать во время приема...

— Что значит официально?

— Я не знаю, гарцук... Может, меня можно приставить к какой-то высокопоставленной особе, отправившейся на Дьори для излечения? Прикрепить к посольству... Мало ли...

Он не ответил — махнул рукой, убирайся, мол, прочь...

Следом послышался характерный щелчок, словно опять кто-то нажал на клавишу.

Вернувшись в камеру, я застал там странную картину. Бородатый страж Туути, сняв себя кирасу, босой, с унылым видом сидел на месте Суллы и отчаянно почесывал перья на шее. Заметив меня, сразу начал жаловаться.

— Видишь, старик, какая петрушка получается. Не доглядел, на пять минут отлучился с поста — и на тебе! Твой плешивый дружок, наш мил человек, ушел. Видели, как он выходил из тюрьмы — поднялся по лестнице, появился во дворе и сразу к воротам. Часовые решили, что у него приказ, уж больно блаженный вид был у этого проходимца. Они открыли калитку, выпустили

его в поселение. А когда спустя час за Суллой явились, выяснилось, что никакого распоряжения об уходе с посадочного места не было! Вот мерзавец!.. Ушел и слова не сказал, куда, зачем? Теперь кантуйся здесь вместо него. Хвала ковчегу, что у меня мамки постоянной нет, никто меня не ждет, а тем двоим, что у ворот стояли обидно. Им дали час на всякие трали-вали. Смотри, скоро они явятся в тюрьму, намнут тебе бока.

— Мне-то за что? — удивился я.

— Что бы людей своими байками не смущал! — съехидничал бывший страж, а главный инженер Тоот, издали демонстрируя обвязанную чистой тряпкой культу, поддержал его.

— Это ты верно рассуждаешь, товарищ. Если смущает, следует проучить телесно.

Подобная простота вконец доконала меня — зачем он согласился, чтобы ему оттяпали кисть! Какой же из него теперь производственник? Однако Тоот сделал неожиданный вираж и с тем же простодушием, обращаясь к обиженному, сидевшему с плаксивым лицом Туути, добавил.

— Только кто им позволит без приказа намять бока этому доброму поселянину? Вы, сатрапы, не особенно хорохорьтесь, а то мы вас вмиг окоротим. Верно я говорю, товарищи?

Вся камера дружно поддержала его.

— О чем тут говорить! Без приказа не моги!..

В этот момент явились два здоровенных, откормленных губошлепа. Одного из них я накрепко запомнил. Если другие норовили в ребра тупым концом копья ткнуть, то этот метил пониже: в живот, а то и в пах.

Они с места в карьер набросились на меня, принялись кричать, что за дружками получше смотреть надо, не позволять в случае чего своевольничать, и что это я тут расселся рядом с окошком, когда мое место у параша. При этом один из них попытался взять меня за шиворот и сдернуть на пол.

Я спросил.

— Приказ есть?

— Чего?..

— Есть приказ рукоприкладством заниматься? Кто ты теперь? При исполнении или подвергнутый наказанию? — и следом что было сил заорал. — Своевольничать? Бунтовать?!

Металлической ногой я врезал ему между ног, где у губошлепов самое незащищенное место. Тот только охнул и присел. Второго, вдруг опешившего охранника, я уложил ударом правой. Вся камера, особенно Туути, сидевший на нарах, возликовала. Всем доставалось от этих злобствующих нарушителей приказа. Все заключенные скопом набросились на охранников. Главный инженер в силу классовой солидарности пытался достать их культаей. Бил, морщился, взвизгивал от боли — и все равно бил.

Пришлось оттаскивать желающих поучить бывших охранников. Провокатор на перегонки с Роональдами бросился к дверям, каждый из них старался первым донести начальнику канцелярии о случившемся.

Я их остановил — окликнул, когда те начали барабанить в дверь камеры.

— Успокойтесь! Там наверху и так все знают.

Вечером сказок не было. После отбоя я допоздна проговорил с товарищем Тоотом, которого, как оказалось, вместе с Эттой тоже решили отправить на Дьори. Начальник канцелярии объявил, что им доверено задание особой важности — сопровождать гарцуккову дочь Дуэрни, собиравшуюся на соседний материк сдавать экзамены. Какие экзамены, мне так и не удалось выяснить. Самый осведомленный в хордянской властной и кастовой иерархии Тоот ответил просто — пришел ее черед. Сдаст экзамены, освободится от излишков памяти, получит специальность и вперед строить ковчег. Все другие вопросы он попросту игнорировал: либо отмалчивался, либо плечами пожимал. Наконец усмехнулся, положил мне руку на плечо и сообщил.

— Послушай, товарищ, что ты меня пытаешь? Я бы и рад объяснить тебе, что к чему, однако у меня нет выхода.

— То есть?.. — не понял я.

— Если бы мы с тобой встретились на воле, я рискнул бы просветить тебя насчет этих экзаменов, что значит «очистить память», каким образом добраться до ковчега. У меня в этом случае был бы выбор. Распустил язык, значит, можешь спокойненько отправляться в тюрьму, пока ковчег не оценит тяжесть твоего проступка, а сейчас куда я могу пойти, кому довериться? Я и так уже в тюрьме. Нет, это исключено. Выбора нет, значит, и говорить не о чем.

— Можно сбегать в канцелярию и там все выложить, — робко предложил я, нутром ощущая всю нелепость подобного предложения. — В крайнем случае, мигни вон тем, — я кивком указал на Роовертов.

Главный инженер — седеющий, напоминавший попугая, поселянин, с крючковатым носом, хохолком и большими залысинами по обе стороны выпуклого лба, усмехнулся еще горше.

— Я товарищей не предаю. Если совершил промашку, сам иду и каюсь, но стучать на друзей?.. О чем ты говоришь, Роото!

В этот момент он поймал мой взгляд, брошенный на культу, улыбнулся, почесался здоровой рукой под мышкой и успокоил.

— Пустяки!.. Отрастет...

ЧАСТЬ II

*Иные сны передаются даже по наследству.
Камилл Фламарион*

Глава 1

До побережья мы добирались по реке. В безлюдном, заброшенном морском порту баржу направили к дальнему причалу, где мы пересели на единственный на всей акватории парусник, стоявший у полуразвалившегося пирса.

Издали на фоне закатного, в полоску неба вычурные расписные обводы «Калликуса», что означало «Устойчивый на волне», просматривались особенно хорошо. Это было небольшое, тонн на двести, судно с низкими бортами и высокими надстройками на носу и корме. Прямые паруса на фоке и гроте были подобраны, на ветру плескались лишь треугольные, раскрашенные цветными полосами, косые полотнища на бизани. На мачтах трепетали вымпела, на корме был поднят напоминавший змеиный язык, раздвоенный на конце флаг Дираха. Вершина грота была также украшена набором из параболической антенны и плоского рупора вращающегося локатора. Там же была натянута несколько проводов, унизанные желтыми керамическими изоляторами — по-видимому, длинноволновая антенна.

Парусник пришел на Дирах с соседнего материка, и капитан-дъори волком смотрел на нас. Как объяснил мне Этта, этот ублюдок (он кивнул в сторону капитана, которого звали Хваат) одно время «путешествовал», потом его списали со службы, отправили в нижний мир и оттого весь Хорд ему теперь не мил. Особенное отвращение у него вызывали эти слюнтяи и тугодумы дирахи.

Парнишка употребил глагол, который означал, что этот плечистый, малорослый, метр с кепкой, оперенный вокруг шеи густой рыжеватой бородой, крепыш с огромными, под стать филину глазами, поминутно срывающийся на грубую брань, «путешествовал» в космическом пространстве. Я переспросил Этту, тот подтвердил.

— Точно так. Водил корабли в безатмосферных дальях. Вот уж, наверное, где натерпелся страха, потому теперь и наглеет.

— Как ты можешь знать об этом? Ведь ты же видишь его первый раз в жизни?!

Юноша пожал плечами, а Тоот объяснил.

— Так они устроены, сварщики. Порода такая. Стоит им взглянуть на металлические листы, сразу скажут, какой ток потребуются для электротеплового соединения, в какой среде и как его варить. Могут даже химический состав сплава назвать.

— Но поселянин, даже такой придурок, как этот дъори, это же не металл! Это — живое существо!

— Им, сварщикам, все равно. Такая уж у них порода — востроглазая...

Я удивленно глянул на Этту. Тот был явно доволен. Подобная оценка со стороны старшего товарища позво-

лила ему расправить плечи, вскинуть голову. Теперь он, как петух, гордо почесывался, поглядывал по сторонам.

— И при этом засыпаешь, как убитый? — усмехнулся я.

— На здоровье пока не жалуюсь. Лег — и готово!..

Грузились мы долго — сначала сопровождавшие нас стражи из замка обследовали посудину, потом мы с Тоотом и Эттой принялись перетаскивать тюки и сундуки с пожитками, затем на борт поднялся недавно появившийся в канцелярии гарцука надменный чиновник по имени Огуст, к которому даже гарцук Дираха первым старался не обращаться. Наконец на палубу взошли два дряхлых, пугливых старика, ведущих на коротком поводке дочь гарцука. Каждый держал свой конец. Девушка была на голову выше каждого старца, однако покорно плелась между ними. Как объяснил Этта, старики «по какой-то линии» приходились родственниками гарцуку Дираха и головой отвечали за дочь губернатора. Они специально прибыли с Дьори на этом самом корабле. Глядя на Дуэрни, парнишка порывисто вздохнул и авторитетно заявил.

— Девочек вообще-то следует держать на более коротком поводке, — затем вполне серьезно добавил. — Вот когда доверят совокупиться, мужчина имеет право чуть-чуть удлинить шнурок.

При этом он не сводил долгий, настойчивый взгляд с девушки.

Старики, по-видимому, не были знакомы с этой нехитрой житейской мудростью, либо считали ее предрассудком, а может, просто любили эту тоненькую,

оперенную густыми, черными, вьющимися локонами девушку, и как только Дуэрни оказалась на палубе, отпустили повод на всю длину. Сами уселись в подставленные им стражами кресла, концы обоих шнурков, прикрепленных к ошейнику, по очереди привязали к раздвоенным спинкам. Один из них тяжело вздохнул, вытер пот с совершенно лысой головы и замер, глядя на морской пейзаж. Другой доброжелательно поглядывал на Дуэрни, на стражу, на Огуста, на нас, укладывавших на палубе тюки, покрытые просмоленной материей. Что было в этих тюках, даже я не мог разобрать — их содержимое не прощупывалось и было наглухо прикрыто от постороннего ментального взгляда.

Дуэрни, перебирая руками по перилам, прикусив нижнюю губу, пошла вдоль борта — так добралась до трехэтажной надстройки на баке. Здесь замерла, побледнела, потянулась в сторону исполинского, в четверть горизонта, Дауриса, погружавшегося в низкую розвесь цветастых облаков.

Я вздрогнул и, почувствовав легкий укол в сердце, зажмурился...

В памяти возникла другая девушка — земная, путешествующая морским путем до Индии. Вот какие слова прозвучали в сознании — «вы так легки, сударыня, что при желании могли бы пробежаться по волнам и отыскать незримый остров».

Я открыл глаза, мои брови полезли вверх... Казалось, еще мгновение, и Дуэрни, вскрикнув: «Почему бы нет, сударь!» — спрыгнет за борт и побежит по воде в сторону закатного, догонявшего своего великого собрата, мячиком падавшего на океанскую гладь Тавриса.

Старик, следивший за девушкой, ласково погрозил ей пальцем и осторожно потянул за поводок. Дуэрни едва слышно выдохнула «Ах!..», крепко схватилась за перила — ее коготочки впились в выбеленное дерево. Взгляд был прежним — ищущим, настойчивым.

Сердце в моей груди забилось гулко, с мучительной болью. Чьими глазами я в тот миг смотрел на нее? Губошлепа или потерявшего родину человека?

Кто даст ответ на эти вопросы? Впрочем, какая разница! Мне было плевать на любой возможный ответ. Воспоминание-видение о Фрези Грант было драгоценнее и полнее, чем самое обстоятельное, самое обоснованное, самое разумное объяснение. В нахлынувшем восхищении, томительном ожидании чуда все мои «сущности» были едины. Откровение пронзило меня на палубе тихоходного парусника в тысячах, а может, и десятках тысяч световых лет от родной, желанной и потерянной навсегда точки пространства.

Вот в чем истина!

Я неотрывно наблюдал за Дуэрни, и не мог справиться с предчувствием — ее никто не сможет удержать! Стоит только ей одолеть робость, найти ключик к необычному, и она непременно бросится в волны... Это было так по-нашему, так по-людски... Вслед за ней и пассажиры, забавно размахивая руками, с радостными воплями и смехом, тоже начнут прыгать с бортов. Кто поосторожней, сначала робко спустится по трапу, попробует воду коготочком. Многие отдернут ногу — ну их, эти волны!.. Большинство из тех, кто будет барахтаться возле судна, сразу начнут молить о спасении. Им бросят концы, поднимут на палубу, но редких смельча-

ков, которые рискнут удалиться от корабля, уже нельзя будет остановить.

Из океана густо тянуло терпким, соленым запахом. Я заморожено вглядывался в близкую, поблекшую вечернюю даль. Горизонт был пуст — ни единого дымка, ни паруса. Шустрый Таврис наконец догнал своего исполинского спутника и, в который раз побратавшись, оба погрузились в цветастое, удивительным образом подсвеченное изнутри море.

Погрузку закончили поздним вечером. Отплытие было назначено на завтра, на раннее утро. Было жарковато, в преддверии сумеречной, обещающей быть звездной ночи, все высыпали на палубу.

Мы втроем устроились возле носовой надстройки, неподалеку от ужинавших стражей и чиновника из канцелярии Дираха. Тоже сели перекусить...

На палубе появились четыре матроса со скребками в руках. Вид у всех был разбитной, штанины закатаны до колен, у полосатых рубах расстегнуты ворота, однако вели они себя на редкость смирно, стояли у борта, дожидались распоряжений капитана. Тот решительно вышел из кормовой надстройки, приблизился к нам, взял меня за шиворот и поставил на ноги. Я не сопротивлялся, роста он был маленького, но силой судьба его не обидела.

Капитан оглядел меня и, презрительно скривившись, спросил.

— Откуда это чучело?

— Из горцев... Знахарь, — ответил Тоот.

— Слушай ты, знахарь, — капитан сунул мне под нос здоровенный волосатый кулачище, для чего ему

пришлось встать на цыпочки и вытянуть шею. — Хватай скребок и прыгай за борт. Поможешь моим ребятам содрать водоросли с корпуса.

Я глянул в сторону молодой мамки, все еще стоящей у борта. Та в свою очередь бросила взгляд на Огуста, чиновник на стариков. Те даже бровью не повели.

— Хозяйка, — ясно и членораздельно выговорил я. — Разве ваши люди обязаны исполнять приказания человека, в обязанности которого входит всего лишь доставка вашей благородной особы туда, куда ему приказано? Разве он вправе наносить вам оскорбление, подобным образом обращаясь с приписанными к вашей особе людьми, не считаясь ни с вашим титулом, ни с вашей миссией?

— Поговори у меня еще! — взъярился капитан, однако один из стариков неожиданно коротко распорядился.

— Заткнись! Иначе будешь смещен со своего поста. По возвращению на Дьори отправишься под арест. Ковчег решит, как с тобой поступить.

Капитан от негодования открыл было рот, однако Огуст кивнул одному из двух стражей, стоявшему возле него, и знакомый мне Туути, бородатый воин, самый большой любитель слушать сказки, небрежно, но очень сильно ткнул капитана в брюхо тупым концом копья. Потом перевернул копьё острием вперед и спросил.

— Повторить?

Капитан опешил, смешался и коротко ответил.

— Нет.

Огуст вновь глянул на старика. Тот кивнул. Чиновник подозвал меня и приказал.

— А ты, умник, хватай скребок и марш за борт. Работать до... — тут помощник начальника канцелярии обратился к капитану. — До которого часа ему работать?

— До смены вахт, — буркнул тот.

Один из матросов показал мне, как пользоваться скребком и направил на корму. Сами они попрыгали в воду с низких, не более чем на метр возвышавшихся над водой бортов в средней части судна. Я, глядя на жуткую, словно подкрашенную слитыми красками и маслянистой пленкой, жидкость, некоторое время робел, потом, собравшись с духом, спрыгнул вниз. К моему удивлению, ощущения были те же, что и на Земле — мгновенный озноб, тепло, всплеск веселья, расслабление, благодать...

Веревка, обвязанная вокруг пояса стесняла движения, но без нее работать было нельзя — плавать на Хорде было тяжеловато, тем более шуруя длинным и неудобным скребком. Через полчаса я вконец выбился из сил. Хотел уж было взобраться на борт, а там будь, что будет. Все равно реакцию этих губошлепов предсказать невозможно, однако неожиданно почувствовал под ногами что-то твердое. Неужели дно? На Хорде можно было ожидать чего угодно. Мои ступни властно притянуло к холодной, упругой, осклизлой поверхности. Приварило накрепко, я не мог даже пальцами ног пошевелить. В следующее мгновение до меня беззвучно донеслось.

«Привет, Серый. Есть разговор... Когда сможем встретиться?»

«Как только губошлепы отключатся. Если оставят часовых, я их усыплю. Когда дам сигнал, всплывешь со стороны открытого моря».

«Принято. Конец связи».

Не успел я мысленно проститься с койсом, как сверху раздался оклик.

— Эй, знахарь, вылезай. Дочь гарцука желает послушать сказку.

Следом кто-то больно дернул за веревку.

Когда я выбрался на палубу, переоделся в сухое, уже совсем стемнело. Набежавшие облака скрыли звезды. Редкие огни мерцали на побережье. Слушатели сидели полукругом — все, как в темнице, выпрямив спины, вскинув головы. Мне оставили место в центре, у фальшборта, там, на палубе лежала бухта толстого каната. С кормовой надстройки за мной, поигрывая густыми бровями, грозно наблюдал капитан. Нечего сказать, решил я про себя, хороши они, дьори! Если там, на материке, все такие гордецы, вряд ли Сулле удастся всколыхнуть их, заставить задуматься.

Рассказал я им в тот вечер о путешествующих морем, о тех, кого судьба настигала в бушующих волнах, о потерпевших кораблекрушение. О несчастных, выброшенных на необитаемый остров и погибавших от жажды вдали от родных берегов. Об удивительно легконогой, бегущей по волнам Фрези Грант, о нежданном спасении, которым одаривала эта девушка отчаявшихся, но чистых сердцем, моряков.

Присочинил, конечно, от себя, хотя, с другой стороны, я был лично знаком с этой девственницей.

Это было давно и не здесь, а за тридевять земель, в теплых волнах Тихого океана, на острове, куда частенько заносило моего друга Георгия-царевича и его жену Каллиопу. Воспоминания сделали меня необычайно красноречивым, грудь теснилась от восторга. Это была удивительная легенда о спасительнице и заступнице всех путешественников. В космическом пространстве Фрези будут называть Белой дамой. Пусть в межзвездных далях и в сером лимбо еще никто из землян не сумел обозначить именем ее таинственную сущность, а значит, вдохнуть в нее жизнь, все равно придет час, и она померещится терпящим космическое бедствие. С той поры межзвездная среда станет нам домом.

В тот самый момент, когда я кончил рассказ, на небе, очистившемся от туч, блеснула звездочка. Затем еще одна и еще. Скоро открылся весь ночной, бархатисто-лиловый, хордьянский небосвод, и губошлепов буквально вымело с палубы. Только старики некоторое время сидели в креслах и посматривали на море. Наконец один из них подозвал меня и спросил.

— Где и когда ты слышал эту историю, знахарь? Не в горах ли?..

— Я много бродил по свету, господин.

— Меня зовут Ин-ту. Ты можешь именовать меня либо по имени, либо «величество».

— Да, величество.

— Ты ходил по морям?

— Нет, величество.

— Странно. Почему ты не ушел с палубы? Ты способен сохранять спокойствие, когда на тебя смотрят звезды?

— У нас в горах нельзя без дружбы со звездами, иначе останешься без скота.

— Это верно, — кивнул другой старик. Он как бы перехватил нить разговора и далее сообщил. — Меня зовут Ин-се, так и называй меня. Никаких «величеств» или «высочеств» не надо. Как у вас в горах называется светящееся колесо, что делит небо на две части?

— Млечный путь, Ин-се.

— Где ты учился, знахарь?

— Сначала у дедушки, потом в нашем университете, потом снова у дедушки.

Ин-се долго молчал, тихо вздыхал, вскидывал брови, потом добавил.

— Хорошо, отдыхай...

Они оба поднялись и в сопровождении появившегося на палубе Огуста, который, надменно глядя на меня, тоже распорядился называть его запросто, по имени, — направились в кормовую надстройку, где были устроены каюты для почетных гостей.

Между тем над головой с редчайшей для Хорда ясностью распахнулось звездное небо. Вокруг было тихо, ночь нежна, небесный лик необычен. Интересно было разобраться в нем. Кто мог мне помешать? Вахтенный матрос, размещавшийся на кормовой надстройке, был привязан к опоре рулевого колеса. Видеть меня он не мог. Бородатый страж у трапа? Ему было позволено прикрыться зонтиком. Время от времени Туути прохаживался вдоль борта, с некоторым недоумением поглядывал в мою сторону. Я широко улыбался ему — мол, нет лучше погоды, чем ясное звездное небо. Свет так и сыплет сверху, смывает грязь, наводит чистоту.

Хорошо! Бородач крякал, ежился, показывал мне кулак, бормотал что-то о дикости и неразборчивости горцев и тут же возвращался к трапу. Я ждал полуночи, когда мой металлический товарищ подвсплывет возле «Калликуса», и мне можно будет перейти к нему на борт.

Скоро начали стихать шорохи и скрипы внутри корабельного корпуса. Разом угасли неясные голоса — видно, поселяне наконец отключились. Я перебрался ближе к носовой надстройке, глянул вверх.

Над головой гигантской спиралью закручивалась наша Галактика. Она занимала полнеба и наблюдалась замечательно, как некий таинственный искристый сгусток, расположенный чуть под углом к зрителю. Центральное ядро, занимавшее треть небосвода, переливалось, словно россыпь драгоценных камней, тесно сгруппированных в единое посверкивающее облако. Ядро выбрасывало две спиральные ветви, одна из которых рассеивалась по темному куполу; другая, прекрасно различимая, усыпанная сияющими блестками-звездочками, упиралась в темный провал межгалактического пространства. До нее, казалось, можно было дотронуться рукой!.. Картина была завораживающая! Я с тоской перебирал взглядом искорки дальней от нас ветви — там, где-то на двух третях пути от центрального ядра было расположено наше Солнце. В этом знании было много грусти. Ошеломляло расстояние до родной звезды — более пятидесяти тысяч световых лет... Дорога без конца...

Снизу послышался какой-то шум, и я, стараясь не шуметь, вернулся в тень надстройки. На палубу выбрался долговязый Огуст, решивший проверить часового.

Заметив меня, он улыбнулся и, указав пальцем на небо, спросил.

— Ждешь сигнал?

Я удивленно глянул вверх, пожал плечами.

— Не знаю, о чем вы, Огуст...

— Не знаешь? Ну-ну...

С этими словами он обошел «Калликус», проверил каждый закуток. Скоро вернулся и, обращаясь к часовому, распорядился.

— Глядеть в оба! И не спать. А ты, старый дурень, на боковую!

Мне ничего не оставалось, как только спуститься в кубрик.

Я поднялся на палубу после того, как мои соседи окончательно окоченели. Тела их стали словно каменные. Вахтенный матрос на корме с трудом сопротивлялся подступающей дреме — пришлось ему помочь. Часовой на палубе уже давно находился в отключке.

В моем распоряжении был час с небольшим прежде, чем Таврис obeжит планету и вновь появится на небосводе. Я мысленно окликнул «Быстролетного», и вернослужащий тут же всплыл у борта. Перелезть через поручень и скользнуть в раздвинувшееся, темное, пахнувшее свежее испеченным хлебом и разлитым пивом отверстие было делом нескольких мгновений. Уже в рубке я засыпал дружка вопросами — как здесь очутился, где попечитель, что произошло?

— Я же тебе объяснял в прошлый раз, — гнусаво и даже с некоторым раздражением откликнулся койс. —

Батяня далеко, отсюда не видать. Сунул мне в мозги обломок своей голограммы, а сам нырнул в серое лимбо. Куда отправился, мне не доложил. Может, вновь отправился на Беркту, на приводной централ, может, занялся где-то санитарной обработкой территории. Не одна же секретная база была у архонтов.

Действительно, почему я решил, что только со мной могла случиться подобная история?..

Между тем койс неожиданно прерывисто вздохнул и с затаенной обидой пожаловался.

— А меня, Володя, обстреляли! — голос у аппарата дрогнул. — Хотели живьем взять!..

Я усмехнулся. Представить металлокерамического, до зубов вооруженного, насыщенного самыми удивительными устройствами, разумного и исполнительного вернослужащего неким скрючившимся от горя, оторопевшим от неожиданно свалившейся на него беды, бедолагой, было выше моего разума. Всерьез воспринять страдания чего-то, напоминающего взгрустнувший самосвал или приунывший отбойный молоток — это был курьез.

— Дело — швах, Серый. Обстреляли пещеру толково, с двух сторон, по высшему разряду. Хорошо, что я успел вовремя выбраться из схрона, нюх пока не утратил. Подняли, как медведя из берлоги. Как только ты со своим придурком-апостолом ушел, чувствую, в местной ауре что-то незримо и неслышно сдвинулось. Чем-то смрадным запахло...Конечно, меня голыми руками не возьмешь, однако решил, безопаснее будет перебраться на новое место. Там затаился, настроился. На прежнем месте оставил датчики. Замаскировал их. Эти поя-

вились на рассвете, хотя, что на этой взбесившейся планете считать рассветом, что закатом, ума не приложу. Одним словом, спустя несколько часов, как ты ушел, я обнаружил в распадке чужих. Вот что пугает — поверишь ли, я не смог уловить, как они сумели подобраться к пещере. Появились словно из-под земли...

— Кто они?

— Славные!

— Кто?!

— Ну, эти, из элитных подразделений. Первая группа двумя цепочками перевалила седловину — и к пещере. Выставили перед собой силовой экран, только после этого попытались проникнуть внутрь убежища. Бочком, бочком. Не прошло и пяти минут, как снизу, возле устья лощины появился второй отряд. Этим я издали почуял. Подкатили по тракту на транспортерах, добрались почти до самых развалин. Все в броне, на головах треугольные шлемы, в руках бластеры.

Он воспроизвел знакомые мне места.

Вот таинственный камень, вот ручей, выше — скалы. Вот и неприметное место, где располагался вход в пещеру. Рядом фигурки солдат. Изображение укрупнилось. Славные были в давленных по форме груди и конечностей, радужных панцирях. Ноги и предплечья тоже прикрыты броней, на руках массивные перчатки... Шлемы действительно были треугольные — на плечах громоздилось что-то подобное шестигранной пирамиде. Спереди и сзади грани спускались на грудь и шею, прикрывая горло и затылок.

Первыми пальбу открыли те, что поднялись из лощины — повели огонь из лазерных пульсирующих пу-

леметов, установленных в башнях бронетранспортеров. Трассы световых зарядов густо легли возле входа в пещеру. Затем за дело взялись снайперы из первой группы. Скоро огонь стих. Славные, выждав с полчаса, осторожно подобралась к пещере, заглянули внутрь, потом долго исследовали что-то в каменной полости. Все их действия были отлично видны: они брали пробы грунта, скалывали камень со стен, измеряли радиоактивный фон...

— Вот тебе и губошлепы! — прокомментировал «Быстролетный». — Вот тебе и придурки!.. Каким образом они сумели выследить тебя? Или это твой апостол донес?

Я пожал плечами. В искренности Суллы я не сомневался, но пути губошлепов неисповедимы. Или, может, не зря после возвращения они заставили меня снять и вручить им сандалии? Но в таком случае выходит, что за мной давным-давно наблюдают, и мое инкогнито — фикция? Выходит, им известно, что я пришел со звезд, и поскольку всякая светлая блеска над головой внушает им неподдельный ужас, а уж сияющая галактика, откуда, по их мнению, исходит смертельная опасность для всей их расы, представляется им царством зла, они смертельно боятся и ненавидят меня!

Но этого не может быть!

Я был совершенно уверен, что вокруг меня нет таких существ, кто испытывал бы ко мне патологическую ненависть, отвращение и ужас. Я бы сразу ощутил страх, тем более, ауру неприязни. Тогда в чем смысл этой игры в кошки-мышки? Эта двойственность в поведении

губошлепов высших разрядов представляла самую большую загадку. И это подземелье в замке?

Я поделился с койсом своими сомнениями, потом добавил.

— Послушай, дружище, в сущности, не имеет значения, каким образом местные сумели обнаружить твое местонахождение. Важен итог — мы оба находимся под наблюдением.

— В отношении меня это исключено! — ответил койс.

— Можешь дать гарантию?

— Абсолютно!

— Значит, они пасут меня?

— Тоже сомнительно. Они просто прошли по твоему следу, но, уверяю тебя, ничего не нашли. У них нет никаких оснований полагать, что ты инородец.

— Ну и словечко ты подобрал, дружище!..

— Но ты же воображаешь меня отбойным молотком или предназначенным к списанию самосвалом!..

— Почему предназначенным к списанию?

— Отчего еще могло взгрустнуться самосвалу как не от неминуемого списания и переплавки?

Я растерялся — мне трудно было судить, какие чувства испытывает самосвал, подготовленный к переплавке, но все равно стало весело. С койсом не пропадешь. Койс — весельчак, и недавняя печаль всего лишь минутная слабость. Он с ней быстро справится, не так ли, приятель?

— Послушай, приятель, — поинтересовался я, — а ты сам-то способен видеть сны?

«Быстролетный» промолчал, я не настаивал. Наконец койс подал голос.

— Попечитель приказал во время плавания не спускать с тебя глаз.

— Каким это образом?

— Представь, что самосвалу придется следовать за вашей допотопной галошей в подводном положении.

— Хватит обижаться! — укорил я. — Какие счеты между однополчанами. Ты же не красная девица. Если тебя это утешит, прошу, уважаемый самосвал, простить меня. Теперь о главном. Что это мы все «попечитель, попечитель». Пора проявить самостоятельность. Дело в том, достопочтенный отбойный молоток, что мое инкогнито не является тайной для вышестоящих губошлепов. Это, конечно, догадка, но вполне обоснованная. Из нее и будем исходить. Игра пошла крупная, так что приказ — будь поблизости. Ничего страшного, примешь теплую ванну. Вода здесь целительная, бодрит.

Это был решающий момент. Впервые я взял на себя смелость отдать распоряжение вернотружущему достаточно высокого ранга, представителю иной расы, пусть даже и вымершей. Я, хранитель земной территории, пусть даже в звании повелителя, посмел распорядиться судьбой урожденного ди искусственного происхождения. Поверьте, для сверхмогучего, разумного аппарата это был нелегкий выбор. Пойти на поводу у варвара значило снизить до него. Но и у меня выбора не было — только в связке с койсом я представлял реальную силу. При этом требовалось выполнить еще одно условие — нацепить волшебный пояс.

— Хорошо, Серый, — наконец откликнулся койс. — Буду следовать за «Калликусом».

Стоит ли упоминать, с какой радостью я выслушал этот ответ!

— Насчет пояса... — добавил Быстролетный. — Ты получишь его. Но не сейчас. Позже.

Глава 2

Морской переход по расчетам капитана должен был занять чуть более двух сроков — по-нашему, около шести недель. «Калликус» шел вдоль берегов Дираха, необыкновенно живописных в начале осени. Сумеречное время по земному исчислению занимало на Хорде около пяти земных лет и для тех, кто родился весной и впервые вступал в осень, эта пора должна была показаться самым чудесным временем года. Кончились дожди, наступила легкая, заметно озолотившая прибрежные леса сушь. Свет двух солнц заметно ослаб, многоцветье поблекло. Вдали, на востоке, в переливающейся радужной дымке синели горы Дираха, откуда я якобы был родом. Морская толща заметно окрасилась бирюзой — канули нескончаемые, шибящие в глаза радужные переливы, искристый блеск каждой рыбки, струйки, каждой капельки.

Наступила благодать, спала жара. Сердце трепетало при виде разноцветных закатов и восходов, которыми на подступах к долголетней многоснежной зиме одаривали поселян Даурис и Таврис. Ветер приносил издалека ощутимо терпкий, удивительно схожий с земным, запах океана. Как раз в эти дни над морем все ча-

ще начали высыпать звезды — на ненадолго, когда разбегались тучи и заметно умеривший свой пыл Даурис и чуть поблекший Таврис часа на полтора скрывались за горизонтом. Меня как не испытывающего страха перед звездами постоянно ставили на «темные» вахты. В краткие и неожиданно ясные ночи я, затаив дыхание, разглядывал огненное колесо и три луны, серпики которых были повернуты в разные стороны. Были мгновения, когда я внезапно ощущал себя и на Хорде, и на родной Земле, а также на Беркте, где располагался главный приводной централ сгинувших ди, и где теперь отлеживался фламатер, в нейронных ячейках которого меня сохранили как особь. И Хорд, и Земля, и Беркта и густо-электронные недра фламатера, и странный, но в то же время близкий, не допущенный к снам народец, и вся вселенная, которую я теперь мог смело назвать мирозданием, — все вмещались в сердце! Они все есть!.. В театре марионеток раздвинули занавес, и окружавшие меня Буратино, Мальвины, Пьеро, Петрушки, Панчи, Коломбины, арлекины, джокеры, вся прочая, вырезанная из бумаги, набитая ватой, сколоченная из тростинок ватага, включая кукловода-попечителя, попрыгала в зал и, смешавшись с земной публикой, принялась отчаянно чесаться от радости.

Вот они — гляди, любуйся...

Я чувствовал себя Карабасом Барабасом и добряком папой Карло, а порой узревшим Каабу бедуином в аравийской пустыне или отшельником в лесах. Здесь и начну рубить монастырь... Мне мерещилось, что я — будхи, уединившийся в Гималаях и который день пребывающий в священном трепете; или — что вернее —

губошлеп с обожженной щекой, бредущий через длинный узкий перешеек в сторону Дьори, куда тот двинулся по собственному разумению, по приказу души, чтобы донести до созидающих ковчег слово истины. Верный и уверовавший Сулла, он, как ни крути, был человек, как, впрочем, и инженер Тоот, лишившийся руки и радующийся тому, что мог хотя бы чем-то пожертвовать ради ковчега. Все, кто окружали меня во время путешествия, мечтали о лучшей доле, о счастье, о куске хлеба и истине. Каждый из них старался прикоснуться, пусть даже не сознавая этого, к трепетной, пронизывающей все мироздание, животворящей силе. В этом мы были едины — остальное можно назвать разночтением, даже если все сообщество губошлепов можно было считать неслыханным артефактом, созданным архонтами.

Нас, дирахов, приставили к работе, и теперь по утрам под испытующим взглядом капитана я рьяно драил палубу в компании с Тоотом и Эттой. Обрубок у товарища Тоота отрастал день от дня, и через неделю, когда до прибытия в Дьори оставалась два десятка дней плавания, культия оформилась в маленькую, посвечивающую нежной, розовой кожицей лапку. Тоот любовно поглаживал созревавшую кисть, постоянно сжимал и разжимал младенческие пальчики, увенчанные розоватыми коготками.

Дуэрни по много часов проводила на палубе, на этот срок старики давали ей полную волю, на всю длину отпуска поводом. Вела она себя живо, допытывалась у капитана, как называется тот или этот парус. Тот отсылал ее к первому помощнику, который до самых тонкостей объяснял молодой мамке парусное вооружение

судна. Удивительно, но за все время плавания «Калликус» ни разу не распустил прямые паруса, а ходко и уверенно резал волны усилиями электродвигателя. По вечерам Дуэрни любовалась закатом, мечтала взглянуть на звезды — не на редкие светлячки, едва заметные на закате, чуть проклюнувшиеся через обширную атмосферу, окутывавшую Хорд, а понаблюдать за игрой светил, когда они полыхают в полную силу. Мой рассказ о величии и незабываемой прелести звездного колеса, что по ночам взгромождалось на небе, вызывал у нее вздохи зависти. Она настойчиво просила у старцев разрешения остаться на палубе до полуночи и увидеть то, что знахарь называет «небывалым». Сопровождавший ее повсюду Огуст в такие мгновения делал страшные глаза — ему вовсе не светило остаться один на один с внушающим ужас мраком, пусть даже в компании с молодой симпатичной мамочкой. Однажды к старикам подскочил Этта и предложил поручить ему сопровождать Дуэрни. Когда девушка появлялась на палубе, юный сварщик начинал с необыкновенным воодушевлением драить доски. Вообще, этот парень не испытывал ни малейшего смущения перед сильными мира сего. Вел себя одновременно и подобострастно, и независимо. Заставить его исполнить то, что выходило за рамки его обязанностей, было невозможно.

Как-то капитан принялся орать на него, позволяя при этом незаконные и недостойные доброго поселнина выражения. Этта некоторое время слушал его, потом приблизился к старикам, с интересом наблюдавшим за разгорающейся сварой, рухнул на колени и, отчаянно почесавшись, попросил разрешения всаждать в

этого «толстопузого» ублюдка копье, иначе этот «толстопузый» ублюдок доведет всех до неповиновения ковчегу.

Ин-ту приказал ему подняться, долго, не скрывая любопытства, рассматривал его, потом переглянулся с Ин-се и спросил.

— Ты из каких будешь?

— Из работяг. Профессиональный долг — сварка металлов.

— Колено «исполняющих обязанности» или «искусных в ремесле»?

— Искусных, повелитель. Род технарей-провидцев.

— Называй меня Ин-ту. Что-то непохоже. Ты, парень, по-видимому, метис с праздношатающимися.

— Как прикажете, Ин-ту.

— Почему оказался замешанным в предосудительном поведении? Зачем решился участвовать в сборище?

— Хотел узреть ковчег.

— Похвальное желание, — одобрительно кивнул Ин-се, — однако его необходимо согласовывать с незыблемыми правилами. С властями, наконец. Разве можно собирать толпу и требовать не одобренного славными?

— Больше не буду.

Ин-се поиграл бровями, потом кивнул.

— Ну, смотри у меня... — он помолчал, потом добавил. — Это хорошо, что ты дерзок и готов постоять за себя. Ты — добрый поселанин, Этта. Служи ковчегу. Твой род очень высок, он накладывает на тебя серьезные обязательства.

Последняя фраза неожиданно вызвала приступ безудержного веселья у всех, присутствовавших на борту. Просветлело лицо Огуста, до той минуты испытывавшего жуткое напряжение и тянувшегося в струнку. Страж Туути, большой любитель сказок, принялся настукивать торцом копья о палубу, матросы-дъори, не обращая внимания на стариков, капитана и чиновника, бросились к парню, принялись обнимать, наперебой целовать его и почесывать по спине. При этом все начали выкрикивать: «Прощен! Прощен!»

У меня сердце забилося при виде подобной, свойственной курятнику простоты. Их радость напомнила мне безумные скачки футболистов, поздравляющих игрока, забившего гол. Даже Дуэрни одобрительно глянула на него и чуть покраснела.

Этта, перехватив ее взгляд, неожиданно сделал сальто-мортале и чуть не прыгнул в море. В этой истерии было что-то обезьянье, обижающее человека, но и меня, испытывавшего некоторую неловкость от подобной бесшабашного веселья, захватила волна всеобщей радости. Я с удовольствием хлопнул Этту по спине, потом с невыразимым, исконно хордовским наслаждением почесался спиной о грот мачту.

Вечером, когда нетерпеливые слушатели собрались возле бухты каната, я поведал им жуткую историю о губошлепе Данко. Тот ради спасения большого отряда мастеровых, отправлявшихся на турбодизельный завод, вырвал сердце из груди и указал путь к обильным плодами пальмовым рощам.

Ночная вахта мне выпала в компании с Туути, более других горевавшим о безвременно погибшем Дан-

ко. Этот поступок заставил его задуматься о несовершенстве губошлепной природы.

— Сердце, брат, не восстановишь, — сетовал он. — Нет, чтобы ухо оторвать! Или палец. Через месяц отросли бы, и ладушки.

— Они такого освещения не дадут, чтобы всему народу, — возразил я. — Разве только у себя под ногами. В таком положении жалеть не приходится. Сердце, оно, знаешь, как ярко пылает!

— Это верно, — вздохнул страж. — Все равно жалко парня, ему жить да жить. Он, верно, был из когорты наших Героев?

Я поинтересовался, кто такие, эти герои?

— Наши Герои?.. Ну, ты даешь, знахарь! Это, приятель, славнейшие из славных. Слыхал о преисподней?

Я отчаянно почесался под коленом.

— Да будет тебе известно, — назидательно объяснил Туути, — что преисподняя, или ворота в бездну, лежат в высоком мире. Дышать там нечем, — сурово добавил он. — Там, за пределами Хорда, начинается опушка, а за ней дебри, а в дебрях живут хищные звезды. Не дай ковчег, к ним в зубы попасть. Сожрут заживо... Так, по крайней мере, нам объясняли в инкубаторе.

Он ткнул скрюченным пальцем в небо.

— Жуткое, должно быть, место. Там, на опушке, в черном провале между Даурисом и Таврисом, они и залегли, наши-то герои. Ждут-дожидаются, когда раздастся мрак, и Черный гарцук нацелится нырнуть в наш мир. Тут герои и вцепятся в него. Руки свяжут, на ноги цепи — так обработают, что любо-дорого. Рад бы вырваться, да силенок не хватит. Посадят его в огненную яму —

там и сиди! Никогда ему больше не повстречаться со своими собутыльниками-звездами, не разбойничать во мраке, не властвовать над Хордом и добрыми поселянами. Таких людей, как наши герои, можно только уважать. Только какому-нибудь Черному гарцуку придет на ум навестить нашу землю, они уже тут как тут. Герои всегда на посту.

Не то, что мы в нижнем мире.

Порой, поверишь ли, знахарь, присматривая за тобой, просто падаешь от усталости. Правда, спим мы чутко, чуть где какой шорох, сразу копье на изготовку. Я, например, так наловчился работать копьем, будь ты хоть самый прозрачный из всех прозрачных, смерти не избежать. Хоть черный день, хоть светлый, мне все одно, у меня зрение на все сто. Я и в инфракрасном диапазоне предметы различаю! Так что ты примечай, знахарь... Жаль, что за славными, которые охотятся за Черным гарцуком, мне не угнаться, они на семь пядей под землей видят. А ведь и меня сватали в их ряды. Не подошел, — огорченно закончил он. — Экзамены завалил.

— Послушай, приятель, я не понял, так прилетал Черный Гарцук в наш мир или нет?

— Было дело, — кивнул охранник.

— Когда же это случилось?

Страж вскинул голову, принялся шевелить губами.

— Сейчас соображу... Когда, спрашиваешь, прилетал? Всегда. Как только появится, его сразу спеленают, и если вновь появится, тоже спеленают, только держись. Они всегда на страже, славные. Не нам чета!..

— То есть, когда-то в преисподней появился Черный гарцук, и наши доблестные славные сразу скрутили его. Я правильно излагаю?

— Точно так.

— Теперь они сидят в засаде возле этой самой преисподней и в случае появления следующего Черного гарцука сразу навалятся на него и посадят под замок?

— А я о чем?..

— Любого незваного гарцука ждет та же участь?

— Верно! — обрадовался страж.

— Что представляет собой Черный гарцук? Как он выглядит?

Туути пожал плечами, и в следующее мгновение сзади неожиданно послышался тихий старческий голосок.

— Он похож на рыбу с лапками, при этом черный донельзя. А вот что представляет собой это чудовище, с этим сложнее.

Я обернулся и увидел одного из стариков, сопровождавших Дуэрни. Этого, кажется, следует называть Ин-ту. Или Ин-се?.. Как бы впросак не попасть, ведь они так похожи друг на друга. В темноте не разглядишь.

Старец ласково улыбнулся мне и обратился к стражу.

— Ступай, Туути.

Тот отдал честь и отправился на носовую надстройку. Когда страж отошел подальше, старик подал голос.

— Спрашиваешь, что представляет из себя Черный гарцук? Это межзвездный транспортный ковчег 1-го класса, или иначе «флааматеры». Тебе уже приходилось слышать раньше это слово?

— Да, господин....

— Тебе было велено называть меня Ин-се. Где ты его слышал?

— В канцелярии великого гарцука, победителя материка Дирах.

— Верно, Роото, а еще раньше? Ведь ты же понимаешь, что значит «раньше»?

— Раньше — это «когда-то», Ин-се.

— Глянешь на тебя, знахарь, и сердце радуется — какой же мы, поселяне, способный народ. Вот, поди ж ты, горец из беглых, род твой всего-навсего несколько поколений в горах прожил, а ты уже знаешь, что значит «когда-то». Правда, мне до сих пор таких умных встречать не приходилось. Впрочем, что это я — приходилось! Но не в горах. В подземельях Дьори, где их, чужаков, ласково пытали. Но это так, к слову... Меня вот что интересует, как ты собираешься исполнять указание гарцука? С чего начнешь агитацию за демонстрацию ковчег. Как представляешь себе ковчег? В виде летучего корабля? Или в образе чудовищной птицы с перепончатыми крыльями? Может, как-нибудь иначе?.. Знаешь, мне самому до смерти хочется взглянуть на него. Даже голова кружиться начинает. Ведь даже я, не из последних на Хорде, но ни разу не видал его. Сколько не чешись, не понуждай себя к спокойствию, к мудрой созерцательности, но натуру не переборешь. Каков он из себя, ковчег, как полагаешь, Роото? Мне вот что пришло в голову — что, если с момента встречи и лицезрения ковчега поселяне начнут отсчитывать новую эру? Скажем, эру единения с ковчегом, и с той поры пусть он будет являться каждый сезон. Или каждый год? Пусть

старики рассказывают внукам о том, что им когда-то довелось воочию узреть священный образ. Тогда понятие «когда-то» обретет понятный смысл. Что скажешь, знахарь? Тем самым народ обретет еще один праздник, который будет вдохновлять на исполнение долга.

Я задумался. Пожелание, прозвучавшее в устах этого странного старика, было более похоже на руководящую установку, которой мне следует придерживаться, рассказывая сказки. Мне, как бы ненароком, было предложено изложить свое видение летучего корабля, затем его должны утвердить наверху, после чего в своих гастрольных проповедях я должен буду придерживаться именно подобного толкования. Вот как я понял Ин-се.

Что было делать? С этими хордянами следовало держать ухо востро, того и гляди запишут в славные, и стану я у Третьего столпа наиславнейший холоп.

— Не понимаю, о чем вы, Ин-се? Мое дело лечить поселян, если кто заскучает, сказку могу рассказать...

— О ведьмах, леших, водяных? — скептически усмехнулся Ин-се. — Змеях Горынычах и прочей шушере, о которой у нас на Хорде никто слыхом не слыхивал, видом не видывал? Что представляет собой, знахарь, эта твоя нечистая сила? Как она выглядит? Какая у нее энергетическая основа? Это нейтринные сущности, неразложимые даже при бомбардировке мощными элементарными частицами? Или, может, ты скажешь, все это плод твоего воображения или преданья старины далекой?.. Последнее я исключаю, потому что этот бред достаточно связан, логически выстроен, противоречив в той мере, в какой противоречиво все живое. Разве что

преданья — болтовня беглых поселян? Мы с достаточной полнотой извещены, что там творится в поселениях за рекой Дирах и в горах, и ни о чем подобном не слышали. Может, мы просто не обращали внимания на эти досужие разговоры, байки, шутки-прибаутки и прочую словесную дребедень. Вот чего я не могу понять, знахарь, какая польза хордянам от знакомства с нечистой силой? С какой целью ты пудришь мозги добросердечным поселянам из низших разрядов?

— Помилуй меня ковчег, разве я пудрю! Они сами просят!..

— Но ведь был день, когда ты в первый раз рассказал одну из своих глупейших историй. Тебя просили поведать, что ты видывал, чему удивлялся, а ты загнул про какого-то лешака, у которого в замке полным полно всяких сокровищ. Так не бывает, Роото, и ты об этом знаешь. Зачем врешь?

— Скучно было, спать не хотелось... — ответил я и понял, что прокололся.

— Тебе не хотелось спать? Ты удивляешь меня, знахарь. Тебя следует хорошенько проверить в клинике удостоенных близости к ковчегу. Каждый хордянин, когда приходит срок, испытывает потребность в глубоком непрерываемом отдыхе. Эта истина непреложна. Мне доложили, что и спишь ты как-то не по-нашему. Во время отдыха тебя посещают видения?

— Сейчас не посещают, — буркнул я.

Чем дальше, тем все меньше нравился мне этот разговор. То, что я был взят на учет, было очевидно. Однако мера пресечения, выбранная властями Хорда, этими славными, благородными и прочей, как образно

выразился старик, «шушерой», составлявшей сливки местного общества, — удивляла. Чего они хотели от меня? Чтобы я покаялся и добровольно раскрыл свою подлинную суть? Случись такое у нас на Земле, любой усомнился бы в их здравомыслии. Посмеялся бы про себя — во, дураки, так я вам и исповедуюсь.

Возможно, здесь иначе понимают, что такое безумие, но в любом случае они решили использовать меня в своих целях? Что они задумали? Нацелить на зарождение всплеска небывалого энтузиазма?

Мы молчали, каждый наедине со своими мыслями. Кем он, Ин-се, кстати, являлся? Родственником материкового гарцука? Мелковато для биороба, способного ставить такого рода вопросы. Его манера поведения была сродни замашкам попечителя ди — та же неброская властность, та же уверенность в праве задавать любые вопросы любому губошлепу; та же способность мгновенно, как бы походя, решать чужие судьбы. Он простил Этту, теперь парнишка мог считать себя свободным от утомительного пребывания в тюрьме. У Ин-се, как, впрочем, и у Ин-ту, не было и тени сомнения в своей правоте, а это свойственно только столпам, не важно каким порядковым номером они пользуются в своих титулах. С другой стороны, осадил я себя, нельзя впадать в грех аналогий и верить всякой дребедени, навеянной земной литературой о необычном. Иерархия она везде иерархия, и у этого столпа вполне достаточно славных, образованных, исполняющих обязанности, чтобы попытаться осторожно прощупать меня. Кем бы Ин-се не был, моя задача первым делом встать на его

точку зрения и попытаться взглянуть на себя как на правоверного губошлепа, озабоченного...

А ведь это идея!

Хорошая идея!..

Чем более всего может быть озабочен правоверный губошлеп?

— Послушай, знахарь, — обратился ко мне Ин-ту, — если тебе вновь откроется что-то в часы отдыха, дай мне знать. Запомни и расскажи все, вплоть до самых мелких подробностей. Сейчас ступай.

Как назло, в ту ночь мне привиделся удивительный сон, многозначный, бестолковый, но несомненно провидческий. Я так и признался старцам — видел, ваши милости, прозрачный попутал. До сих пор в себя прийти не могу. Может, рассказать народу? Ин-ту и Ин-се одновременно и слажено почесали животы. Этот жест на человеческом языке означал пожимание плечами.

Когда я заявил о том, что желаю рассказать «сон», народ, собравшийся на палубе, заметно взволновался. Губошлепы даже работу бросили — так и замерли, выжидающе и разочаровано поглядывая на меня. Все ждали продолжения истории о храбром Данко. Все утро и полдень только об этом и говорили. Спорили — отрастит ли герой новое сердце, доведет ли соплеменников до новых земель и займется ли постройкой ковчега? А тут какое-то видение, посетившее чудака в минуты отдыха. Небыль, которая могла случиться только с диким горцем — они все там, в горах, горазды на выдумки. Правда, по глазам Дуэрни, я видел, как ей страшно

хотелось услышать окончание истории о Фрези Грант. Она жаждала продолжения, но с рассказом о бегущей по волнам я решил обождать. Дуэрни следовало увидеть себя посреди океана в те самые минуты ночного отдыха, когда рассудок отключается, когда добрый поселанин и воспитанная мамка становятся подобны утюгам. Она должна была проснуться с этим воспоминанием, жить с ним, осознать его. Так что в отношении Дуэрни спешить было нельзя.

Этта и Огуст тоже не скрывали разочарования, помощник начальника канцелярии даже нижнюю губу выпятил. Их возбуждали рассказы о героях, Иванах-царевичах и третьих сыновьях, а не какой-то вымысел.

Пусть подождут...

Сейчас меня куда более интересовало поведение старцев. Почесывание животов, в общем, ничего не значило. Как они отнесутся в тому, что я публично, в присутствии представителей всех каст Хорда оповещу о небывалом? Это вам не народные демонстрации, не сборища толпы, ведь в любом случае желание увидеть ковчег всего лишь сотрясало здание, выстроенное славными. Первый же рассказанный сон, вера в возможность во время ночного оцепенения оставаться наедине с собой и видеть то, что принадлежит только тебе и никому другому, — могли обрушить все здание. И, прежде всего, убежденность в необходимости строительства ковчега.

Никто из старцев глазом не моргнул, когда я оповестил собравшихся о желании поделиться с ними увиденным во сне. Они даже не переглянулись, не выразили неудовольствия, не заставили заткнуться, не натра-

вили капитана, который по-прежнему волком смотрел на меня. Всего-навсего лениво почесали животы. По-видимому, народ и славные на Хорде было беспредельно едины.

Начал я тихо.

— Приснилась серая намокшая штукатурка, местами обвалившаяся. Из-под штукатурки проглядывает кирпичная кладка. Выше две уходящие в поднебесье стены, расстояние между ними согнутая в локте лапа с разжатыми пальцами. Я застрял в теснине, пока вдруг не осознал, что щель разделяет две части огромного здания, как бы разрезанного пополам и чуть раздвинутого. Вверху просматривается что-то подобное расщепленному куполу или разрезанной... как бы точнее сказать... луковице. Знаете такой фрукт, что на пальме растет?

— Как же, знаем, — дружно заголосили губошлепы. — Едали, доводилось...

— Вот и ладушки! — я радостно почесался под мышками. — Слева и справа светлеют прогалы. Я оказался как бы в ловушке, никак не могу выбраться, вдохнуть полной грудью, со стороны оглядеть это нелепое сооружение. Кем оно построено? Когда? Зачем?.. Огляделся, стало жутко. В прогалах просматривается хмурый день мерцания, воздух влажен и тяжел — по-видимому Даурис и Таврис одарили землю оттепелью. Под ногами грязный, набухший влагой снег.

Надо как-то выбираться из межстенья. Бросаю взгляд налево, направо и, упираясь ногами и спиной, помогая себе руками, начинаю карабкаться вверх. Подъем, ребята, утомительный, трудный. Время от

времени, устроившись в распор, отдыхаю. В такие минуты начинаю вопрошать себя: где же крыша, что со мной будет, если стены сомкнутся.

— Ну, дела!.. — не выдержал страж Туути. Глаза у него расширились.

— Снова лезу вверх. Подтяну правую ногу, с ее помощью перемещаю спину, подом подбираю левую ногу. Так раз за разом. Земля уже далеко внизу, над головой покрытое клочками разноцветных туч сумеречное небо. Еще одно усилие, последний рывок — вот он, обитый жостью край крыши. Так и есть, огромная башенка на крыше — та, что формой напоминает луковицу, — разрезана точно посередине. Но самое удивительное, на башенке водружен крест с косою перекладиной, — я показал губошлепам два скрещенных пальца, потом провел у основания косою черту. — И этот крест тоже разрезан надвое, верх оголовка теряется в тучах.

— Не высоко ли ты, дурак, забрался? — хмуро спросил капитан. — Как бы не сверзиться? Ладно, ври что?

— Выбираюсь на барьер — тучи вот они, совсем рядом. Крыша обита медным листом. Ступил на поверхность — скользко! Едва не упал. Вот когда я, братцы, перепугался. Это во время-то ночного отдыха... Так перепугался, что сердце замерло — как же на землю спуститься? По мокрой крыше трудно будет. Прежним путем — силы на исходе. Вижу, в основание башенки, в самом барабане, узкие оконные проемы, они как-то странно закруглены вверху, словно по циркулю. Стекол нет, ветер гуляет внутри, и темнота оттуда сочится.

Я замолчал, глянул поверх голов слушателей на безбрежную, заметно окрасившуюся синевой океанскую даль. «Калликус» шел ходко, плавно переваливался через пологие гребни набегавших волн.

— Что было делать? — я вновь отчаянно почесался под коленями. — Взясся за ребра жесткости, прижал ногу — вроде держит, не скользит. Наконец дело пошло на лад. Помаленьку спускаюсь по скату. Вот и оконный проем в основании башенки. Что там, в темноте? — дрожащим голосом, громко выдохнул я в лица слушателей.

Ближе других сидевший ко мне матрос от неожиданности отпрянул. Губошлепы все разом вскочили, отступили на шаг. Дуэрни вскрикнула. Даже старик Ин-се, развалившийся в кресле с напоминающей ласточкин хвост спинкой, потерял былую уверенность и подался вперед.

Я понизил голос, начал комкать слова.

— Передо мной — гулкая полутьма. Внизу, под ногами, радующими пятнами, свет. Удивительно, что внутри разделенное снаружи сооружение цельно, едино, заполнено какими-то переходами, металлическими трапами, висящими тросами и канатами. Густо, не пролезть!.. Пространство, заполненное бессмыслицей. Мне надо вниз, а ступить на ближайший трап робею. От страха ноги дрожат, того и гляди оступлюсь и полечу вниз. Что это было? Зачем навеяно? Кто надоумил заглянуть в недра тайны — поди разберись.

Наступило молчание, в тишине особенно звонко прозвучал голос Дуэрни.

— Ты все это видел во время отдыха, знахарь? Как тебе это удалось?

— Не знаю, хозяйка, сам не ведаю. Померещилось, теперь буду обмысливать.

— Это верно, — согласился Ин-се и тут же спокойно добавил. — Все свободны. Ты, Роото, останься.

Все тут же разошлись. Никто не посмел спросить, чем же дело кончилось, рискнул ли я ступить на трап? Повод, на котором томилась Дуэрни, Ин-се передал Огусту, тот увел задумавшуюся девушку в кормовую надстройку. Когда я остался один на один со стариками, Ин-ту, так и не пошевелившийся ни разу за все время рассказа, вдруг шумно сменил позу.

— Ты хочешь сказать, лекарь, — зловеще начал он, — что все это привиделось тебе помимо твоей воли? Помимо приказа старшего по чину?

— Да, величество.

— В это верится с трудом, — заявил Ин-ту. — Признайся, горец, может, эта чушь навеяна тебе некоей незримой силой? Возможно, кто-то будит тебя во время ночного отдыха и рассказывает подобные байки, а затем ты, вдохновленный неясным голоском, начинаешь смущать покой добропорядочных поселян подстрекательскими речами? За это тебя следует отправить в преисподнюю.

— Зачем так строго, — успокоил напарника Ин-се. — Тем более, что в его словах есть зерно истины. Он вполне добросовестно отнесся к заданию и сумел увидеть то, что обладает пользой и смыслом. Ты сам, Роото, понимаешь, что в твоём рассказе польза, а где смысл?

— Нет, Ин-се.

— Примем твои слова на веру. Итак, — теперь он обратился к Ин-ту, — наш общий друг предлагает нам предъявить ковчег населению в иной, чем мы предполагали, форме. Совсем необязательно спускать с небес священный сосуд матерьяльно, в ореоле славы. Достаточно, чтобы по всем материками были расставлены подобные, разрезанные пополам, но цельные внутри, здания, где следует развесить изображения ковчега-победителя. Тогда каждый желающий будет иметь возможность лично, в любое время лицезреть священный образ, поклониться ему, доложить о своем житье-бытье. Это совсем неплохая мысль, дружище.

— И таким образом проникнуть в святая святых, в разум каждого поселянина и овладеть его помыслами? — спросил Ин-се. — Не слишком ли хитро задумано? Хотя... — он поиграл седыми бровями, — одно другое не исключает. Явление ковчега в сиянии славы, в окружении сонма славных, призывы, мольбы, бухание на колени, а потом уже священные здания и изображения в них. В этом случае мы замкнем систему. Знахарь, как по твоему мнению следует назвать подобные сооружения?

Я ответил не задумываясь.

— Храм, — и тут же спохватился, принялся горячо доказывать. — Только ковчегу, как делу рук человеческих не следует ставить храмы. Это бесполезно.

— Во-от, — удовлетворенно кивнул Ин-се, — вот он, момент истины. Ковчегу нельзя, потому что он изготовлен нашими собственными руками, не так ли?..

Оба старца как-то разом продемонстрировали мне свои худенькие, слабенькие лапки с обточившимися, заметно пожелтевшими коготочками. Далее они заговорили в один голос — ладно так заговорили, с легкими усмешками, одновременным покачиванием голов и ироничным почесыванием под мышками.

— Ковчег рукотворен, в этом все дело, верно? Чем, в конце концов, он отличается от долбленной лодки, клочка ткани, утюга?.. Этому учил тебя таинственный голос? Поклониться следует неведомой всемогущей силе, сотворившей весь этот круг, — они разом развели, кто левую, кто правую, руки, как бы обнимая небосвод, океанскую гладь и теряющиеся в сумерках очертания Дираха. — Все мироздание... Это мы уже слышали, Рото. Мы уже прошли через это, а твоя незримая, вездесущая сила, по-видимому, до сих пор не оставила своих попыток согнуть всех хордов в бараний рог. Не выйдет! Так и передай смущающему тебя во время отдыха. Долгими лишениями, напряжением всех сил, перестройкой сознания, бедностью и нищетой, смертями миллионов птенчиков мы выстрадали ковчег.

Они разом встали и торжественно заявили.

— Он — наше спасение и наша защита. Сим победиши!

Что-то надо было делать!

Немедленно!!

Любым способом спасать положение.

Попечитель помалкивал — видно, все еще продолжал зачищать территории где-нибудь в нескольких сотнях световых лет отсюда. Наш Пилат как всегда умыл руки.

Эти старцы все знали, обо всем ведали? Пусть искаженно, пусть понаслышке, из непроверенных, сохранившихся от архонтов документов, из неправильно понятых перехваченных сообщений, но того, что им известно, было вполне достаточно, чтобы отправить меня в преисподнюю. Мне очень туда не хотелось, пусть даже я не знал, что это такое. По-видимому, там жарко, даже слишком.

Насколько там жарко, я даже вообразить не мог.

Вопрос вопросов заключался в том, знают ли они главное? Долетела ли до них весть о гибели богов? О рождении нового миропорядка, основанного на невмешательстве во внутренние дела других миров, на уважении прав разумных существ, на безусловной и абсолютной ценности всякой разумной особи. В этот момент меня огорошила простенькая мыслишка — почему я уверен, что именно эти принципы попечитель призвал меня оберегать?

Я оцепенел. Потом уже, словно просыпаясь, осознал, что с точки зрения губошлепов, истинные мотивы попечителя не имеют никакого значения. Пусть даже им известно, что боги сгнули, но ведь кто-то из всемогущих, слепивших расу биоробов, мог выжить. У них вполне могли оказаться наследники! Вдруг наследникам придет на ум продолжить эксперимент? Что, если они вновь попытаются овладеть умами и телами хордов, впрячь их в ненужную, тяжкую, подневольную работу. Верхушка расы — все эти огрызки каст воинов-стражей, менеджеров, организаторов, «технарей-провидцев», ученых, вояк и путешествующих, вожаков и программистов, — могли решить, что их обитель вполне

могла показаться наследникам архонтов самым удобным уголком для возрождения былой мощи. Я был уверен, у наследников помимо отключения снов и прочей генной дребедени были и другие средства для приведения поселян к покорности, однако губошлепы уже не те. Среди них достаточно поселян, которые нашли в сердце смелость бежать за реку. В подавляющем своем большинстве они будут защищаться.

Тогда война?! Неизбежная, губительная... Со временем начинающая миллионами пожирать птенчиков, зверюшек, великолепные постройки, ковчеги всевозможных вероисповеданий?..

Эти ценности решил защищать попечитель?

Вновь оцепенение, томительный поиск истины, ожидание прозрения... Собственно истинные мотивы попечителя мне в тот момент тоже были безразличны. Мне самому предстояло сделать выбор — здесь, на этом затерянном в космосе уголке, на этой цветастой земле. На этой палубе. Осенней порой.

В океане...

По-видимому, в начале начал ковчег представлял собой нечто, сотворенное архонтами. Что это было — производственная база, своеобразный храм, скиния, а может, некое поддерживающее их жизнедеятельность сооружение, сказать трудно. С течением времени в жесточайших условиях свободного существования ослаб врожденный страх перед этим рукотворным космическим монстром. Благоговение смешалось с дерзостью, ответ будущего, пусть даже в форме самого примитивного прагматизма, вскоре пал на хордов. После гражданской войны, устроенной ди на просторах Галактики,

вращенных *in vitro*¹ (сноска: В пробирке) робов бросили на произвол судьбы. Губошлепам пришлось выживать в суровых условиях Хорда, почти в обнимку с обезумевшим, то и дело меняющим блеск, готовым вот-вот взорваться Даурисом.

Когда рухнули иллюзии, касавшиеся веры во всемогущество небожителей, в незыблемость установленного архонтами миропорядка, кто-то первым осознал опасность, исходящую от безатмосферных далей и сплотил хордов. Кто именно, теперь нельзя сказать. Вероятно, кто-то из «столпов». Эти сведения сознательно стирались из обихода.

Потом пришел день, когда верхи додумались до идеи сооружения полновластного, непобедимого ковчега. С этой целью повели тщательный поиск и сбор всего, что осталось от хозяев. А что могло от них остаться, кроме оружия, ведь все остальное на планете было создано руками поселян. Прибавьте иступленный, в каком-то смысле героический труд — только единение и усердие могли дать надежду на спасение. Со временем ковчег обрел черты символа выживания сообщества. Но, будучи особями, лишеными сновидений, а значит, не способными оценить себя со стороны, не имевшими возможности породить и совершенствовать идеальные представления о мире и о самих себе, они вообразили ковчег чем-то вроде гигантской пушки, с чьей помощью можно будет отбиться от прежних богов. Хорды были уверены, что рано или поздно боги, их дети, внуки богов обязательно появятся в окрестностях Дауриса-Тавриса. Кстати, судя по рассказам Туути, что-то подобное, возможно, уже имело место в истории

Хорда. Если так, то первая победа их окрылила, придала уверенности в правильности избранного пути.

Это был тот самый случай, когда нельзя избежать аналогий, тем более что я нутром ощущал — на этот раз подобный подход был вполне уместен. С помощью сравнений из земной истории можно было добыть зерно истины.

Прокричав лозунг, старики внезапно и одновременно бросились в объятия друг друга. Прижались щеками — вцепились с такой силой, что их маленькие личики образовали какое-то жуткое четырехглазое, двуногое и двуротое пятно. Так и замерли.

Я затаил дыхание. Какой обряд они исполнили? Что хотели сказать этим иступленным загадочным телодвижением? Не знаю, однако истина заключалась в том — я наверняка ощущал это, — что голыми руками их теперь не возьмешь. Набравшись опыта, поумнев в испытаниях, они готовы сотворить что-то непобедимое. Скоро губошлепы освоят способ одолевать серое лимбо и совершать межзвездные прыжки?

В следующее мгновение во мне сыграл инстинкт хранителя.

Ковчег как инструмент мести, как средство выживания, как источник и вдохновитель бездарной и примитивной «оборонной» философии должен быть разрушен — в этом спору нет. Здесь мне волей-неволей придется быть заодно с попечителем. Загвоздка в том, что для уничтожения монстра и исполнения обязательств перед Галактическим синклитом батяне-попечителю вовсе не требовался случайно попавший

ему в руки слабо развитый умишко с варварской планеты, какой является Земля. Койсу раз плюнуть уничтожить ковчег. Не говоря о «Сохраняющем мужество на страже» — боевом разведывательном фламатере 2-го класса, на котором попечитель доставил меня в систему двойной звезды Даурис-Таврис. Если даже я ошибался, все равно уничтожение сооружаемого губошлепа боевого планетоида не более чем техническая проблема.

Я по-прежнему, выпучив глаза, оставаясь без движения, взирал на внезапно прикипевших друг к другу стариков. Что же все-таки означает эта нелепейшая, свойственная более клоунам, чем почтенным старцам, поза?

Меня трясло от обрушившихся на меня догадок. Провидческий спазм вот-вот должен был закончиться истерическим хохотом. Искушение стало нестерпимо. Как раз в тот момент я спросил себя — а что, собственно, решит, физическое уничтожение ковчега? — и словно ушат холодной воды опрокинул себе на голову.

Да ничего!

Если уничтожать, так уж губошлепов! Всех разом, под корень. Вывод был хреновый, но логичный. Ведь эта раса являлась самым экзотическим артефактом, оставленным архонтами! По сравнению с ними все остальные технические штучки-дрючки — сущие пустяки!..

Я невольно отвел глаза в сторону. Я вспомнил Дурэрни, с томительной жадью чуда взиравшую на морской простор. Она мечтала первой разглядеть приближавшуюся Фрези Грант. Она искренне верила в нее. Вспомнил драившего палубу Тоота — тот, заметив мои выпученные, остекленившиеся глаза, приветливо пома-

хивал детской, несоразмерной ручонкой. Припомнил молоденького сварщика, тайком поглядывавшего на Дуэрни. Что можно было прочесть в его взглядах? Надежду, что живет в глазах любого молодого человека, взирающего на полюбившуюся ему девушку. В тот, оледенивший сердце, остановивший время миг я успел окинуть мысленным взором всех-всех губошлепов, путешествующих на «Калликусе».

Значит, всех под корень?..

Истина была ошеломляюща, не каждому хранителю по плечу.

Вероятно, губошлепы предусмотрели и такой вариант, и на этот случай где-нибудь в подземельях планеты созданы надежные убежища, в которых они смогут укрыть часть своей расы и приступить к строительству нового ковчега, взамен уничтоженного. Пусть этот сгусток злобы, оружия и жажды мести будет ущербен, мало-мощен, но он будет сотворен собственными руками и вновь получит статус святого. Когда пробьет час, хорды вновь попытаются выбраться на поверхность планеты, а затем и в безатмосферную даль. Обретя свободу, они, подобные муравьям или пчелам, тут же примутся за возведения улья или муравейника, воплощением которого и являлся ковчег. Это даже не условный рефлекс, заложенный в них архонтами. Это что-то на уровне инстинктивного умопомешательства.

Если губошлепам удастся повторно вырваться из мрака рабства, Галактику ждут трудные времена. Третьей волне цивилизаций, о которой так красноречиво вещал батяня-попечитель, грозит участь поруганной и распятой Америки времен конкистадоров. Стоит только

победившим птицелюдям почувствовать себя «сильными», «белыми», моей родной земельке — угожьям бледнолицых, курчавых, узкоглазых, светловолосых, голубоглазых, краснокожих, шоколадных и всяких прочих людишек — несдобровать.

Тогда пташки, человечешки, динозаврики и прочие разумные взвеси, держись!..

Я внезапно впал в транс, глаза закатились, на губах выступила пена. Заговорил глухим, якобы чужим голосом. Старцы с испугу еще крепче прижались друг к другу.

— Тех, кто причинил вам зло, давным-давно нет в живых. Они ушли к судьбе. Теперь вы свободны, но куда идете? Чему поклоняетесь? Благу? Правде? Разуму? Красоте? На что тратите силы? Зачем губите свой народ в нелепой попытке отомстить за обиды, зачем пытаетесь причинить зло другим? Зачем обрушили гнев на своих соотечественников, жгли их безжалостно и хладнокровно?

Они не упали передо мной на колени, не возопили о спасении, не принялись оправдываться. Они позвали матросов и приказали надеть на меня кандалы. За кандалами пришлось послать стражника. Заодно меня обмотали цепью.

Капитан Хват обмотал. Интересно, почему все, даже подчиненные матросы, называли его ублюдком?!

Хваат не скрывал радости. Он с шуточками-прибауточками заклепал цепь. Теперь я считался опасным заключенным.

Затем старики приказали Хааату наложить оковы и на них самих. Я удивленно глянул в сторону величеств. Хааат с тайной опаской и нескрываемым удовольствием выполнил приказ, после чего все мирно разошлись по своим каютам.

Глава 3

Когда наступило время ночного отдыха, я, отдохавший на койке — сна не было ни в одном глазу — глянул на губошлепов, будущих покорителей вселенной, а пока пугливых и исполнительных придурков, которые чуть что мчались в тюрьму и торопились накладывать на себя цепи. Они лежали как трупы, все поголовно на спинах, руки по швам — отдыхали в полную меру, без каких-либо мыслишек в головах.

Или я был не прав?

Едва мне удалось утихомирить расходившееся сердце, взять себя в руки, поудобнее устроиться на своем ложе, как сбоку, из-за переборки на меня ментальным облачком напозла жаркая слезливая мольба. Кто-то из поселян нашел в себе силы противостоять могильному отдыху, отдаться нахлынувшим страстям?

Я погрузился в транс, отворил телепатическую ауру, прислушался. Теперь чужие мысли стали более отчетливы. Чей-то дрожаще-тонкий, мысленный голосок молил ковчег о чуде — пусть ей, Дуэрни, будет позволено вернуться в родной дом. Пусть дано будет пробежаться по волнам и узреть остров, где мамки не носят поводков, ведь там, за рекой, в среде беглых, поселянки давным-давно забыли о драгоценных ошейниках, которые

надевают девицам в день совершеннолетия. Будущие экзамены на звание повелителя или на должность славной буквально ужасала Дуэрни, ведь после получения свидетельства кандидатам напрочь вырезают память. Где он, этот остров, на котором каждого, сумевшего добраться до него, одаривают удивительным состоянием, называемым «сном». Ах, хотя бы глазком взглянуть на себя, с обнаженной шеей, вольно перепрыгивающей с волны на волну! Знахарь утверждает, что во сне можно летать. Он еще говорил, что в этих видениях можно узреть будущее. Что такое будущее? Это то, что «не сегодня», что должно сбыться. Разве так бывает?

Мне стало до боли грустно, я почувствовал, как силы оставили меня — так со мной часто случалось на Земле. Когда наступало отчаяние, когда все путалось в сознании и не с кем поделить сомнениями, я погружался в дремотное, полубессознательное состояние и видел сны наяву. Теперь этот рецепт исключался. Мне было просто необходимо с кем-то поговорить, посоветоваться. Но с кем? С этой думающей машинкой-вернослужащим? Его не было поблизости, вероятно, ушел в глубину, а через стенки кубрика до него не достучишься. С волшебным поясом было бы легче, но где он, волшебный пояс, с которым я не расставался на Земле?

Я принудил себя внимательно выслушать мысли Дуэрни, так звонко страдающей за деревянной переборкой, потом навеял ей сновидение, глубокое, цветное. Заставил вообразить картину волнующегося моря и себя саму, с легкостью ступающую по срываемой уда-

рами ветра пене. Едва успокоил ее юное тело, уже откликнувшееся на призыв, готовое немедленно вскочить с постели и, минуя скованных одной цепью стариков, ринуться на палубу, откуда только шаг отделял ее от чуда. Стоило только ступить на низкий борт и спрыгнуть на изумительно бархатистую, покачивающуюся, светлую дорожку, брошенную на воду сияющим колесом Млечного пути, и можно отправляться на поиски волшебного острова, расположенного в Тихом океане. Только для этого ей придется совершить путешествие в несколько десятков тысяч световых лет. Последний образ — вид одноцветной космической бездны — я приглушил.

Все равно порыв оказался настолько силен, что Дуэрни сдавленно застонала во сне и, когда сновидения пошли на убыль, я мгновенным ментальным толчком разбудил ее.

Прислушался...

Дуэрни затаилась, некоторое время лежала неподвижно, затем вдруг мгновенно члены ее одеревенели, и она впала в обычное для губошлепов ночное оцепенение.

Отключилась напрочь!

Ее мозг вновь стал холоден, мысли едва уловимы и касались оставленного в Дирахе отца. Обычная ночная перестройка сознания, оценка сделанного, устранение конфликтов, на которые обычно так богат день, поиск выхода из тупиковых ситуаций, чем и ценен сон — одним словом, та многотрудная созидательная работа, которую мозг всякого разумного существа ведет в ночные часы, снова ушла в тень. Какая сила раз за разом при-

глушала образы, рождающиеся у молодой мамки? Каким образом эти чудесные мелодии, мотивы, сплетающиеся порой в такие замысловатые полотна, что, казалось бы, невозможно разгадать их, мгновенно забывались при пробуждении? Что за механизм внедрили генные инженеры архонтов в рассудки создаваемых биоробов, чем спеленали души, чтобы те потеряли возможность запоминать, видеть, оценивать, разгадывать и сны? И конечно, пугаться их, верить им, надеяться на них.

Сознание не может остыть, отключиться, «вырубиться». Разум всего лишь меняет фазовые состояния, одним из которых — и достаточно продолжительным — является состояние отдыха или, если применить иную терминологию, перенастройки. Сны — основа любой творческой деятельности, ее немереный потенциал. Стоит лишить разумное существо сна, и оно потеряет душевный покой.

Глубокий, длительный, насыщенный образами и тайным смыслом сон мог появиться только в результате длительного и трудного развития такого удивительного органа как мозг. Первобытный человек просто не мог позволить себе надолго отключаться от окружающей среды. Сон его был подобен сну животного: короток, тревожен, поверхностен. Дикарь спал урывками, не более четырех часов в сутки. С тысячелетиями, по мере возрастания способности противостоять угрозам извне, сновидения постепенно превратились в важнейшую функцию, регулирующую деятельность мозга. С его помощью разумное существо не только обрело возможность восстанавливать духовное равновесие и справ-

ляться с подспудно накапливающимися психологическими трудностями, но и заглядывать в будущее, пусть оно затем отливало в форме ритуалов и гимнов, формул и догадок, предсказаний, бредовых пророчеств и прочей непременно сопутствовавшей этому чуду чепухи. Разумное существо не может обходиться без сновидений и, что тоже крайне важно, без способности запоминать, видеть и воспроизводить в иной — например, словесной — форме те образы, которые мерещилось в часы отдыха.

Удивительно, но архонтам удалось успешно разрешить эти две конфликтующие между собой задачи: исключить сны и сохранить рабочий потенциал биокопий. Ничего не скажешь, воистину высшая цивилизация!

Я никак не мог заснуть, и не в оковах было дело, хотя, как ни вертись, они резали бока, упирались в ребра. Мне не давал покоя вопрос, как найти рецепт излечения поселян от внедренной безжалостной рукой фанатиков духовной хвори, пресекающей осознание сновидений.

Решение возможно, в этом у меня сомнений не было. Подобный запрет не мог не ослабнуть за тысячелетия вольной эволюции поселян, иначе они вряд ли выжили бы на этой планете. Надо отдать им должное, какую-никакую цивилизацию они сумели создать. Пример Дуэрни показал, что сны они видят, только не запоминают.

Но снятие запрета — это только полдела. Обретя способность видеть сны, чем добрые поселяне будут любоваться в часы ночного отдыха? Какую мифологию

начнут выстраивать? Куда пойдут? По пути восхваления ковчега, чей флаг они посчитают необходимым пронести «через миры и века», или примутся вдумчиво изучать разницу между правдой и кривдой?

Задача заключалась не только в том, чтобы восстановить недостающие части постройки, придать ей законченный и приятный вид, но и объяснить губошлепам, зачем она собрана и как жить в ней счастливо. Это было намного труднее, и здесь нельзя было обойтись без сказок и — я размышлялся! — без наших родненьких, незримых, сотканных из элементарных духовных частиц, сущностей, называемых «неведомой и крестной силой». Без полков эльфов, невидимых лазаретов, обслуга в которых состоит исключительно из фей, пери, вил и русалок. Без батальонов рыцарей, богатырей, царевичей, Иванов, крестьянских, солдатских и вдовьих депутатов... Без осеняющих их, напутствующих на добрые дела Перунов, Зевсов-Юпитеров, Аполлонов, Кецалькоатлей, Конираи Виракочи. Без прилипчивых личных гениев, прячущихся по углам дзядов и домовых — эти уж если где поселятся, их оттуда ничем не вытуришь. Ни из души, ни из дома...

С них надо было начинать. Эти худых снов добрым поселянам не навеют...

Не обойдется, конечно, и без лешаков, багников, водяных, без скопищ бабусь-ягусь, эскадрилий Змеев Горынычей, драконов, и прочих ползающей, рыкающей и пышущей огнем бесовщины. Без вурдалаков, вампиров, ведьм и колдунов, называемой «нечистой силой». Стоит только небесному воинству появиться на планете,

эти тоже ползут, без спросу поселятся в пальмовых лесах, на горах, в реках, морях, в жилищах, при дорогах.

Это было не так смешно. Это было очень не смешно, тем более что мне открылась разгадка, с какой стати попечителю — представителю пусть и сгинувшей, но более великой и могучей цивилизации, — пришлось заключать контракт со мной, ничтожным хранителем с какой-то мелкой, упрямой в дальней части второй галактической спирали планетки.

Придерживая цепь, чтобы не звякала, я, не в силах сдержать нетерпение, встал, прокрался к трапу.

Замер, прислушался...

Отблеск чьего-то бодрствующего сознания полыхнул в ночи. Кто-то притаился на палубе. Аура его была туманна, мысли — горькие, переперченные, пересоленные, — текли, как слюни изо рта. Интеллект, правда, был развит; знаний, символов, образов ублюдку хватало. Кто это мог быть? Я с превеликим трудом настроился на перепачканный обидами, ненавистью, верой в несбыточное, заливавшийся плачем рассудок и замер от неожиданности.

Неизвестному мерещилась уродливая, угловатая металлическая глыба. Черной тенью, сгустком мрака она плыла на фоне сияющего звездного колеса. Глыба имела вид четырехгранной равносторонней пирамиды с многочисленными выступами, наплывами, башнями, орудийными портами, густой сетью антенн в закругленной носовой части. На одном из оглаженных бортов гигантский номер и ниже надпись «Калликус». Следом

мой мысленный взор, следивший за видениями, нахлынувшими на губошлепа на палубе, озарил что-то, напоминающее рубку: огромная сфера, внутренняя поверхность которой была усеяна многочисленными дисплеями, на них выводилась всевозможная информация. В центре сферы на необыкновенно тонких растяжках помещался малый прозрачный шар. В нем располагался капитан Хаат в поблескивающем комбинезоне, напоминающем военную форму, на голове такой же прозрачный пирамидальный шлем с прорезями. До меня донеслись обрывки разговора, из которого стало ясно, что Хаат командовал межпланетным крейсером «Калликус». Вот откуда появился на этом вонючем паруснике наш храбрый, невоздержанный на язык капитан! Теперь его как салагу выставили на пост в самую собачью вахту? Крутые ребята, оказывается, эти Ин-ту и Ин-се.

У них не побалуешься...

Не меня ли капитан стережет на палубе? Если да, то усилия стариков-губошлепов напрасны. В темноте я видел не хуже, чем днем, так что подобраться к выходу из трюма и мысленно влить капитану оглушающий ментальный заряд снотворного не представляло труда. Вот что еще удалось различить в момент угасания сознания Хаата, когда у него в мозгу с нарастающей быстротой вдруг начали мелькать образы былого. Капитан оказался представителем редчайшей породы губошлепов, который прекрасно разбирался в понятиях «прошлое», «настоящее» и «будущее». Иначе ему никогда бы не стать капитаном крейсера I класса «Калликус», охранявшего зону, расположенную за пределами самой дальней планеты системы Даурис-Таврис. За какой-то

служебный проступок его перевели в славные и понизили до звания «охотника» II ранга. Еще я отчетливо уловил ауру неприязни, которую испытывали к капитану окружавшие его полноценные биоробы. Они неспроста называли его ублюдком.

Это что-нибудь да значило.

В следующее мгновение я вновь увидел капитана в бытность его командиром космического крейсера. Кто-то из подчиненных, обратившихся к нему, назвал его «славным».

Хваат является славным?! Интересно, в каких же чинах наши уважаемые старцы, если они обращаются с капитаном как с проштрафившимся юнгой?

Оцепенев до деревянного состояния, Хваат лежал возле мачты — глаза открыта, густая борода, вокруг обнявшая шею, лохмами торчала во все стороны. Мне так хотелось трахнуть его своей металлической ногой по голове, однако благоразумие взяло верх — после оглушающего удара у нашего славного останется большая шишка, и это может оказаться серьезной уликой против меня, нарушившего запрет разгуливать во сне.

Хваат выказал себя настоящим космическим волком — он храпел так, что удивленный «Быстролетный» без всякого вызова сам подвсплыл над водой. Когда я перебрался к нему на влажный округлый, моментально огородившийся перилами борт, до меня донесся удивленный шепот.

— Что у вас там за рев? На абордаж берут?..

Я ничего не ответил. Спустившись в рубку, первым делом продемонстрировал металлические браслеты на запястьях.

— Видал? Совсем офонарели!..

Затем сел в подбежавшее ко мне креслице. Наподдал сидению, чтобы оно не ерзало, устроился поудобнее, выждал некоторое время и спросил.

— Послушай, дружище, где наш бугор, он же этот... повелитель вселенной? Мне надо кое-что насчет контракта уточнить.

— Нет его, — буркнул в ответ койс. — Все еще где-то в дальних далях, за тридевять земель обретается.

— А этот... обломок голограммы здесь? Бдит?

— Обломок здесь, а вот бдит или нет, не знаю. Похоже, что пребывает в заторможенном состоянии. Ни разу пока не вякнул. Все равно я бы на твоём месте не особенно распускал язык.

— Испугал волка!

Койс промолчал, потом тихо напомнил.

— В чем собственно дело, Серый?

— Интересуюсь, приятель, каким образом мы оказались в системе Дауриса-Тавриса? Воплотились на приводной станции? Такой же, что построена на Беркте?

— Нет. Попечитель обеспечил воплощение прямо в свободном пространстве. Он на такие штучки мастак. Все-таки техника не стоит на месте.

— Но приводная станция существует?

— Конечно. Сохранилась от архонтов. Я как раз должен помочь тебе в поиске подходов к приводной станции, остальное меня не касается.

— Ага, вот мы и подобрались к моменту истины. Значит, ковчег побоку, с ковчегом вы — ты и твой бестелесный начальник — сами справитесь. А мое дело —

приводная станция, обеспечивающая межзвездные перелеты. Верно я мыслю? Логично?

— Исключительно. Как отбойный молоток. Если не считать, что этот ковчег — тьфу, а не цель. Так, фуфло. Мне на один наскок. А вот приводная станция — это объект! Это не для нас, вшивых. Это по плечу только хранителям. Грозным волчарам!

— Хватит, а-а?! — я повысил голос. — Я серьезно.

— Прошу простить, повелитель. Был дерзок, вспыл. Буду наказан.

Я пронзительно-внезапно, до боли в сердце, ощутил, что он не шутит, а если и пытается шутить, то прикрывая въевшийся за миллионы лет страх перед начальством. Грех было обижать единственного друга.

— Где находится приводная станция?

— Это запретное для меня знание. Где-то в пределах звездной системы Дауриса-Тавриса.

— Ты, опытный космический ходок, и не смог обнаружить централ?!

— Меня привели в рабочее состояние, когда «Неугомонный» уже находился в пределах звездной системы.

— Но ведь ты догадываешься, где она расположена. Не можешь не догадываться!

— Это нарушение приказа.

— Ты, потерявший родину, лишенный пенсии, утративший право на отдых, на личную жизнь подчиняешься каким-то доисторическим приказам? До сих пор шагаешь в ногу с теми, кого уже давно нет в живых? Чудеса да и только!..

— Перестань, Серый... — голос у койса дрогнул.

Я стиснул челюсти.

— Но ведь приводная станция существует? — после короткого молчания спросил я.

— Непременно.

— Где же она?

— Там, куда ни одно нормальное существо в здравом рассудке не сунется.

— Даже попечитель?

— Даже он. Ему тоже своя нейтринная жизнь дорога.

— В этом ты прав, дружище. Жизнь дорога каждому, даже если их у него в запасе неисчислимое количество. Стоит только зачерпнуть...

— Глупости, Серый. У любого разумного, чувствительного существа жизнь только одна. И у тебя в том числе. А то, что можно зачерпнуть — это ерунда. Жалкая биокопия... Биороб... Если погибнешь губошлепом, то на воскресение в облике человека не рассчитывай. Твой лимит исчерпан.

— Слышь, «Быстролетный», а ты в Бога веришь?

— Зачем мне это?

Я задумался — действительно, зачем?

Тишина была долгая, протяжная. Как бы то ни было, я решил идти до конца, тем более что рядом где-то прятался обломок голограммы. Пусть прикидывается спящим, заторможенным, либералом их либералов, я был уверен, каждое мое слово аккуратно фиксируется на каком-нибудь фантастическом носителе.

— Слушай, друг, это не праздный вопрос. Я вот о чем подумал. Вымести с планеты и безатмосферного пространства оставленные архонтами вещицы, напри-

мер, приводную станцию, это только полдела. Главная задача в том, чтобы убедить губошлепов отказаться от постройки ковчега.

— Полагаешь, что без веры не обойтись?

— Никак не обойтись! По крайней мере, другого способа просветить губошлепов я не вижу. В этом попечитель не ошибся. Вера — сила могучая, способная реально отвратить губошлепов от созидания космического укрепрайона. Пусть объект веры будет называться Ковчегом, но не рукотворным, а духовным, созидающим.

Дай досказать!..

Беда в том, что от меня требуют сокрушающей любые сомнения проповеди, а я сам с головы до ног увешан сомнениями.

Как бы тебе объяснить?..

Понимаешь, я всегда относился к религии с некоторой снисходительностью образованного человека, при этом, правда, всегда признавал ее культурно-историческую ценность, но в вопросе о существовании Бога я никогда не скрывал скепсиса. Ерничая, а сам прикидываю, а вдруг накажет?

Усек?

Как же мне убеждать людей? Ладно, скажем, одолел я в себе предвзятость, что дальше? Не смешно ли в облике губошлепа изображать из себя верующего, не важно какого — христианина, мусульманина, иудея, буддиста, баптиста или какого-нибудь дырника (сноска: Одна из групп беспоповцев-самокрещенцев. Наставников не признают, иконы не почитают. Летом молятся под открытым небом, зимой — в небольшое отверстие, проделываемое в восточной стене своего дома.). И как

быть с тем, что разделяет иудеев, христиан, мусульман, последователей Будды? Заострять ли внимание на различиях в понимании святынь. Как быть календарем, чистилищем, с аксиомой о непогрешимости папы? С двуеперстием и троеперстием, тем более что в глазах губошлепов этот жест считался крайне неприличным.? Имеет ли смысл объяснять разницу в истечении Святого духа от Бога-отца или от Бога-отца и Бога-сына?

Или, может, отбросить эти разночтения, ведь я здесь один-единственный землянин на всю округу.

Человечище!

Может, попытаться рассказать о том, что нас соединяет? Извлечь, так сказать, квинтэссенцию! Отыскать философский камень, ведь Создатель для иудеев, христиан, мусульман, даже с точки зрения самой строго ортодоксии — един!

И как быть с четырьмя благородными истинами — Арьясачча, которые в любом случае, при любом истолковании, в любом уголке Земли, на любой планете, даже в ядре Галактики, остаются благородными.

Кем бы я был, если бы умолчал о Гаутаме?

Вновь наступила тишина. В рубке все оставалось по-прежнему, разве что обесцветился и стал прозрачным экран и манящий свет звездной спирали заиграл передо мной. Ближайшие к Хорду звезды задумчиво смотрели на меня, на причудливое металлокерамическое существо, хоронившее в своей искусственной утробе неведомое науке человечище.

Неожиданно койс закашлялся, прочистил то, что у него называется горлом или выходным динамиком, и, наконец, ответил.

— Ты, хранитель, позволил себе отыскать ответ у меня, капитана, которому никогда не стать майором? Ты вот так запросто обращаешься с субординацией?

— Плевать мне на субординацию. У кого же еще спрашивать, если нас здесь двое.

Пауза.

Легкое покашливание, истончившийся до дрожащего тенорка голос.

— Помнишь, Серый, ты интересовался, вижу ли я сны?

Еще одна пауза, затем прежний гнусавый баритон.

— Нет, не вижу.

Вздых.

— А хотелось бы... Мне ведь тоже порой приходится вырубаться. Я эту отключку терпеть ненавижу! Очнешься, и так грустно становится на душе — валяешься, как отсоединенный от питания уют. Раньше было плевать, а вот послушал тебя, поглядел на губошлепов, тошно стало. Чем же я от биороба отличаюсь!

Еще один вздох.

— А хотелось бы отличаться... Лежишь себе и видишь что-нибудь легковесное, приключенческое, с эротическим привкусом. Что-нибудь о колодце, полном ледяной, вкуснейшей на свете воды.

Ни с того ни с сего койс принялся цитировать Тараса Шевченко.

Садок вишневый коло хаты,
Хрущі над вербами гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Спивають ідучи дівчата...

— Перестань... — голос у меня дрогнул.

Я стиснул челюсти.

— По грибочки бы сходить, — после короткой паузы продолжил койс. — Помнишь, когда мы с тобой на Земле в первый раз встретились? Каллиопа тогда грибную жаренку с картошкой приготовила?

Затем койс признался.

— Кошмаров не хочу. Не дай Бог просыпаться в холодном поту, да еще с включенными сиренами, звать знакомых вернослужащих и вернослужащиц. Не хочу — и точка!! Но если даже кошмары — пусть! Сдюжим как-нибудь. Лишь бы увидеть что-нибудь. Ясно выражаюсь, Серый?

— Вполне.

— Слышь, волчара, сегодня до меня долетел сон юной курицы, которую водят на поводке. Ты, эта, зря переживаешь. Никто не собирается уничтожать этот курятник. Головой ручаюсь! Попечитель не посмеет ослушаться устава, да и зачем ему это? Он способен видеть сны. Говорит, редкая прелесть.

— Вот как? А мне казалось, сущность он и есть сущность.

— Нет, он когда-то был естественным ди.

Затем «Быстролетный» вернулся к заветному.

— Вот ты спрашиваешь, верю ли я в Бога? — он протяжно прерывисто вздохнул. — Спрашиваешь, потому что тебе это раз плюнуть. Ты — царь природы, у тебя свобода воли.

Ты послушай, не перебивай!!

Я же не перебивал!!!

Конечно, мы долгое время не разлей вода. Этого не отнимешь! Вместе пуд соли съели — пили, болтали, твой скафандр натаскивали. Это все так, но ты спрашиваешь меня о том, что не имеет никакого отношения к железке, навроде меня.

Или не должно иметь отношения.

Я тебе вот что хочу сказать. Если полагаешь, что для выполнения задания мне необходимо поискать ответ и на этот вопрос, я поищу.

Я постараюсь. Если считаешь, мы друзья, значит, так и будет. Значит, так нада!! Ты — начальник, естественник. Ты из повелителей, ваш бродь, так сказать.

Сидеть молча, руки в гору! — неожиданно рявкнул аппарат.

Я поднял руки.

— У меня, Серый, на все ваши философии, на всякие заповеди-маповеди, сомнения-момнения наложен конструктивный запрет. Посуди, зачем мне это, если я не способен видеть сны?

— Ты к попечителю обращался? — поинтересовался я. — насчет того, чтобы навеять сон золотой? Ему, небось, это труда не составит.

— Именно так, обращался. Он мне вот как объяснил — мол, с технической точки зрения задача решаемая, но для этого ему необходимо полностью перестроить мое сознание. Беда в том, что он не может дать гарантии, что в результате я останусь самим собой. Следует действовать естественным путем, пробудить, так сказать, мои внутренние духовные силы. Насчет духовных сил, это он так выразился, — словно оправдываясь, добавил койс.

Некоторое время я сидел, тупо уставившись в звездное небо. Галактический обод заметно сдвинулся влево, развернулся к нам родным рукавом. Я мысленно отложил две трети расстояния от центра галактики — в том районе поиска маленькую звездочку. Напрасный труд. Отсюда Солнце даже в самый мощный телескоп вряд ли увидишь.

— Помнишь Каллиопу? — спросил я. — Как она появилась у тебя в рубке. Как предстала в одеянии Венеры с цветком в руке? Помнишь, как у тебя тогда дыхание перехватило. Возмечтал, наверное, койсик, голова закружилась...

Хозяин ответил не сразу, некоторое время громко сопел. Неожиданно в рубке возникло еще одно кресло, пробежало, замерло, обрело тяжесть, будто кто-то коснулся сидения. В то же мгновение в рубке обрисовалась Каллиопа. Королева фей, русалок и вил, пра-пра-пра, уж не знаю, какая по счету, внучка Афродиты, была в легкой прозрачной накидке, пышную прическу скрепляла усыпанная бриллиантами диадема. В правой руке держала жезл Флоры, в другой цветок. Рядом с ней вживе родилось еще одно сидение. На него, скорописью очерчиваясь в воздухе, взгромоздился друг мой Георгий, супруг царицы любви, владелицы всякой травинки, всякого побега на Земле. Всем им она дает силу роста, всех одаривает страстью. В углу обозначился худший — просто скелет — старик с редкой козлиной бородкой, в походном одеянии римского легионера.

Василь Васильевич!.. Он же Агасфер, наказанный Иисусом Христом за дерзость.

Я стиснул челюсти, приказал.

— Отставить!..

Изображения сгнули. Только китайская роза, пышно разросшаяся по рубке, напоминала о былых временах, когда мы все четверо собравшись на борту койса, в соседстве с бестелесным капитаном фламатера мчались на бой с раруггами.

— Да, только роза и осталась, — угадав мои мысли, шепотком признался койс. — Знаешь, сколько мне с ней пришлось повозиться, чтобы сохранить корешок. Сколько раз приходилось вырубаться, замыкаться в исходную оболочку, одолевать серое лимбо. Теперь видишь, как разрослась. Не служебное помещение, а цветник. Приятно дышать...

— Как же тебе это удалось?

— Изготовил специальный блок для поддержания жизнедеятельности.

— Вот и отключи его на время отдыха.

— С ума сошел! Да у меня выключатель не срабатывает, пока я розу не сверну в исходную оболочку. Весь изведусь.

— Вот и помайся в отключке! И импульсов тревожащих подбросим.

Я сделал паузу, потом тихим, с пришептыванием, голосом приказал.

— Теперь, «Быстролетный», разбуди во мне оборотня из рода Змеев Огненных Волков. Освободи дух пращуров, вдохни в меня силу семи богатырей, позволь пробиться в небывалое. Сними заклятье фламатера.

Он не ответил, однако спустя мгновение меня обдала волна жгучих, пронзительных до боли воспоминаний.

Я взвыл.

Все, творившееся со мной, происходило въявь. Я вновь ощутил себя потомком тех доисторических, сотворенных в пробирке хранителей, почувствовал знакомую тяжесть на бедрах — воспоминание о волшебном поясе, утерянном возле Сатурна, отозвалось острой болью, плачем об утрате. Умывшись слезами, я поверил в себя, припомнил уроки Каллиопы, рассказы Василь Васильевича.

Вернослужащий жаждал снов, желал забвения, мечтал познакомиться во сне со своим alter ego. Тропинка, открывшаяся мне в дебрях воспоминаний, привела меня на берег таинственного озерка, где я когда-то выловил Каллиопу, умыкнул ее и доставил Георгию-царевичу.

Вот ее завет...

Я подошел к взрослой на скудной металлической почве китайской розе — земному цветку, особенно пышно цветущему в утробе койса. Оторвал лепесток с раскрывшегося алого бутона, наложил крестное знамение.

Затараторил, забубнил:

На море на Окияне, на острове Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким сидит раб Божий, нарече Быстролетный, тоскуя. Кручинится в тоске неведомой и в грусти недознаемой, в кручине недосказанной.

Идут восемь старцев со старцем, незваных, непрошенных; гой ты, еси раб Быстролетный, с утра до вечера кручинный ты. Что, по что сидишь такой на полой поляне, на острове Буяне, на море Окияне?

И рече раб Божий Быстролетный восьми старцам со старцем: нашла беда среди околицы, залегло во ретиво сердце; щемит, болит головушка, не мил свет ясный, постыло мне. Воззовиша восемь старцев со старцем грозным грозно; начали ломать тоску, бросать тоску за околицу.

Кидма кидалась тоска от востока до запада, от реки до моря, от дороги до перепутья, от села до погоста, от края священного Обода до края; нигде тоску не приняли, нигде тоску не укрыли. Кинулась на остров на Буян, на море на Окиян, под дуб мокрецкой — там и сгнула. Оставила раба Божьего Быстролетного и по сей день, и по сей час, и по сию минуту отзовись сердце раба Божьего Быстролетного сном праздничным, беглым.

Потом я размял лепесток, положил на полку и наказал.

— Когда покину рубку, сглотни снадобье, — после чего направился в сторону выхода.

— Слышь, Серый, — уже на воле, когда я выбрался на выступающий из воды корпус койса, из поднебесья до меня долетел шепоток. — Попробуй, впаяй ты этим губошлепам веру. Сколько им во мраке томиться.

Спускаясь в кубрик, я мысленно разбудил Хаата. Тот, пробудившись, вскочил на ноги, вскинул лазерный карабин, ошалело пробежал вдоль бортов. Затем вернулся к лазу в трюм, грузно осел на уложенную в бухту снасть, с которой я рассказывал сказки, и уставился в полнозвездное ночное небо. В его взгляде читалась волчья, нечеловеческая тоска.

Устроившись на койке, я толкнул в бок лежавшего рядом Тоота. Тот мгновенно открыл глаза, сел, удивленно глянул в мою сторону.

— Чего тебе? ЧП?

— Не-е... Слышь, товарищ, подскажи.

Инженер вновь улегся, повернулся в мою сторону.

— Что тебя тревожит, Роото?

— Вот, понимаешь, приходится убеждать других в том, во что сам не до конца верю.

— Это очень важно, товарищ?

— Очень.

— Меня в полночь будить?

— Да.

— Так поверь!

Он зевнул, лег на спину и тут же захрапел.

Воистину, блажены нищие духом, ибо их есть Царствие Божие.

Я вздохнул, улегся и закрыл глаза. Как у них все просто, у товарищей!..

Глава 4

Утром на палубе все сторонились меня, закованного в кандалы. Капитан, оказавшись рядом со мной, буркнул, чтобы я дальше середины палубы не заходил, держался от кормовой надстройки подальше. Видно было, что после того, как он проспал вахту, прежняя самоуверенность покинула его.

Я пожал плечами.

— Жрать где прикажете? Вместе со всеми или здесь же, возле борта?..

— Срок у тебя условный. Пока не осознаешь... Вместе со всеми.

Я не выдержал и тихо спросил Хаата.

— Послушай, брат, а себя старики за что в оковы?

— За то, что проворонили, каков ты есть гусь на самом деле.

— Каков же я гусь?

— С придурью, а хорохоришься так, словно провел год на дежурстве в безатмосферной дали.

— Послушай, брат, а это далеко, безатмосферная даль?

Он помедлил, потом буркнул.

— Отсюда не видать.

— Ты там случайно сны не видал?

Он невольно напрягся, можно сказать, набычился, глянул снизу вверх. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Я угрюмо глядел на него. Наконец он прочистил горло, пригладил бороду и также тихо прошептал.

— Видал. Еще хочу.

— Здесь, на Хорде?

— В атмосфере не получается, сплю, как полено. Нужна невесомость.

— Это как?

Он прокашлялся, глянул на море, на работающих матросов, на драящих палубу Тоота и Этту. На стражей, стоявших на часах возле кормовой надстройки, потом ответил.

— Тело становится легче перышка. Так и плывешь по воздуху.

Я недоверчиво глянул на него, отчаянно почесался — всласть, постанывая от удовольствия, потом спросил.

— Брат, ты ковчег видал?

— Видал.

— Ну, и как?

Он неожиданно замахнулся на меня и заорал грубо, с матерным довеском.

— Работать, падло!.. Чтобы ни одна ниточка не торчала!.. — и уже тише добавил. — Хрен дождешься, чтобы я из-за тебя, придурка, добровольно кандалы на себя надел!

Это был первый единственный громкий вскрик за все утро. Когда же в полдень опутанные цепью старцы в сопровождении заплаканной Дуэрни, Огуста, двух стражей, появились на палубе, на корабле стихли всякие разговоры. Даже матросы перестали перешептываться, только Тоот ободряюще подмигнул мне, плетущему канат, и продемонстрировал уже заметно увеличившуюся порозовевшую кисть. Этта тоже глянул в мою сторону, улыбнулся.

Дуэрни на коротком поводке подошла к борту, бросила взгляд в морскую даль. Там в легком розоватом тумане сиял непоседливый Таврис. Когда же из-за дуги горизонта глянул край Дауриса, девушка повернулась и в упор, настойчиво посмотрела на старцев. Те вжали удлинённые с широкими зальсынами головы в плечи, разом почесались, переглянулись и натянули повод.

Девушка грустила. Села в кресло рядом со мной, засмотрелась на море, потом попросила холодной воды. Первым на ее просьбу отозвался Этта. Он бросился в надстройку и тут же появился с бокалом на подносе. Приблизился к Дуэрни, поклонился. Тут же к креслу

подскочил Огуст, взорлил, уперся истребляющим взглядом в парнишку. Затем укоризненно глянул на гарцуковну. Та надменно повела плечиком и нарочито вызывающе приняла бокал. Отпила, остальное вернула Эtte и кивнула. Тот принялся отчаянно чесаться. Вслед за ним и матросы повеселели, принялись похлопывать друг друга по спинам, скрести плечи. Все заговорили, даже старцы оживились — заспорили о чем-то своем.

К моему удивлению, никто не собирался запрещать вечерние посиделки — наоборот, ближе к вечеру от старцев пришло указание, в котором мне предписывалось добровольно раскаяться и поведать о благом пути, которым должен следовать каждый добрый поселянин. При этом следовало вплести в сказку упоминание о плутающих в ночи прозрачных, так и норовящих сбить благонамеренного губошлепа с истинного пути, а также о победе добра над злом. Указание передал мне Огуст. Ин-ту и Ин-се сидели рядом, в двух шагах. Я было попытался выяснить подробнее, что именно имели в виду достопочтенные, упоминая об истинном пути, и на кого ликом похожи прозрачные, поэтому обратился к величествам напрямую.

— Если будет позволено получить дополнения к ценному указанию?..

— Позволено, негодяй, — откликнулся Ин-ту. — Спрашивай, но к нам не обращайся... Пусть волны откликнуться на твои вопросы, мачты проскрипят ответ.

Я удивленно глянул в их сторону, потом повел глазами по верхушкам мачт, задержал взгляд на вращающемся рупоре локатора, на параболической антенне. Главное — спокойствие, только спокойствие, твердил я

про себя, однако этот фарс, знакомая, но каждый раз ошарашивающая простота поведения, свойственная разве что самым примитивным племенам, которые живут по своим неписанным правилам, которые не то что принять, понять невозможно, — порой ставили меня в тупик.

— О каком истинном пути следует вести речь?

— О бескорыстном служении ковчегу, паршивец.

— Имеется в виду добродетельная жизнь, с помощью которой можно проторить дорогу к подвигу?

— Точно так, висельник.

— В таком случае позволено ли мне в качестве награды за праведную жизнь, за бескорыстное служение ковчегу, упомянуть о возможности узреть священный сосуд, вместилище ума, чести и совести нашей эпохи?

Старцы задумались. Вопрос был каверзный, его слышали все, кто находился на палубе. Всех в кандалы?.. Кто же будет управлять судном? С другой стороны, умолчать о награде для праведника, значит, сыграть на руку прозрачным, которые должны будут до икоты искушать почесываниями верного ковчегу человека.

— Позволено, — отозвался наконец Ин-се.

В тот вечер я рассказал губошлепам о двух земляках, проживавших у нас, в горной местности.

— Жили-были в соседнем поселении два мужика. Один был себе на уме, всякими правдами и неправдами добывал хлеб насущный, горазд был на обман, случалось, и не руку нечист. Жил богато... А другой, слышь, беднящий-пребеднящий, шел прямой дорогой, жил по правде, колотился день и ночь, все равно в дому крошки лишней не было, — я примолк на мгновение, заду-

мался, повесил голову. — Эхма, если бы трудами праведными можно было отгрохать палаты каменные... Вот раз поспорили они, кому на свете легче живется — тому, кто все по правде творит, или кто ловчит да выгадывает. Договорились спрашивать у всякого встречного-поперечного, пусть люди их рассудят. А дорога им неблизкая выпала, шли-шли — криводушный всяко сумеет ко всем приладиться, везде его кормят, и хлебушек у него есть, а правдивый где водицы изопьет, где поработает, его за это накормят, а тот, знаешь, криводушный все смеется над ним. Вот раз правдивый попросил хлебушка у криводушного-то: «Дай, слышь, мне кусочек!» — «А что я за него буду иметь?» — спрашивает криводушный. «Бери, что у меня есть», — говорит правдивый-от. «Давай глаз у тебя выколю!» — «Ну, выколи», — тот ему отвечает.

Выколол криводушный глаз правдивому...

— Вот гад! — не выдержал Этта. — А я думал, не решится.

— Как же, не решится!.. — высмеял паренька страж Туути. — Он же из прозрачных, чудак ты человек.

— Нет, — возразил я. — Криводушный из самых первых поселян, из рода портных.

— Ну, знахарь, — Туути отчаянно почесал живот. — Тогда я не знаю... Это как же подобных живодеров земля носит?

— Тихо вы, умники! — оборвал разговор Огуст и обратился к старцам. — Позвольте продолжать?

Ин-ту махнул рукой — давай, придурок, ври дальше.

— Шли-шли, опять правдивый стал просить у криводушного кусочек хлеба. Тот, знаешь, опять разное стал над ним насмехаться. «Давай другой глаз тебе выколю, тогда дам кусочек». — «Пожалей, браток, как же я слепой буду», — правдивый принялся упрашивать его. «Зато ты правдой живешь, а я, такой-разэтакий, кривдой», — отвечает тот. Что делать? Говорит он криводушному: «Ну, выколи и другой, коли греха не боишься».

Выколол и другой глаз, дал немного хлебца и бросил на дороге — стану я тебя, слепого, водить, говорит от.

Слепой съел кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью, с палочкой.

Шел-шел и сбился, слышь, с дороги и не знает, куда ему идти. Вот и начал он просить: «Ковчег святой! Не оставь меня, грешного раба твоего!»

Помолился, повалился спать и услышал во сне голос. «Иди направо. Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу — найди ощупью тропинку. Найди тропинку, поди по ней. Пойдешь по тропинке, придешь на гремучий ключ. Как доберешься до гремучего ключа, умойся из него, испей воды и намочи глаза. Как намочишь глаза, вмиг прозреешь! Как прозреешь, поди вверх от ключа и увидишь большую пальму. Найди пальму, влезь на нее. Как залезешь, дождись ночи. Дождешься ночи, слушай, что будет говорить под этой пальмой прозрачная сила. Они, слышь, туда слетаются на толковище».

Ин-ту даже привстал со своего места. Я перепугался, спросил.

— Что-нибудь не так?

— Это где же такая пальма растет, под которой у прозрачных явка назначена?

— Господи! — взмолился я. — Ковчег небесный, откуда же мне знать, где та пальма.

Старец погрозил мне пальцем и кивнул — продолжай, мол...

— Все сотворил правдивый, как приказал ему голос. Добрался до ключа, прозрел, нашел пальму, влез на нее, дождался ночи...

— Ну и?.. — Туути не выдержал, подался вперед.

— Точно! Начали слетаться туда всякой гадкой твари по паре. Собрались и начали рассказывать, где кто был. Вот один прозрачный говорит: «Я, слышь, был у одной гарцуковны. Десять сезонов ее мучаю. Глаза ей застю, робостью мучаю, лихорадкой донимаю. Всяко меня гонят, а ничего не получается, потому что, слышь, аленький цветок надо добыть, а растет он далеко, за тридевять земель, в тридесятом царстве, на море Окияне, на острове Буяне. Кто этот цветок даст гарцуковне отведать, она оживет, осмелеет, любые экзамены сдаст и домой возвратится с победой. И заветное, что лежит на сердце, исполнит».

Дуэрни даже глазом не повела, только, чувствую, дыхание затаила, а сердечко голубиное так резво стук-постук, стук-постук.

— Отправился живущий правдой поселянин за тридевять земель. Шел-шел и добрался наконец до той земли, где мужики один чуднее другого. Есть такие, что черны, как смоль, другие белы, как снег, третьи, с глазами как щелочки, лопочут по-своему. Все на разных языках говорят, но друг друга понимают. Как услышали

просьбу правдивого, говорят: «Проходи, садись, гостем будешь. Каку тебе травку, какой стебелек волшебный, какой цветок надобен, у нас, слышь, их много». Провели они правдивого в дивный сад, тот и выбрал цветок, о котором прозрачный упоминал. Вот так, бутонем, распускается.

Я показал губошлепам на руках, как распускается китайская роза.

— Вернулся правдивый, пришел к гарцуку и говорит: «Позволь дочь твою, благородную мамку, вылечить. Есть у меня надежное средство, от всех хворей помогает». Гарцук дал добро, пожевала юная мамка лепестки с аленького цветка, сразу здорова стала, весела и бодря, порадовалась с часок и села к экзаменам готовиться.

Тут мой голос повеселел, в нем добавилось бодрости.

— ...Стал наш поселянин ходить в канцелярию, пилотку нацепил, халат в обтяжку. Захотелось ему на родину съездить, в горы, вот отпросился он у начальника канцелярии. Поехали они вдвоем с молодой женой. Подъезжают к поселению, а навстречу им криводушный. Правдивый к нему: «Здравствуй, браток!» — Тому, вишь, в диковинку, чтобы сам, из главной канцелярии, его братком называл. Пригляделся, а когда узнал прямодушного прежде, чем в тюрьму бежать, на колени бухнулся — прости, мол... Не трожь...

Не тронул его правдивый, а на радостях все и рассказал, как нашел ключ, как прозрел, как взобрался на пальму, ну, и все такое прочее...

Криводушный смекнул, отчего бы ему таким счастьем не попользоваться, и ну в пальмовый лес. Нашел тропинку, добрался до ключа, на пальму влез, ждет ночи дожидается. Скрылись солнышки наши любезные, слетелись прозрачные. Тут один из них и пожаловался, слышь, что гарцуковна выздоровела, экзамены успешно сдала, замуж по обычаю вышла. Видно, подслушал кто-то нас, и ну-ка на пальму, а там криводушный сидит.

Тем дело и кончилось, что погрызли криводушного прозрачные бесы, а правдивый в канцелярии стал служить.

Наступила тишина. Наконец Ин-ту подал голос.

— Ну, прощелыга, и причем здесь ковчег? В чем роль священного сосуда заключается? Истинный путь — это понятно, с этим спорить не будем. Это поддержим и внедрим... Только следует добавить, что прямодушный все силы отдавал строительству ковчега, а криводушный все ловчил, лазейки искал. Тогда финал закономерен, тогда многое становится понятно, и твой рассказ, мошенник, обретает смысл.

После чего все мирно разошлись по каютам.

Несколько ночей я провел в своем кубрике, пока однажды вернотруженик не сообщил мне, что у него во сне что-то промелькнуло. Что-то зримое. На следующую ночь он с радостью доложил, что сновидения хлынули потоком.

С того момента койс не давал мне покоя. Его буквально прорвало. Каждую ночь, все шире и гуще по-

крывавшую северное полушарие планеты, он вызывал меня, делился увиденным, требовал толкований. Что означают полеты во сне? Я растолковал, значит, растешь. Аппарат страшно удивился — как это? Ну, раздаться вширь и вглубь. Койс был озадачен. Когда ему привиделось, что он принимает ванну, это был верный знак того, что вскоре ему предстоит любовное наслаждение. Трудно передать, как обрадовался космический корабль! Когда же он увидел, что звезды движутся вверх, я ответил, что, согласно Гиппократу, это означает ненормальное состояние жидкостей в его голове. У меня нет головы, возразил койс. Будет, пообещал я. Потом не удержался и прибавил — будут и слезы, если во сне увидишь разменные монеты. Ну, по-нашему, денежную мелочь. А без слез нельзя, испугался койс. Никак нельзя, добавил я, если не оставишь меня в покое.

«Не бурли. Не забывай, где мы находимся и чем следует заняться в первую очередь».

«Чем?» — спросил космический челнок.

«Приводной станцией. Вот наша цель. Отдыхать будем после выполнения контракта. Вот еще что, ты особо не увлекайся сновидениями, это — опасная штука. Обоюдоострая... Сорви мне цветок, который я мог бы подарить Дуэрни. Обработай его на генном уровне».

«Этой курице? Зачем она тебе?..»

«С таких, как Дуэрни, все начинается. Займись делом. Не поддавайся гордыне, увидел сон — и ладно. Это только первый шаг. Тебя еще крещение ждет, имя следует сменить. Что за имя такое — «Быстролетный». Кличка какая-то собачья!

Койс оторопел, ничего не ответил. Потом, после долгой паузы спросил.

«А что, мне и крещение доступно?»

«Об этом не мне судить, но думаю, да».

Через пару дней у меня в руках был цветок — точнее, амулет или генная отмычка, с помощью которой я надеялся снять запрет, наложенный на сознание Дуэрни. Как-то вечером, когда девушка проходила возле меня, я окликнул ее и указал в сторону океана.

— Тянет?

Она промолчала, деликатно почесала бровь.

— Желаете, хозяйка, чтобы пробудились сны, обернулись явью?

Она еще раз почесала бровь. Я тайно передал ей цветок и предупредил.

— Береги его, хозяйка. Пожужь на ночь, когда прикажут отходить ко сну. Расслабься, не засыпай, оклики того, кто властвует над снами, а зовут его Создатель, Господь наш, священный Ковчег. Проси о милости — пусть наградит тебя видениями легкими, манящими. Не бойся голоса, незримо проникающего в твои мысли. Подчинись ему и засыпай.

Она так и поступила. Я, лежа за переборкой, уловил ее ментальный зов, прочел заклятье и въявь увидел, как забурлила кровь в юном теле, как забегали зрачки за закрытыми веками. Оцепенение, прежде давящее, сминающее память, обернулось легкой дремотой. Перед очами поплыла туманная взвесь. Наконец она раздвинулась, и гарцуковна увидела гору, возвышавшуюся над темно-синим морем. Остров лежал под голубым небом, его очертания призрачно и радужно

переливались, пока не обозначились высокой башней, позолоченной крышей дворца, в котором было собрано столько чудес света, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Я мысленно провел ее по анфиладе украшенных залов. Девушка-губошлепка время от времени ахала и хваталась за шею. Там не было ошейника. Я вывел ее в сад, легкая лодочка с балдахином скользнула к ступеням, спускавшимся к урезу воды. Обширное озеро лежало у подножия дворца, вокруг, по берегам был разбит чудесный сад...

На этом я оборвал видение.

Будь, что будет.

На следующее утро я с трепетом ждал появления Дуэрни на палубе. Запомнила ли она увиденное во сне, проснулось ли в ее душе зыбкое желание иного?

В точно назначенный срок процессия во главе со старцами так и не появилась на палубе. Прошел час, другой. Хват тревожно поглядывал на проем, ведущий в каюты знатных пассажиров. Скоро все находившиеся на палубе примолкли, каждый, не подымая глаз, занялся своим делом. Даже главный инженер Тоот, который обычно не скупился на болтовню или, точнее, на агитацию, замолчал. Он с угрюмым видом драил палубу.

Ближе к вечеру торжественный выход все-таки состоялся, правда, на этот раз порядок церемонии был нарушен. Прежде всего, стражники выволокли из трюма какой-то странный аппарат, напоминавший метровой высоты четырехгранную пирамиду. Одна из стенок была прикрыта двумя шторками. В шторках были выре-

заны полуокружья, при соединении образовавшие отверстие размером с шею.

Этта, работавший скребком, ахнул.

— Порази меня прозрачный, это же портативный интеллектор!..

Главный инженер тут же резко и грубо оборвал его.

— Не суетись, товарищ! Держи себя в руках.

Наконец на палубе появились старцы. Далее все как обычно — та же долгая возня с креслами, долгое ерзанье, почесывание, сопение. Наконец тот старик, который располагался слева от меня — это, по-видимому, был Ин-се, — махнул рукой, и на палубу вышла Дуэрни. Конец поводка на этот раз держал в руке Огуст.

Дуэрни была густо лилова, то есть «бледна, как смерть». Шла, опустив голову, смотрела на палубные доски под ногами. Правда, как только вышла на свет, не удержалась и бросила томительный взгляд на океан.

Я тоже глянул в ту сторону. Океанская даль в тот день была особенно прекрасна. На горизонте были видны световые столбы, сумевшие пробиться через разрывы к тучам. Они почти отвесно упирались в пронизанную жемчужным сиянием водную гладь. Между ними кружевной, ангельской белизны горой вставало облако.

Старцы наконец устроились, затихли. Ин-се жестом поманил Дуэрни. Огуст освободил поводок, и девушка покорно поспешила к старикам, встала на колени, наклонила голову. Сидящий справа старик указал на интеллектор.

— Дочь, для твоего же блага... — В наступившей оцепенелой тишине в голосе Ин-ту особенно отчетливо

прозвучала угроза. — Не заставляй нас прибегать к силе. Возродись в славе, забудь, что наваяла ночь, что нашептал тебе голос нашего врага.

Дуэрни подняла голову, ответила ясно и громко.

— Нет, благодетели. Это не был голос врага.

Тут все, кто был на палубе, принялись шептаться. Голоса звучали тихо, потом все громче и громче. Каждый считал своим долгом приблизиться к девушке, каждый предлагал стать покорной. Когда пришла очередь Туути, стражник переложил копье в левую руку, а правой отчаянно почесался между ног.

— Что за беда, Дуэрни! Меня тоже сунули в интеллектор, когда я провалил экзамены на славного. Как видишь, остался жив, здоров, и сил не поубавилось.

Только мы с Тоотом не подошли — так и держались в сторонке, у борта. Главный инженер судорожно сжимал в руках швабру, я то и дело почесывал лоб. Что я мог сказать несчастной девушке? Забудь о том, что видела во сне? Положись на мудрых, славных, образованных или каких-нибудь еще палачей? Она не слушает, а если подчинится, мне впору будет самому сунуть голову в интеллектор, потому что иначе жизнь мне будет не мила. Ни человечья, ни губошлепная!

Не по размеру мне будет жизнь!.. Мал я для нее оказался.

Ин-се решил ободрить меня — пригласил поближе, кивком указал на коленопреклоненную девушку.

— Смелее, знахарь! Прикажи ей забыть о том, что она увидала в часы ночного отдыха.

— Как же я ей прикажу?

— Также, как навеял. Ведь это твоя работа, не так ли?

Я не ответил. Присел на борт, чтобы голень правой ноги была под рукой. Старик между тем продолжил.

— Вот до чего довели ее так называемые сны! — воскликнул Ин-ту. — Лучшие из лучших отказываются служить ковчегу и родине. Она отказывается пройти через интеллатор. Ты этого добивался, негодяй? Чтобы она проявила строптивость? Строптивость, подонок, страшная болезнь, от нее лучше сразу избавиться, чем ждать, когда она все твое нутро разъест.

Тут все разом подхватили — это как пить дать, строптивость, она такая, только дай поблажку, потом хоть язык вырывай, все равно скажется. Особенно надрывался стражник Туути. Этот голосил басом, мол, милое дело — мозги прочистить. Нет в том ничего зазорного...

Только Огуст, также, впрочем, как и Этта, испытывали откровенную растерянность. Чиновник покусывал губы, что-то угловатое шевелилось в его красивой, гордо вскинутой голове. Это «что-то», по-видимому, досаждало ему отчаянной болью. В свою очередь Этта чуть присел и, словно зверек, то и дело озирался кругом. Я нутром ощутил, что их растерянность, их сомнение, куда более поразили старцев, чем неповиновение глупой гарцуковны. словно перед ними возникло неожиданное препятствие, которое не так просто переступить.

Наконец по приказу стариков два дюжих охранника бережно взяли девушку за руки.

Подняли, поставили.

Огуст, по-видимому, смирился и до предела удлинил поводок. Следом все попадали на колени, уставились в доски. Никто не смел поднять голову. Вид ужасного испытания никому из губошлепов не мог доставить удовольствия — это я понял сразу. Даже Туути, призывавший смириться, унять строптивость, отвернулся. Я глянул в сторону океана. Гладь была ровная. В нескольких десятках метрах от «Калликуса» на мгновение мелькнул треугольный плавник местной акулы. Она так и тянулась за кораблем со дня отплытия. Я невольно потянулся к правой ноге, где бы упрятан бластер — решил разогнать эту свору, как только старцы дадут команду начать экзекуцию. Сначала залп поверх голов. Затем хватаю Дуэрни — и в воду. Что дальше, не важно. Осторожно почесал голень.

Дуэрни тонко вскрикнула, вырвалась из рук стражников и вскочила на ограждение борта.

Все оцепенели. Старцы вскинули руки, затем бросились в объятья друг друга. Так и застыли.

Дуэрни на мгновение замерла на бруссе, покрывавшем фальшборт, натянула поводок, затем резко дернула за него. Огуст сумел удержать конец, однако его длины было достаточно, чтобы...

Я едва успел вскрикнуть.

— Назад!..

На мгновение Дуэрни обернулась — ее лицо мучительно исказилось. В этой гримасе было все: любовь, ужас, строптивость, боль. Она как бы попрощалась со всеми нами, затем развела руки и спрыгнула за борт.

Все, кто был на палубе, бросились ограждению. Старцы как-то странно и гортанно вскрикнули, стражни-

ки тут же поволокли их кресла к борту. Хааат вдруг схватился за голову и осел на палубу.

Дуэрни барахталась возле борта. Плавать она не умела, воды боялась до ужаса. Стоило ей глотнуть воды, как она бы тут же пошла ко дну. Вдруг ее испуганное лицо просияло, она чуть подсплыла и оказалась на поверхности воды. Развела руки и звонко рассмеялась. Раз переступила с ноги на ногу, затем чуть приподняла подол платья и сделала шаг. Легко перебирая ногами, побежала по волнам. Далеко отбежать не смогла, поводок натянулся, и она, изогнувшись, застыла в нелепой и восторженной позе. Тут же Огуст и Этта, как по команде бросились за ней. Чиновник, оказавшись в воде, забил руками, следом, неожиданно, опершись обо что-то твердое, вкарабкался на незримо расстилавшуюся под ногами твердь. Покачнулся — весь мокрый, с включенными волосами, — выпрямился во весь рост, обернулся, пригладил волосы и осторожно шагнул в сторону пытавшейся освободиться от поводка Дуэрни. Этта, добежавший до беглянки, одной рукой поддерживал ее за локоть, другой помогал снять ошейник. Тут и Огуст подоспел.

Некоторое время они стояли втроем на поверхности моря, волны лениво терлись об их ноги. Я бросил взгляд на старцев. Те, не размыкая объятий, вскочили из кресел — на их лицах ясно обозначились ужас и мучительное страдание. Они растерянно рассматривали разноцветный ошейник, плавающий на воде. Дуэрни обернулась, невольно сделала шаг назад, потом повернулась и в сопровождении Огуста и Этты побрела к «Калликусу». С их помощью взобралась на борт и, поту-

пив очи, протянула вперед руки. Они были настолько тонки и нежны, что браслеты, которые капитан защелкнул на ее запястьях, тут же соскользнули.

Хваат громко крикнул, чтобы принесли другие. Один из матросов бросился вниз и скоро появился с кучей цепей. Все, кто был на палубе, начали подходить к матросу и протягивать руки. Тот умело, не поднимая глаз на товарищей, принялся надевать наручники. Цепь, соединявшая браслеты, была достаточно длинна, чтобы руки имели почти полную свободу. Последним матрос заключил в железо себя. После чего сразу погрузневший Огуст принес новый ошейник для Дуэрни, более широкий и более тесный.

Наступила тишина, в которой с особой ясной угрозой прозвучал голос Ин-ту.

— Видишь, знахарь, что наделали с добрыми губошлепами твои сказки? До чего довели их твои сны!

Глава 5

На следующий день, поздним вечером впередсмотрящий на марсовой площадке неожиданно истошно завопил:

— Дьори! Впереди Дьори!

Капитан Хваат поднял малый рожок. Звонкие трели полетели над спокойной водной гладью. Все высыпали на палубу.

Скоро вдали, над полосой закатного марева, освещенные боковым светом убежавшего Тавриса, ясно обозначились две бледно-жемчужные, остроконечные вершины. Тоот назвал их Лераад и Фрекке. Заснежен-

ные их острия были обломаны, ограждены грудой зубцов и более походили на призрачные развалины небесного замка. За Фреки круто выгибался скошенный вправо купол самой высокой, по словам того же Тоота, горы на планете Рииха Борсалос. Подале, слева от Лераада, четко рисовался конус вулкана, иссеченный зелеными и густо-пурпурными полосами. Его называли Стильмачез.

Понизу очертания склонов таяли в закатной, пронизанной перебором разнообразных цветов, непрозрачной дымке.

Казалось, местный Асгард величаво нависает над потемневшими первобытными водами. Безграничной мощью и печалью веяло от этих вершин — забытого пристанища прежних богов.

Где они?

Когда сгинули?

В каких сражениях растратили вечную молодость и шагнули за порог судьбы? Каков был их последний час? Вспомнили ли, вступая на погребальный костер, об укрытом в немереных далях небесном острове, о Валгалле и богатырских пирах, задаваемых под сенью исполинского дуба. О необузданных замыслах, которым они предавались в Стране двух солнц? О сотворенных двуногих тварях, лишенных снов и обреченных на вечное рабство? Дошло ли до них, что безгласные разумные роботы, словно трава из-под асфальта, выкарабкались из ртутных шахт, бежали в степь, на горы, в пустоши? Испытали ли раскаяние за попытку потрясти мир или, упившись кровью, в последний свой миг, жалели лишь о том, что не хватило сил закрутить звездное колесо в

обратную сторону? Угости их судьба живой водой — и вновь запылял бы горн в жерле исполинского Сти-мальчеца, вспыхнул бы зловещий свет под куполом Риихи Борсалоса, а на Лерааде и Фрекки затрепетали объявлявшие войну флаги?...

Ничего этого я не знал, но в тот вечер — как мне казалось, последний, проведенный на свободе, пусть даже с кандалами на запястьях — я рассказал наследникам выживших поселян о гибели могучих небожителей, когда-то обитавших в чертогах Асгарда. Я повел рукой в сторону вершин, заметно поблекших в подступавших сумерках.

— Были они великаны и обладали неодолимой силой...

— Что значит великаны? Повыше среднего поселянина? На сколько выше?.. — поинтересовался Огуст и прищурился.

— Ростом они были с фруктовую пальму...

— Потрясающе! — откликнулся чиновник и принялся иронически почесываться.

— Хватит, а-а?! — возмутился страж Туути. — Не любо не слушай, а другим не мешай!

Ин-ту и Ин-се одновременно, как по команде, повернулись в его сторону и удивленно глянули на бородатого охранника. Тот вытянулся по стойке смирно.

Наступила тишина, и я продолжил рассказ о небывалых зимах, три сезона подряд неотвратимо вымораживавших все материки Хорда, о прикрывшихся густой завесью облаков солнца, о часто меняющемся свете, на который все более и более скучным становился беспредельно вспухший Даурис. Но небожители этого не

замечали: они продолжали сражаться за золото, ртуть и кобальт, которыми хотели владеть безраздельно. Они не желали делиться со своими братьями, пришедшими со звезд и принесшими пальмовую ветвь с предложением мира. Они позабыли о ковчеге, перестали приносить к его стопам драгоценные металлы, чудесные предметы, которые изготавливали для них поселяне на Хорде, удивительные смазки для трущихся частей и редкие приправы, придающие вкус жизни любой пище. Они забыли о бесконечной милости ковчеге, его спасительной длани, простертой над миром...

Краем глаза я заметил, как Ин-се оцепенел в кресле. Скрюченные, высохшие пальчики, обхватившие подлокотники, побелели. Коготочки впились в черное дерево. Он сидел не шевелясь. Напротив, Ин-ту дернулся, попытался было вскочить, но я, не прерывая речи, могучим, сжатым в кулак, ментальным ударом вновь усадил его на место. Тот, опрокинувшись на спину и потеряв дар речи, сразу принялся чесаться.

— Вижу, как к исходу третьего сезона падают оковы с огня, бушующего в чреве Дауриса. Пламя вырывается наружу, оно полно злобы. Вскипают океаны на Хорде, до дна высыхают реки, трещит кора, в бездну погружаются горы.

В пылающую бездну рушатся горы... Опускается небесный свод.

Бездонная тьма открывает глаза, простирает над миром свое покрывало...

Где же ковчег, где спасение? С кем сражается он в минуты крушения мира? Где странствует, кого оберегает?..

Вот он, священный сосуд! Вот он, цветок лотоса!.. Кроток его взгляд, успокаивающий взбесившийся Даурис! Нежны ладони, в которых лелеет он Хорд, возлюбленное свое творение! Его слово умиряет огненные реки, почесыванием он разгоняет бури, дыханием согревает поселян, возвращает их к жизни. Тончайшим покрывалом укрывает своих детей от разбушевавшихся стихий. И Даурис покоряется, опускается на колени и, взывая о милости, страстно чешется в паху и промежности. Замыкает светило чрево свое, гасит огонь. Слабеет жар, и Хорд вновь обретает воды, твердь и свежий ветер, от которого легко дышится каждой твари.

Сказал напоследок священный ковчег напутственное слово: «Плодитесь и размножайтесь. Знайте, настает час, и я уйду от вас. Будьте готовы узреть меня на небе, проститься со мной. Смелее глядите вверх, изучайте тайнопись созвездий, измерьте расстояние до центра звездного колеса. Там мое пристанище. Вы же приступайте к созиданию нового ковчега, в нем каждому должно найтись место. Те же, кто возомнил себя наследниками небожителей, кто мечтает отправиться на новые земли, и там попытаться возвести мрачный Асгард, город богов — тем проклятье! В награду и назиданье, как напоминание о чудесном спасении, священный сосуд оставил нам исполненный живости Таврис.

Ин-се напряг силы, пытаюсь приподняться, прекратить недозволенные речи.

— Сидеть! — прикрикнул я на него.

Тот рухнул на кресло.

— Не бывать тому, чтобы цветы зла снова распустились на земле хордов! Не меч, но пальмовую ветвь

пристало нести ковчегу. Его повелением теперь светло и уютно стало в огромной чаше, называемой Хорд, что значит на тайном языке «Зеемля». Покой, милосердие и любовь здесь достаются каждому поселянину, кем бы он ни был: беглым бродягой, стариком, пушистым птенцом или овечьим доблестью славным. Его волей устроены на Хорде поля и пастбища, родники и озера, насажены леса, возведен небесный купол, греют два солнышка. Неутомимый Таврис, сторож брату своему, его дар необузданному Даурису. И вам, добрые поселяне, дар, чтобы весело было глядеть на небо, а вы прячете глаза! Эта ночь — его ночь!

Я указал в сторону наползающих с моря сумерек, в которых уже проклюнулись первые звезды.

— Эта ночь — его покров! Им расшитый, им распахнутый, чтобы вы зрили и радовались, а вы прячете глаза! Эти воды — его воды!

Я повел рукой вниз.

— Эти воды — его пути-дороги, а вы страшитесь ступить на них. Поднимите глаза, прислушайтесь, одолейте страх! Он говорит — придите все, припадите все. Истребите печаль в сердцах, и, когда наступит минута расставанья, умойтесь слезами радости, но не горя. Помните завет его:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие Божие.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное...

Вы слышали: «Око за око и зуб за зуб»,
А ковчег учит — не противьтесь злomu,
И кто принудит вас идти с ним одну меру пути,
идите с ним две.
Не судите, и не судимы будете...
Давайте и дастся вам...»

Я на мгновение примолк. Томительная недосказанность обожгла сердце.

Поселяне оцепенело молчали, даже почесываться перестали — открыли уши и ждали продолжения сказки. Даже бесноватые старцы вели себя тихо. Они все ведали, обо всем знали — эта истина сама собой родилась во мне, но угроза, таившаяся в ней, не коснулась меня, прошелестела мимо. Звезды, густо сиявшие в чистом небе, шепнули, — будь что будет.

Звезды удивленно разглядывали осмелевших губошлепов.

Я не мог закончить рассказ словами Иисуса. Это было трудное решение, но я не мог запрудить правду. Она была проста. Я протянул руки к слушателям и продолжил речь.

— Когда в сердце пылает восторг перед величием священного сосуда, когда на душе, внимающей мирозданию, становится радостно, следует так говорить. Сначала провозгласите: «Аллах акбар!» что на тайном языке значит «Ковчег велик!», потом возвестите такую хвалу:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!
Хвала Аллаху, Господину миров, милостивому, милосердному,
Царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помочь!
Веди нас по дороге прямой,
По дороге тех, которым Ты благодетельствовал, —
Не тех, кто под властью гнева, и не заблудших!»

— Это первая сура священной книги, а в конце, добрые поселяне, следует добавить такие слова:

«Шма Исраэль, Ад-най Элокейну, Ад-най Эхад...»
(сноска: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш; Господь один»)

— Вот как надо говорить тем, кто услышал слово, до кого донеслась благая весть. Вот его завет, добрые поселяне.

Я протянул руку в сторону померкшего Асгарда, указал на погибший по милости времени город богов..

С моря клочками наплзал вдруг оробевший, стелющийся по самой воде туман. Испуганные звезды замерцали над головой. Было невыносимо тихо, даже волны за бортом замерли.

Вот какой вопрос не давал мне покоя — открыл ли я правду моим нынешним соплеменникам? Открыл ли правду себе? Добрел ли до истины? Зачерпнул ли из родника?

Кто позволил мне, грешнику, материалисту, сметь соединять несоединимое? Сшивать несшиваемое? Стыковать исключяющее друг друга?

Прости меня, Господи, раба твоего грешного, уверовал, как сумел. Верую, как умею. Да, моя правда составлена из тысячи и одной правд. В моем роднике слились тысячи и одна струй. Все пророки, начиная от Авраама и кончая Мухаммедом, говорили, позволь и мне сказать.

Я сказал так:

«Не в именах ищите разность, а в сердце своем!
Остерегайтесь настаивающих и упрямых,
Остерегайтесь слепых душой и глухих сердцем,
Прислушайтесь к испытывающим сомнения, ищущим суть.

Ищите, что соединяет, и бегите того, что разъединяет!

Ступите на воды и следуйте истинным путем.
Кто бы не повстречался вам в дороге,
Усадите его рядом, поделитесь хлебом.
Не надо слов, не ищите розни!
Берегите разное, но лелейте и выхаживайте общее.

Блаженны страждущие духом, ибо они утешатся...»

Не знаю, говорил ли я правду, но то, что в моих словах, в моем сердце и мыслях не было лжи, готов поклясться.

Как только я закончил, все разошлись молча, никто слова не сказал. Никто не посмел потревожить меня, дать пинка, наорать, чтобы я тоже отправлялся в кубрик. Чтобы пасть заткнул!..

Я остался один на палубе. Встал со скрученного в бухту каната, оглядел окончательно померкшие дали, прикинул, куда теперь направить стопы?

Это был самый удобный момент совершить побег. Сразу из морских глубин стартовать в безатмосферную даль, где отдать приказ Быстролетному отыскать приводную станцию, погубить ее, потом разделаться с боевым планетоидом. Он выполнит распоряжение, однако было сомнительно, чтобы приводная станция подпустит к себе двух безумцев. Хороши мы будем — один с тазиком для бритья вместо шлема, другой со шваброй на перевес вместо копья.

А может, рискнуть и дождаться, когда «Калликус» прибудет к месту назначения? Чтобы меня прямо с палубы доставили в отделение местного гестапо, где славнейший из славных — может, сам Ин-ту? — прикажет переломать мне кости? В любом случае, власти будут вынуждены меня изолировать или я не знаю, что такое власть. Бессмыслица заключалась в том, что они не поверят ни единому моему слову. Всякое объяснение, любой довод в свое оправдание будет рассматриваться в одной-единственной плоскости: насколько реальную опасность я представляю для завершения программы постройки боевого планетоида? Ничего другое их не будет интересовать. Трудно поверить, что архонты специально создали на Хорде особую касту заплечных

дел мастеров, но эта наука не так хитра, как кажется, и в процессе свободной эволюции, когда вожжи оказались потеряны, добрые поселяне, я уверен в этом, быстро наловчились добывать истину при помощи палки и веревки. Сколько бы я ни пытался доказать, что говорю правду, одну только правду, их устроит только та правда, которая будет соответствовать их представлениям о том, что такое правда. В этом смысле славные несомненно тупы и глухи, как утюги, которым, в общем-то, все равно что гладить — высушенное белье или плоть несчастного инопланетянина.

Единственное, что заинтересует тех, кто займется мною в подвалах замка гарцука Дьори, — это всякие технические штучки-дрючки, упрятанные в моей голени. Но я сам не знаю, как они действуют, меня обучили пользоваться ими и только. Стоит славным разочароваться во мне, как меня тут же засунут в интеллатор. Представляю их разочарование, когда они поймут, что этот механический «бандит», взламывающий сознание, мне не опасен. Тогда все начнется по второму кругу, пока я не угожу в преисподнюю.

Чутье подсказывало мне, что этот вариант тоже мимо цели! Будущее чаще всего усредняется между крайними возможностями.

Может, следует попытаться найти взаимопонимание? Так ли уж не соединимо несоединимое? Что, если поискать общее в сердцах. Эти старцы мало похожи на кровожадных злодеев — по крайней мере, они пытаются разобраться, отыскать приемлемый выход.

Я готов был поверить в их разум! В их действиях была какая-то логика, расчет, пусть даже мне никак не

удавалось уразуметь правила этой игры. Пусть так, все равно они слушали, они дали мне выговориться, и слово истины разлетелось по этой тяжеловатой планете, заискрилось под светом двух солнц.

Я не мог унять благодарность, перегрузившей мое сердце. Как бы то ни было, я уверовал.

Я сам, человечище-губошлепище с неординарной начинкой, уверовал — есть слово правды. Есть истина, и она в согласии. Я попробовал соединить несоединимое — и обрел радость. Как заметил товарищ Тоот, надо просто поверить — и это случилось! Это было ощутимо и прекрасно — не поступившись ничем, уверовать.

То есть стать человеком.

И сбежать.

Ночной ветерок, прилетевший со стороны суши, наваял прохладу.

Роото, ты совсем рехнулся.

Бросить Тоота, Этту, Туути, Дуэрни, матросов, уже заглядывавших мне в рот. Забыть о Сулле, Петре и Павле, Леви и Матвее, о Мусе и Якубе, о Или и Иеремии, ждущих на Дьори?

Ответ подсказали звезды — видишь, сколько нас? Напряги зрение, взглядишь усерднее. Присмотрись, как редки мы за пределами Галактики, как сбегаясь в стайки в изогнутых ветвях, как нас уже достаточно понатыкано в репице. А в середине звездного улья повсюду негасимый свет — и он согласован. Нас в сердцевине много, и никому не тесно. Решай сам — в одиночку пробивать стенку лбом или в дружбе с теми, кого ты на-

градил видениями? Ищи связующее и избегай разъединяющего? Если сам не знаешь, поговори со старшими товарищами — они дурного не посоветуют.

На следующее утро береговая линия зримо, в подробностях всплыла над морем. В знойном мареве расцвета высокий скалистый берег, лесистые холмы, подножия гор казались подвижными, разноцветными громадами. Выше ослепительно и недвижимо белели горы, чьи вершины теперь отчетливо читались вплоть до нагромождения скал на вершинах.

Судно украсилось флагами Дираха и Дьори, на мачтах затрепетали вымпелы. Когда же контуры земли перестали подрагивать, обозначились деталями, вплоть до бегущей пенной линии прибоя, гранитных зубьев-островков, охранявших высокие береговые откосы, до деревьев на холмах, напоминавших наши хвойные породы, — к судну приблизилось несколько катеров, составивших почетный эскорт «Калликусу».

Или это была охрана, вызванная по радио? Почему тогда вооруженная стража не поднялась к нам на борт?

Я попытался найти объяснение у Тоота — его, не в пример другим губошлепам, можно было считать более-менее здравомыслящим поселянином. По крайней мере, мне был понятен и близок пунктик, на котором он свихнулся. Я был солидарен с ним в отстаивании социальной справедливости. Идея заключалась в том, что каждый губошлеп имеет право узреть ковчег. Вряд ли на Хорде можно было найти другое разумное существо, острее меня жаждущее познакомиться с этим обого-

творенным предметом, проникнуть в его нутро, бросить взгляд на планы внутренних помещений, на системы оружия, на его электронную начинку, или, как выразился койс, — на искусственное составляющее этого чудовища. А также проникнуть на борт приводной станции. В этом состояло мое задание, выполнив которое я мог надеяться на возвращение на родину, как бы далеко она не находилась. Там попечитель в компании с фламатером, засучив рукава, сварганят из волчьих окороков прекрасное человеческое тело, вдохнут в него мою душу, оплодотворят моим «эго», всунут незамутненные дурными мыслями рукотворные мозги и выпустят на волю. Там согреет меня единственное и такое ласковое солнышко.

Отыщу Земфиру, Серегу Очагова... Организуем общество поселившихся на Земле биоробов, начнем цыганить. Эта перспектива казалась мне еще более бредовой, чем крещение хордьян, но, по крайней мере, на родине я не буду чувствовать себя идиотом, с трепетом ожидающим заключения в темницу. Там уж, если отправят в камеру, церемониться не будут, вмиг печенки отобьют, и только потом начнут упрашивать рассказать сказочку. Сначала по-хорошему, потом опять по печени... Что тут поделаешь, придется рассказать. Сначала поведаю ее какому-нибудь худсовету, составленному из прожженных демагогов и провокаторов. Если худсовет одобрит, земные власти найдут спонсоров и выпустят меня на улицу. Хорошо примут, заставят выступать на площадях, громогласно, в микрофон. Пусть наши земляки-губошлепы порадуются, прослушав сказ-

ки о свободе, о роге изобилия, который можно распаковать исключительно деньгами, минуя труд и знания.

Положение казалось безвыходным. На Хорде меня раскрыли, сущность моя обнажена, явки провалены. Кроме одной, в рубке «Быстролетного». Теперь заковали в железо.

А вдруг пронесет?

Я нутром чувствовал, высших мира сего заинтересовали сказанные мной слова. По крайней мере, они более не могли пренебрегать ими. Ковчег все равно придется предъявить населению, иначе жди серьезных неприятностей с поставками продовольствия, с программой по добыче полезных ископаемых и редкоземельных металлов, а также ртути и бария, без которых гигантское военное поселение-корабль, сооружаемый в космосе и предназначенное для путешествия в межзвездных далях, просто не могло обойтись. Откровенно говоря, я очень сомневался, что задача разрешима, но даже если и так, цели, которые славные поставили перед собственным народом, были невыполнимы, пусть даже они взнуздают планету.

Я почувствовал отчаяние. Менее всего губошлепы походили на муравьев или пчел. Как раса хордяне доказали свою состоятельность, тем не менее конфронтация с миром — это путь никуда, однако попробуй разорви выкованный тысячелетиями порочный круг.

Как соединить несоединимое — страх перед агрессией, мысль о которой отравляла славным мира сего всякое впечатление от жизни, и необходимость повернуться лицом к звездам. Как заставить их прекратить строительство смертоносной горы?..

Заставить невозможно, разве что убедить? Но для этого правда нуждается в силе. Не в моральной, а что ни на есть физической.

Реальной, убедительной...

Перед самой высадкой мне удалось расспросить Тоота о странностях в поведении властей Хорда. Почему гарцук Дираха вместо того, чтобы отправить меня в ртутные шахты или на сбор водорослей, послал на Дьори, да еще в такой разношерстной компании, в которой отчетливо просматривалась и высшая, может, даже абсолютная власть, и смирение, переходящее в уныние и самоуничтожение.

Он почесался, давая понять, что догадается, к чему я клоню.

— Чему, товарищ, собственно ты удивляешься? Неужели, Роото, ты всерьез полагал, что славные не ведали, что ты творишь, какую ахинею несешь... Особенно про этих, как их... великанов ростом с пальму! То есть, по самым приблизительным прикидкам что-то около пяти средних ростов нормального поселянина. Ты в своем уме, товарищ? Подобные существа не в силах справиться с притяжением Хорда. Они были бы обречены на ползание, потому что никакая сердечно-сосудистая система в условиях повышенной силы тяжести не обеспечит перекачки крови по организму.

Я попытался было возразить, но он жестом остановил меня.

— Я понимаю, «великаны», это как бы в переносном смысле. Что это, так сказать, вымысел. Вот и задай-

ся вопросом, а нужен ли подобный вымысел ковчегу? Неужели ты полагал, что славным неизвестно, что ты видишь сны? Глупо, товарищ... Они знают обо всех и обо всем, а если чего не знают, заглянут к поселянину на огонек и мирно спросят — объясни, мил-друг, какие-такие сны ты видишь? Если в твоих снах обнаружится хотя бы толика полезной для ковчега информации, тебя никогда не сунут в интеллктор.

— А если не будет?

— Ну, приятель, — он развел руками (кисть у него уже почти отросла). — Что ж тогда жаловаться. Если ты вдруг стал негоден, если толку от тебя, кроме вреда, никакого, о чем тут рассуждать! Сам попросишься в интеллктор. Там хорошо, там уютно. Мне предлагали, но я отказался — слишком высокая честь.

— Позволь, но как же ваши старики, уже не способные трудиться на благо ковчега? Как другое простолюдьё, лишенное возможности помочь в строительстве? Как быть с мамками, вышедшими из яйценосного возраста? Их тоже в интеллктор?

— Зачем? — Тоот почесал живот, что на человеческом языке означало «пожал плечами», и добавил. — Они побираются, и всякий добрый поселянин готов уделить им долю из своего пайка.

— Час от часу не легче. Зная о том, что их ждет в старости, они тем не менее трудятся изо всех сил, создавая ковчег?

— Разве, товарищ, у вас в горах по-другому? Разве не вынужден каждый тащить свой камень, а когда сбросит его в общую кучу, разве у вас не суют ему кусок черствого хлеба и не предлагают отойти в сторонку?

Я уже совсем было собрался сказать «у нас по-другому», но, глянув в пронизательные глаза Тоота, не решился на обман. Беда с этими образованными пролетариями, все-то они понимают, на семь пядей под землей видят. Это с одной стороны, с другой — только заикнись при этом «революционере» о необходимости уничтожения ковчега! Он меня живьем съест!

Между тем лоцманское суденышко двинулось в сторону двух, почти смыкавшихся цепочек гор, сбегавших к водной глади. Через полчаса впереди, в скалах открылся проход, ведущий в бухту. По берегу и впрямь росли деревья, зеленью и иголками напоминавшие наши лиственницы и кедры. Открытое море за кормой «Калликуса» было пустынно насколько хватало глаз, но как только судно миновало узкий, по-видимому, очень глубокий пролив и впереди на склонах гор открылось обширное поселение, — на акватории обширной бухты тут и там засверкали разноцветные паруса.

Бухта, на берегу которой была расположена столица материка, оказалась сродни самым поразительным чудесам природы. Судя по геометрически ровным, округлым очертаниям, она очень походила на жерло вулкана, тем более что посреди искрящейся на солнце водной глади возвышался обширный скалистый остров. Море когда-то заполнило эту впадину, но что это был за вулкан, жерло которого в диаметре даже по самым скромным меркам составляло не менее нескольких километров? Что, если огнедышащая гора оживет вновь? Славные рассчитывают, что их к тому моменту уже не будет на Хорде?

Я присмотрелся к срединному островку. Над кромкой осклизлых, поросших водорослями прибрежных камней вставали живописные скальные откосы, а еще выше наклонные стены с прорезанными в них по всей плоскости овальными бойницами. Такими же укреплениями была обнесена резиденция гарцука на Дирахе, только здесь стены были куда мощнее и выше. За их верхней зубчатой кромкой теснились шпили и купола. В центральной части острова, к которому приближался «Калликус», возвышалась узкая пирамидальная башня, несущая на боковых гранях несколько десятков антенн самых разнообразных конструкций.

Тоот указал на остров.

— Запретный город, — потом, помолчав, добавил. — Туда везут. Там такие подземелья, что будь здоров, — он вздрогнул всем телом. — Даже озноб от ужаса пробирает! Ничего, посидим, привыкнем. Одним словом, сдюжим... Правду не скроешь, не закопаешь, верно, Роото?

В его взгляде читался откровенный страх.

— Доложим все, как было — видели чудо. Своими глазами. Сновидения — это ужасно полезная штука. Послушай, если приснится, что ходишь по воде, аки по су-ху, то и в самом деле обретешь способность бегать по глади морской? Правильно, товарищ, я мыслю?

Он с надеждой посмотрел на меня.

— Ну-у, не совсем так.

— Но в целом излагаю верно?

Я кивнул. Что мне оставалось делать. Он был неистребимый фантазер, оптимист и естествоиспытатель.

— Тебе цены, нет, товарищ, — обрадовался Тоот.
— Мы тут таких дел понаворочаем!

— Если на волю выпустят, — уныло отозвался я.

— Ковчегу нужно время, чтобы обмыслить сказанное. Посидим, помучаемся, пока там будут решать. Справедливость все равно восторжествует. Правильно я говорю?

Я пожал плечами.

Как только «Калликус» причалил к каменному пирсу, устроенному в восточной части острова, всю команду, за исключением Дуэрни, старцев и Огуста, повели к западному бастиону. Туути, нервно почесываясь и тревожно озираясь, по секрету сообщил мне, что там расположена темница для простолюдья.

— Если все вместе, куда ни шло, — поделился он со мной.

Голос Туути звучал так, словно страж дудел в трубу — этакий густой, приятный басок под сурдинку.

— Посидим, покукуем, глядишь, дурь и выветрится. Ты, знахарь, вот что, держись ко мне поближе. И вы, ребята, тоже, — обратился он к матросам с «Калликуса», которым тоже было приказано собрать пожитки и следовать в подземелье.

Они тут же сгрудились, притиснулись к нам.

— Что носы повесили? В первый раз, что ли, в темницу отправили? — рявкнул на них Туути.

Старший из моряков кивнул.

— Велика беда! — подбодрил их страж. — Отдохнете на суше, а то небось все по морям, по окиянам?

Нынче здесь, завтра там? Смыкайте с нами ряды и примите осанку. Держитесь поближе, мы вас сказочками побалуем. И ты, капитан, хоть ты и сволочь порядочная, держись поближе...

Так, гурьбой мы ввалились в темницу.

Это было просторное помещение с высоким, нарезанным сводами потолком, разделенное мощными вырубленными — или выплавленными? — из цельной скалы пилонами, каждый из которых поддерживал свой угол потолочных парусов. Сооружение несомненно относилось к культуре Ди. Высоко — снизу не добраться — зарешеченные окна имели двойное циркульное завершение, причем обе полуокружности имели продолжение в форме резного ласточкиного хвоста. Что мог бы означать подобный мотив, не знаю, однако на Хорде мне часто встречались подобные завершения вертикальных линий и плоскостей — от разделенных надвое спинок кресел до орнаментов на карнизах.

Страж, сопровождавший нашу группу — молодой, худой донельзя губошлеп в доспехах и каске (вместо копья он был вооружен небольшим дротиком) провел нас в дальний отсек, к самым «отвратительным», по его словам, преступникам, которые без конца чешутся и обращаются к какому-то учителю, который, мол, знает, когда покажут ковчег. По пути солдат спросил у капитана Хваата.

— Скажи, ублюдок, каким образом какой-то дикий горец мог пронюхать о замыслах славных? Мы, дьори, о том не ведаем, что уж говорить о беглеце с ртутных шахт.

Хваат промолчал, тогда охранник-дъори обратился к Туути. Вроде бы коллега.

— А что, дирахи, мать вашу так-разэтак, несладко в поселениях живется?

— Жрать нечего, — отозвался Туути, — мать вашу так-разэтак...

Охранник погрузился.

— Ну, ничего, здесь сносно кормят. Посидите, баланды похлебаете, а там, глядишь, всех на ковчег смотреть позовут.

— Надеешься, товарищ? — спросил Тоот.

— Прозрачный тебе товарищ! — грубо оборвал его дъори, потом уже более дружелюбно ответил. — Почему не полюбоваться. Глядишь, сердце вспыхнет, станет веселее. Не-е, я за то, чтобы показали ковчег. А вон и отвратительные, опять молятся.

Он кивнул в сторону сидевших тесной группой на нарах, одетых в неопишное рванье, бродяг. Все они сгрудились вокруг какого-то лежавшего на спине поселения — пятки у него были вместе, носки врозь.

— Ты вот что, — обратился к нему Туути. — Как дежурство кончится, приходи к нам. Сказки послушаешь, расскажешь, что у вас здесь творится.

— Что творится? — недовольно переспросил охранник. — Праздник героев скоро, всем амнистию на день-другой объявят. А что это за сказки?

— Сам узнаешь, — Туути хлопнул меня по плечу. — Вот этот рассказывает. Складно врет, заслушаешься. Про каких-то чудиков, которые по воздуху летают, есть и такие, что ростом с пальму, а уж если кто маленьким уродился, то не больше мизинца будет.

Охранник даже споткнулся.

— Как это?

— Придешь — узнаешь, — пообещал я.

— Ну, если разрешат... — почесался под мышкой дьори, потом грубо ткнул ближайшего к нему поселянина.

— Эй, мошенники, хватит молиться-чесаться. Лбы поотшибаете. Принимайте гостей.

Те послушно раздвинулись. Я приблизился, глянул на лежащего на нарах губошлепа. Тот глупо улыбался, одна сторона его лица была страшно обожжена.

Это был Иуда.

Глава 6

— Что с ним? — спросил я.

Мне ответил Петр — губошлеп степенный, чрезвычайно высокий, длиннорукий, с толстоватыми ножищами. Борода лопатой, глаза стоячие — часами может смотреть в одну точку. Помню, как уставится, жуть берет.

— В интеллктор, злыдни, сунули, потом подбросили на окраине Дьори в ночлежку для бродяг. Там мы и нашли его, мил человек... Что творится, о-ох, что творится!..

Рядом с ним на широком помосте, где вповалку отдыхали заключенные (здесь они и днем устраивались — ноги сложат, сядут на пятки и томятся до обеда), сидели Савл и Якуб. Они поддерживали за руки слепенького Левия Матвея. Поодаль Муса и Варфоломей. Мно-

гих не хватало, теперь их осталось только восемь губошлепов.

Тоот, Туути, Этта разом придвинулись ко мне. Лица их одеревенели, языки выкатились, как у повешенных.

— За что его? — спросил я, кивнув на Иуду.

— За что, мил человек, спрашиваешь, пострадал Иудушка? За правду, — ответил слепой Левий Матвей. — А вы, добрые поселяне, кто будете?

Петр между тем не мигая смотрел на меня.

— Мы, товарищ, с Дираха, — энергично принялся объяснять Тоот. — Прибыли сюда агитацию наводить, чтобы власти земные явили чудо — показали нам ковчег. Страсть как хочется видеть дело рук своих! Пусть покажется в небе, помашет крыльями.

— Что же вас в тюрягу сунули? — нахмурившись, поинтересовался Петр. — Ленились? Сачка давили?

— Нас сюда на корабле доставили в составе делегации. Мы слова не успели сказать, как нас в темницу упекли, — затем с прежней горячностью главный инженер заверил. — Не сомневайтесь, товарищи, мы вели себя достойно, чести рабочего люда не посрамили. Заодно сказок понаслушались, наставлений всяких, а также чудо наблюдали.

— Каких же наставлений вы понаслушались, каких чудес насмотрелись? — спросил Якуб.

Этот мрачный фанатик с горящим глазами и добрейшей душой чаще всего помалкивал и всегда держал за пазухой свою думку. Я назвал его Якубом из-за его присущей мусульманам особенности все упрощать, верить чисто, незамутнено и строго.

— Разных, товарищ, — откликнулся главный инженер. — Главное не в наставлениях, не в чудесах, а чтобы вот сюда, — он почесал себя по груди в области сердца, — запало. Если мимо, все без толку.

Он обречено махнул рукой, потом, мгновенно повеселев, добавил.

— А насчет чуда? Молоденькая благородная сучка, которую мы сопровождали, насмотрелась снов и по воде, как по суше, бегала. Должен сознаться, более удивительного явления природы мне встречать не приходилось. Знахарь, ты скажи, — обратился он ко мне.

— Чуть что, сразу знахарь! — почесался я. — Сами рассказывайте. Давайте раздвинем круг и покумекаем, что есть истина и с чем ее едят. Может, найдем согласие.

Заключенные охотно потеснились, рассадили нас, пришлых. Мы достали съестные припасы, угостили новых знакомых, все вместе пожевали хлебца. У капитана Хваата нашлись три соленые рыбы, их тоже поделили. Рыбы оказались маленькими, с ладонь, однако всем хватило. Запили водой.

— Вот что, ребята, не по-людски мы пищу приняли, — сказал Туути и вытер губы рукавом форменной рубашки. Он и Петр на голову возвышались над другими губошлепами, сидели они друг напротив друга.

— Перед тем, как вкусить, — продолжил страж, — следует говорить так: «Отче наш, пребывающий ныне на небесах! Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, как на небе, так и на земле...» Либо вот так следует говорить: «Во имя Аллаха, мило-

стивого, милосердного!» Можно и так пропеть: «Шма Израэль, Ад-най Элокайну, Ад-най Эхад».

Теперь оцепенели приютившие нас поселяне.

Наступила тишина. Никто не решался нарушить ее. Все, по-видимому, обмыливали это нестерпимое желание.

Наконец Андрей нарушил молчание

— Кто же, милые люди, научил вас этим словам? — дрожащим голосочком спросил он.

— Вот этот, — указал на меня Туути. — Знахарь.

Мои прежние апостолы не мигая уставились на меня. Я невольно начал почесываться.

— Не похож, — покрутил головой Андрей. На темени у него выделялись большие, нездорового цвета залысины.

Петр бесцеремонно пощупал меня и кивнул.

— Совсем не похож.

— Нет, ребята, похож, — возразил я.

Тогда все, сидевшие рядом со мной, тоже принялись щупать меня, тискать за руки, чесать под мышками, хватать за щеки. Левий Матвей заявил: «Дайте и мне потрогать», — потом встал на карачки и направляемый Якубом, который с откровенным недоброжелательством посматривал на меня, пополз в мою сторону.

Слепой коснулся моего лица.

Я не шевелился.

Затаив дыхание, рассматривал его пальцы. Они были обожжены и скрючены, все в мелких отвратительных язвочках. Глаза широко раскрыты, неподвижные зрачки смотрели бездумно и весело. Я не стал бы называть его горемыкой, было видно, что он свыкся с

бедой, с самим собой ему было уютно. Левию Матвею было что вспомнить, о чем погоревать, кого помянуть добрым словом.

Я взял его искалеченные руки в свои, согрел дыханием, проник ментальным взором в его разум. Зрения он лишился, когда попал под завал во время ядерного взрыва. Испытал болевой шок... Повреждения в мозгу были незначительные... Всего-то дел, что мысленной иглой сшить разорванные нейронные цепи... Волевым усилием я заставил его страстно пожелать выздоровления, возродил надежду увидеть этот беспорядочный цветастый, тяжеловатый для простого поселянина мир.

Неожиданно его зрачки осмыслились, теперь он взял мои руки в свои искалеченные ладони — пальцы едва слушались. Слабо стиснул, потом отпустил и беззвучно, с нескрываемой радостью заплакал.

— Похож, — заключил он, — вижу, что похож. Здравствуй, учитель. Явился наконец?

— Ковчег послал. Сказал — надо подсобить ребятам, а то погрязнут в слепоте, в унынии.

Наступила мертвая тишина. Люди со всех концов камеры начали подгребать поближе. Якуб, сидевший рядом с Левием Матвеем, осторожно, коготочком указательного пальца, тронул его правое веко. Потом сам закрыл лицо ладонями. Петр еще выше вскинул голову, совсем как петух. Туути всхлипнул. Этта открыл от удивления рот — мне так хотелось напомнить ему, чтобы закрыл пасть, а то внутренности простудит, но не решился.

Не пристало святому ерничать.

Общее оцепенелое недоумения, предвестие радости, обнаружение, что чудо рядом, оно свершилось, его много, достанет на всех, прихватило и меня. Казалось, еще мгновение, и они запоют, однако песенное или какое-нибудь иное творческое начало не было заложено в их генные цепочки. Это все еще надо было нарабатывать: рисунок, музыкальный лад, танец.

Лиха беда начало!

Тишина была долгой, светлой. Наконец Левий Матвей нарушил молчание. Он хлопнул себя по коленям, поглядел по сторонам и заявил.

— Спасибо, учитель, — потом обратился к сидящим вокруг товарищам. — Что ж, ребята, пора идти. Засиделись мы тут, а дьори, наверно, заждались нас. Ковчег заждался. Иудушку с собой возьмем. Иудушке, учитель, не поможешь?

Я пересел к Сулле. Взял его за руки. Вокруг опять легла тишина...

Открывшаяся картина переполнила мое сердце горечью. Я с трудом сдержал слезы — не хотелось омрачать праздник собравшимся возле помоста губошлепам.

Сознание несчастного Суллы было стерто напрочь, раздавлено, словно по нему катком проехали. Его разум теперь даже чистым листом бумаги нельзя было назвать. Были разорваны и смяты даже нейронные цепи, руководившие безусловными рефлексам. Он не мог ходить, видеть, слышать, осязать, мочился и опорожнялся под себя, разве что аппетит не потерял, был способен потреблять воду. В этом случае я был бессилен, разве что попечитель... Но где он, в каких даях обитает, где проводит зачистку территории?..

— Нет, ребята, сегодня не могу, — признался я. — Силенок маловато.

— Не переживай, учитель, — успокоил меня Левий Матвей, потом он обратился к соседям. — Ну, что тронулись?

— Вот это правильно, товарищи! — поддержал его Тоот. — Прежде всего просочитесь на заводы, начните с кружковой работы — объясните проотолетариям, в чем их коренные интересы...

— Иди ты!.. — оборвал его Петр и кряхтя сполз с помоста.

— Ты не прав, Петруша, — укорил я его. — Забыл пятую благородную истину, сказал не подумавши. Товарищ, — я указал на инженера, — конечно с причудами, но согласие с ним можно найти.

Петр охотно сунул Тооту широкую, с чуть загнутыми пальцами ладонь, напоминающую садовые грабли.

— Прости, друг. Забудь... — сказал он и вслед за Левием Матвеем потопал к выходу. Следом поспешили все, кто засиделся в камере.

Левий Матвей подошел к двери, постучал. Я напрыгся. Подались вперед Тоот, Этта, Хааат. Я попытался было подняться, но Туути мощно сгреб меня в обнимку.

— Куда ты, знахарь, — испуганно воскликнул он. — Сейчас их из бластеров или мечами!.. Кто же сказки рассказывать будет?

Этого я не мог допустить. Потянулся к своей левой ноге, сел поудобнее, выставил ее вперед, навел на створку высоченной, под потолок, двери, нащупал кнопку...

В этот момент дверь распахнулась, и грузный, в доспехах охранник появился на пороге.

— Куда прешь?! — зычно спросил он и наставил на Левия острие дротика.

— На волю, мил человек, — спокойно ответил тот. — Засиделись мы тут, а ковчег ждет. Весточку послал, чтобы мы не ленились, в уныние не впадали. Видишь, зрение вернул, теперь я тебя, пса цепного, в упор могу разглядеть. Помнишь, как ты меня по загривку съездил. Слепого!.. — он спохватился и потрепал охранника по плечу. — Прости, брат, не хотел обидеть. Кто прошлое помянет, тому глаз вон.

— Так бы и сказал, — откликнулся охранник и отошел в сторону. — Эти тоже с тобой? — спросил он, указывая на столпившихся у порога Петра, Андрея, Варфоломея, Муссу и прочих поселян, пришедших сюда с ртутных шахт.

— Со мной.

Охранник отчаянно почесался, но больше слова поперек не сказал. Неожиданно Туути словно кто-то кольнул. Бывший страж встрепенулся, соскочил с помоста, начал прощаться.

— Будь здоров, учитель, — он грубовато почесал меня по плечу. — Что рассиживаться. Сказок я уже понаслушался... — он помолчал немного, потом тихо признался. — Видение мне было... Сразу, как только отошел от ночного отдыха. Заждались меня на Дирахе. Все твои дружки собрались на Дьори, а кто донесет истину милым дирахам? Кто сходит к беглым за реку, посетит ртутные шахты, на сбор водорослей подастся и расскажет, как оно бывает, когда сердцем поймешь, что такое

ковчег. Тогда и по воде, как посуху пройдешь. Эй, постой! — крикнул он охраннику. — Я с ними. Прощайте, ребята!

Потом он обратился к Хваату.

— Пошли со мной, ублюдок?

Тот внезапно разъярился, сжал пальцы в кулаки, но ничего не ответил.

— И ты не ходи, — посоветовал я Туути. — Тебе пока нельзя. Ты еще темный. Запомни, нет ублюдков, мошенников, негодяев, зимогоров. Нет каналов, грязных дьори и тупых дирахов. Все люди, все человеки. Человек — это звучит гордо.

— Прости, учитель, я по привычке, по простоте. Ты на меня зла не держи, все равно уйду. Завет твой помню, как говорить, знаю, чему буду учить, верю. И ты прости, Хваат. Так что, двинули?

— Долго вы там? — окликнул охранник.

Капитан почесал затылок.

— Нет в моем сердце веры, Туути. Пусто здесь, — он указал на правую сторону груди. — Вот когда прорастет...

— Как знаешь, — страж в свою очередь почесался под мышками и направился к выходу.

В этот момент у порога послышался шум, затем какая-то возня и в камеру вбежал Савл. Он поднял правую руку, издали окликнул меня.

— Учитель. Теперь можешь называть меня Павлом... Я прозрел, — и тут же убежал.

Дверь в камеру со скрипом захлопнулась. Я принялся деловито готовить себе ложе. Руки у меня тряслись. Собравшиеся вокруг помоста заключенные не

сводили с меня глаз. Один из них — наверное, провокатор, — осторожно приблизился и дернул за рукав

— Куда они все?

— Ковчег позвал.

— А-а, понятно.

Ему было понятно!

Надо же такому случиться — этот худолицый, изможденный дьори понял, а я, убей меня прозрачный, терялся в догадках.

С ума они, что ли, все посходили?

Я был в растерянности, не знал, как поступить. Следовать за ними? Однако внутренний голос ясно подсказал, мой час еще не пробил. Убедил — успокойся, побудь в темнице. Как же я мог оставаться спокойным, как мог не трепетать?! Он назвал себя Павлом! Свершилось! Он запомнил!.. Он испытал удар грома и блеск молнии, пригвоздившей некоего сборщика налогов к пыльной дороге. Это случилось на пути в Дамаск. Какая разница, где и когда это случилось?! Диво, что это вообще произошло! Выходит, будет происходить всегда и везде, будь то в среде разумных пернатых, между осознавшими свою стать динозаврами, в скопище разумных млекопитающих или в компании удивительных рефлексирующих взвесей. Это было чудо почище хождения по водам (тем более, когда под ногами у тебя старый, надежный друг-вернослужащий), исцеления слепого, которому нетрудно было помочь посредством самых совершенных медицинских технологий. Но запомнить имя апостола можно только, если оно крепко запало в память. Если называться им губошлеп почитает за самую высокую честь!

Вот это чудо, так чудо!

Через пару дней меня отвели в просторную светлую комнату, где все в тех же креслах, что и на корабле, располагались Ин-ту и Ин-се.

Я был готов к чему угодно — к казни, душеспасительным беседам, попыткам пропустить меня через интеллатор, к встрече с попечителем, принявшим образы этих двух странных стариков, к тьме посреди светлого дня, громам и молниям, но только не к детально выверенному, имевшему для меня самые серьезные последствия, но по форме явно опереточному, допросу. Хозяева, правда, вели себя на редкость доброжелательно. Недолголюбивавший меня Ин-ту начал первым. Он прищурился и спросил.

— Осознал, продажная ты душонка?

— Что?

— Величие ковчега. От его пронизывающего взора, хватчик, не спрятаться, не укрыться. Вмиг сорвал с тебя маску.

— Сорвал маску? Какую? Зачем, величество, надо было Суллу засовывать в интеллатор?..

— Мы здесь ни при чем, — поспешил объяснить Ин-се. — Это местные власти поспешили. Мы все больше словом работаем. Что сделано, сделано. Давай-ка, знахарь, поговорим о более важных вещах. Ответь, когда намечается вторжение? Где будет нанесен главный удар? Сколько фламатеров задействуют твои хозяева. Ты должен знать, уж больно хитер оказался. Ведешь себя как повелитель.

Я уже совсем было решился объяснить начистоту — заявить, что я и есть повелитель, только не здешний. Прибыл издали, не по своей воле, послан с заданием, чтобы вас, умников из пробирки, приструнить, поставить на место. После таких слов мне уже нельзя будет оставаться в Запретном городе. Значит, левую ногу в руки, пару залпов и рывок на внутренний двор цитадели. Там переключаю рычажок и в пух и прах разношу участок стены. Выбираюсь на берег, вызываю Быстролетного. Вот он, верный дружище!.. Мы стартуем прямо на глазах изумленной охраны. Вам, славным, останется только скрежетать зубами от злости.

Я усмехнулся — точнее попытался изобразить усмешку. С толстоватыми губами это не так просто. Смешно доверять почувствовавшим вкус власти биокопиям. Они понимают только язык силы. Сыграть с этими антихристами в откровенность?

Ищите дурака.

— О чем вы, величество? Какое вторжение? Какие фламатеры? Прозрачные, что ли, повылезали из преисподней?

— Ты, проныра, — предостерег меня Ин-ту, — с прозрачными поосторожнее. Лучше чистосердечно признайся в сговоре. На чем сошлись? В ответе не забудь упомянуть, сколько боевых фламатеров задействовали твои хозяева? Кто у нас здесь кощей, кто леший, кто вампир? Какие планы у повелителей? Опять загнать нас на подземные заводы и заняться постройкой межзвездного флота? Ублюдков нам добавить или свести наше племя с лица мироздания? Говори, знахарь!

— Охотно, только сначала не могли бы вы, величества, объяснить, кто такие ублюдки?

— Вот и прокололся! Вот и прокололся! — обрадовался Ин-ту. Он бурно почесался — порой хорды, даже самые разумные, вели себя, как дети.

— Среди горцев кто только не бродит, — добавил я, — вот только ублюдков я пока не встречал. У нас все братья, а у вас чуть что сразу «ублюдок», «проныра», «мошенник».

Старцы переглянулись, потом в один голос, с ясно выраженным отвращением на лицах заговорили.

— Кто такие ублюдки, об этом у своих хозяев поинтересуйся. Мало того, что мы вынуждены были трудиться на них, по струнке ходить — за любую провинность нас разделявали на составные части, — так они еще и наших мамок для своих плотских развлечений использовали. Особую разновидность вывели для собственных удовольствий. Их потомки и есть так называемые ублюдки. Что прикажешь было делать с этими изнеженными созданиями, когда небо сомкнулось, когда мы остались один на один с этой вонючей планетой. Мы пахали, а эти лепестки не желали трудиться, вот и гибли тысячами. И жалко их было, и к труду никакому не приставишь. Они могли только перышки чистить да прихорашиваться, а с точки зрения знания ремесла, интеллектуальной деятельности — сплошь нули. И последыши их такими же оказывались — никакого толка с точки зрения развития высших уровней сознания. За редкими исключениями. Почему-то именно от них иногда появлялись чрезвычайно одаренные особи. Тебе понятно, о чем идет речь?

— Так точно, величество.

— То-то и оно, — слово вновь взял Ин-ту, — а то все прикидываешься диким горцем. А горцев-то, оказывается, двое. Один скончался пять сезонов назад, другой — вот он, дурака валяет. Валяй, валяй, мы таких субчиков уже видали. Все они в преисподней теперь маются.

— Таких, как я, не видали, — твердо возразил я.

— В этом ты прав, каналья. Таких, как ты, не видали. Уж больно хитрую игру ты затеял. Судя по доставшимся нам анналам, повелители все о каких-то еретиках и извращенцах в своих рядах толковали, хотели их приструнить. Как написано в параграфах, указать им истинный путь.

Он на мгновение прервался и взглянул на Ин-се.

Тот одобрительно кивнул.

— Других учить взялись, а сами в этом ни бум-бум. Ни в том, что такое Путь, ни в наставлениях о непротивлении злу насилием, ни в инструкциях по применению интеллектора. Главное, чтобы мышца была крепкая, лоб стальной, кулак пудовый. Это мы знаем, это мы проходили.

Он с хитринкой глянул на меня.

— Но чтобы вот так, с причудью, со сказками — такого еще не видывали. В твоих рассказях есть смысл, идиот. Мы отдаем должное твоей изобретательности по части проникновения в заветное, в использовании скрытых ресурсов организма с целью более качественного исполнения долга, но во всем, недоумок, надо знать меру. Мы согласны показать добрым поселянам ковчег, они действительно заслужили это право.

Мы предъявим ковчег, можешь не сомневаться, но сразу открыть тайну недопустимо?.. Это — катастрофа! Нижние разряды сначала необходимо подготовить, иначе рассудок не выдержит, произойдет сумятица, поэтому прежде поселянам будет дана возможность увидеть не сам ковчег, но его схему.

Принципиальную!

Пусть печенками прочувствуют благоговение и трепет.

Он сделал паузу, потом спросил.

— Скажи, каналья, в каком облике, каналья, ты представляешь себе священный корабль? У нас есть три варианта: один — рисунок на плоскости, другой — объемное изображение с перечислением палуб и подпалуб. И третий — в виде идеи святости, какой она представляется нам с братом. Мы предъявим тебе первый вариант, может быть, второй, потому что третий — есть государственная тайна. В нее можно посвятить только до конца преданного хорда. Наши предки, изменник, утверждали, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Слушай, негодяй, тебе вполне по силам распахнуть дверь в когарту славных. Будь искренен со старшими, скажи правду, встань в наши ряды. Тогда, возможно, ты удостоишься чести лицезреть третий образ.

— Я и так в ваших рядах, — буркнул я.

— Как знаешь, — вздохнул Ин-се.

Неожиданно между мною и старцами сгустился мрак, и в середине темного облака возникло объемное голографическое изображение двух, соединенных основаниями, четырехгранных пирамид. В центре октаэдра просматривался светящийся многоцветный шар. Ка-

чество воспроизведения было скверным: линии расплывались, подрагивали, расслаивались на радужные полосы. Мне вспомнились мобили на Дирахе, оснащенные фантастическими по своим характеристикам электромоторами, с которыми уживались плохой металл, плоские стекла и отвратительное качество сборочных работ. Понятно, каких трудов стоит славным удерживать необходимый технологический уровень.

— Вот он, сосуд разума, острый снаружи и плавный внутри, — послышался единый голос Ин-се и Ин-ту.

Они оба разом встали.

— В этом, как мы полагаем, заложен глубокий смысл: ковчег острыми вершинами страшен для врагов и идеальной обтекаемостью шара милосерден к создающим его. Теперь взгляни на первый вариант.

Многогранник неожиданно растворился и на его месте в темноте возникло изображение двух соединенных равносторонних треугольников. В центр образовавшегося ромба был вписан круг. Фигура коряво, рывками перекувыркивалась.

Потеха была изрядная, однако у выживших из ума стариков эта пародия на святую икону вызвала безмерное воодушевление. При виде этой убогой геометрии они неожиданно загундосили странный перепев из двух нот.

Эта сцена более напоминала фарс, но я даже не улыбнулся. Мне стало не по себе от этого полета мысли, до которого оказались способны допрыгнуть властители планеты.

Кольнула догадка — насколько же далеко ушли вперед нищие хорды последних разрядов, вынужден-

ные ежедневно добывать хлеб насущный. Насколько быстрее очеловечились беглые, отважившиеся уйти в степь, в горы, по сравнению с теми, на кого они пахали, сеяли, добывали ртуть, собирали водоросли, водили звездолеты и парусники. Куда могли увести их славные, способные испытывать восторг перед изображением треугольников и окружностей, которых, по-видимому, полным-полно в каждом учебнике геометрии. Исходя из их логики, эти учебники тоже следует считать священными писаниями. Но эти непробиваемо великие, сидевшие передо мной, вряд ли были способны осознать собственное бесплодие. Ирония — это не для них. Пункты древних поведенческих программ — как выразился Ин-се, «технологии жизни», — которые архонты запечатали в их головах, были неприкасаемы.

Мне стало не по себе. Я не мог справиться с ощущением прикосновения к чему-то липкому, холодному, пупырчатому. К тому же теперь я был посвящен в государственную тайну, а на языке любого властителя в любой части Галактики это означало, что в случае отказа выразить восторг перед результатом их дерзновенных поисков, дни мои сочтены.

— Что скажешь, знахарь? Не эти ли образы ты видал во сне? — спросил Ин-се.

Попал в точку.

Мне стало страшно и обидно. Неужели у меня не было выхода, кроме как пасть, вопить о милости, признать свои ошибки, вступить в когорту славных, уверять Петров, Андреев, Иоаннов, Якубов, Исай и Иеремий, что нелепый треугольник есть ответ царства Божьего, некий план Града небесного, о котором мечталось на зем-

ле? Или возопить — о, попечитель, почему ты бросил меня на растерзание, отдал в руки тупых фанатиков, приверженцев геометрических схем, не подозревающих, что будущие царства — есть царства незримого света, идеальных форм, полноты жизни.

— Нет, величества, мне виделось нечто более грандиозное, исполненное великого одухотворенного смысла. Разве вычерчивание незамысловатых геометрических фигур пристало священному сосуду? Его явь — тайна, и в то же время и ясный, знакомый каждому облик. В нем все должно быть прекрасно. Он должен служить образцом красоты?

— Что такое красота? — спросили старцы.

Наш разговор не имел смысла, однако и отмалчиваться было нельзя.

— Красота — это совершенство, это попытка отыскать вечное, на худой конец, общее, в формах реальной жизни. Красота наполняет душу восторгом и награждает желанием жить.

— Разве эти изображения не совершенны?

Я отчаянно почесал колени.

— Хорошо, — сказал Ин-ту, — мы покажем тебе подлинное изображение ковчега...

В той же сердцевине полупрозрачного мрака вдруг возникло изображение некоей угловатой глыбы в обрамлении трехконечных звездочек. В просвечивающем массиве просматривался светящийся многоцветный шар.

— На колени! — воскликнул я. Старцы, не скрывая удивления, вскочили, бросились в объятия друг друга, прижались щеками.

— Священный облик следует приветствовать, стоя на коленях, — объяснил я, потом добавил. — Развязные позы при лицезрении священного сосуда недопустимы.

Ин-се и Ин-ту тут же разомкнули объятия, глянули друг на друга, потом одновременно на меня и, поджав губы, задами нащупали кресла и устроились в них. Сели строго, выпрямив спины.

Наступила тишина. Я понял, что моя судьба решена.

Наконец Ин-ту спросил.

— Что скажешь на этот раз, обормот? Впечатляет?

В ответ я отчаянно почесался.

— Ишь ты, — прокомментировал тот же Ин-ту, — как ловко чешется. Совсем как подлинный хорд.

— Я и есть подлинный хорд. Моя ли вина, что мне во время отдыха что-то мерещится.

— Что же тебе померещилось на этот раз?

— Белая бесцветная бездна. Заглянул и едва не помер от страха.

— Что же ты там увидал?

— Какие-то машины, вернее обломки машин... Хвостатые тела, много тел... Потом узрел, как в звездном огне погибают боги. Они лишились дара вечной молодости. Повелителей больше не существует — вот что открылось мне во сне. Учтите, величества, — то, что привиделось, то сбывается. Вспомните молодую хозяйку.

— Так мы тебе, проходимцу, и поверили, — ехидно почесался Ин-ту. — Дуэрни будет строго наказана за свое легкоеверие.

— Что, и ее тоже в интеллатор засунете.

— Да, — в один голос ответили старцы. — Чтобы впредь никаких снов, бредовых видений. Ее ждет славное будущее, ей не пристало рассуждать, тем более что-то видеть во время ночного отдыха.

Я замер.

— Вы не посмеете...

— Это нам решать.

— Тогда вы закроете себе путь в будущее. Я буду свидетельствовать против вас.

— Перед кем?

— Перед ковчегом.

Ин-ту заерзал в кресле.

— Да будет вам, — примиряюще заявил Ин-се. — Послушай, знахарь, учитель, лазутчик — кто ты там еще? Как у тебя хватило наглости угрожать нам именем ковчега? Как ты смеешь утверждать, что являешься его посланцем и провозглашаемые тобой истины внушены священным сосудом? Этого не может быть, потому что я лично облазил весь ковчег, и нигде — представляешь, нигде! — не обнаружил и следа чего-то такого, чтобы могло породить всю эту отсебятину.

— Вы не тот ковчег обследовали.

— А какой надо было?

— Нерукотворный. Тогда и рукотворный явился бы воплощением добра, а не орудием мести.

— Защиты, — уточнил Ин-се.

— Они сгнули.

— Эти сгнули, другие появятся.

— И так без конца?

— А ты что предлагаешь? Сказочки рассказывать? — с нескрываемой ехидцей почесался Ин-ту.

— Почему бы и нет, если сказка к месту, если ей внимают миллионы добрых поселян. Если послушав очередную байку, они ясными очами начинают вглядываться в окружающий мир. Перестают пугаться звезд, называть других ублюдками, снимают ошейники с мамок.

— О-о, у тебя целая программа, — с той же ехидцей, что и его брат, почесался Ин-се. — И все-таки, когда назначено вторжение?

— Не знаю.

— Иди и подумай. И не лукавь. Даем тебе срок до праздника наших Героев.

Глава 7

В ту же ночь, когда камера угомонилась, я связался с Быстролетным, овладевшим снами и чье имя теперь следовало употреблять без кавычек, — и сообщил, чтобы тот держался поблизости и был готов в любую минуту взять меня на борт и умчаться в безатмосферную даль. Там попытаемся отыскать приводную станцию. Затем, после ее уничтожения отправимся на боевой планетоид. Если повезет, проникнем во внутренние помещения...

«Забудь и не вспоминай! — перебил меня койс и начал выговаривать. Его голос с трудом долетал до меня сквозь толщу стен. — Американских фильмов не смотрелся? Суперменом себя почувствовал? Стрельба направо и налево? Сокрушаешь любую защиту, врываешься на вражеский объект и выполняешь задание? Попечитель запретил. Никаких попыток прорыва ни на

приводную станцию, ни на ковчег. Стоит только обнажить свое нутро, как хорды получают веское доказательство присутствия чужих и ощетинятся так, что с ними нельзя будет договориться. Ни о каком военном решении и речи быть не может! Лучше отказаться от выполнения задания. Только путем переговоров и убеждений. Только путем согласия. Победа должна быть обоюдной. Только так можно исключить надежду на реванш, на возврат к прежней идеологии... — он сделал паузу, потом уже более мягко спросил. — Что, жареным запахло?»

«Вроде того, — ответил я. — Думаю, скоро наступит момент, когда придется уносить ноги. Так что будь готов!»

«Всегда готов!»

Праздник Героев, справляемый всеми жителями Хорда, в этом году пришелся на середину осени. Это была самая прекрасная пора на Хорде: ночи удлинились, стали равными дням, небо обесцветилось и приобрело бирюзовый оттенок. Кончились дожди, началась крестьянская страда. В полях сеяли, собирали плоды пальм, доили домашних птиц, варили сыры. Вкус у них незабываемый.

В преддверии праздника в камере только и разговоров было о «наших предках», встретивших Черного гарцука, верховного повелителя прозрачных, и загнавших его в преисподнюю. Когорта славных Героев не иссякает, они и сейчас на посту, охраняют выходы из огненной бездны. Добровольно прибывавшие в тюрьму с

восторгом рассказывали, что на этот раз следует готовиться к чему-то небывалому. Все ожидали широкой амнистии. Было объявлено, что любой поселянин, даже беглые из диких поселений, может безбоязненно явиться в город и стать свидетелями великого чуда. Какого, никто толком не знал, но все надеялись увидеть наконец образ непобедимого ковчега. Поговаривали, что народ вымолил у посвященных право на лицемерие хранителя и оберегателя. К тому же в дар упорно работающим, не жалеющим сил, славные повелели заложить здания, в которых будут храниться его священные образы.

Когда приказ о временном освобождении был зачитан в камере, заключенные возликовали. Особенно возбудился Тоот, которому не давал покоя вопрос о принципиальной возможности создания цельной внутри и разделенной снаружи конструкции, увиденной им во сне. Он без конца обсуждал этот вопрос с Этой. Я попросил не приставать ко мне с этим бредом. Тоот сначала даже обиделся, заявил, что раз он сам видал во сне подобное сооружение, значит, оно существует.

Мне стало грустно — прогресс воочию являл свой оскал. Я недоумевал — кем и когда был рожден миф, что все, что добрый поселянин увидит во сне, непременно должно сбыться наяву? Это же глупейшее суеверие, однако сколько я не пытался сбить губошлепов с этой абсурдной мысли, все было напрасно.

В назначенный день все заключенные с утра повалили на пристань, чтобы поскорее добраться до столичного поселения. Уже издали, когда мы толпой поднялись на галерею, было видно, как в городе, над двух- и

трехэтажными домами, подняли флаги. День выдался ветреный, ясный. Фрекки и Лераад — хранители Дьори — сияли в бирюзовом, исчерченном едва заметными цветовыми полосами, осеннем небе.

Я двигался в толпе заключенных, вертел головой, пытаюсь разглядеть окружавшие меня башни и стены, в которых там и тут были прорезаны удлиненные окна с двумя полуокружьями наверху. Смыкавшиеся части дуг удлинялись книзу и расширялись в форме ласточкиного хвоста. В одном из окон я заметил Дуэрни. Лицо у мамы было грустное. Она, подперев рукой подбородок, с тоской посматривала на бродяг, спешивших по брусчатке мостовой к пристани. Этта помахал ей рукой, девушка не ответила, тут же отошла от окна.

У пристани жителей Запретного города ждали баркасы, которые доставляли их к городским причалам. Отсюда большинство желавших убедиться в верности слухов, устремлялись на центральную площадь, где, как сказывалось и пересказывалось, должно произойти чудо. Тоот, Этта, моряки тоже рвались в ту сторону. Только Хаат, не скрывавший недоверия ко всяким, как он выразился, «розыгрышам», решил сопровождать меня. Я же стремился отыскать своих друзей, предупредить их, чтобы они немедленно разбредались кто куда. Чтобы не трепались в пути с каждым встречным-поперечным. Хотелось увидеть Иуду — может, хваленая живучесть хордов сыграет с ним добрую шутку, и он воспрянет?

Неожиданно главный инженер изменил решение и призвал остальных товарищей тоже отдать долг Иуде, пострадавшему за дело освобождения всех угнетенных, так долго лишенных милости лицезреть ковчег. Однако

закладку храма и его освящение Тоот никак не хотел пропустить. После чего согласно объявленному расписанию намечалось торжественное хождение в ногу по центральным улицам Дьори. Колонны строились по разрядам — сначала благородные, потом простолюдые, то есть итээровцы, рабочие, крестьяне. Замыкать колонну должен был престарелый и искалеченный сброд. После прохождения колонн общенародная клятва на верность стоявшим на посту Героям, и в конце праздника кто-то из канцелярии местного гарцука должен был объявить девиз на следующий сезон. Сезон ожидался трудный, темный. В такую пору необходима особая выдержка и готовность переносить лишения, вот почему поселянам следовало брать пример с Героев, сумевших загнать зверя в его логово. Я с готовностью согласился дать клятву, для чего надо было явиться на главную площадь. Мне казалось, что в толпе легче будет ускользнуть. От кого, я не знал, но это уже не имело значения.

Вид искалеченного Суллы ничего, кроме сострадания и глухой тоски, не вызывал. Можно ли так поступать с первым, припавшим к истине поселянином? Мы расселись вокруг несчастного. Левий Матвей, возглавивший общину, сообщил, что в настоящее время власти не ставят им препон, что Петр, Андрей, Варфоломей, Иеремия и Мусса отправились по стойбищам Дьори — понесли благую весть. Они с Якубом и Исайей остались в городе. Туути бредет в сторону перевала, как только достигнет Дираха, даст знать. Что касается Иуды, то он все такой же тяжелый, неповоротливый — не помыть, не побрить его как следует не удастся.

— За чем дело стало! — воскликнул я. — Грей воду...

Мы добросовестно обмыли Иуду — тот по-прежнему смотрел никуда. Брови чуть вздыблены, отчего у него на смуглом южном лице отпечаталось некое таинственное удивление. Омывая ноги, я невольно время от времени ментальным взглядом касался темного колодца, в котором утоп его разум. Чистый, причесанный, он почувствовал себя лучше, стерлась гримаса удивления, теперь он был спокоен.

Пора было приступать к трапезе.

Этта успел все подготовить. Особенно манил сыр, изготовленный из птичьего молока, его головка, разрезанная на двенадцать частей, лежала на глиняном блюде. Рядом, высокой горкой нарезанный кусками праздничный лаваш, который испек Якуб, зелень, сушеные фрукты. Исаяя принес запотевший кувшин с вином.

Мы сели за стол, все примолкли, глянули в мою сторону. Ждали напутственного слова. Признаюсь, никогда печаль не была так глубока, а радость такой побеждающей.

Все разом навалилось на меня...

Будущее оскалилось неминуемой гибелью, прошлое утеряно. Я утратил родину, друзей и вновь нашел их.

Чтобы вскоре расстаться вновь?

За столом не хватало Быстролетного, но он телепатически телеграфировал, что мысленно с нами и охотно поднимет за исцеление бедного Суллы «ба-альшой» лепесток аленького цветка. Было тревожно и весело. Перспектив никаких, надежд — избыток. Вот такая

складывалась у меня «технология жизни». Тоот, уловив мое смущение, попытался занять ребят, почесал Иуду под мышками. Тот неожиданно захихикал.

— Братья... — только и успел выговорить я, как в дверь постучали. Зачем стучать, когда запоры сняты? Они вошли втроем: помощник начальника местной канцелярии и два охранника, одним из них был тот, который выпустил на волю апостолов.

— Знахарь, тебя требуют великие, — с порога объявил помощник начальника канцелярии.

— В чем дело?

— Дуэрни выбросилась из окна. С седьмого этажа.

— Разбилась?! — испуганно вскрикнул Этта.

— Нет, — ответил помощник начальника. — Она обучена прыгать.

— Так в чем дело? — спросил я.

— Она прыгнула в воду. Попыталась пройти по ней, как по суше. Разве это возможно, знахарь?

— Возможно, возможно... — закричали разом Хват и матросы.

— Выходит, вас тоже лечить надо, — со вздохом почесался начальник. — Выходит, вот чем вы в плаваньях занимаетесь. По волнам носитесь? Собирайся, знахарь. Великие приказали, если не пойдешь подоброму, вести силой. Сам прикинь, какой позор в такой праздник под конвоем ходить.

Это действительно было неслыханным бесчестьем. Мне пришлось выйти из-за стола. Я кончиками пальцев ощущал беду, но бросить Дуэрни, подвергнуть опасности друзей? Этта собрался было пойти со мной, но один

из стражей резко осадил его — ешь, сказал, и пей во славу Героев. Сегодня твой день.

По дороге на пристань со мной связался Быстролетный и предложил бежать. Надо было только оторваться от охраны, затеряться в толпе марширующих в ногу, выбраться за городскую черту или выбежать на берег бухты, там уж он подсобит. Появляться в пределах поселений ему было строго-настрого запрещено попечителем.

Я отказался. В замке меня провели на женскую территорию. Дуэрни наглоталась воды, но, в общем, ее состояние было удовлетворительным. Ей требовался полноценный отдых, длительный сон.

— Вот именно, — кивнул Ин-се. — Для этого мы тебя и позвали. Знахарь, либо ты отучишь ее от способности видеть во время смыкания глаз недопустимые, сбивающие наладку видения, либо ее отправят на интеллектор. Время «икс», знахарь. Час пробил! Мы больше не можем ждать.

— Как же я отучу ее?!

— Это нас не касается, проныра! — выкрикнул Инту. — Расскажи ей сказку, внуши ужас перед гневом ковчега, наконец, навей сон, который бы навсегда запретил видеть подобную жуть. Ты полагаешь, мы позволим тебе вот так запросто губить перспективную особь? Ты очень заблуждаешься, плут!

— Вы не понимаете! — в отчаянии воскликнул я. — Это все равно, что потребовать, чтобы я отучил ее ходить, дышать. Это не в моей власти. Это теперь вообще ни в чьей власти.

— Сравнение не отличается корректностью! — заявил Ин-се. — Ходить, дышать — это врожденные, определяющие факт существования способности.

— Хорошо, — согласился я. — Возьмем, например, человека, научившегося плавать. Его, как ни старайся, уже нельзя отучить, так и в этом случае. Разве что воспользоваться каким-либо сильнейшим психотропным проламывателем?

— Воспользуйся, — одобрительно почесался Ин-ту.

— Я не могу взламывать сознания.

— А ты постарайся. Ради Хорда, ради счастья народа, ради собственной жизни. Мы можем обеспечить тебя благами, ты будешь безбедно проводить свободное время. Разрешаем даже видеть сны. Можем продемонстрировать тебе ковчег. Выбирай, что тебе больше по душе.

— Я должен подумать...

— Думай, но недолго. Утром дашь ответ.

Это была долгая безнадежная ночь. Меня провели мимо общей камеры, затем по длинной крутой лестнице мы спустились вглубь острова. Здесь в середине тускло освещенного коридора нарисовалась овальная, с необработанной поверхностью плита.

По ментальной команде плита отодвинулась. Меня завели внутрь, приказали сесть, затем провожатые вышли. Дверь слабо скрипнула и затворилась. Я надеялся, что в камеру дадут свет. Не тут-то было! Кромешная тьма сгустилась вокруг — тьма в прямом и переносном, то есть ментальном смысле. Плита и, по-видимому, не

только она одна являлась непробиваемым барьером для любой направленной мысли. Достучаться отсюда до Быстролетного было невозможно.

Я почувствовал себя в могиле.

Хордянское во мне взбесилось, человеческого едва хватало, чтобы сдержаться и не взвыть, не броситься на плиту, не забарабанить кулаками по металлической двери. В следующий момент меня ошеломила простенькая мысль, почему и в самом деле не взвыть, не забарабанить? Прием, конечно, рассчитанный на простаков, а уж назвать представителей высших каст Хорда простаками я бы не отважился. Тем более, когда сущность моя оказалась раскрытой — в этом сомнений не было. Вот почему в моем положении использовать дешевые приемы было непростительной глупостью. Я стиснул зубы, унял скулеж и уселся на пол. Подножие была металлическое, в рубчик, к тому же теплое. Главное, вырваться на воздух и спрыгнуть в море. Другой возможности спастись я не видел.

Слабый шорох отвлек меня. Донесся со стороны двери. Я попытался с помощью ясновидения определить ауру непонятого звука, облечь его в зрительный образ.

Бесполезно!

В следующее мгновение кто-то наткнулся на меня, нащупал плечо, почесал его.

Я вскрикнул.

— Тише, — слышался чей-то шепот. — Следуй за мной. Я не враг.

— Свежо предание, — начал я, однако тот же голос перебил.

- Они приняли решение...
- Кто они?
- Верхние.
- Проверить меня на интеллекторе?
- Нет, им известно, что с такими, как ты, интеллектор не справится.
- С такими, как я? В таком случае, кто я? И сколько нас было?
- Достаточно, с десяток... У нас мало времени, идем.
- Куда? И почему я должен...

Мне не дали договорить, с силой потянули за рукав. Что было делать? Пришлось последовать за незнакомцем.

На ощупь я определил, что дверь открыта. Внезапно коридор слабо осветился. Потолок был овальный, сводом смыкавшийся вверху. Высотой коридор был под стать тем туннелям, какие были пробиты в недрах якутской сопки, где шесть с половиной миллионов лет скрывался свернувшийся в исходную форму фламатер, так что мне и таинственному незнакомцу в поблескивающей металлизированной накидке с капюшоном, который вывел меня из камеры, а также двум рослым стражам в рельефных нагрудных латах и пирамидальных шлемах, поджидавшим у выхода, приходилось заметно сутулиться.

Славные?!

Незнакомец в накидке начальственно двинулся первым. Стражи, крепко взявшие меня под руки, с места пошли в ногу, я тоже. Мне так и не удалось разглядеть лицо таинственного провожатого, более того я не

никак не мог различить основной цвет его ауры. Сгустки психической энергии, у нас на Земле называемые чакрами, едва угадывались в телепатическом облачке. Они были размыты, не в фокусе — это было удивительно, так как попечитель снабдил меня самыми эффективными инструментами сверхчувственного восприятия и воздействия.

В конце коридора вожатый отворил дверь, и мы оказались на нижней площадке лестницы, ведущей вверх, в темноту. Здесь один из стражей сунул мне в руки такую же поблескивающую накидку, который прикрывался идущий впереди хорд, приказал надеть ее, затем мы начали взбираться по лестнице. Выбрались из подземелий в узкой, затерянной между скал щели, откуда начиналась дорожка к укрытому в нагромождении скал небольшой пещере, наполовину заполненной водой.

Между осклизлых оглаженных камней нас ждала лодка, что-то вроде ялика. Проводник приказал мне сесть на дно и держать голову пониже. Я повиновался. Сам он взялся за весла, а стражи в латах разместились на задней банке по обе стороны от меня. Они по-прежнему держали меня за руки. Несколькими рывками незнакомец отогнал лодку от берега, развернул ее и узким проходом вывел на акваторию главной бухты. Вдали разом засияли городские огни, выше крупные, созревшие к осени звезды, их отблески плавно заколыхались на едва пошевеливаемых ветром волнах.

Лодка сначала двинулась вдоль прибрежных утесов — скалы непроницаемо-черными глыбами нависали над нами — затем контур незнакомца частично за-

крыл многозвездную хвостатую спираль, и спустя несколько минут впереди очертился выступавший из воды горб. При нашем приближении в нем обнаружилось еще более темное пятно, оказавшееся люком, ведущим куда-то вниз, в пахнувшие спертым теплом и машинным маслом недра.

Подводная лодка?..

Эта мысль едва успела мелькнуть в сознании, как стражи, приподняли меня и сунули в люк, где чьи-то крепкие руки приняли меня, помогли приземлиться на прочный, судя по твердости, металлический пол. Здесь кто-то почесал меня по плечу, помог снять накидку. Я оказался в пронизанной отсветами мерцающих приборных циферблатов полутьме. Рядом, за переборкой, ненасытно и откровенно чавкал помповый насос. С другой стороны доносился лишающий веры в надежность этой посуды скрип и тихое ритмичное скрежетание. Меня повели по проходу, предупредили — держи голову пониже. Через десяток шагов вновь остановка, опять предупреждение — осторожно, порог. Я, высоко поднимая ноги, перебрался через препятствие, руками ощупал боковые металлические ребра. Наконец мне надавили на плечи и предложили сесть.

Я сел, огляделся, на ощупь проверил пространство вокруг себя. Позади обнаружилось что-то вроде широкой лежанки, упиравшейся в шершавую стену. В следующее мгновение вспыхнул свет — скорее брызнул, — ослепил, заставил зажмуриться.

Когда я открыл глаза, обнаружил себя в узкой, вполне земной каюте. Над овальной металлической дверью полушарие светильника в проволочной оплет-

ке, на противоположной стене опущенная и схваченная винтом столешница. Напротив, на второй откидной койке расположился плечистый губошлеп в рельефных, прикрывающих грудь и живот, металлокерамических латах. Броня была покрыта искусной гравировкой, но у меня уже не было сил присматриваться к изображению. Руки незнакомец сложил на груди. Под латами проглядывала рубаха, сшитая из того же металлизированного материала, из которого была изготовлена накидка. Голову прикрывала крупноячеистая металлическая сетка — что-то вроде кольчужного капюшона. Удивительным показалось, что густые пушистые перышки на его голове были уложены на косой пробор. Нос орлиный, и, не в пример другим губошлепам, губы тонкие, вычурно изогнутые. Даже при ярком свете его аура была размазана по объему и представлялась неким переливающимся цветастым облачком, в котором с трудом угадывались чакры.

Некоторое время незнакомец с откровенным недоверием рассматривал на меня, потом сложил руки на груди и сказал.

— Значит, ты и есть знаменитый знахарь, который рассказывает небылицы и награждает людей видениями? Как же тебе это удастся? — он сделал паузу, потом неожиданно спросил. — И зачем?..

Не дождавшись ответа, представился.

— Неемо, командир этой посуды, славный первого разряда.

Глава 8

Я не удержался, отпрянул, потом принялся отчаянно чесаться.

Вот так совпадение! Черт знает во что поверишь, когда за тридевять земель, в тридесятом царстве неожиданно встретишь капитана таинственной подводной лодки, которого к тому же зовут Неемо. Но совпадение ли это? Я даже вздрогнул — неужели кто-то из губошлепов мог проследить историю моего появления на этой перегретой планете от самого истока?

Неемо не спешил заводить разговор — внимательно приглядывался ко мне. В мои мысли он даже не пытался проникнуть: как и все прочие губошлепы, в сверхчувственном отношении капитан был совершенный ноль, однако он имел представление о том, что мозг не есть сокровенная тайна и при особом умении можно проникнуть в сознание. Ментальная защита осуществлялась за счет спецкостюма.

— Так и будем в молчанку играть? — наконец подал голос Неемо.

— Спать хочу! — буркнул я и зевнул.

— Что ж, отдыхай, — почесался капитан. — Завтра у тебя будет трудный день.

— Сказал бы, мил человек, куда меня везут? — уже устроившись на откидной койке, робко спросил я.

— Скоро узнаешь.

Капитан вышел. Свет в каюте погас.

Час от часу не легче! Лихо завернули. Скоро узнаешь — вот и весь разговор. С какой целью меня поместили на глубину, упрятали за толстой броней? По-

видимому, славные решили любой ценой докопаться до тайного канала, по которому неведомый враг передает мне инструкции.

Вот чего я понять не мог, почему старцы вели себя со мной с такой щепетильностью? Кем они являлись, я не знал, но власти у них было предостаточно. Они полагали, что всегда успеют расправиться с нелепым, неявно завербованным горцем? Или в их новой, веками складывавшейся «технологии жизни» сохранился некий императив, безусловный поведенческий запрет, пересилить который хорды были не в состоянии? Благоговение перед создавшей их силой было намертво впечатано в наследственный аппарат? Этаким никогда несминаемый архетип «грозного отца», против которого можно бунтовать, с которым можно сражаться, но оскорбить, презирать, нанести ему обиду, совершить какое-нибудь кощунственное деяние, тем более святотатство, было невозможно. Может, потому славные рассматривали войну с архонтами или их наследниками как бессмысленный, но возвышающий подвиг.

Они собираются пойти в бой, как на казнь?..

А может, все проще? В общем-то, поселяне всех разрядов были практичные, избегающие любой «метафизики» существа. Вероятно, старцы тоже считали меня биоробом — точнее, «искусственным живым» — и, принимая во внимание высочайший уровень моего создателя, полагали, что истязаниями от меня ничего не добьешься. В случае попытки силового приближения к истине я тотчас уйду к судьбе. Выходит, они решили затеять игру не со мной, но с моим «повелителем»? Зная особенности появления хордов на свет, их образ мыш-

ления, способ познания мира и самих себя, неодолимые ужас и ненависть к своему прошлому, отвращение к приютившей их планете, вполне можно предположить, что им и в голову не приходило, что мыслящая плоть способна возникнуть и развиваться естественным путем, оказаться закономерным итогом последовательного, поэтапного развития. Ни о какой эволюции, в нашем понимании, на Хорде и речи быть не могло — промежуточные звенья отсутствовали, ни с одним животным или птичьим видом губошлепы не были связаны полноценным древним родством. Так что вывод, что их философия жизни строилась на убеждении, что окружающее пространство есть исключительно игра неких материальных сил и предки всякого живого существа были созданы в пробирке; что каждая разумная особь не может не иметь материального творца, — был вполне логичен. Следовательно, обрывая связь с батяней-комбатом, они приводили меня в бездеятельное, оцепенелое состояние, в которое впадает утюг, отключаемый от сети. В этом случае они получают возможность перехватить инициативу в подспудной борьбе с незримой, повелевающей мной силой.

Вся их «жизненная технология» строилась на убеждении в неотвратимости возвращения архонтов.

Они вполне могли допускать, что прародителей больше не существует, в таком случае следует ждать нападения каких-то иных хищных и жадных до чужой плоти инородцев. Они были убеждены или имели веские основания считать, что, утратив со мной связь, отправившие меня злоумышленники начнут искать способ связаться со своим тайным посланником.

Капитан Неемо что-то сказал о десятке подобных мне? Выходит, я не только не первый, но и не единственный представитель попечителя на Хорде. И каждый раз у батяни что-то срывалось. В тот момент я не испытывал обиды. Я не ребенок и вполне понимал, что в руках небожителей я не более, чем средство, которому позволено действовать по своему усмотрению.

Как Бог на душу положит.

Мне самому следовало беспокоиться о себе, а также о тех, кто стал мне близок, ответственность за чьи судьбы нельзя было стряхнуть с рук. Подобное понимание свободы было мне куда ближе, чем возможность воплотиться в любой образ, заняться любым делом и прочая ерундистика, которой так настойчиво пичкал меня фламатер.

Итак, славные полагают, что если им удастся подключиться к каналу связи между мною и моими хозяевами, они сумеют проникнуть в замысел врага — определить сроки вторжения, план захвата планеты. Неужели это и был тот пунктик, на котором они все свихнулись?

В таком случае я просто обязан их разочаровать. Я — полноценный губошлеп, родом из поселения беглых, чьи предки когда-то по собственной воле, спасаясь от голодной смерти, ушли в горы. Я — сын природы, одарен способностью видеть сны, в университете освоил науку излечения поселян, необуздан нравом, непоседлив, трусоват, каналья и мошенник, потому и брожу по белу свету. Я — повелитель самого себя и никто мне не указ, даже старцы Ин. Вот такие извращенцы порой попадают среди горцев.

Но шутки в сторону. Война была объявлена, и никто заранее не оговорил ее правил. Подобное неустойчивое, чреватое всякими неожиданностями положение меня устраивало. В подобном лабиринте оборотень—губошлеп со всякими штучками-дрючками и бластером в ноге, он же разумная тварь с далекой планеты, он же бисклаварет-хранитель с опытом ведения боевых действий против всякой нечисти — мог дать сто очков вперед любому, даже самому пронцательному великому. Но при условии, что мне вернут волшебный пояс.

Однако прежде всего я — знахарь, и точка! Прошу любить и жаловать. Существо ничтожное, со своей причудью, не более того. Правда, такой маскарад был хорош до той поры, пока мне не придется взять в руки оружие. Я мог воспользоваться бластером только раз, и это раз должен был принести мне победу, иначе из наблюдателя — придурковатого, непонимающего, что с ним происходит, горца — я сразу превращался в опасного врага, и даже отсвет немереной мощи попечителя ди не спасет меня от гибели.

При этом трудность применения оружия состояла в том, что боевой контакт должен был принести победу не только мне, но и противостоящим губошлепам.

Как можно совместить несовместимое, понять почти невозможно, поэтому лучше совсем обойтись без стрельбы. Это решение ставило меня в одновременно и в безнадежное, и в выигрышное положение.

Даже при отсутствии связи...

Разбудили меня почесыванием по плечу. Надо мной стоял матрос в простеньких нагрудных латах, ша-

роварах и плетенных сандалиях на босу ногу. Обыкновенный губошлеп, каких на Хорде хоть пруд пруди. Вот тебе и славный!.. Матрос был необыкновенно худ, глаза печальные.

— Завтрак! — объявил он, поставил поднос на откинутую столешницу и вышел.

Я заставил проглотить себя пойло, которым угощали на этой субмарине. Вспомнил о сыре из птичьего молока, вообразил вкус лаваша, испеченного Якубом, и вздохнул.

После завтрака в каюту явился Немо. Мы расположились друг напротив друга. Капитан сложил руки на груди, спросил.

— Что, знахарь, тебе привиделось сегодня во время отдыха?

Я почесался.

— Вспомнил, что приключилось с обезьяной (есть у них на Хорде такие мелкие шkodливые животные), наблюдавшей, как плотник раскалывает бревно двумя клиньями. Загонит один клин, потом вставит в щель следующий, вобьет его — так и движется к другому концу.

— Понятно, — откликнулся Немо.

— Вот и ладушки. Наступил полдень, плотник решил отдохнуть. Он расположился в тени возле ручья, а непоседливая обезьяна, забравшись на бревно, попыталась вытащить клин, который торчал в комле. Раскачивала она его раскачивала, пока ее яйца на провалились в щель. Что с ней случилось далее, когда она вытащила клин, рассказывать не буду.

— Любопытно, — после некоторого раздумья заявил капитан, потом философски заметил. — Все врут. Каждый норовит солгать. Ты, знахарь, тоже врешь. Нагло, беспардонно... Придурка из себя изображаешь. Говорят, у тебя в горах мамка есть?

— Ну... — я неопределенно почесался.

— Цыплят завел?

— Двоих. Там, в горах...

— Что так мало?

— Двоих попробуй выкорми.

— Что с ними теперь?

— Выросли... У старшего уже своя мамка есть. Цыпленка завели.

— Любишь цыплят?

Я принялся отчаянно чесаться. Потом наконец сформулировал.

— Даже не знаю. Привязан...

— М-да... — заключил Неемо и вновь впал в раздумье. Через некоторое время он продолжил.

— Про тебя рассказывают много странного. Говорят, кто-то из поселян считает тебя учителем, что вас двое, что ты умеешь рассказывать сказки, награждать снами. Зачем все это, знахарь, если огонь небесный вот-вот обрушится на Хорд?

— А если не обрушится?

— Как же не обрушится! Эти напыщенные петухи ни за что не упустят возможности красиво погибнуть. У них только и разговоров о том, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Я ничего не ответил на это неожиданное заявление.

— Изобразили какие-то дурацкие треугольники, а на самом деле с тупостью и упрямством, достойными лучшего применения, возводят бастион в безатмосферном пространстве. Надеются этой пукалкой остановить тех, кто идет на смену архонтам. Глупо...

После этих слов мне следовало сломя голову мчаться в ближайшую тюрьму и требовать, чтобы меня законопатили там до конца моих дней. Но как отсюда сбежишь? На провокатора Неемо был непохож — не чувствовалось в нем этой подловатой страстишки, а без вдохновения, без игры воображения, без умения добиться сочувствия, вызвать на откровенность, что за провокатор!

Я почесался.

— Ты что, не веруешь в ковчег?

— Почему же не верую, — Неемо сделал паузу, потом добавил. — Верую, конечно. Как тебе понравился наш завтрак?

Я не смог скрыть отвращения.

— Так питается большинство поселян, особенно те, кто трудится на заводах, обслуживает подводные грузовые корабли, транспортную сеть. Тем, кто несет службу в безатмосферной дали тоже приходится несладко — питаются два раза, а то и раз в день.

— У нас в горах таким пойлом даже домашняя птица бы побрезговала, — ответил я.

— Вот именно, — изящно, коготочком указательного пальчика почесал лоб Неемо. — Потому что вы, беглые, сеете, что пожелаете, там, где пожелаете, скот пасете на тучных пастбищах, а повсюду, где царит порядок, сплошь нищета и мор. Все соки из поселян высоса-

ли. Каждое зернышко на учете! Каждая капля ртути — на оборону!

Он помолчал, потом продолжил.

— Знахарь, я своими ушами слышал, как ты утверждал, что рукотворный сосуд — это великий обман. Нам запись прокручивали. Что строить его — понапрасну тратить силы и время. Что существует другой ковчег, существующий предвечно, который с полным основанием можно назвать сосудом святости, силы и безмерной любви к созданным им тварям. Разве не так, знахарь?

Я торопливо почесался.

— Я никогда не утверждал, что не следует строить ковчег. Я только спрашивал — тот ли священный сосуд мы наполняем, о нужном ли печемся? Ощерившаяся пушками гора в безатмосферном пространстве является только горой, и ничем иным. Нельзя взойти на нее и спастись. Нужно искать другую гору...

— Но если в самом деле нагрянут архонты или их потомки?

— Их нет, они сгнули!

— Эти сгнули, другие придут, — Неемо уныло глянул в мою сторону. — Как ты можешь знать?

— Видал во сне.

— А-а, во сне... Во сне ты, говорят, видал какой-то необыкновенный остров, расположенный неизвестно в какой стороне. Там, говорят, сбываются желания. Не много ли на себя берешь, знахарь?

— Я что, я поселянин махонький. Вот такой, — я показал ему коготок мизинца.

В этот момент над головой жутко завывала сирена. Неимо бросился к выходу. У порога обернулся, грозно крикнул: «Сидеть!» — и выскочил в коридор. Некоторое время я с тревогой прислушивался к надрывному вою, потом осторожно притянул к себе металлическую плиту, выглянул в коридор. На полу, повыше металлической решетки струилась вода. Где-то совсем близко в аварийном режиме захлебывалась помпа. Услышав прерывистые, чавкающие звуки, я моментально проследил путь воды до сборного трубопровода, затем через рабочую полость насоса наружу, в море. На свободу...

Наклонившись, зачерпнул горсть воды, быстро вернулся в камеру, вылил ее на столешницу — небольшое выпуклое пятнышко разлилось по щербатой, плохо покрашенной, металлической поверхности, — затем прошел к входному люку, прикрыл овальную плиту и для верности наглухо повернул маховик замка. Теперь в каюту не попасть. Достал из левой ноги сосуд с особого сорта водой, зарядил ее — то есть, ментальным образом закрепил в молекулах волшебной жидкости сообщение Быстролетному о переводе на подводную лодку, об аварии, о том, где искать меня, о чудесном острове на котором исполняются желания. Наконец вновь, отвернув колесо маховика, отворил дверь и стряхнул драгоценные капли в скапливающуюся в проходе воду. Не удержался, проследил, как струйка с моим сообщением, миновав жерло насоса, оказалась в море, как ушел в пространство сверхчувственный сигнал.

Теперь на помощь капитану! Я бросился по коридору, стены которого представляли из себя сплошь бе-

гущие из отсека в отсек трубы и кабельросты, в прямых которых были уложены толстые жгуты, свитые из проводов. Все оборудование обветшало, краска местами облупилась, на металлических частях кое-где проступила ржавчина. В это мгновение начал гаснуть свет. В полутьме я добрался до отсека, расположенном перед самым центральным постом. Уровень воды здесь уже был повыше когтей на пальцах ног. Капитан с тремя худыми, с изможденными матросами толпились у люка в боковое помещение — по-видимому, кубрик, — из которого достаточно обильно поступала вода. Из проема, ведущего в центральный пост, выглядывали два губошлепа в латах, в глазах у них был стыл откровенный ужас. Они, видимо, ждали команду капитана задрать люк.

— Что случилось? — крикнул я.

Неемо неожиданно страстно почесался и вполне спокойным голосом объяснил.

— Течь. Швы на этой старой лоханке прозрачным под стать. В каждом плавании что-нибудь да случается.

— Надо всплывать! — заявил я.

— А мы что сделали! Сейчас ребята пытаются завести снаружи пластырь, а мы здесь, со своей стороны должны закрепить накладку. Сил у матросов не хватает, питание скверное.

— Дайте я попробую, — заявил я и, не слушая возражений, пролез в люк.

Повреждение оказалось не таким серьезным, как могло показаться. Правда, у матросов и в самом деле не хватало силенок повернуть винты упора, прижимающего накладку, а с рычагом в тесноте было не подступиться. Пришлось мне взяться за дело. Вчетвером нам уда-

лось стянуть винты, щель запечатали прочно. Течь прекратилась. Видно, и с наружной стороны матросам удалось наложить пластырь. Как только работа была закончена, иссяк сочащийся по стенке ручеек, вновь стали слышны трагические всхлипы работающей помпы. Эти звуки напомнили мне о первых минутах пребывания на мостике — выходит, они здесь только тем и занимаются, что откачивают воду?

Уже в моей каюте Неемо признался.

— Только бы до генерального канала дотопать, там подремонтируемся.

Особой уверенности в его словах не чувствовалось.

— Нам погружаться нельзя, — предупредил я его. — Все эти заплаты до первого шторма. Какой прогноз?

— Отвратительный! — громко, с некоторым даже вызовом ответил капитан. — Давление падает. Ну и что? Сложить ручки и ждать, когда нас килем вверх перевернет или швы окончательно разойдутся.

— И так каждый раз? — спросил я.

Он долго молчал. Наконец обречено сложил руки и ответил.

— Почти. Слышал, помпы почти безостановочно работают.

— Что ж, теперь нам может помочь только чудо.

— Что такое чудо?

— Спрашиваешь, что такое чудо? — почесался я. — Как тебе объяснить... Это диво, необычайная вещь или невероятная удача. Попадись по курсу чудесный остров, который исполняет желания, считай, что тебе повезло. Ты познакомился с чудом.

— Брось лепить горбатого, знахарь, — процедил сквозь зубы капитан. — Я вполне информирован о твоих ухваточках, так что меня вокруг пальца не обведешь. Неужели ты полагаешь, что я всерьез поверю, что эта свихнувшаяся на сновидениях мамка на самом деле бегала по морю.

— Так сдохни в пучине! — ответил я и откровенно перекрестился в его присутствии.

Он бровью не повел на этот оскорбительный жест. Наступила тишина.

— Скажи, тебе знаком капитан Хваат? — спросил я. Неемо кивнул.

— За что его списали на планету? Ты мне столько всего наговорил, что открыть причину наказания Хваата, это уже не прегрешенье.

Лицо Неемо неестественно напряглось. Я видел его насквозь. Не было в его душе борьбы с собой, капитан не пытался справиться с чувством долга, запрещавшего ему разглашать служебные тайны в присутствии какого-то подозрительного субъекта. Ничего подобного не было. Все выгорело дотла.

Всякое воспоминание о некоем судном дне было ему чрезвычайно болезненно. В его сознании обжигающим видением мелькнула картинка — вот он и Хваат в ряду семи других капитанов космического флота. Затем, смутно, безатмосферная даль и округлый гигантский астероид, ощерившийся провалами, хребтами, склоны которых были покрыты металлом, помеченный гигантскими оспинами разрезов и котлованов. Сотни маломерных космических суденышек висели над его по-

верхностью. Следом, словно удар кинжала, мелькнули лица стариков Ин-ту и Ин-се. Их лица были суровы.

— Только мы с Хваатом, — глухо ответил он, — отказались от великой чести пройти через интеллитор. Нас, ублюдков, рекомендовали на координаторов и пилотов межзвездного ковчега, но для этого следовало лишиться части памяти. Отсечь, понимаешь, все лишнее, обременяющее, связанное с Хордом. Мы с Хваатом заупрямились, — он вздохнул. — Что с нами, придурками поделаешь! Тогда нас отправили в распоряжение диктатора Дьори с переводом в морской флот. На самые незначительные должности.

— Разве «Калликус» или подводная лодка это самые обидные назначения?..

— Дослужились... У нас со специалистами вообще зарез.

— У тебя есть мамка?

— Была.

— Были цыплята?

Он замер, потом утверждающе почесался и добавил.

— Мы с Хваатом были неплохо обеспечены, и смогли сохранить весь выводок.

— Вы с Хваатом!?!..

— Ну да, нам в молодости после окончания училища встретила замечательная курочка, тоже из ублюдочных. Дом мы построили на отшибе, на Такнаале. Там располагаются поселения тех... кто из павлиньего рода.

Страшная догадка мелькнула у меня.

— Они попали под бомбардировку?..

Неемо подтверждающе почесался.

— Обыкновенная история, — наконец выговорил он. — Встретились мы с Хваатом на базе в безатмосферной дали, поговорили, выпили и дали зарок не забывать ни Тойоти, ни птенчиков. Скажи, знахарь, в чем они были виноваты? Ин-се без конца уговаривал нас — ребята, всяко бывает, произошла ошибка. Суньте голову в интеллктор, освободитесь от прошлого, самим же легче будет. Мы ни в какую — слово дали. Что с нами, с упрямыми, поделаешь, пришлось списать. Мы не в обиде, но знаешь, знахарь, вот здесь, — он указал на правую сторону груди, — порой нестерпимо жжет. А ты говоришь остров исполнения желаний. Неужели твое чудо способно вернуть мне Тойоти и наших питомцев?

Я переспросил.

— Питомцев?

— Ну да, иждивенцев... Птенчиков.

— Их не вернешь, — подтвердил я. — Здесь никакое чудо не поможет, но и гибнуть в пучине тоже не дело. Кто он такой, Ин-се?

— Координатор славных. Они орудуют вместе с Инту. Их величают Осветителями тьмы. Каждый является половиной целого. Такие пары повелители создавали для работы в особых условиях, где требовался глаз да глаз. Например, для слежения за тончайшими, чреватými авариями техпроцессами, которые ни на мгновение нельзя было выпускать из-под контроля. Порой их использовали для исполнения диспетчерских функций. Часто в качестве надзирателей. Они без слов могут общаться друг с другом. Один спит, другой бодрствуют. Всю жизнь в обнимку, — капитан задумался, почесал коготочком висок. — Что-то, знахарь, я совсем разбол-

тался. Сам не знаю почему. Может, потому, что Хваат тебя хвалил. Имей в виду, на этот раз нам вряд ли удастся дотопать до генерального канала. Штормягу нам не пережить, потонет посудина, — он обвел глазами каюту, — а я ведь за нее расписывался. Прозрачный с ней, с это подлодкой. Разве она может сравниться с моим боевым крейсером. Его называли «Тоопинайки». Тебе не понять, это на древнем, означает: «Способный скользнуть в незримость».

— Куда? — удивился я.

— В серое лимбо. Это такая область, где существует только время и нет пространства. Мой крейсер в эпоху повелителей мог запросто нырнуть в первообъем, однако с тех пор прошло столько лет, что никто толком не знает, как развернуть оболочки больших двигателей. Есть специалисты по нейтринной динамике, есть техники-знатоки по времени, есть мастера по оболочкам, однако координаторы давным-давно вымерли. Многие кланы были утеряны. Так мы и топали по окрестностям Дауриса-Тавриса, наполовину загруженные этими объемными пупырчатыми мешками, сопровождали транспорты, которые доставляли на ковчег ртуть, технический персонал, согласившийся пройти через интеллектор. Туда только таких отправляли. Чтобы ни одной лишней мысли, чтобы все только о деле. Это правильно, знахарь, как же иначе.

— Можно по-всякому, — я откровенно почесался.

— Можно без лишних мыслей, а можно наоборот.

— Это и есть твоя благородная истина? — усмехнулся Неемо. — Не густо. Мне рассказывали, что ты творишь удивительные вещи. Якобы добрые поселяне

твоим повелением по воде, аки по суху забегали. Ладно, что ты там насчет чуда? Что для этого требуется? Возопить в пространство? Обратиться к твоему ковчегу?

— Почему к моему?

— Потому что от нашего никакого чуда не дождешься.

— Нет. Просто выпусти меня на палубу, дай оглядеться, тогда я смогу точно сказать, в каком направлении двигаться.

Неемо удовлетворенно почесал лоб.

— Вот ты, мошенник, и попался. Как раз об этом и предупреждали меня старцы. Скажи, с какой стати я должен нарушить приказ и выпустить тебя на палубу? Чтобы ты связался со своим хозяином?. Неужели ты считаешь меня пособником прозрачных, которые ждут не дождутся, когда начнется вторжение?

— Ох, не будет никакого вторжения! Некому вторгаться! У архонтов нет наследников, кроме хордов! Это открылось мне во время ночного отдыха. Мы сами губим себя. Ныне мы пытаемся взвалить на плечи ношу прежних повелителей. Вот послушай, что случилось у нас в горах.

Поселилось в местности Лооян страшное чудище, родом из прозрачных летунов. Был прозрачный велик и грозен, всю округу испепелил огнем. Никому не было от него спасения, вот поселенцы и несли ему дары: птичье молоко, сыры, скот и долю от урожая, а тот все не унижался. Сколько отважных молодцов выходило сразиться со злыднем, ни один не вернулся. Всех сожрал проклятый гарцук!..

Рассказывают, что нашелся в Лоояне удалец, которому тоже не терпелось помериться силами с чудовищем. В округе не было ему равных во владении мечом и копьем, а из лука он стрелял так, что мог за сто шагов попасть в глаз летучему барану.

Вот отправился малый к логову гарцука. Вступил с ним в бой, одолел. Хотел добить, но тут умирающий гарцук предупредил: «Не вздумай умыться моей прозрачной кровью! Не дай уговорить себя прыгнуть в волшебное окно! Но прежде всего сожги замок!»

Молодец решил послушаться его совета, однако перед тем, как спалить проклятое место, отправился осматривать дворец. Каких только чудес там не было! Молодцу все интересно, он и эту штучку потрогает, и эту. Каждая вещица занята. Остался он во дворце на ночь, потом день прихватил и еще одну ночь. Житье ему понравилось, о чем ни попросишь, сразу кто-нибудь из обслуживающего персонала приносит. Ни в чем отказа нет. Еда сытная, вкусная, вино сладкое, крепости необычайной. Чем не жизнь, вот и остался наш удалец во дворце.

Вспомнились ему в ту пору слова убитого гарцука, призвал он своих слуг и спрашивает: «Почему прежний хозяин запретил прозрачной кровью умыться?» — «Из зависти, — отвечают слуги. — Окропишь себя его кровью, станешь бессмертным». Задумался молодец, потом велел принести гарцуковой крови и умылся он прозрачной влагой.

Вот пришел день, когда слуги объявили, что припасы на исходе, что мелкие людишки из долин позабыли о долге — жируют внизу, не желают припасами делить-

ся, а ведь кому как не хозяину дворца родную землю защищать. Врагов у них много. «Где же они?» — спросил юноша. «Повсюду», — ответили слуги. «Что-то я ни одного не встречал?» — «Но ведь ты сам сгубил нашего прежнего хозяина. Почему, о господин, ты полагаешь, что не найдется еще один дерзкий смельчак, который попытается бросить тебе вызов?»

Наш удалец задумался — в самом деле, если он отважился выйти на бой с чудовищем, почему не найтись другому храбрецу? Повелел он, чтобы слуги бдительно следили за дорогой к замку, укрепили стены, собрали подати за все прошедшие годы, а те отговариваются: «Как же мы соберем подати, господин? Нас горстка, а поселян в долинах не сосчитать. Тебе самому надо вылететь на правеж, показать людишкам, кто в горах хозяин». — «Как же я вылечу, когда у меня нет крыльев?» — «Ну, это дело поправимое, — отвечают слуги. — Всего-то делов, что выскочить в окно, и крылья отрасли».

Подвели они его к одному из окон во дворце. Рама старинной работы, вся резная, и медальки по наличнику, на них летучие гарцуки изображены. Сколько их там, сосчитать нельзя, но и места свободного хватало. Пригляделся удалец, видит на одной из медалек его лицо засветилось, и на глазах стало перьями обрастать. Челюсти вперед выперли, выросли клыки, два длинных уса развеваются. «Прыгай в окно, господин!» — упрашивают слуги. Но был тот удалец храбр да умен, смекнул он, что не из зависти прежний хозяин дворца предупреждал его. Ушел он из дворца, а дорогу туда камнями завалил. Куда ушел, никто не знает.

Зажили поселяне в долинах спокойно сытно, начали забывать о летучем гарцуке, да только явились в поселение слуги из замка — а они, слышь, капитан, все, как один, прозрачной кровью умывались — и начали причитать и вопить: «Хотите снова в кабалу попасть? Займет какой-нибудь лиходей брошенный дворец, тогда всем вам несдобровать! Давайте построим великую стену и отгородимся от дворца. А всякого, кто попытается до того места добраться, казнить немедленно».

Так поселяне и порешили. Принялись стену возводить. Все силы на эту работу уходили, поля и уголья начали пальмами зарастать, еды все меньше и меньше уставали, а прежние слуги гарцука приговаривали — это ничего, зато живем в безопасности. Никто огнем не будет палить, ни податей не требует.

Прошел сезон, другой, забылась старая беда. Никто уже не помнил, чего ради ту стену возводить начали, но работали усердно, под самый небосвод хотели преграду возвести. Многие, конечно, бежали от такой принудилки. Однажды так случилось, что какой-то охотник решил поискать удачи в тех заповедных местах. Ходил, ходил он по горам и вдруг набрел на развалины. Вспомнил старину и только головой покачал — сколько сил потратили поселяне на возведение стены, а от замка только камни остались. Вот как оно прежде бывало, — закончил я.

— Полагаешь, только камни остались? — спросил Неемо. — Заблуждаешься, знахарь. Взглянул бы ты на эти развалины, присел бы от ужаса. Пусть спасет тебя твой нерукотворный ковчег, чтобы никогда тебе не довелось попасть в это место.

Между тем лодку начало заметно покачивать. Тревожные раздумья въявь отразились на худощавом лице Неемо. Наконец он поднялся, заявил.

— Пойду проверю, как там с бандажом, — потом у порога предупредил. — Запирать каюту не буду, мало ли что. Только ты, знахарь, никуда не выходи.

Едва капитан приоткрыл дверь, как в каюту хлынула вода. Уровень поднялся по щиколотку. Я невольно подался вперед. Неемо вновь грозно прикрикнул: «Сидеть!» и помчался по коридору.

Как же, сидеть! Подыхать мне, что ли!.. Я бросился вслед за ним. Лодку грубо бросало с борта на борт. Догнал Неемо громко, перебивая всхлипы захлебывающейся помпы, крикнул.

— Выводи людей на палубу! Спасательные средства есть?

— Надувные лодки!..

— Пусть готовят.

Он уже совсем было собрался послать меня куда подальше, но я успел почесать капитана по плечу, успокоить — сейчас нам всем надо действовать сообща. На мостике Неемо включил сигнал тревоги, я тем временем бросился к месту аварии. На этот раз вода в такт покачиванию подлодки то хлестала обильной струей, то едва сочилась.

Будь что будет! Я перевел усилитель сверхчувственного давления в крайнее положение и попытался мысленно заварить прохудившийся корпус. Куда там! Моей силы едва хватило нагреть металл на несколько градусов. Сюда бы Быстролетного!

В этот момент меня окликнул Неемо.

— Знахарь! Впереди по курсу странное свечение. Это твоя работа?

— Капитан, как я мог? Сидя внутри железной коробки... Разрешил бы мне хотя бы одним глазком глянуть на зарево.

— Прозрачный тебя побери! Лезь!.. Все равно скоро мы все буль-буль. По такой волне на лодке далеко не уйдешь.

Я выбрался наверх, спрятался за прозрачной преградой.

Была глухая ночь, и может, поэтому ревущие, перекатывающиеся через округлый корпус судна валы казались особенно громадными и зловещими, хотя на самом деле волнение вряд ли превышало несколько баллов, но для нашей древней посуды и такая качка была смертельно опасна. Лодка то взлетала носом в темное, чуть подсвеченное зарницей небо, то ныряла в накатывающуюся волну. Корпус отчаянно скрипел, и каждый раз, проваливаясь в черную вспененную бездну, я с трепетом ждал — вот сейчас раздастся хруст и лодка разломится пополам. С трудом удалось взять себя в руки, глянуть в сторону зарева, окрасившего горизонт чуть в стороне от курса, которого держался корабль.

Я в упор посмотрел на капитана, на двух матросов, присевших на корточки и отчаянно и безостановочно чесавших колени.

Ну и славные — некормленные, с изможденными лицами, в игрушечных латах. Взъерошенные мокрые перья на головах ничего, кроме жалости не вызывали. Взгляд, как у ошипанных ворон. Только Неемо старался держаться прямо, как и подобает гвардейцу, но и на его

лице стыла унылая созерцательная безнадежность. Кажалось, он окончательно утратил представление о месте и времени, не замечал ни шквального ветра, ни волн, не слышал ужасающего скрипа усталого металла, а между тем лодку раскачивало все сильнее и сильнее.

— Ну? — выкрикнул я. — Назови желание! Действуй разумно!.. Тойоти не вернуть, до «Тоопинайки» не добраться! Решай скорее, возопи сердцем, иначе чудо минует нас. Вспомни о людях, они рядом, зачем им гибнуть. Ну, капитан? Пожелай спасения!..

Он с ужасом и ненавистью глянул на меня, на присевших рядом матросов. Те совсем скрючились и с надеждой, безраздельной собачьей преданностью смотрели на Неемо. Капитан бросил взгляд на небо, хмурыми низкими тучами облокотившееся на взбесившееся море... На тонкую полоску зарева. Предвестник рассвета? Но день на Хорде всегда начинался с яркой вспышки, утренние и вечерние зори коротки, моментальны — сначала чуть посвечивающий разнообразными цветами полусумрак, затем сразу многоцветное полыхание света.

Полоска медленно гасла, тьма уже совсем было придавила ее.

— Ну же, капитан!!

— Да, знахарь, прозрачный тебя забери, я хочу жить! — голос его прозвучал глухо. Он как-то странно поперхнулся. — Но если жить нельзя? Если ни к чему это, тогда как?

— Не спеши, Неемо, поверь в спасение. В пучину всегда успеешь. Отдайся чуду, они, чудеса, говорят, ко-

сяком ходят. Чего на свете не бывает. Смотри, зарево гаснет...

— Прозрачный с тобой! — выругался капитан. — Будь что будет. Что теперь следует говорить? — спросил он. — Какую клятву давать? На чем?.. Кровь пить будешь?

— Побойся ковчега! — испугался я. — Какая кровь, что за клятвы! Пожелай спасения... Повторяй за мной. И вы, ребята, повторяйте, — обратился я к морякам, собравшимся в рубке.

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Хвала Аллаху, Господину миров, милостивому, милосердному,

Царю в день суда!

Тебе мы поклоняемся и просим помочь!»

— А теперь добавьте: «Отче наш, да святится имя твое, да приидет царствие твое...»

В этот момент раздался тот самый хруст, которого я с таким страхом и так долго ждал. Треснуло где-то в середине корпуса. Все оцепенели. Прошла минута, другая, металл жалобно застонал, однако лодка продолжала двигаться. В момент следующего падения в бездну они вдруг все разом — кто громко выкликая священное имя рукотворного ковчега, кто с трудом выговаривая непривычные слова, кто сквозь слезы, — возопили: «Аллах акбар!»

Их вопль был услышан.

Зарево заметно усилилось, начало шире и выше всплывать над бушующим морем. То ли мы двигались с необъяснимой скоростью, то ли светонесный мираж не знал пределов распространения, однако уже через несколько нырков и качков на горизонте явственно очертилась область света, а в ней высокая, причудливо-горбатая гора, понизу шерстка соснового бора, густо покрывшая прибрежные холмы. Там царил день, светило солнце, прибой был нетороплив и ласков — волны с лентой накатывались на узкую полосу песчаного пляжа. Ветерок шевелил хвою и листву подлеска. С той стороны отчетливо доносилось подзабытое пение земных птиц.

— Правь туда! — закричал я и принялся отчаянно тормозить впавшего в оцепенение Неемо. — Там переждем шторм, подлатаем корпус.

Он, словно просыпаясь, глянул на меня, что-то бестолково забормотал и, неожиданно наклонившись, резко и пронзительно закричал в люк.

— Вправо два. Выжмите все, что можно!

Потом повернул голову правым ухом книзу, прислушался — ответа не было. Тогда он сорвался с места и ловко провалился в открытое отверстие.

Глава 9

Зыбь улеглась сразу, как только подлодка всплыла в пределы равномерно пульсирующего разноцветными оттенками свечения. Оно тут же затмило штормовую ночь, погасило вой ветра, принизило волны. Лицо у Неемо потемнело до неузнаваемости — оно приобрело

какой-то мертвенный, лиловато-синюшный оттенок. Руки подрагивали, однако у него хватило выдержки прежним командным голосом приказать сбавить ход. Скоро мы вползли в скрытую за выступом скалы, маленькую бухту. Лодка набрала столько воды, что над поверхностью возвышалась только горбатая рубка, да и в ней под ногами уже хлюпало.

Это был земной, без подмеса, сказочный остров. Подлинный *mon plaisir*. Райское место, где росли пальмы, сосны, одноцветно-зеленая, густая трава. По небу, пронзительно-голубому, увлекающему, стайками плыли кучевые облака. Песок на берегу был мелок, золотист и горяч, цвет воды до слез бирюзовый. Повыше, по кромке обрыва, густо рос боярышник, крупные густо-багряные ягоды обильно усыпали ветки. В подлеске просматривались рябиновые гроздья. Далее, до самого склона горы, где стояли вековые сосны, тянулся удивительный сад. Сама гора после высадки на сушу заметно понизилась и теперь вблизи казалась всего лишь причудливым холмом, западный склон которого обрывисто опускался к урезу воды. Пусть это все было откровенной голографией, но я, первым прошедший по корпусу уткнувшей носом в песок подлодки и первым спрыгнувший на эту обетованную землю, сел прямо на пляже — ноги подкосились! — зарыдал навзрыд и принялся посыпать свою лысоватую, чуть оперенную голову песком. Быстролетный превзошел самого себя — старался для хордов, а угодил в меня. Недолго жить этому волшебству на просторах дикого, взбесившегося океана, при свете трех лун и двух солнц — может, полчаса, от силы час, — но это был мой час. Никто не мог отнять его у меня.

Рядом собрались члены экипажа. Их было всего-то семь губошлепов — видно, совсем у старцев Ин напряженка с кадрами. Следом в сознании прозвучал знакомый с гнусавинкой голос.

«Уведи их в лес, погуляй по саду. Там каждая ягодка, вишенка, яблочко навевают покой. Используй... Я пока займусь этой старой галошей, а тебя ждут на противоположном склоне горы».

«Каналья ты, вернослужащий. Мошенник и палач! Зачем эти подробности?»

«Вспомнил во сне Гавайки. Соскучился...»

«Ладно, Бог с тобой. Неемо сообщил, что решение принято. Надо узнать, какое».

«Трудно. Они все попрятались. Старики перебрались в горы. Диктаторы материков укрылись в подземельях. Помнишь то, на которое ты набрел на Дирахе. Буду стараться, а вы пока скройтесь с берега».

Я махнул рукой губошлепам, которые откровенно жалко смотрелись на фоне всего этого изобильного великолепия. Из леса на опушку вышел громадный — голова на уровне пояса — белый пушистый кот с голубыми глазами. Не обращая внимания на чужеземцев, улегся на траву, принялся вдохновенно, как только умеют наши пушистые любимцы, вылизывать лапу. Губошлепы отпрянули, присели на песок, прикрыли головы руками. Только Неемо остался на ногах. Сзади латы у славных крепились тонкими, истертыми, кое-где зашитыми на скорую руку, кожаными ремешками.

Я подошел к коту, погладил его по голове, почесал за ушами — тот громко и внушительно замурлыкал и скрылся в зарослях шиповника. Мы всей толпой двину-

лись вслед за котом. Вокруг оглушительно звонко пели птицы, пощелкивали, перебрасывались трелями, выводили тончайшие рулады. Хорды, сгрудившиеся у меня за спиной, отчаянно крутили головами.

Наконец добрались до сада. Все здесь было вперемежку, все плодоносило. Румянились крупные яблоки, вишни и сливы обливные, ветви, полные грушевых плодов, до земли клонились вниз. Перестарался Быстролетный с апельсинами — они были размером с футбольные мячи. А может, это такой сорт? Мало ли, каких успехов добились отечественные селекционеры. Хороши были арбузы и дыни, развалившиеся на грядках. Крупной уродилась малина. Я дрожащей рукой сорвал ягоду, отправил в рот — губошлепы с ужасом наблюдали за мной. Ощущение прежней, удивительно вкусной сладости разлилось во рту. Потом повернулся к своим спутникам и, не в силах сдержать энергичные почесывания, порекомендовал.

— Угощайтесь! Чудо, а не ягода. К тому же очень полезна в лечебном смысле. Во время ночного отдыха навеивает сны.

Первый помощник капитана, он же штурман, решившийся было пощупать экзотическую ягоду, сразу отдернул руку, с ужасом глянул на меня. Он был представлен к Неемо в качестве провокатора. Малый был неплохой, из когорты Героев, с хорошим воспитанием. Тоже из списанных... По крайней мере, так отозвался о нем капитан.

Я похлопал его по плечу.

— Ведь ты моряк, Мишка. Не дрейфь, жуй бодрее.

Ужас в глазах молоденького славного губошлепа все копился и копился. Потом он перевел взгляд на капитана, видно, ждал приказа.

Неемо долго выбирал ягоду, тоже, наверное, робел прикоснуться. Лицо его было подчеркнуто отрешенно, странное безразличие стыло на нем. Почесавшись, он наконец сорвал спелую, крупную малинку и отправил ее в рот. Выражение его лица не изменилось, с той же неизбывной грустью он сорвал еще одну ягоду. Затем еще одну...

Это было истолковано как приказ. Голодные, измученные вконец матросы навалились на малину, потом на груши. Напоследок мы всей компанией съели большой спелый арбуз. Я только щелкнул по нему, как плод дал трещину, а когда развалил, у всех слюнки потекли. Пусть даже это была пустота, обман зрения и вкуса, однако сколько же снов мы проглотили за один присест?..

Так, под завязку насыщаясь будущими сновидениями, мы добрались до широкой ухоженной опушки. Далее начинался сосновый бор, через который наша группа вышла к вершине еще более понизившегося холма. Суша, чтобы удобнее шагать, сама стелилась нам под ноги. В то же время оставленный за спиной сад, пляж, брошенная подлodka наблюдались как бы с огромной верхотуры.

На вершине была разбита овальная ухоженная куртина, где посреди тщательно подстриженного газона, на невысоком гранитном постаменте, возвышались скульптурные изображения четверки странных, ничем не напоминающих губошлепов существ.

На переднем плане двинувшаяся на полшага, обнаженная земная женщина. Легкая, прозрачная накидка прикрывала ее вечно молодое, совершенное тело. К темно-русым, с золотистым приблеском волосам, выше лба была приколта маленькая диадема — венец Флоры. Крупный, чистейшей воды изумруд сиял в центральном зубце, далее уменьшающиеся зубчики были усыпаны россыпью бриллиантов, посверкивающих редким травянистым тоном.

Рядом с женщиной и чуть сзади, за ее правым плечом, стоял высоченный богатырь в шишаке, кольчуге с ярко сиявшим, серебряным зеркалом на груди. На ногах широкие холщовые штаны, заправленные в красные сапоги с загнутыми вверх носками. Руки великан сложил на рукояти двухметрового двуручного меча. Сам златокудр, борода черна, как смоль.

По другую сторону от женщины находился скелет, изображавший древнеримского пехотинца. Сбоку, на левом плече, висел прямоугольный выгнутый щит. На умбоне, или выпуклой металлической бляхе в центре щита, были видны вмятины. На шесте, над головой, два перевязанных кожаными ремнями тюка, за один из ремней воткнута деревянная ложка. К правому плечу усохшего до костей легионера был приторочен округлый сосуд с водой. Ребра скелета закрывал кожаный панцирь с накладными металлическими пластинами. На поясе, непонятно как державшемся на тазовых костях, — короткий испанский меч. На ногах сандалии, ремешки которых странным образом крепились на больших и малых берцовых костях. Ухмылявшийся, с отвисшей нижней челюстью череп был покрыт древнеримским

пехотным шлемом с закинутым наверх забралом. В правой руке скелет держал пилум (сноска: Тяжелое метательное копье, которым были вооружены древнеримские воины). Возле скелета сидел чудовищных размеров волк с золотистой, поблескивающей в солнечном свете шкурой.

«Зачем?» — спросил я и голос мой дрогнул. Ответа не дождался.

Здесь у скульптурной группы на моих спутников навалился неодолимой силы сон. Они растянулись на траве, в тени сосен. Штурман сладко зевнул и первым погрузился в дрему. Рядом с ним попадали матросы. Последним, пытаясь стряхнуть усыпляющее наваждение, на землю опустился Неемо. Видно, решил посторожить товарищей. Подтянул колени к животу, положил на них руки, затем голову и спустя несколько мгновений повалился на бок. Сунул руки под щеку, сладко зевнул и замер.

Я прошел остров насквозь — был он невелик, всего несколько сотен шагов, — выбрался на береговой откос, с которого далеко и явственно открывалось пронизанное солнечным светом, неоглядное воздушное пространство, а ниже поблескивающая, посверкивающая морская гладь. Этому прошибающему до слез пейзажу не хватало только одинокого паруса на горизонте. Свежий ветерок остро припахивал морем. У подножия откоса прибой перекачивал разноцветную гальку, ласкал выступающие в море осклизлые, поросшие водорослями, гранитные глыбы.

На кромке обрыва, свесив ноги, сидело странного вида существо. Это был уже знакомый мне по Беркте, невысокий ящер с изящной вытянутой мордочкой, умненькими змеиными глазками. В штанишках до колен, переливающейся радужным блеском футболке, сверху что-то вроде пелерины с откинутым капюшоном. Длинный, гребенчатый хвост лежал на траве. Я прикинул — если ящерок встанет, хвост будет волочиться по земле. Был он бос, видимо, попечители в обувке не нуждаются.

Я остановился поодаль, замер. Зрима правая лапка нащупала камешек. Покрытые зеленоватой, пупырчатой кожицей четыре пальца были как пальцы, с коготочками, а вот большой напоминал скорее острый костяной шип. Ящерок замахнулся и швырнул камень в море. Я невольно проследил за его полетом, пока над водой не вскинулся столбик воды.

— Небо у вас голубое, — не поворачивая головы, произнес по-русски ящерок. — Редчайшая диковинка во вселенной. Радость-то какая!

Он помолчал, потом повернулся ко мне и спросил.

— Привет, Серый. Хочешь вернуться?

У меня комок в горле встал.

— Ладно, не буду, не буду, — ящерок почесал правой лапкой спину между лопатками, затем приставил сложенные козырьком пальцы ко лбу и принялся рассматривать даль. После долгой паузы, вновь обратился ко мне.

— Володя, что значит «комбат-батяня»? На Земле пришлось потоптаться, а выяснить забыл.

— Командир батальона или командир батареи. Жаргонное... Если командир о солдатах заботится.

— А если плевать на них хотел?

— Тогда по-разному. Чабан, бугор... Иногда живо-
глот. Если до женщин охоч, то елдарь. По крайней мере,
мы на срочной своего так называли.

Я уселся рядышком, глянул вдаль, погладил траву.
Затем спросил.

— Требуется отчет или как?

— Или как, — откликнулся ящер. — Я все знаю, во
все вник. Атакуешь в правильном направлении.

Над водой с криками носились чайки. Время от
времени птицы ныряли вниз, хватали рыбу с поверхно-
сти воды.

— Пока знакомился с вашей Земелькой, беспоко-
ился, может, Роото уже сгинул? Сглотнул его Черный
гарцук и не подавился. А вот добрался до Хорда, обра-
ботал информацию — ушам не поверил.

Я невольно глянул на его голову — есть ли у него
уши? Какие-то бугорки с отверстиями на черепе высту-
пали, но можно ли назвать их ушами?. Между тем по-
печитель продолжал.

— Смотрю, трудится вовсю, помощниками обза-
велся. Всю когарту сильных в тупик поставил. Молодец!
Встретил на границе между Дирахом и Дьори стража
по имени Туути. Посидели у костерка, полюбовались на
звезды, помянули Творца — так хорошо на душе стало.
Не поверишь, полноту жизни ощутил, позабытый телес-
ный трепет в душе. Он верит искренне, незамутненно —
это радует.

— Вас, может, и радует, а мне какво изображать из себя мессию! — воскликнул я. — Тоже новый Христос объявился!

— Что ты, Володя, — усмехнулся попечитель. — Куда нам до галилеянина. Он... — ящер указал шипом на руке в зенит, вздохнул совсем по-человечьи и повторил. — Он — богочеловек, идеал, к которому следует стремиться. Иисус — символ, воплощенный дух, а мы кто? Хранители, существа плотские, не более того. Служаки, и это даже хорошо. Если б ты знал, сколько пришлось пострадать Спасителю. Не на одной же Земле он на кресте томился. У него таких Земелек, что пылинок на твоём ногте. Вот уж не думал, что подобные бредни приходят тебе в голову. Ты вот что, перед последним и решительным боем покайся галилеянину, а то я даже не знаю...

С ума сойти можно! Рептилия рептилией, а туда же!.. Покаяться рекомендует. Перед последним и решительным. Видно, схватка не за горами. И чем же я начну мочить славных, чем буду громить Черного гарцука? Верой, что ли, заклатьем, крестным знаменем?..

Грустная перспектива.

— Я тебе волшебный пояс привез, — перебил мои мысли попечитель.

Я удивленно глянул на него, спросил.

— Полагаешь, без пояса теперь не обойтись?

— Полагаю, да. Теперь это самая нужная вещица.

Он отчаянно обеими лапками почесал бока и после короткой паузы с нескрываемым восхищением добавил.

— Удивительный, должен признаться, предмет, этот пояс. Артефакт времен первых цивилизаций. Я только слышал о подобных раритетах, считал, что их давным-давно не существует на свете.

— Его тоже следует уничтожить? — съехидничал я.

— Шутишь?! — кожаные складки над глазами попечителя полезли вверх. — Это же чу-до! Оно настраивается на конкретного носителя, безболезненно деформирует пространство в минимальном объеме, во много раз увеличивает ментальную силу, то есть силу духа. Я, например, тоже в состоянии исполнять эти функции, но каждую по отдельности, а этот пояс, — он показал мне широкий наборный ремешок, — все сразу и в единый момент. Чудо оно и есть чудо.

Я онемел. Это точно был он, мой волшебный пояс, я узнал его сразу. Живой, невредимый, с той же самой щербинкой на золотистой, изготовленной из какого неизвестного металла бляшке, с редкими трещинками на покрытой обливной эмалью орнаменте. Готовый к употреблению...

— Таких рукотворных штучек в галактике раз-два и обчелся, — добавил попечитель.

— Интересно, — спросил я, — какие еще диковинки сохранилась от эпохи первых цивилизаций? Неужто шапка-невидимка?

— Именно! — с готовностью ответил ящерок. — Только подлинная, от первых производителей, а не просто поддельная отражательная оболочка. Редкая, знаешь ли, диковинка — наденешь, и никакой глазастый не заметит, ни один прибор не регистрирует. Как устроена, никто не может объяснить. Что-то вроде ва-

ленка — обувка проще не бывает, а вот как укатали войлок, как придали ему нужную форму, никто толком не знает. Или знакомое тебе «цечешище». Помнишь дракона, изрыгающего огонь?

— «Цечешище», шапка-невидимка, валенки — это, конечно, хорошо. Только какой мне, губошлепу, толк от волшебного пояса? Мой учитель, Евгений Михайлович, он же Волк Огненный Змей, полгода специально настраивал эту вещицу на мой земной телесный образ. А теперь у меня все плотские характеристики другие.

— Потому-то мы с Евгением Михайловичем день и ночь работали, чтобы ты мог им воспользоваться.

— Выходит, вы успели на Земельке побывать и даже письмецо от родных не прихватили? Например, видеозапись. Как они там? Гитару бы захватили. Сбацал бы я что-нибудь поселянам, для развития музыкального слуха. О рояле я уже не заикаюсь.

— Развитие музыкального слуха, Серый, это не по твоей части. Это их, губошлепов, заботы. Ты пройди свою часть пути, этого вполне достаточно.

— Для возвращения на Землю?

— И для возвращения тоже. Жалко, времени у нас в обрез. Власти на Хорде слишком много знают о тебе. Со дня на день сошлют, но куда именно? На планетоид или на приводную станцию? Они еще сами не решили, как с тобой поступить.

— Где полегче, безопаснее? — спросил я.

Ящер отчаянно почесался под мышками, потом признался.

— И там, и там жуть.

Я вздохнул. Вокруг была такая красота, что всякая мысль о том, что через несколько минут мне придется вновь очутиться на Хорде, а в ближайшем будущем меня ждет ссылка, а может, и гибель, — казалась отвратительной. Я был готов провести на этом острове всю жизнь. В любом обличье. Готов сутками выслушивать какую угодно чушь. О том, например, как устроена шапка-невидимка, где она хранится и так ли трудно настроить ее на нового владельца или этот артефакт действует на любой глупой башке? Или о том, что, по словам попечителя, вечный двигатель это и есть машина времени. Чем не повод для разговора? Можно поспорить о свободе воли и таинствах Божьего замысла, о его физике и логике. Эта тема, особенно в смысле длительности обсуждения, была очень своевременна. До конца жизни хватит! Можно порассуждать о голубых небесах, о рассветах и закатах. Оказывается, пока я здесь корячился, попечитель успел побывать на Земле. Единственное, что поразило его — это наше небо.

Мечты, мечты!..

К сожалению, времени у нас действительно в обрез. За пределами сияющего дня уже явственно обозначилась беспросветная давящая тьма. Остров расползался, море на глазах сглатывало его. Скоро мы с попечителем оказались на выдвинутом мыске.

— Давай-ка делом займемся. Надевай пояс и для начала установи с ним контакт. Ментальные формулы для настройки следующие... Затем начинай кувыркать-ся. Я рядышком постою, в случае чего подсоблю.

Обнажившись, надев пояс и настроившись на него, я прошелся колесом по траве, постоял на руках, поочередно подрыгал ногами.

Сначала левой, потом правой...

Никаких неприятных ощущений. Пояс сидел как влитой, видно, ощутил присутствие прежнего хозяина. От него исходило энергичное ласковое тепло. Наконец я собрался с духом и, перекувырнувшись через голову, испытал неземной ужас, обнаружив себя громадным космическим волком, заключенным в прежний, погибший в бою под Сатурном скафандр. Тело было покрыто крепчайшей, составленной из треугольных чешуек кольчужой, когтистые лапы позволяли с легкостью управляться с бластером.

— Это первая фаза, — подсказал попечитель, — вполне пригодная для боевого планетоида. Надеюсь, в таком виде ты сумеешь навести там порядок. Для приводного централа я приготовил кое-что другое. Запомни, если окажешься на центре, твоя главная задача как можно ближе подобраться к Черному гарцуку и постараться внедрить в него пару вот таких шариков.

Я не заметил, как в его ладонке вдруг очертилась груда округлых предметов. Все они были угольного цвета, размерами от крупных горошин до шариков для игры в пинг-понг. Предметы были собраны в гроздь, намного превышавшую ладонь попечителя, тем не менее ящер без всякого усилия удерживал шарики на руке.

Это было обыкновенное чудо, на которое мы все, хранители, были такие мастаки. Удивило другое — этот хвостатый чародей рассуждал о Черном гарцуке как о вполне реальном существе.

Мне стало грустно. Менее всего в своей жизни я хотел бы встретиться с Черным гарцуком, угодить в лапы прозрачного.

Заметив мой погасший взгляд, попечитель торопливо объяснил, что по непроверенным данным, извлеченным из архивов хордов, Черный гарцук — это один из последних звездолетов архонтов, сумевший добраться до базы в системе Даурис-Таврис после генерального сражения при...

Он запнулся и не стал уточнять. Затем продолжил инструктаж.

— Вся загвоздка в том, — продолжил попечитель, — как к нему подобраться. Он сглотнет тебя в то же мгновение, как увидит. Особенно если ты предстанешь передним космическим волком. Ты обязан выиграть время, так что давай, перекувырнишься еще разок.

На этот раз я обернулся гигантским межзвездным кораблем о трех головах. Так и подвис над морем, удлиненной хвостовой частью выпирая за пределы накрывшей волшебный остров светлой полусферы. Понятно, это была только видимость, но и призрачное величие боевого фламатера произвело на меня, его носителя, неизгладимое впечатление.

Между тем попечитель пояснил, что этот трехглавый монстр с вытянутой хвостовой частью когда-то был флагманским кораблем флота архонтов.

— Как же я тогда назывался? — рявкнула моя средняя голова.

Микроскопических размером ящерок крикнул.

— Догадайся с трех раз.

Мне хватило первой попытки. Как еще мог называться подобный межзвездный исполин? Конечно, «Непобедимый»!..

— Угадал, — попечитель был явно недоволен. Ему до смерти хотелось удивить меня, но можно ли обескуражить наудивлявшегося досыта. — Но не полностью. Он тогда назывался «Непобедимый никем и никогда».

— И, конечно, его подбили первым? — рявкнула правая голова.

Попечитель совсем помрачнел.

— С тобой, Серый, не интересно. Ты слышал о сражении при Беркте?

— Нет.

Ящерок покивал.

— Да, его атаквали первым. Сначала срезали правую голову, затем левую, потом добили.

Он захлопал в ладоши.

— Все, все. Теперь к делу. Как только предстанешь перед гарцуком, сразу выдай ему набор следующих команд... И не стесняйся, рявкни во всю мощь. У архонтов командирский голос особенно ценился.

Он продиктовал ментальным образом определенные символы.

— С помощью этого призрака ты, может, сумеешь выиграть несколько секунд, пока твой противник разберется что к чему. Теперь кувырнись еще разок.

На этот раз я обернулся звездопроходцем очень странной и древней, как сообщил ящер, конструкции. Звездолет был невелик размером — что-то около нескольких сотен метров в диаметре, дискообразен. Антенны его обвисли, что-то подобное налипшим водо-

рослям или бахromeросло на выступающих частях, на краях огромной пробоины, заметной на утолщавшейся кормовой части, где были расположены двигатели; на торчащих из недр погибшего корабля ребрах жесткости и скрученных броневых листах.

Никто не знал, откуда он, кому принадлежал, как долго длилось его путешествие, что послужило причиной его гибели. Лишь по едва заметному, скорее предполагаемому сходству с известными в пору Ди типами кораблей, можно было с трудом догадаться из каких краев был его экипаж. Впрочем, ничего достоверного о нем, признался наставник, мы, вероятно, уже никогда и ничего не узнаем. Это был призрак, блуждавший в космической ночи. Его появление, даже только мгновенная блеска на экране локатора, по мнению ди, предвещала скорую неизбежную гибель.

— Средство действенное, — уверил меня попечитель. — Не было и не будет астронавта, у которого не дрогнет сердце при встрече с этим обветшавшим выходцем с того света. Выиграешь еще несколько мгновений.

Он сделал паузу, затем уже более проникновенно и заботливо продолжил.

— Запомни главное, Серый. Твое спасение в обращении к мифу. К чуду загадочному, до конца неисхоженному, где каждый — желанный гость. Легенды, былины, сказки, побасенки, пословицы, всяческие заговоры, наговóры — это не так смешно и наивно, как кажется. Эта впечатанная в твои гены информация, предощущение мироздания как единого, безмерного, страдающего от собственной неполноты времени. Нет у

него хода назад, а почему? Поразмышляй на досуге. С помощью мифа разум исподволь осознает себя как личность, некую миниатюрную бесконечность, причисленную к семье, роду, племени, человечеству, всей великой общности подобных разумных бесконечностей. К мирозданию, наконец! Если твой противник исповедует подобные ценности, пусть даже под другим — противоположным — углом зрения, с ним всегда можно договориться. Если же для него всякое родство, возможность и необходимость общения, обмен мифом — пустой звук, только средство для достижения корыстных целей, он достоин уничтожения. Он — отброс, падаль. Но в любом случае ему придется маскировать свои намерения, то есть, творить миф о себе. Вот тут и цепляй его на крючок.

Он на мгновение примолк, потом предложил мне освоить несколько простых приемов маскировки. Наконец крикнул.

— Серый, заканчивай! Остров исчезает. Желаю удачи!

Я вернулся в исходное — губошлепное — состояние. Попечителя уже не было — он растворился в нестерпимо ярком свете. Я накинул хламиду, погладил под ней чуть нагревшийся пояс и двинулся в сторону памятника. Отыскал команду, присел рядом с Неемо. Потом не в силах справиться с подступившей дремой прилег. Положил голову на мшистый, выступающий из земли камень и не заметил, как смежились веки.

Проснулся, когда мои ноги начали лизать набегавшие волны. Берег отступил, и море вплотную приблизилось к памятнику — вода теперь накатывалась на край

поляны. Здесь же покачивалась непонятно откуда взявшаяся шлюпка, а вдали, возле самой границы тьмы была видна подводная лодка. Корпус теперь высоко выступал из воды, так что можно было в целом разглядеть плавсредство хордян. Внешний вид субмарины был полным подобием земных конструкций, разве что рубка с зализанными обводами более напоминала советские атомоходы.

Я глянул в сторону вытянувшегося на песке крепкого, густоперого капитана.

Надо же такое придумать — Неемо!

Покоритель океанских глубин, мститель, печальник-естествоиспытатель, одним словом, легендарная личность оказывается не погиб при взрыве вулкана. Теперь, оказывается, Неемо служит у губошлепов, в компании с Хааатом выводит птенцов, иронизирует и тоскует.

Если задуматься, неминуемо поверишь, что эти нелепые, не признаваемые логикой казусы покрепче и поосязаемей единства и постоянства физических законов, материальности мира, единого создателя, — увязывали вселенную в единое целое. Именно случайные совпадения наполняли Вселенную таинственным смыслом и глубиной. Это я к тому, что Дуэрни посчитала чудом пробежку по поверхности моря, а Неемо, по видимому, неизбежно поверит в существование волшебных островов. Мне вроде поболее их известно о том, как устроен мир, но каково и мне было узнать, что вечный двигатель и машина времени это одно и то же.

Выходит, чудеса нескончаемы!

Или еще один перл попечителя: «С точки зрения времени вся Вселенная имеет размер точки».

Интереснейшая тема для дискуссии...

Вдобавок мне нестерпимо захотелось обернуться трехговым монстром, ведь не каждый день мне приходится изображать межзвездного Змея Горыныча. Это было здорово вертеть головами, сначала по очереди, потом всеми тремя сразу. Изрыгать огонь, громopodobно хохотать, красть курей...

Смех был сквозь слезы. В какое же пекло меня занесло?! Куда несет? И зачем?..

Неожиданно Неемо сел рывком, обвел глазами берег чудесного острова, потом уставился на свою посудину. Потер глазницы.

— Послушай, знахарь, ты ничего не замечаешь?

— Нет, а что?

— Видишь впереди, у форштевня, отметины?

Я почесался.

— Вижу, ну и что?

— Красная черта — это проектная отметка без загрузки. Выходит, теперь лодка освободилась от скопившейся воды. Как это объяснить?

Я не ответил — равнодушно покарябал коготочком висок, встал, направился к шлюпке. Губошлепы, словно утята, торопливо, гурьбой последовали за мной. Одни сладко зевали, с удовольствием почесывались в паху, другие стыдливо прятали глаза.

Что я мог ответить? Попытаться объяснить технологию созидания волшебных островов? Рассказать о некоем летучем, похожем на блюдце, челноке, способном починить любой механизм? Он все равно не поверил

бы. Если чудо случилось, как его взвесить, разложить на составляющие? И зачем?.. На мои жаркие просьбы пояснить, каким образом машина времени способна работать как вечный двигатель и наоборот, попечитель совсем по-человечьи пожал плечами и ответил — сам поймешь. Наверное...

Когда-нибудь...

И это правильно, товарищи.

Как только лодка подгрбля к борту субмарины, члены команды сразу разбежались по своим постам. Я прошел в предназначенную мне каюту, уселся на койку. Через некоторое время глухое урчание в корпусе подсказало, что заработала двигательная установка. Спустя несколько минут ко мне зашел Неемо, расположился напротив. Вид у него был угрюмый. После короткого молчания он заявил.

— Штормит... Все механизмы действуют исправно. Остров исчез, свет погас. Зачем же ты так с нами, знахарь?

Я удивленно глянул на него.

Неемо продолжил.

— Сразу по прибытию мы будем обязаны явиться в тюрьму. Что с нами будет?

— Не знаю, капитан. Чудо не освобождает от ответственности. Как поступить, решать каждому из вас.

Глава 10

Генеральный канал оказался исполинской пещерой, вырезанной в недрах скалы, где были устроены причалы для подводных транспортов. Над причалами

нависали стрелы огромных порталных кранов. Повсюду грудями лежали странные серовато-бурые разного-размерные и бесформенные емкости. Одни из них были величиной с хозяйственные сумки, другие напоминали гигантские мешки с картошкой.

Немо пояснил, в эпоху повелителей генеральный канал являлся перевалочным пунктом и как бы главными воротами, ведущими в центральный производственный комплекс, вырезанный в теле Лераада и Фреки. Сюда со всех материков Хорда доставлялись сырье, полуфабрикаты, комплектующие и вспомогательные материалы, обеспечивающие производство межзвездных летательных оболочек. Здесь были также расположены склады, вспомогательные производства, ремонтные базы и множество других служебных помещений. Все внутренние пути снабжения, монорельсовые и конвейерные линии, обслуживающие производственный комплекс, были скрытно проложены под землей. Неподалеку размещался также упрятанный под землю космодром. Сверху стартовые площадки маскировал исполинский купол Рииха Борсалос, возведенный в незапамятные времена, когда архонты вели нескончаемые боевые действия с противоборствующими еретиками. Он, Неемо, так и выразился — «архонты»...

С той поры прошло бесчисленное количество лет, хордам было не до генерального канала и производственного комплекса. О пещере и подземельях забыли. Популяция биокопий не раз сокращалась до уровня выживаемости, пока наконец скромный избыток материальных средства не создал возможность дальним потомкам высших разрядов, обремененным странными и

не имеющими никакого смысла знаниями, измученным тоской по достойной их работе, задуматься, кто они и откуда родом.

Начали ворошить сохранившиеся редкие архивы, наткнулись на сведения о повелителях — не поверили! В это невозможно было поверить, однако факты — упрямая вещь. Но в таком случае практически мгновенное исчезновение архонтов невольно наводило на мысль, что они всего-навсего отлучились. Их можно ждать в любой сезон, в любой месяц, в любой день.

Что тогда?

Снова рабство, лагерный режим, беспросветное будущее? Высшие разряды быстро осознали угрозу, исходившую от звезд, вот почему хордяне не жалели сил и средств для восстановления производственного потенциала Хорда.

Это было тяжкое, практически неподъемное бремя.

Ремонт и поддержание в рабочем состоянии заводов, подземных коммуникаций, транспортных средств было под силу только многочисленному, постоянно воспроизводимому, технически хорошо оснащенному персоналу, опиравшемуся на неисчерпаемый запас рабочей силы.

Ничего этого не было.

После гибели богов численность биоробов упала до уровня выживаемости расы. В смутные времена были потеряны производители многих жизненно необходимых каст, и планета лишилась сотен тысяч специалистов. Некому было заниматься планированием, обеспечением сырья, налаживанием хозяйственных связей

и организацией производства высококлассных, прекрасно вооруженных фламатеров, межзвездных транспортов, командных комплексов. В таких условиях только поддержание в рабочем состоянии хотя бы части производственных мощностей архонтов можно было считать беспримерным подвигом, великим достижением организаторской мысли губошлепов высших разрядов.

Понятно, что полностью освоить доставшееся им наследство хордам было не под силу. Вероятно, тогда в их сердцах и родилось ощущение собственной неполноценности. Страх поселился в сердце тех, кто с рождения являлся исполнительными думающими механизмами. Страх им хватило, чтобы осознать прелести свободы и возненавидеть рабство, но этого было мало, чтобы изменить «технологию жизни».

Они отважились на борьбу, но как всегда бывает с отчаявшимися, униженными и брошенными детьми, борьба захватила всех их мысли. Они во многом еще были автоматами, только-только начавшими освобождаться от пут впечатанных в их геномы программ, поэтому едва-едва узрев свет истины, они выбрали те же методы, которыми руководствовались их «грозные и всемогущие отцы».

Остававшиеся до прибытия часы я проводил в беседах с Неемо и его штурманом. Их судьбы были решены, они оба легко и сразу смирились с неизбежностью быть навсегда запечатанными в темнице или, что еще страшнее, ссылкой в преисподнюю. Что это за преисподняя, Неемо и штурман, он же соглядатай старцев,

отказывались объяснять — вернее, не смели. Морские и безатмосферные волки буквально немели, их языки теряли гибкость. Это табу было почище наследственного запрета на самоубийства, который архонты когда-то впечатали в геномы биоробов.

Будущее Неемо очерчивалось внятно и без вариантов. Несколько суток расследования, затем гражданская смерть, вечный мрак, холод и сырость подземелья.

Перед швартовкой он снял металлизированный костюм и нелепую металлическую сетку. Они мешали видеть сны, которые с момента посещения чудесного острова пошли к нему косяком. Даже наяву ему порой мерещились ушедшие к судьбе цыплята и Тойоти. Несколько раз он разве что не с ножом к горлу приставал ко мне, требуя их немедленного оживления. Сколько я не убеждал его, что это не в моей власти, капитан подозрительно щурился и недоверчиво почесывался. Теперь я видел его насквозь. После встречи с чудом, с обретением возможности смотреть удивительные фильмы о собственной жизни, после рассказов о бегающей по волнам Дуэрни, он всерьез уверовал, что стоит ему увидеть своих цыпляток во сне, как они тут же оживут.

— Почему же нет, знахарь?

Что я мог сказать ему? Как объяснить? Он все равно бы не поверил или, что еще хуже, поверил бы всему, что бы я ему наплел. Но я не смел этого делать, я всего лишь человек, приставленный к просветительской работе! Самой важной работе на свете, ибо такого рода агитпроп рождает веру.

Эта вера, в конце концов, начинает двигать горы, покорять пространство и время. Но, главное, без назидания и риторики учит согласию.

Не единению — нет!

Это я уже проходил!

Именно согласию, без которого и вера не вера, и воля не воля. Мне ли уверять Неемо — поступай так и не поступай этак. Он сам, полноценный хорд из ублюдочного павлиньего племени, должен был докопаться до истины. Я только приоткрыл дверцу. На худой конец, вручил лопату. Копай вглубь! Удивительно, но Неемо не принимал всерьез ни благородные истины Арьясачча, отворачивался от Нагорной проповеди, от заветов Авесты, Корана и Библии. Всю вековую земную мудрость он относил к чепухе, уводящей в сторону от единой, непреложной, светоносной истины, воплощения которой он теперь жаждал. Или в лучшем случае размазывающей ее.

Истина должна быть короткой и ясной. Истина должна одарить силой, давать возможность повелевать чудом. То есть, с ее помощью ему должно быть вполне по плечу вернуть к жизни свою курочку, птенчиков, оказаться на мостике «Тоопинайки». Чудо способно на все — вот что он вбил в башку.

Другие члены экипажа охотно слушали сказки, учились выговаривать «Аллах акбар», «Шма Исраэль, Ад-най Элокейну, Ад-най Эхад...», «Отче наш...», царапать коготочком «Ом мани падме хум!», а этот ни в какую! Только кривился!.. Будущее пребывание в темнице веселило и будоражило моряков, особенно штурмана из когорты Героев. Как оно будет? Позволят ли свидания с

мамками? Стоит ли надеяться на амнистию на время праздников? В этом было что-то несказанно детское, тем не менее держались они за обретенное чудо зубами и когтями.

Я тому свидетель.

Это была деятельная порода, честная до щепетильности, верная до готовности погибнуть, технически необыкновенно одаренная, прелестная в своей наивности. Они всегда готовы были подчиниться приказу, и только теперь, впервые задумавшись, стоит ли выполнять его, не согласовав с истиной, не обретя покоя в душе? — испытали полезное, «смысловое», сомнение. Штурман так и назвал его — полезным и «смысловым».

У них проклюнулись души? Я не специалист, судить не берусь. Все моряки были из средних разрядов, может, поэтому они были вполне восприимчивы в сверхчувственном отношении. Возможно, именно таким образом была когда-то построена система управления их предками-биороботами. Машины-вернослужащие посредством сверхчувственной связи — слова при этом были не нужны! — руководили и на бессознательном уровне принуждали к работе орду специально выведенных особей, представлявших собой, в совокупности с запасом птичьей биомассы на планете, неограниченный источник дешевой и квалифицированной рабочей силы.

Почему птичьей?

Потому, что плотность атмосферы на Хорде выше, чем на Земле. В таких условиях наземные животные не могли выдержать конкуренции с летунами всевозможных размеров и видов. Крупного, шагающего и бегаю-

щего зверья на Хорде не было, только мелкие, похожие на наших крыс грызуны, светлую часть суток проводящие под землей, да живущие на пальмах существа, похожие на обезьян.

Но это к слову.

Архонтов не интересовали детали, им требовалась готовая продукция. Следовательно, биокопии должны были обладать некоторой самостоятельностью, профессиональными навыками и, что само собой разумеется, интеллектуальными способностями. Как только архонты сгнули, и система лишилась единой направляющей и контролирующей воли, начались сбои в производственных и управленческих цепочках. Со временем пришли в негодность вернослужащие, ведь они конструктивно не могли обладать тем запасом прочности, который был присущ Быстролетному как космическому бойцу. К тому же в стратегическом планировании архонты не могли не предусмотреть возможности поражения. После их разгрома в космической бойне в дело автоматически должна была вступить программа уничтожения военно-производственного потенциала базы. Безусловно, никто и ничего не собирался взрывать, устраивать общепланетный армагеддон. Мятежники полагали — стоит только дезорганизовать контролирующей, производственный и воспроизводящий механизмы, обречь созданных ими существ на вымирание, и время свое возьмет.

Вот что привиделось мне в последние часы перед прибытием — миллионы биоробов остались без загрузки, без конкретного дела, без ежедневного пайка и крова. Кто может сказать, как скоро они разбрелись по

планете в поисках пищи? Мыкались высокоинтеллектуальные, но узкие специалисты, опытные техники, мастеровитые работяги. Высокообразованные, элитные биокопии, представители среднего класса, нижние ряды, несчастные ублюдки гибли тысячами. Кому они теперь были нужны: программисты, моряки, члены экипажей безатмосферных кораблей, персонал исследовательских центров, менеджеры, конструкторы, рабочие с турбодизельных, кабельных, ракетостроительных заводов. Безропотно ложились в землю шлюхи, выведенные на потребу высшим существам.

Я пытался отогнать видения.

Напрасно!

Это были страшные картины. Они вцепились прочно — не отвернешься, не выбросишь из памяти! Временами, чтобы отвлечься, я пытался вообразить, как они выглядели, эти архонты?

Хвостатыми пещерными динозаврами — вот кем они были, эти сволочи! И стулья изготавливали под стать себе, с прорезями в спинках, чтобы было куда хвост просунуть. От них хордянам по наследству досталась и любовь к фигурам и соединениям типа «ласточкин хвост».

Миллионами умирали в инкубаторах птенцы — подыхали на глазах у нянечек и технологов по воспитанию, созданных заботиться о подрастающем поколении, выращивать его, пестовать... Что творилось в их сердцах? Сходили ли они с ума при виде погибающих цыплят, или по-прежнему тупо и безостановочно закладывали полученные после обязательного спаривания яйца в ячейки термостатов? Кто может ответить на этот

вопрос? Вспыхнула ли в чьем-нибудь искусственном сердце искорка жалости? Кто и когда первым вырвался из тисков впечатанного в гены кода? Скорее всего, на это бессознательно отважились особи из самых нижних, приписанных к сельскохозяйственным фермам, разрядов. Первые беглецы, они, следуя заложенной программе, отправились осваивать новые земли, распахать целину, сажать пальмы — то есть, заниматься тем, к чему были предназначены изначально.

Туда, где появился излишек пропитания, потянулись оставшиеся в живых осколки прежней цивилизации. Стоило организатору производства, какому-нибудь потомку менеджеров появиться в поселении беглых, он сразу приступал к работе: распоряжался, требовал исполнения, распределял, награждал и наказывал. Сколько таких поселений погибло в руках ретивых исполнителей чуждой и навсегда покинувшей окрестности Дауриса-Тавриса воли! Выжили те, кто, как «крестьяне», сумели сломать врожденные барьеры, вольно или невольно допустили смешение разрядов и каст, спасли от расправы нескольких особо даровитых ублюдков.

На причале нас ждали.

Точнее, ждали меня.

Какие-то необыкновенно дюжие славные в сплошных гибких доспехах вывели меня из каюты. На мостике сразу накинули плащ из металлизированной ткани, приказали затянуть потуже завязки капюшона. Так, полуслепой, ведомый двумя славными громилами я прошел по отремонтированному, гулко позванивающему

под ногами, корпусу подлодки, спустился на каменный причал. Не обращая внимания на капюшон, я безостановочно вертел головой.

В недрах плохо освещенной огромной пещеры мне все было интересно. Прежде всего, монорельсовая дорога, грузовой перрон которой располагался за скопищем доисторических оболочек. По всей видимости, дорога была в рабочем состоянии, а вот расставленные в глубине пещеры гигантские механизмы, оставались неподвижны. Только подъемные краны, разгрузившие доставленную навалом на подводном транспорте руду, пошевеливали стрелами.

Губошлепов нигде не было видно, все двигалось как бы само собой. Вот чем повеяло от этой груды неизвестных механизмов — кладбищем. Может, только сотая доля прежнего могущества архонтов была доступна незаконным наследникам, пытавшимися овладеть этими умными и лишенными разума машинами. Вряд ли этих усилий может хватить, чтобы возвести в безатмосферных далях чудовищных размеров боевой планетоид, призванный сохранить цивилизацию хордов, довести ее — пусть даже через несколько поколений — до ближайшего звездного островка.

Беда в том, что славные уже не могли остановиться — точнее, ни перед чем не остановятся. Их цивилизация как бы катилась под гору. К этому выводу подталкивало их прошлое, которое странным образом заняло место их будущего.

Напряжение на планете достигло критического уровня. Неемо, имевший доступ к статистике, признался, что с каждым годом число беглых увеличивается,

причем среди них все больше губошлепов высших разрядов, а ведь именно они составляют костяк технического персонала, на плечи которого славные взвалили неподъемный груз строительства боевого планетоида. Бунтов пока не было, согласно замыслу архонтов их в принципе не могло быть на Хорде. Генная основа их цивилизации, казалось бы, напрочь исключала возможность нарушения приказа и прямого вызова вышестоящему биоробу, однако необходимость выжить, спасти свой выводок, что вода — любой камень точит, тем более что этот императив уже в достаточной степени размыло время.

Сейчас беглые добровольно передают часть урожая канцелярии гарцуков, и этот негласный налог как бы примирял и тех и других, а также давал беглецам надежду на скорое вселение на равных со всеми хордами своего разряда на борт священного ковчега.

Я не верил в сказки, мол, славные спят и видят, как бы спасти соотечественников всех до единого. Это было принципиально невозможно. Собственно Неемо так и заявил — эвакуация, в случае появления архонтов или какой-нибудь иной враждебной силы, будет происходить в несколько этапов.

В таких условиях требование предъявить ковчег для лицезрения разрушало установившийся порядок до основания. С одной стороны славные не могли отказать поселянам в справедливой просьбе, с другой — продемонстрировать ковчег в всей полноте его замысла, значит, обнаружить перед поселянами ущербность проекта. Стоит только устроить презентацию, как какой-нибудь въедливый Тоот подсчитает на глаз его примерный

объем и открыто заявит — ребята, а ведь на всех помещений не хватит!

Это могло стать концом цивилизации. В этой ужасающей обстановке волей-неволей я должен был согласиться с попечителем. Победа должна быть обоюдной. Ковчег может быть разрушен только самими хордянами. Это должен быть их выбор, никакая внешняя сила здесь помочь не могла.

Вот тут и вертись!

Чем дальше мы мчались в покрытом прозрачным куполом вагоне, тем сильнее меня охватывала тоска. Даже наблюдаемые кое-где фигурки хордов, одетых в комбинезоны из металлизированной ткани не оживляли пейзаж.

Как бы это объяснить?

Рукотворная, скверно освещенная, подземная среда существовала вне человека, вне страстей — это было оскопленное пространство. Его требовалось насытить нелепыми — озорными, ужасающими, вызывающими восхищение, трепет, ненависть — любыми! — сущностями. Мы, люди, не замечаем, что каждый метр земного пространства, каждый предмет вокруг нас насыщен своеобразной аурой, придающей земным просторам свойский, привычный — обжитой! — вид. Родные места одухотворены воспоминаниями детства. Нехоженые края — ожиданием встречи с неизвестностью. Площадки, где размещены промышленные предприятия, до предела насыщены ощущениями социальной несправедливости, усталостью, надеждами вырваться из заколдованного круга бесчисленных механизмов и инст-

рументов, страхом потерять работу, а порой и воодушевлением, которое каждый из нас испытывает, когда видит конечный результат труда. Автомобиль, одеваемый на сборочном конвейере, рождающийся в россыпи сварочных искр, красив ожиданием удобств, комфорта, лихой скорости. Ракета на монтажном стенде рождает в обслуживающих ее людях бессознательный страх и уважение перед сказочной мощью, заключенной в ее боеголовке. Что уж говорить о заброшенных руинах, лесных уголках, родниках, рождающих живую влагу!

Ничего подобного не ощущалось в глубине подземного тоннеля, по которому меня гнали вперед, на встречу с примитивной, не знающей, что такое сон, догмой. Мне было трудно в этом пространстве, оплодотворенном мечтой, родившейся на кладбище. Оно было мертво.

На этот раз старики Ин ждали меня в тесном бункере, обставленном скупой и неряшливо.

Поверите, в тот момент я впервые не испытывал страха.

Душа устала...

Эти губошлепы, в чьих руках я находился, способные на все утюги, вызывали у меня разве что раздражение, которое выплескивает каждый из нас, когда во время интересной передачи — скажем, трансляции футбольного матча — начинает барахлить телевизор. Мне нестерпимо хотелось подойти к сидящим с каменными лицами Ин-ту и Ин-се и стукнуть каждого по голо-

ве. Глядишь, удастся устранить помехи и эти славные, пенсионного возраста ребята заработают как следует.

О чем они размышляли, пока мы молча разглядывали друг друга, не могу сказать. Они тоже вырядились в рабочие комбинезоны из гасящей незримую человечью ауру ткани. У обоих на груди многозначительно красовался треугольник с вписанной в него окружностью. У Ин-се треугольник был красный, а круг голубой. У Ин-ту — наоборот. Вот и все разнообразие, которое они допускали.

— Выходит, тупица, мы ошиблись? — спросил Ин-ту. — Ты, оказывается, птица куда более высокого полета, чем мы могли предположить. Способен принимать самостоятельные решения, воздействовать сразу на семерых исполнителей среднего разряда.

— Вот неугомонный! — отчаянно почесался Ин-се. — Теперь начал смущать поселян какими-то островами, незрелыми экзотическими фруктами!..

Я обиделся.

— Почему незрелыми. Самыми что ни на есть налитыми. Если бы кое-кто из высших всерьез подошел к этому вопросу, мы могли засадить садами склоны Фреки и Лераада — здесь, говорят, удивительный климат. Тогда сами бы попробовали и уже не называли бы налившуюся, готовую осыпаться маалину незрелой. Тем более аарбуз, который сразу трескается, как только на него надавишь.

— Как ты назвал этот фрукт? Аарбуз?.. — восторженно спросил Ин-ту.

— Аарбуз не фрукт, а ягода, — поправил я его. — Маалина тоже ягода.

— Вот и попался! — старик обрадовался, захопал в ладоши. — Вот и вляпался!.. Какая же это ягода, твой аарбуз. Это фрукт. Видишь, какой большой. Маалина — может, ты, каналья, и прав — ягода, а аарбуз фрукт. Того же разряда, что на пальмах растут.

— С вами спорить, — совсем по-человечьи вздохнул я, — себе дороже. Почему вы, старики, такие упрямые! Долблю одно и то же: нет архонтов, нет архонтов, сгнули они. Вы теперь единственные и законные наследники повелителей. Откажитесь от постройки рукотворного сосуда, обратите внимание на родную землю, приложите к ней руки... Все без толку! Пора бы одуматься, успокоиться. На худой конец, потребовать гарантии, а вы за старое. Теперь куда законопатите? Здесь, под Риихой Борсалос замуруете?

— Ишь ты, хитрый какой! — беспричинно развеселился Ин-се.

Он даже позволил себе соскочить с кресла черного дерева и пройтись передо мной гоголем.

— Нет тебя места на земле Хорда, даже если ты в самом деле был рожден в горах. Слишком крепко тобой овладели повелители, слишком откровенно ты пляшешь под их дудку. Знал бы ты, сколько лишних хлопот нам доставил.

Он помахал скрюченным указательным пальцем у меня перед носом. Я не удержался и попытался зубами ухватить его за палец. Ин-се успел убрать его и с откровенным удовольствием почесался.

— Ага, не успел, не успел!.. Если бы мы с самого начала знали, что ты за птица, мы бы сразу упекли тебя в преисподнюю. Теперь срок настал.

— О чем вы, величества? Опять за старое?..

Ин-се степенно сел на место, а Ин-ту серьезно, даже с некоторой усталостью в голосе вымолвил.

— Не ёрничай, знахарь. У нас нет выбора. Тебя ждет преисподняя, посидишь там, подумаешь.

Сердце у меня замерло.

— Это где же такое пекло?

— Как ты сказал, проныра? — подался вперед Ин-се. — Пекло?.. Метко сказано. Только наша преисподняя страшнее, чем выдуманное тобой пекло. Туда даже твои повелители не могут добраться, так что там ты будешь надежно изолирован. Станешь заложником. Пора на твоей собственной шкуре проверить: врешь ты насчет гибели архонтов или это всего лишь ловкий ход? Всего лишь начальная стадия далеко рассчитанного плана поставить под контроль помыслы поселян. Акт, так сказать, психотропной войны, которую начали против нас прежние повелители.

— Как это?

Я не сразу вообразил, о чем он. О войне? Выходит, помимо меня, батяня-комбат проводил какие-то другие операции?

— Вдумайся, Роото, — продолжил Ин-ту, — если, как ты уверяешь, архонтов больше нет, и новая сила, чьей волей ты пророчествуешь на Хорде, душой и сердцем предана идее любви, согласия и мира, она непременно попытается вызволить тебя из преисподней. В таком случае, это будет факт в твою пользу. Мы даже готовы поделиться с владеющими тобой координатами места, где ты будешь упрятан. Это будет надежная основа для серьезных переговоров. Исходный пункт, так

сказать... Если же им наплевать и все твои усилия, а также сказки, легенды, байки, летучие гарцуки, призывы к справедливости, к согласию, к радости — твои сны, наконец! — это только красивые слова, и они бросят тебя на растерзание Даурису и чудовищу, которое живет в преисподней и против которого мы уже столько веков ведем непримиримую битву, — нам будет не о чем говорить.

— Какую битву вы имеете в виду? — спросил я.

— Страшную! Не на жизнь, а на смерть. Начало ей положили наши славные Герои. С тех пор мы только и делаем, что с одной стороны ублажаем чудовище, с другой — без конца бомбардируем его всеми возможными средствами, чтобы только зверь не смог выбраться из преисподней.

Он помолчал, с сожалением почесался.

— Мы оба будем помнить о тебе. Ты был неплохой поселанин, хотя и вышел в люди из потомков низшего разряда, когда-то следивших за соблюдением температурного режима в инкубаторах для самых маленьких. Ты принес много пользы поселянам и сколько мог бы еще принести, но безопасность Хорда требует жертв. Иначе нам не выжить. Ты должен быть испытан крестом, как тот мученик, которого когда-то распяли за все грехи родственников ему существ.

От подобного святотатства у меня едва не подкосились ноги, ужасом опалило сердце. Тот сценарий, который я разыгрывал, подошел к своему естественному концу.

— Таково повеление Третьего столпа, государственный совет утвердил его, — добавил старик.

— Но где же расположена эта ваша преисподняя?
Где прячется этот зверь?

В ответ молчание...

В этот момент в помещение вошли уже знакомые мне высокорослые, обладавшие могучей силой славные. Натянули капюшон на голову, взяли под руки.

— Уведите его, — разом приказали старцы. — Лишите дыхания...

ЧАСТЬ III

У бодрствующих один, общий, мир, а каждый спящий отворачивается в свой собственный.

Гераклит

Глава 1

Очнувшись, я первым делом жадно глотнул горячий, пропитанный запахами раскаленного металла, пота и испражнений воздух.

— Ну что, учитель, очухался? — спросил Туути и дружески почесал у меня за ухом.

Бывший страж отпустил бороду — густой, из мягких перьев воротник напроочь закрыл шею и плечи. Был он в том же, изрядно поношенном, помятом панцире, натянутом на длиннополую рубаху.

Поддерживаемый Петром и Павлом я сел. Туути подал стакан воды, я с жадностью выпил, затем постарался мысленно вызвать Быстролетного.

Бесполезно, связи не было.

Вокруг меня были старые знакомые: Хаваат и Неемо, Якуб, физически очень крепкий Иеремия, а также Левий Матвей. Подале Тоот, сидевший с группой последователей из секты борцов за освобождение рабочих разрядов — они называли себя «проотолетариями»; провокаторы из тюрем Дираха и Дьори — эти тоже радостно приветствовали меня. Кроме них в темницу бы-

ли подсажены с десятков неизвестных мне поселян, среди которых были даже мамки. В углу расположилась Дуэрни, у нее на шее не было поводка. Рядом с ней отдыхали Огуст и Этта.

Отсек, в котором, по-видимому, было собрано большинство общавшихся со мной губошлепов, представлял собой четверть огромного цилиндра. Стена и пол являлись радиусами и образовывали прямой угол. Соединялись они округлой поверхностью, усиленной ребрами жесткости. Изнутри отсек был обит металлическими листами. Одна из торцевых переборок забрана решеткой, за которой находился небольшой, слабо освещенный тамбур, другая — изготовлена из какого-то тусклого, малопрозрачного материала. Циркульная поверхность была нестерпимо горяча, узники старались держаться поближе к вершине прямого угла. В эти первые мгновения после пробуждения обнаружилось, что в этом странной формы помещении легко сидеть, дышать, двигать руками. словно какая-то незримая сила сняла часть веса.

— Где мы? — спросил я, обращаясь к сидевшему поблизости и чинившему форменный китель Хаату.

Рыжебородый, мрачный капитан, чем-то отдаленно напоминавший изувеченного филина, как всегда держался на особицу. Взгляд его, немигающий, пристальный, таил некую забытую гневную мысль — того и гляди он вновь разразится бранью, мастером которой его считали на всех судах океанского и безатмосферного флота.

— Сейчас отцепят, увидишь, — с каким-то злорадным удовлетворением ответил Хаат.

— То есть, как отцепят? От чего?..

— От «Тоопинайки». От чего же еще могут отцепить! От «Калликуса» уже ничего отцепить не удастся. Угробил моего орла какой-то полноценный герой из славных. Такие дела, знахарь.

В этот момент откуда-то со стороны донеслись до надрыва скрежещущие звуки, потом посыпалась череда ударов, скрип, серия толчков. В следующее мгновения сила тяжести в отсеке заметно уменьшилась и под испуганные крики никогда не бывавших в свободном пространстве поселян и мамок, губошлепы начали всплывать в воздух. Затем нарастающая тяжесть вернула их на переборку, считавшуюся полом.

— Куда движемся? — не скрывая робости спросил я.

— Гляди туда, — равнодушно почесался лежавший рядом с Хваатом Неемо и кивком указал на затянутую туманной мутью переборку.

Стена прояснилась внезапно, и бездонный, бархатисто-черный провал космоса открылся перед заключенными в отсек пассажирами. Расположившийся в кругу товарищей Тоот встрепенулся, подался вперед. Туути привстал с места, Петр и другие апостолы закрыли глаза, принялись активно почесывать лоб и правую сторону груди. Какая-то мамка жалобно взвизгнула. Иуда хихикнул и внятно произнес:

— Ма-ма!

Все оцепенели.

Я во все глаза наблюдал за редкими звездочками, отчетливо сиявшими по всей площади торца. Их было немного — видно, в таком положении экран был обра-

щен в сторону межгалактических далей. Обильное радужное свечение обрамляло край переборки, оно на глазах усиливалось, прибавляло в яркости, в багрянце и ядовитой бирюзе, пока наконец в поле зрения на выплыл бок полыхающего Дауриса. На фоне кипящей, свивающейся в гигантские жгуты и тут же исчезающей в глубине раскаленной плазмы, бойким увесистым булыжником появился Таврис и невозмутимо погнался за россыпью темных пятен, резко очертившихся на теле исполинской звезды.

Скоро плоскость экрана заполнили искрящиеся вихри, смазали изображение. Блеск стал невыносим. Я прикрыл руками глаза.

— Нас приговорили к сожжению на Даурисе? — спросил я.

— Зачем! — с тем же тайным гневливым раздражением ответил Хаат. Он тяжело вздохнул. — Просто швырнули в пасть Черному гарцуку.

— Послушай, Хаат, я смотрю, ты тоже среди нас. Значит, поверил? Или тебя сунули к нам на всякий случай, для профилактики?

Его лицо на мгновение напряглось, затем он заметно погрузнел, опустил голову. Наконец ответил.

— Мне просто посчастливилось увидеть сон.

— Но ты же и до этого уверял, что способен во время ночного отдыха видеть картинки.

— Я не знал, что они называются снами. Раньше я считал их наказанием за измену долгу.

Я помолчал, потом вымолвил.

— Я знаю, что ты увидел. Разделяю твою горе.

Хваат совсем по-человечьи пожал плечами, с благодарностью пощекотал меня.

— Теперь мне трудно с ними расстаться, — поделился он и последним стежком затянул узелок на заплате. — Вот как бывает, знахарь. Встретился в карцере с Неемо, поговорили... Страшно попасть в лапы Черного гарцука, но и голову в интеллитор совать, чтобы меня избавили от воспоминаний, тоже не в радость. Кем тогда я буду выглядеть, как считаешь, знахарь? То-то и оно. Старцы долго уговаривали, обещали командование безатмосферным флотом. Зачем мне это командование, когда этот наглый выдвигенец посадил двигатели на «Калликусе»?

— Красивый был корабль?

— Что ты, знахарь, просто картинка! Остроносый, шестигранный. Шесть башенных орудий...

— Но-но!.. Прикуси язык, ублюдок! — вдруг крикнул Огуст, чиновник из канцелярии на Дирахе, сидевший поблизости, в компании с Дуэрни и Эттой.

Хваат вздохнул и деловито перекусил нитку.

— Тебя тоже уговаривали? — спросил я Неемо.

Тот весело откликнулся.

— А то!.. Обещали «Тоопинайки». Рули, говорят, Неемо-ублюдок, готовься к бою. С чем? С чудом?

Он задумчиво почесался.

— С какой стати, знахарь? Помаялись мы с ребятами, — он кивнул в сторону своих матросов, — потом попали в карцер, посоветовались с Петром и Павлом, Якубом и Мусой, Исайей и Туути, одним словом, со всеми твоими дружками, и решили: здесь мы среди своих. Никто тебя не уговаривает, не пытается лишить

памяти. Мужики снами делятся — сидим, прикидываем, к чему они? Все досконально разбираем. Потом нам огласили приговор, мы выслушали его стоя. Перед самой отправкой на «Тоопинайки» помыли Иуду. Он уже «папка», «мамка» выговаривает, занятный такой...

— Где же твой штурман? — спросил я.

— Дрогнул парень. Согласился лишиться памяти. Теперь он «Тоопинайки» командует. Это он нас до последнего пограничного рубежа доставил. Эх, поговорить бы с ним, напомнить о чудесном острове. Все-таки любопытная штукенция, это чудо. Послушай, знахарь, а в безатмосферном пространстве таких островов не встречается? Может, имеет смысл «Калликус» починить?..

— Сделаем, — ответил я. — Если живы будем... А ты, Туути, добрался до Дираха?

Бывший стражник радостно засинел и с удовольствием почесался.

— Дошел. Сразу за перешейком переправился через реку, отправился к беглым. Сказки им начал рассказывать, а они мне. У них, учитель, оказывается, столько сказок!.. Сколько добрых людей повидал! На перешейке довелось встретиться с каким-то хвостатым чудиком — представляешь! И шкура у него пупырчатая. Большого ума поселянин. О тебе слыхал. Просил передать, чтобы ты нос не вешал. Такие дела, учитель.

Он замолчал, некоторое время сидел, повесив голову, потом неожиданно встрепенулся.

— Рассказывают, что в дни, предшествующие нашим, жил в горах некий сапожник...

— Давай о сапожнике в другой раз, а сейчас пусть Хваат и Неемо просветят насчет замка Черного гарцука.

— Что тут светить! — откликнулся Неемо. — Место гиблое... Оттуда еще никто не возвращался. Что там творится и как он устроен, этот замок, ничего сказать не могу. Когда был молод и любопытен, копался в архивах, отыскал записи неких сведущих, из высших разрядов. В записях сказано, что давным-давно в этой точке обитали повелители, которые на потребу себе создали каких-то удивительных холуев. Там у них было главное логово, то ли транспортный централ, то ли штаб, а может, генеральный пульт управления. Как хочешь, так и назови. На Хорде они только наездами бывали — давали разгон вернослужащим, отлаживали новые системы, а сами все больше где-то между звезд хаживали, а отдыхали в поясе астероидов. Там у них...

— Заткни пасть! — вновь прикрикнул Огуст.

Неемо сразу притих.

— Где же расположено логово архонтов? — спросил я.

— В средней либрационной точке, — ответил Неемо.

(сноска: Точки Лагранжа или точки либрации — это такие области пространства, в которых третье тело (если бы оно туда попало) находилось бы в равновесии относительно двух других тел. Всего таких точек в системе двойных звезд насчитывается пять. Та, что расположена на прямой, соединяющей центры тяжести обеих звезд, является точкой неустойчивого равновесия, то есть, чтобы остаться в ней и не рухнуть на поверхность одной из звезд, необходимо подправлять траекторию враще-

ния в зависимости от любого бесконечно малого воздействия третьих тел.).

— Где?! — не поверил я услышанному.

Капитан опасливо глянул в сторону чиновника. Расположившийся рядом с Дуэрни, Этта доброжелательно помахал ему рукой — мол, продолжай. Неемо почесался и добавил.

— Ну, в точке неустойчивого равновесия. Между Даурисом и Таврисом, на оси, соединяющей их центры тяжести.

Сердце у меня екнуло.

— Не переживай, Роото! — крикнул Тоот. — Мы уже все тут обсудили, единодушно приняли резолюцию. Первый пункт: дело — дрянь; второй — будем драться с Черным гарцуком до последнего, а потом примемся за мир насилия.

— Если выживем, конечно, — добавил Левий Матвей. Этот тоже занимался ремонтом одежды.

— Брось, Лева! — заявил Тоот. — Наше дело правое, мы полны исторического оптимизма. А ты, Хааат, не злорадствуй и не скалься! Как бы ни призрачна была надежда, никто из нас, из проотолетариев, — он обвел своих последователей крючковатым пальцем с загнутым коготком, — сам добровольно в пасть этому механическому чудовищу не ползет. И тебе, падлюку, не советую.

Хааат возмущенно почесался.

В ночь, предшествующую падению в преисподнюю, мне было не до сна. Назвать это место гиблым означало беспардонно приукрашивать действительность.

Что творилось в междуцарствии Дауриса-Тавриса, трудно вообразить? Какие температуры, какой силы гравитационные поля зверствовали в океане плазменных протуберанцев, в струях раскаленного газа, перетекающего от одной звезды к другой? Как можно выжить в точке Лагранжа? Какой извращенный ум рассчитывал найти там убежище?!

Что функционально могла представлять из себя эта берлога? Конечно, это была приводная станция! Вероятно, в точке либрации архонтами был устроен главный централ — более надежное место для сокрытия своих тайных замыслов трудно найти. Предпосылки такого странного решения архонтов были понятны — только в этом страшном месте можно было скрыть запуск и посадку любого, самого большого фламатера, а также поставить непреодолимый барьер для тех вражеских звездолетов, которые попытались бы проникнуть в систему Дауриса-Тавриса. Сознавал я и трудности, которые стояли перед проектировщиками и создателями этой крепости. Они, конечно, были неисчислимы, но цивилизация Ди к тому моменту уже была готова к решению подобных технических задач. В этом я убедился еще на Земле, пообщавшись с синклитом светлых ди и «Сохраняющим мужество на страже». Однако сама идея вогнуть главный централ меж двух светил свидетельствовала о явном неблагополучии в философских воззрениях архонтов, в их восприятии мира. Если стержнем их замысла являлось сохранение тайны пребывания в этой отдаленной звездной системе, если они не жалели сил, чтобы понадежнее замести следы и с этой целью решились выбрать место для строительства приводной стан-

ции в точке, сравнимой разве что самыми фантастическими представлениями о пекле, — необходимо напрашивался вывод, что мы имеем дело с дикими, выродившимися существами. Это была психология террористов — следовательно, убийц. Либо опустившихся до уровня биоробов фанатиков, что, в общем-то, одно и то же.

Теперь глаза раскрылись. Мне стали ясны туманные намеки попечителя на невозможность его непосредственного участия в уничтожении базы звездных заговорщиков, его призыв поспособствовать в благородном деле освобождения несчастных киборгов от скверного наследства. Он просто не мог ничего поделать с этим сохранившимся в рабочем состоянии — в этом я тоже не сомневался — разбойничьим гнездом! Разве что организовать взрыв сверхновой звезды, тем более что красный гигант Даурис вполне подходил для этой цели.

Мир сверхвысоких энергий, давлений, температур, непознанных еще полей, немислимых катастрофических столкновений обретал знакомые ужасающие черты. Эта мысль оптимизма не внушала. Наивный технарь Тоот полагал, что в состоянии бросить вызов свихнувшимся божественным ублюдкам. Ему простительно, ведь он руководствовался верой в справедливость, его тешили призраки прогресса.

Интересно, как батяне-комбату пришло в его змеиную башку, что мне, невинному добродушному волку, болтуну-проповеднику, слабому человечешке, перенасыщенному памятью о делах давно минувших дней, о преданьях старины далекой, удастся справиться с зло-

творящим наследием архонтов? С вершушкой поселян, использующих метóду, в основе своей повторяющей путь повелителей? Чем же я сокрушу эту цитадель терроризма? Сказками? Проповедями о непротивлении злу насилием? Изображением космического трехголового Змея Горыныча или звездолета-привидения, встреча с которым обещает смерть? А может, бластером, встроенном в мою левую ногу? Наведу пятку на жизненно важный узел приводной станции и крикну: «Сдавайтесь, мать вашу!..»

Или, может, у попечителя просто не было выбора? Недаром Неемо как-то упомянул о десятке моих предшественников, которые, как теперь стало ясно, в конце концов тоже оказывались на приводной станции, однако толку от предыдущих подобных путешествий не было. Все они исчезали в пасти Черного гарцука, а код или какая-нибудь иная технологическая закорючка, с помощью которой можно было проникнуть на станцию либо заблокировать ее цепи безопасности, так и не был раскрыт. Но какое мне дело до каких-то таинственных технических решений, когда я неумолимо падал в пасть безжалостного, злобного чудовища, как его не назови. Причем падал в обнимку с самыми дорогими мне людьми, соратниками, солью хордынской земли, которая наконец-то обрела соленость. Этот птичник, выводок людей, поверивших в меня, достойных, смелых, готовых к лучшей — самостоятельной! — жизни, познавших благотворную силу сновидений, был до боли дорог мне. Каждый умирает в одиночку — это так, и все равно гибель даже одного-единственного любимого существа неподъемным камнем легла бы мне на душу. Хорош

хранитель, который сам заводит подопечных ему существ в пекло!

Я никак не мог докричаться до Быстролетного — стены спускаемого в точку Лагранжа транспортного челнока, груженного живым товаром, были прочны. До них уже дотронуться было нельзя. Губошлепы лежали вповалку, они с трудом переносили жар такой силы. Я занимался каждым в отдельности, призывал к стойкости, навевал самые роскошные, самые увлекательные сны, но что я мог поделаться в одиночку?

Занятную шутку сыграл со мной его величество попечитель, наследник светлых дид, чтящий Творцов, красиво разглагольствующий о вечных ценностях, генеральном векторе развития жизни, о разуме, постепенно овладевающим просторами вселенной. О машинах времени и вечных двигателях, а шапке-невидимке. О вере и согласии, наконец, без которых человек не человек, а так, примитивный биороб. Для начала он, по видимому, решил развеять наши сознания по огненным просторам взбесившегося Тавриса и сытно освещающего Дауриса.

Кем он был, этот Черный гарцук, нашедший убежище на приводной станции архонтов.

Что это за чудо-юдо?

Судя по разрозненным высказываниям свихнувшихся старцев Ин мне предстояло иметь дело с заплутавшим или спасшимся от разгрома звездолетом, то есть законным представителем секты архонтов, искусственным разумным существом, сумевшим добраться до тайного убежища и залечь там до лучших времен. От него нечего ждать пощады. С ним, межзвездным убий-

цей, запрограммированным на результат, невозможно найти согласие. Сохранился ли на его борту синклит архонтов? Чем они занимались все эти долгие столетия? Требовали покорности от возвращенной ими расы? Теперь понятным становился подвиг так называемых Героев, обложивших врага в его собственном логове и сумевших не выпустить его в свободное пространство.

Но что давало мне понимание исторической перспективы? Ничего, кроме осознания безнадежности попыток противостоять зверю в открытом бою. При таком соотношении сил надежда была зыбка, беспредметна.

Я невольно просунул руку под хламиду и робко погладил волшебный пояс.

Глава 2

Двое суток, пока мы добирались до расположенной в точке неустойчивого равновесия приводной станции, я рассказывал губошлепам сказки, настраивал на борьбу. Вместе мы искали выход из создавшегося положения, прикидывали и так, и этак.

Сначала древний централ — конечный пункт нашей ссылки или, может, приглашающий на казнь эшафот — открылся нам как яркая немигающая звездочка, заметная даже на фоне истекающих с поверхности Дауриса светящихся газовых струй. С каждым часом сверкающий объект набирал объем и блеск, пока наконец не оформился в некое небесное тело, напоминающее исполинский, напоминающий мяч для игры в регби, планетоид. Скоро он занял всю площадь прозрачной стены. Спустя несколько часов на каменной, неровно

оплавленной, блистающей поверхности обозначился входной шлюз, и какая-то незримая могучая сила втянула нас в причальную камеру. В тот момент я и обмолвился — выбора у нас нет, если погибать, так с музыкой. Что такое музыка, спросил меня Левий Матвей и приготовился записывать очередное откровение.

— Музыка? — задумался я. — Это — пение. «Марсельеза», например. «Интернационал» тоже подойдет, но я не знаю слов. Об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз, а пока давайте посмотрим, что у нас есть, — и я, вытянув вперед левую ногу, закатал рваную штанину.

Все удивленно уставились на конечность, кто-то, кажется, Иуда — что возьмешь с дурачка! — осмелился любовно почесать ее, потом, гордо поглядывая на окружающих, громко объявил: «Хочу какать!». Мамки тут же отвели его в сторонку, сняли лямки комбинезона. Между тем подошедший к нам Огуст странно повел себя. Кивком, а потом открыто, пальцем, указал мне, Этте, Неемо, Хвату, Тооту, а также кое-кому из апостолов пройти в забранный решеткой отсек. Делать было нечего, я спустил штанину и двинулся за чиновником. Следом в ту же сторону направились Иеремия и Якуб, а также Туути.

— Назад! — приказал чиновник. — Вас позовут.

Те беспрекословно повиновались.

Мы подошли к решетке. Неемо тронул замок, тот оказался отомкнут.

— Видно, штурман постарался, — предположил капитан. — Выходит, не всю память ему на интеллекторе вышибли.

Огуст промолчал. С тем же непроницаемым видом он кивком указал на следующую дверь. Капитан так же легко справился с нею. Она вела в соседнее с отсеком для заключенных помещение. Этот отсек полностью повторял нашу темницу — те же две плоскости и соединяющая их искривленная поверхность. Две четвертинки цилиндра сомкнулись. За стеной оказался склад продовольствия, а в самом дальнем углу стояли ящики с оружием. Были здесь и боевые оболочки-скафандры, выдаваемые славным.

Этта заявил.

— В такой одежке наши Герои заткнули пасть Черному гарцуку.

— Каким же это образом? — удивился я.

Никто не ответил. Все повернулись к Огусту.

Тот выждал и заговорил.

— Наши предки долго ждали возвращения правителей, готовились к нему. Ценой собственных жизней они решили уничтожить это осиное гнездо. В тот день, когда Черный гарцук объявил о своем прибытии, на приводном центре, как и много сезонов подряд, дежурила обслуживающая смена. Кроме того, во всех узловых точках станции были устроены засады. Необходимо было разом покончить со зверем, чтобы любые другие твари напрочь забыли дорогу в сторону Дауриса-Тавриса. Это наша земля.

Огуст помолчал, затем продолжил.

— К удивлению Героев, из всего космофлота, базировавшегося в системе Дауриса-Тавриса, вернулся только один фламатер. Предкам удалось заманить его на главную палубу, где они попытались уничтожить его.

К сожалению, атака не удалась, однако теперь свернуться в исходную оболочку звездолет не в состоянии, и это радует. Это, правда, давно было...

— Как давно? — поинтересовался я.

Огуст задумался, вместо него ответил Хааат.

— Никому не известно.

— Что значит, неизвестно! — возмутился Этта. — Давно и есть давно. Может, вчера. Может, сезон назад... Это происходит ежегодно, в день праздника, иначе чего бы нам праздновать, если славные давно исполнили свой долг, а нынче сидят прохлаждаются на выходах из гравитационного тоннеля. Ты, ублюдок, кончай тень на плетень наводить!

— Опять! — прикрикнул я на стража.

— Я же по-дружески! — удивился Этта.

— Тебе было сказано, нет ублюдков, мошенников, негодяев, падлюков, зимогоров. Нет каналов, грязных дьори и тупых дирахов. Все люди, все человеки. Человек — это звучит гордо. Вот и придерживайся этого мнения.

— Я что, — отчаянно почесался Этта. — Я ничего. Я всегда готов, — он отдал пионерский салют.

Я вздрогнул. Вновь случайность? Игра вероятностей? Собственно, набор мыслимых жестов двуруких существ, успокоил я себя, очень ограничен, так что вполне возможно, что это приветствие могли использовать хорды.

— Учитель, — удивленно почесался сварщик, — ты что, никогда не видел, как Герои приветствуют друг друга?

— Где я в горах героев видал. У нас каждый больше на особицу.

В этот момент Левий Матвей дернул меня за рукав.

— Учитель, кто такие зимогоры?

— Тьфу! — не выдержал я. — Вас что, не страшит встреча с Черным гарцуком? Что вы всякой ерундой интересуетесь?

— Не-а, — откровенно и невозмутимо признался Левий. — Мы готовы. Если надо, умрем с музыкой, но лучше с нею же победить.

— Ага, — поддержали его Петр и Павел. — Чего зазря трястись.

— Ладно, храбрецы. Зимогоры — это босяки, бродяги. Нищие, обтрепанные...

— Так бы и сказал, — обрадовался Петр. — Рвань, одним словом.

Затем он обратился к Хааату.

— Ладно, уб... товарищ, хватит чесаться от обиды. Давай руку, — и он протянул посиневшему от злобы капитану свою огромную, с ковш экскаватора, лапищу.

Хааат, избавляясь от накипевшей на сердце ругани, пожал ее. Грабка у него была не меньше, чем у Петра.

Прежде всего мы распаковали оружие, затем принялись распределять его среди тех, кто умел пользоваться лучевыми карабинами. Таких оказалось более двух десятков человек. Оба капитана, матросы с «Калликуса» и подводной лодки, Тоот со своими работягами, Туути и Огуст. Пострадавший из-за любви к прекрасной курочке, он в компании представителей низших разрядов вел себя тихо, но, я бы отметил, не без некоторой надменности. Получив в руки убойной силы

бластер, Огуст повел себя как опытный боец: умело отсоединил зарядный магазин, проверил, полна ли емкость, пощелкал предохранителем, прокрутил из начальных в конечные положения регуляторы дальности и мощности, потом поставил оружие на предохранитель и объявил.

— Я буду командовать!

К моему изумлению, это заявление вызвало бурю восторга у губошлепов, собравшихся в подсобном помещении. Они начали прыгать вокруг Огуста, пощипывать его, почесывать, поглаживать по волосам. Даже Хаат и Неемо, положив друг другу руки на плечи, принялись ритмично, с одобрением, перескакивать с ноги на ногу. Огуст принимал подобные знаки внимания как должное. По-видимому, он принадлежал к самому высшему разряду в иерархии хордов, и никому в голову не пришло оспаривать его первенство.

Когда в подсобном помещении нас осталось немного: я, Огуст, оба капитана, бывший страж, а также Тоот, Петр и Павел, — чиновник без всякого смущения принялся инструктировать меня.

— Ты, учитель, думай, как нам выбраться отсюда. Мы будем беречь тебя и сестер, — Огуст указал коротким стволом плазменного излучателя в сторону стены, за которой располагался жилой отсек. — Ты только напряги мозги. Обратись к нерукотворному ковчегу. Есть же у тебя напарник, не могла же Дуэрни в самом деле бегать по морю. Где же он?

Это был вопрос вопросов — где они, Быстролетный и попечитель?

Я взглянул прямо ему в глаза.

— Значит, ты не веришь в чудо?

— Верю, — ответил Огуст. — То, что произошло со мной, иначе, как чудом не назовешь. Я узрел истину, поверил в нее — разве это не удивительное явление природы? Я осознал благотворность пятой благородной заповеди, дарованной людям Иисусом Христом, и отказался от интеллектора. Если сердце лежит к Дуэрни, пусть оно ищет свой путь. Так поступать можно — разве это не диво, учитель? Я горд, что сам дошел до понимания твоих слов. Теперь пришел мой черед. Стрельба — это мой долг. Твой, учитель, попытаться найти путь к спасению. Скажи, Роото, как ты относишься к исполнению долга?

Я задумался. Он назвал меня Роото. Как равного... Так обращался ко мне Ин-ту. Что ж, в этой недосказанности тоже таился определенный смысл.

— Если ты, Огуст, полагаешь, что истина далась тебе исключительно в пятой благородной заповеди, значит, ты прошел мимо нее. Нельзя отрывать одно откровение от другого. Они справедливы только в целом. В том-то и трудность, чтобы научиться совмещать благородные истины с проповедями Иисуса Христа, Магомета и Будды. Так что не обольщайся, Огуст, что ты добрел до понимания смысла. Ты только ступил на тропку, но об этом в другой раз. Ты справедливо рассудил, что нынче следует подумать о своих обязательствах. Да, у меня есть обязательства по отношению к тем, кто поверил в меня.

— Ты вновь указал мне свет и развеял сомнения, учитель.

— Мои тоже, — в один голос подхватили Хаат и Неемо.

— Мои тоже, — присоединился к ним Тоот.

Апостолы удивленно глянули на них, отшатнулись.

— Эй вы, добытчики руды, собиратели водорослей! — обратился к ним Огуст. — Что руки опустили? Разве не в радость вам, что я, высший, испытал сомнения, а теперь избавился от него? От сомнений истина только крепчает.

— Как скажете, величество, — хором отрапортовали апостолы. — У нас тоже нет больше сомнений. Мы готовы победить или умереть с музыкой.

Вот и пойми этих неофитов, якобы пропитавшихся истиной и в то же время готовых вытянуться в струнку при первом оклике хорда из высших разрядов.

Между тем Огуст продолжал сыпать распоряжениями.

— Хаат, Неемо и вы, низшие, слушайте — я говорю! Эти штуки, — он почесал свой бластер по зарядному магазину, — мало, чем помогут, если мы будем действовать без толку, без помощи со стороны нерукотворного ковчега. Мы имеем дело со страшным врагом, звездoproходцем первого класса. Судно вспомогательного назначения, название — «Несущий груз на спине». Имеется в виду, что фламатер перевозит его на внешней подвеске... Построен в генеральном комплексе на Хорде для транспортировки вспомогательных кораблей повелителей. Умен, насквозь пропитан злобой и презрением к создавшим его поселянам. Мечтает вернуть былое величие. «Несущий груз на спине» вернулся на базу с серьезными повреждениями в механической

части. Он рассматривает нас как исходное сырье для изготовления робов, с помощью которых мог бы восстановить хотя бы часть своих функций. Если звездопроходцу удастся отремонтировать корпус и внутренние оболочки, он появится на Хорде и заявит права на планету. Отсюда следует, что никто не имеет права живьем, в целостности и сохранности, попадать к нему в утробу. По сведениям генеральной канцелярии, запас биомассы у него крайне ограничен. В наличие разве что плоть бойцов из первой когорты славных.

— Подлец! — выдохнул Туути. — Из героев крыс выделять?!

Огусту хватило одного взгляда, чтобы утихомирить стражника. Он продолжил.

— Кроме того, время от времени на приводную станцию спускали государственных преступников и добровольцев.

Тут он искоса взглянул на меня.

— А также твоих предшественников, Роото. Ты понял?

Я кивнул.

Огуст продолжил.

— В любом случае это было давно, так что вряд ли в настоящее время эти роботы полноценны в боевом отношении. У живой плоти тоже есть свой ресурс и гарантийный срок. Повторяю, его задача — любой ценой взять нас в целостности и сохранности, в изначальном объеме. Каждый добрый поселянин, будь он живой или мертвый, должен до конца, невзирая ни на какие обстоятельства, выполнить главный пункт устава, поэтому всем будут выданы взрывпакеты, чтобы наша плоть не

досталась врагу. Обязуюсь помочь тем, у кого дрогнет рука и безжалостно буду карать тех, кто посмеет только помыслить о предательстве. Эта обязанность возлагается на тебя, учитель.

— Как же я смогу ее выполнить?

— Тебе известно, как.

— А тебе?

— Мне — нет. Но самое главное, учитель, необходима связь.

Он немигающе, пристально смотрел на меня. Точно также порой следили за мной Ин-ту и Ин-се. Выходит, не мытьем так катанием? Ради спасения своей жизни я открою тайну? Это было глубоко, это было расчетливо. Ход конем с жертвой самых дорогих мне особей! Они решили, что сумели взять меня за горло, эти придурковатые старцы. Интересно, каким образом был проведен отбор жертв?

Огуст, казалось, видел меня насквозь. Он доброжелательно почесался и объяснил.

— Здесь, учитель, собраны только добровольцы — те, кто отказался пройти через лишение памяти. Кто сознательно выбрал свой путь. Если ты погубишь их, — он указал на стоявших рядом губошлепов, — ты погубишь Хорд. Разве этого ты добивался, когда рассказывал сказки, награждал снами и творил чудеса? Разве этого требует от тебя и от всех нас ковчег нерукотворный?

Я с некоторым унынием глянул на него, задумчиво почесался. Понятно, они решили, что сумели-таки подстроить мне ловушку, и теперь либо я раскроюсь и спасу необученных, только-только познавших, что такое вера,

губошлепов, либо отдам их на съедение этому «Несущему груз»? В этом случае они умывают руки и с верой в свою непогрешимость продолжают тратить ресурсы планеты на оборону от мифических врагов. Они не сомневаются, что я буду вынужден сыграть в их игру. Но в таком случае все то время, которое я провел на Хорде, можно было считать потраченным впустую. Их логика мало чем отличалась от логики архонтов. Мог ли я позволить себе пойти у них на поводу?

Наступила долгая, протяжная тишина.

— Каков же твой план, Огуст? — спросил я.

Он пригласил меня пройти в дальний угол, подалее от наших спутников. Те в ожидании вытянулись по стойке смирно. Мы расположились на ящиках, и Огуст выложил.

— Замысел таков — любой ценой вывести из строя главный узел управления станцией, отвечающий за ее ориентацию и безопасность. Мы должны изменить ее орбиту, в этом случае централ неминуемо рухнет на Даурис. Согласно расчетам для этого необходимо изменить местоположение комплекса относительно точки Лагранжа.

— Выходит, — я обвел руками округлый потолок, — вся это штуковина не что иное, как огромная бомба.

— Нет, учитель. Предки уже пытались взорвать станцию либо придать ей ускорение с любым знаком. Нам не хватает сил, чтобы справиться с этим чудовищем, созданном повелителями. Когда-то сюда был послан челнок, доставивший на станцию ядерный заряд. Он приземлился в этом же малом шлюзе. Здесь и произошел взрыв. Взгляни сквозь прозрачную стену. Нигде

не видно следов разрушений, а ведь в броневой оболочке планетоида образовалась дыра размером с «Топинайки». Она затянулась за несколько полноценных суток. Оболочки архонтов способны самовосстанавливаться.

Я невозмутимо слушал его. Эти технические подробности мне были понятны. В тот миг другая мысль прорезалась в сознании: допустим, нам удалось вывести из строя централ, мы придадим ему ускорение, что в таком случае будет с нами? Как мы выберемся со станции? Мне стало тоскливо, взвыть захотелось. Между тем Огуст продолжал.

— ...с тех пор Герои больше не пытались проникнуть на станцию. Что здесь происходило, мы не знаем. Известно только, что приводная станция по-прежнему принимает наши челноки. Но только челноки. Производится посадка, створки шлюза закрывались — затем молчок. Ни ответа, ни привета.

Тут он в сердцах воскликнул.

— Если бы не Черный гарцук, мы, может, и оставили бы станцию в покое, но этот, пришедший со звезд, ненасытен. Он постоянно требует живую плоть. Приходится время от времени посылать сюда очередные партии...

— Ловите тех, кто бежит за реку?

— И этих тоже. И всяких других, нарушивших устав. Заражаем их мучной лихорадкой и отсылаем в сторону централа. Плоть, пораженная этим вирусом, ни на что не годна.

— Выходит, и от меня решили избавиться с помощью этой заразы.

— Нет, учитель. В первый раз ты сам ее где-то подцепил. У нас только и забот, чтобы по шахтным поселкам рыскать! Насчет ядерной бомбардировки — это гарцук Такнаала перестарался. Решил единым махом задавить мракобесие, чтобы наверху ничего не узнали. Доигрался, подлец! Отправили в пасть Черному гарцuku. Понимаешь, Роото, до тех пор, пока на Хорде не появился удивительный горец, ситуация представлялась нам безвыходной. Ты, учитель, способен совершать чудеса, а это как раз то, в чем мы остро нуждаемся. Без чудес нам гибель. Роото, нам просто необходимо любой ценой вырваться за пределы вспомогательного шлюза и добраться до запоров, открывающих двери в центральные помещения станции. Единственное наше спасение заключается в том, чтобы попытаться прорваться в главную машинную оболочку либо к центральному пульту. Таков примерный план действий.

— Это, Огуст, авантюра, а не план. О каких-таких чудесах ты ведешь речь? У тебя есть коды запорных устройств? Есть подробный план станции? Тебе известно, что такое Черный гарцук, какими возможностями он располагает? А ведь это самое главное. Без этой информации никакое чудо нам не поможет. Ты считаешь, что я и есть тот дополнительный компонент, который позволит поселянам одержать победу. Ах, Огуст, Огуст...

— У нас есть подробный план станции, все остальные действия мы будем решать исключительно в контакте с твоим покровителем.

— Ах, вот оно что! Храни тебя ковчег! Сколько можно повторять, нет у меня никакого покровителя. Я

живу по собственному разумению, верю в ковчег, мысленно взываю к нему в трудную минуту.

— Вот и обратись к нему. Дело идет о твоей собственной жизни.

— Это понятно. Это мы уже слышали. Ценой собственной жизни... Грудью на амбразуры... Я отдаю должное твоей готовности к самопожертвованию, Огуст. Я горд, что столько поселян уверовали в то, что мне дорого, но твой путь — это не решение. Ты упрям, Огуст, как бывают упрямые сопливые подростки или тупые язычники. Ты все еще находишься в плену догм, сотворенных рукотворным ковчегом. Веришь, что любую трудность можно разрешить с помощью силы, в крайнем случае посредством логически неопровержимого расчета. Теперь Ин-ту и Ин-се решили сюда чудо подверстать. Конечно, познание причин и умение выводить из них следствия — это великая сила, но помимо строгих дефиниций есть иной мир. Царство невечернее, обитель невероятного. Там властвует сила слова, самая могучая сила, но это не значит, что оно подвластно расчету и его отдельной строкой можно внести в баланс сил.

— Учитель, слово слову рознь. Бывают очень веские слова, очень волнующие сны, они убеждают сильнее ядерных взрывов. Особенно, когда исходят от удивительного поселянина, который запросто посещает странное существо, невеликое снаружи и огромное внутри.

Я, не скрывая удивления, глянул на Огуста.

— О чем ты?

— Мы просмотрели всю документацию прежних эпох, облазили все архивы и выяснили, что подобные

конструкции назывались койсами, они входили в состав звездного флота, принадлежавшего противникам повелителей. Судя по описаниям и боевым характеристикам такая машина вполне способна противостоять «Несущему груз».

— Послушай, мил человек, почему ты решил, что я действую по наущению какого-то койса. Пойми, я действую исключительно по собственному разумению и согласно воле нерукотворного творца.

— Но картины, извлеченные из сознания Иуды, ясно свидетельствуют, что ты связан с чем-то, подобным койсу!

— Вы против воли лишили поселянина памяти, и на добытых преступным путем доказательствах, решили выстроить стратегическую линию? Это жестоко, Огуст, это злодейство, даже по законам горцев. Хуже всего, что все ваши усилия впустую. Полагаться на видения все равно, что строить дом на песке. Сон не более чем символ, указующий перст, а не чертеж того, что должно исполниться. Также и свет невечерний. Он всего лишь виден, он — маяк, и твою работу за тебя не исполнит. Разве что ослепит грешника и воссияет над достойным. С другой стороны, если даже такое существо как койс существует, он ничем не сможет помочь нам. Вдумайся, как я могу достучаться до этого необыкновенного существа? В каком диапазоне? С помощью радиоволн? В этом бурлящем хаосе радиации?

Огуст не ответил. Лицо его окаменело.

— Ты будешь наказан, Роото.

— Кем? Старцами? Здесь? В преисподней?..

— Даже здесь с тебя не спускают глаз.

— Кто, старцы?

— Нет, я! — он почти выкрикнул. — Третий столп. Они все, — он махнул рукой в сторону стоявших неподалеку губошлепов, — мои поселяне. Старцы Ин — советники, но окончательное решение принимаю только я.

В ответ на его взмах все, кто находился, на складе, тут же построились и издали дружный вопль. Кроме меня. Огуст еще раз махнул им рукой — убирайтесь, мол, — и все они — апостолы, инженеры, капитаны и бывший страж, — повернулись и строем направились в главный отсек. Третий столп с интересом глянул в мою сторону.

— Видишь, учитель, никто в моем присутствии не может удержаться от радости, а ты даже не встал. Значит, ты — чужак, только плоть твоя выдает в тебе поселянина. Мы уже сталкивались с чем-то подобным, но те посланцы были всего лишь биокуклы, бездумные соглядатаи. Ты же сумел увлечь своими сказками сотни и тысячи хордов. Это свидетельствует в твою пользу. В твоих словах много верного, но ты должен понять и нас. Мы не можем больше жить под страхом возвращения архонтов. Положение критическое. Оборона Хорда съедает все наши ресурсы, а этот выживший из ума флама-тер постоянно грозит нам страшными карами, если мы не скормим ему очередную порцию плоти. Мы стоим на страже, но сколько можно стоять с хищным оскалом на лицах в ожидании грозы, идущей со звезд. Если ты в самом деле желаешь добра Хорду, помоги нам разрушить это гнездо Черного гарцука. Он непредсказуем.

— Не знаю, чем я могу быть полезен, — ответил я.
— Но в любом случае я отдаю должное твоей храбрости и готовности к самопожертвованию.

Огуст почесал грудь возле сердца.

— Где же мое место, как не в рядах славных Героев, давших слово уничтожить врага в его логове. Мои предки были из рода воинов-хранителей, я так запрограммирован. А насчет тебя... — он прищурился. — У тебя есть время обмыслить мое предложение.

— О чем тут размышлять. Я буду взывать к ковчегу! За ним спасение!..

Глава 3

К тому моменту, когда наш челнок окончательно замер в недрах металлической горы, Огуст разбил губошлепов на десятки, назначил в них старших, те в свою очередь поделили подчиненных на тройки. Первую вылазку решили совершить после того, как чуждая хордам сила проявит себя.

Она не заставила себя ждать. Как только наш челнок прочно встал на посадочные салазки и щелкнули причальные замки, в отсеке раздался громовой голос.

— Сырье, как долго я ждал! Вы нарушили приказ, за это вас ждет наказание болью. Теперь немедленно построиться и следовать за проводником.

Огуст приказал двум матросам, Хааату и мне — по видимому, чтобы я не особенно долго вдавался в раздумья, — быть готовыми встретить посланца фламатера, проследовать за ним, обезвредить и постараться вскрыть двери, ведущие во внутренние помещения

станции. Другие группы должны быть готовы по первому сигналу броситься на помощь.

Меня разбирал смех, занятное складывалось положение. Дикари с луками и стрелами решили атаковать танк. Безумству храбрых поем мы песню, к сожалению, эта песня будет последней. Я реально представлял картину будущей бойни — мне приходилось сталкиваться с фламатерами, я знал, на что способны обезумевшие вернослужашие. С другой стороны, насколько технический уровень цивилизации Ди был выше уровня хордян, настолько же далеко попечитель опередил граничащее с фантастикой умение архонтов. Если прибавить к этому мощь, которую добавит к моим возможностям волшебный пояс, в материальном отношении мне было что противопоставить «Несущему груз», однако применение всех этих штучек-дрючек, которыми снабдил меня попечитель, приводило к парадоксальной ситуации. В этом случае в глазах хордов, и прежде всего Огуста, я неизбежно становился носителем абсолютной силы, властелином чудес, что укрепляло их уверенность в наличие грозной внешней силы. Если я желаю добра Хорду, я обязан поделиться с ними умением управляться с этой силой. Если откажусь, значит, меня нельзя считать существом, желающим поселянам добра, и никакие уверения, объяснения, клятвы, ссылки на обстоятельства здесь помочь не могли. Такова наша хордянская логика. На это и намекал Огуст. Это была ловушка, жуткое суеверие, способное напрочь перечеркнуть все полезное, доброе, вечное, что только-только начало возрастать на Хорде.

Что мне оставалось делать, ведь вовсе обойтись без подпорок, какими снабдил меня попечитель невозможно. Одна надежда на разум хордян, на их здравомыслие, подсказывающее, что не из каждой верной посылки следует делать догму.

Теперь насчет приводной станции. Управлявший ею интеллект едва ли обладал зачатками разумного существа. Вряд ли он был способен видеть сны, рефлексировать. Это был могучий быстродействующий диспетчер, не более того. По крайней мере, известная мне приводная станция на Беркте каким-то особым, отличным от утюга мировоззрением, не отличалась. Круг ее задач был описан в программах, пусть даже количество этих программ было невероятно велико. В любом случае это число было конечно. Нештатные ситуации тоже поддавались прогностической оценке. Одним словом, вряд ли архонты пошли на то, чтобы встраивать в стандартную конструкцию приводной станции искусственное разумное начало.

Другое дело, звездный прыгун, которому то и дело приходилось решать неожиданные, невысказанные по сложности задачи пребывания в сером лимбо, выходу из него, проверке систем, материализующихся после межзвездного прыжка. Здесь без идеологии, без осознания себя как личности не обойтись. Судя по словам Огуста, скорее всего мы имеем дело с тупым, добросовестным, потерявшим хозяев исполнителем, не потерявшим в процессе эксплуатации высокого мнения о собственных достоинствах. Интересно, по какой причине этот транспортный недоумок вернулся в систему Даурис-Таврис? Участвовал ли он в генеральном сраже-

нии? Получил ли соответствующее распоряжение? Может, ему приказали подготовить базу к приему уцелевших звездолетов? Насколько серьезны повреждения «Несущего груз»? Какими возможностями обладает? Способен ли воссоздать биокпии и какого уровня?

В этом следовало разобраться в первую очередь, тогда можно попытаться внушить межзвездному грузовику, кто действительный хозяин на станции. Однако первым делом следовало совладать с высоким, седоватым существом, появившимся в проеме, открывшимся в стене шлюза. С виду это был полноценный губошлеп: поседевшая перистая шевелюра, залысины, удлиненная тупая физиономия с остроугольным подбородком. Крупный, крючковатый, как у попугая, нос. Ноздри, в отличие от человеческих, располагались по бокам. Толстые выпуклые губы, рост подстать нам, землянам. Наряжен в рабочий комбинезон с лямками на плечах, под комбинезоном рубаха со стоячим воротником.

Все было так и не так.

Прежде всего, посланец Черного гарцука был почти прозрачен. Его очертания едва угадывались на фоне броневой плиты, освободившей вход в туннель. Ее овальная форма была типична для цивилизации Ди. Возможно, с запорами я сумею справиться. По крайней мере, Быстролетный долго тренировал меня искусству ментального обращения с подобными замками.

Мы вышли навстречу посланцу вчетвером — все в латах. Ручные бластеры были спрятаны под полами металлизированных накидок. Я заранее предупредил Хаата и двух его матросов, что приказ применить ору-

жие мог отдать только я. Каковы бы не были обстоятельства!..

Встретивший нас прозрачный пусто смотрел поверх наших голов. Видел ли он нас? Не знаю, однако вот что напрочь отложилось в памяти — чувство омерзения, которые испытали следовавшие за мной хорды. Я грозно глянул в их сторону, и Хваат, уже собравшийся выложить очередную порцию ругательств, нехотя сжал челюсти. Наконец посланец открыл рот, что-то невнятно выговорил, смысл сказанного разобрать было невозможно. Мы с Хваатом недоуменно переглянулись. В этот момент прежний громовой басок с нескрываемым раздражением гаркнул.

— Он приказывает — следуйте за ним.

Посланец зверя повернулся и направилась к выходу. Как и было условлено, первыми вслед за этой куклой двинулись матросы с «Калликуса». Это были крепкие обученные ребята, подлинные славные — им было поручено обезвредить порученца Черного гарцука. Затем мы с Хваатом. В нашу задачу входило как можно быстрее добраться до узла управления дверями, ведущими в малый шлюз и взорвать его. Безданная и, на мой взгляд, бесполезная затея. «Взорвать» что-либо, «прорваться» куда-либо на станции, принадлежащей ступающим по звездам, было невозможно, но я, скромный хорд, решил не спорить с Третьим столпом. Молодость Огуста, его готовность пожертвовать собой порой дурно действовали на него. В такие минуты он вел себя как задиристый петушок, решения принимал единолично, хуже того, поспешно. Любой ценой мне следовало заставить его прислушаться к голосу разума.

Или, на худой конец, внять сну.

Мы вошли в короткий, оканчивавшийся такой же необработанной броневой плитой, туннель. Хаваат уже совсем было собрался дать приказ матросам скрутить проводника, но я удержал его — понятно, что этот отрезок являлся шлюзом, через который высадившиеся на вспомогательной палубе попадали вглубь станции. Так и оказалось. У второго барьера нам пришлось подождать несколько минут прежде, чем плита плавно скрылась в стене. Далее начинался широкий транспортный коридор, где по бокам в ряд стояли кресла, предназначенные для перемещения оболочек внутри станции — садись, отдай мысленное распоряжение и лети!.. Так, по крайней мере, обстояло дело на Беркте.

Здесь же налицо были классовые различия: справа роскошные, с раздвоенной спинкой кресла — их было всего три, одно за другим; слева — простенькие скамеечки, на которых по двое могли следовать представители обслуживающего персонала из разряда биоробов.

Я внимательно прислушивался к сверхчувственной ауре — вокруг был томительно тихо, хотя по опыту Беркты я знал, что в телепатической области на станции должен был царить тот же объемный шумок, что и в привычном нам радиодиапазоне. Разве что тихое потрескивание исходило от указавшего нам на сидения для рабов проводника.

Хаваат вопросительно глянул на меня, я кивнул. Он что-то коротко, на жаргоне выкрикнул, и в следующее мгновение оба матроса набросились на проводника. К нашему удивлению, они врезались друг в друга и, почесывая лбы, повалились на землю. Странное существо

как стояло возле ряда передних сидений, так и продолжало стоять. Я приблизился и попробовал почесать его по плечу. Моя рука свободно прошла через полупрозрачную плоть.

— Голография!.. — выдохнул я.

— Что за голография? Кого ты обложил? — поинтересовался Хваат.

В следующий момент проводник без следа растаял в воздухе, а в телепатическом эфире вдруг зазвучала заунывная, на басах мелодия. Давненько я не слышал музыки, соскучился по родным благозвучным аккордам, но эта нудная песня ничего, кроме омерзительного озноба, у меня не вызвала.

— Немедленно назад!

— Зачем? — заявил один их матросов. — Здесь хорошо, прохладно. Айда в ту сторону, — он указал вглубь станции. — Там нас ждет отец.

Другой матрос уже был готов последовать за ним. Лицо Хваата перекосило от боли и изумления. Я мгновенно включил генератор помех, поставил завесу.

Матросы опомнились, отдали капитану пионерский салют.

— Немедленно назад! — закричал я.

Первую дверь мы успели проскочить до того, как она перекрыла проход. У второй пришлось пустить в дело бластеры. Поставили регуляторы на самую высокую температуру и принялись вырезать в плите отверстие. Работа двигалась медленно, между тем зудящий вибрирующий мотив начал усиливаться, глушитель в левой ноге уже с трудом справлялся с подаваемым сиг-

налом. Кто мог сказать, каков предел мощности сверхчувственного излучателя фламатера?

Наконец верхняя половина плиты рухнула внутрь шлюза. Мы по очереди пролезли в отверстие, добрались до входной камеры в челнок, представлявший из себя тупоносый плоскобрюхий аппарат с короткими крыльями и хвостовым оперением. Уже в челноке я, отозвав Огуста на склад, сообщил.

— Плохо дело, начальник. Он пустил в ход древний зов, с помощью которого вас, хордов, держали под контролем. Так что бластерами здесь ничего не добьешься. Нам остается только молиться.

Огуст недоверчиво глянул на меня. Я крепко изо всех сил почесал ему грудь, потер виски. Взгляд его смягчился.

— Да-да, взывать к ковчегу, — действительно добавил я. — Нерукотворному... Для этого все поселяне должны взяться за руки и составить три круга, в каждом по восемь участников. В центральном хороводе сестры и самые молодые члены команды, во втором кольце самые великовозрастные, в том числе и апостолы. Наружный круг образуют самые крепкие и сильные хорды. Ты займешь место в третьем кольце. Иуду посадите в центр... Ах, Третий столп, Третий столп, — я невольно, с горечью почесался, — что же вы наделали с добрым поселянином! Ведь он же прекрасно работал в фокусе метаконцерта. Ладно, апостолы научат, как молиться, какие слова произносить. Запевалой будет Дуэрни — у нее голосок потоньше, пронзительней. Левий Матвей будет сверять по записям, какие слова и в каком поряд-

ке произносить. Пока все... Все эти распоряжения сделаешь, когда я уйду...

— Куда?

Я махнул рукой в сторону шлюза.

— Пока броневая плита не затянулась, — пояснил я и после короткой паузы веско добавил. — Тренируйтесь в молитвах до изнеможения, сколько хватит сил. Пока люди не начнут падать от усталости. Нельзя тратить ни единого мгновения, чтобы вспоминать слова. Они должны литься свободно, в них надо душу вкладывать. Вот за этим тебе следует проследить, начальник.

Пока я не вернусь, никто не должен выходить из челнока... Конечно, неплохо бы его заизолировать, но как и чем? Запомни главное, как только услышите зов, сразу вставайте в круг и молитесь, молитесь! Услышите голос, называющий себя отцовским, прокляните его. Это голос Черного гарцука, это он кличет в ночи. От его призывов защита только вера и мольба.

Теперь, начальник, позволь, я испытаю тебя. Я должен знать, чего ты стоишь, ведь на корабле ты присматривался ко мне, составил мнение. Вот и я должен быть уверенным, что ты — Третий столп не только по рождению, не только по набору генетических программ, но и по своим личным качествам. Ты утверждал, что я послан врагами. Ты полагаешь, что любой поселянин, уверовавший в Творцов, в мироздание, полное чудес, называемое объективной реальностью, не способен остаться самим собой, что он обязательно станет исполнителем чуждой Хорду воли. Поглядим, сумеешь ли ты совладать с присутствием чужого в твоей душе? Я

постараюсь усыпить тебя, ты же обороняйся, как сможешь.

Не спорь!!

Смотреть в глаза.

Теперь переведи взгляд на кончик моего указательного пальца.

Я поднял правую руку, зафиксировал крючковатый ноготок и сказал.

— Я начну счет и на цифре «двадцать три» ты заснешь. Если у тебя хватит сил, попробуй отвернуться и не глядеть на мой палец. Ну же!

Огуст испытал сильнейшую душевную муку. Видно было, как напряглись мускулы на руках. Его красивое, соколиное лицо налилось заметной синевой, губы подрагивали. Он несколько раз попытался отвести взгляд в сторону, однако мой палец словно приворожил его.

— Раз, два, три... Четыре... пять... Одиннадцать, двенадцать...

Огуст отчаянно боролся со сном — это было тяжелое, невидимое постороннему глазу сражение. Он интуитивно учуял, в чем состоял мой замысел — в подавлении его воли. Это изначальное, звериное чутье присуще всем высшим, предназначенным к власти. Он держался изо всех сил, но разве мог какой-то губошлеп противостоять технике внушения, которой обучал меня сам попечитель, тем волнам, которые истекали из волшебного пояса..

— Двадцать два... Двадцать три. Спи!..

Огуст потерял сознание и, бездыханный, сполз на пол. Это был неожиданный и замечательный результат. Подобный исход испытания доставил мне откровенную

радость. Их хорошо наладили, предков Огуста, у них была здоровая психика. Кем они были в иерархии архонтов? Телохранителями? Гладиаторами или командирами не созданной еще армии воинов-биокопий, которую повелители собирались бросить в бой против ортодоксальных ди? Не знаю, но Огуст сумел до конца противостоять внушению. Это означало, что Третий столп способен справиться и с зовом фламатера. Он скорее лишит себя дыхания, чем сдастся и позволит переработать себя на исходную плоть.

Я растолкал молодца, дал ему глотнуть оживляющего травяного настоя.

— Молодец, Огуст, на тебя можно положиться. Запомни, теперь только от тебя, от твоей выдержки, способности остаться самим собой, зависит, сумеем ли мы устоять, поможет ли нам нерукотворный ковчег. Достойны ли мы его милости. Для этого необходимо, чтобы ты поверил мне и в точности выполнял все инструкции. Так надо, начальник, — отмел я его слабые возражения, — в этом спасение, а не в бластерах, не в койсах и прочих повелителях. Ты всю жизнь готовился сражаться, но это иная война. Здесь пытаются завладеть волей, охотятся за душами — тогда и плоть достанется победителю. До встречи.

— Иди, — слабо откликнулся Третий столп и, желая доброго пути, почесал мне на прощание тыльную сторону ладони.

Я осмотрел вскрытую броневую плиту. Металл уже начал затягиваться тонкой розовой пленкой — так и будет нарастать, пока края не сойдутся. Я достал из левой ноги склянку с кристаллической жидкостью и смазал края отверстия. Розовая пленка сразу начала морщиться и опадать. Следующую дверь преодолел с помощью особого липкого шарика, вещество которого быстро втекло в узкую щель. Подождав несколько минут, мне не без некоторого усилия удалось сдвинуть тяжелую створку. Теперь бы добраться до узлов управления станцией и подключиться к ним. Попечитель снабдил меня удивительным нейтринным вирусом, способным проникнуть в любые компьютерные цепи и считывать информацию, упрятанную за семью замками. С его помощью я надеялся разобраться в обстановке. Какие еще беды могли наделать эти шарики, я не догадывался.

Этими виртуальными миниатюрными сущностями попечитель гордился особо. Как-то поделился со мной, что сам скатал их из невероятно сложных, стабильных нейтринных оболочек и теперь мог слышать, о чем шепчется листва, куда зовет родник, где самый дальний кончик корня, взрастившего тысячелетний дуб. Ведом ему стал — по крайней мере, он убеждал меня в этом, — путь птицы в небе, путь змеи на скале, путь корабля среди моря, путь мужского семени в теле женщины. Эти незримые лазутчики были способны проползать по отложившимся в земле вековым слоям и оживлять прошлое. Их можно было развеять по ветру и узнать, что с высоты видят облака, где растет самый пахучий цветок, как рождаются волны.

Попечитель уверял, что с помощью подобных колдовских талисманов можно наделить жизнью камень, реку, гору, обьязычить тигра, лебедя, рака и щуку. Тогда их рык, клекот, свист, перезвон обернутся человеческими словами.

Ладно, батяня, проверим твои изобретения. Где же ты сам, обретаешься, милый? Кто бы мог подумать, что в твоём понимании самостоятельность означает швыряние в воду не умеющего плавать.

Захочет жить, научиться...

В туннеле поднялся легкий ветерок, увлекающий вглубь станции, затем вновь послышался глухой, сердитый зов. Описать эти аккорды трудно, их следует слышать, но я никому не советую столкнуться с этим воющим, мясистым мотивом, с этим продувающим насквозь мысли ветром, навевающим необоримое желание поспешить на встречу с «отцом». Эта тяга была во много раз сильнее желания поутру опохмелиться, курнуть после долгого воздержания, ширнуться во время ломки.

Я включил генератор помех — музыка смерти на некоторое время стихла, затем туннелем добрался до развилки. Здесь кресла для повелителей сворачивали направо, а жесткие лавки для рабов замысловато разбегались по четырем, более узким туннелям, один из которых, судя по плану, врученному мне Огустом, через ремонтные отсеки вел на главные причальные палубы.

Если полагаться на план, имевшийся у Третьего столпа, наш челнок был поставлен на прикол на вспомогательном причале, расположенном в более остром

окончании гигантского яйца. На тупом конце помещались главные посадочные палубы, предназначенные для приема звездолетов всех классов, обладавших куда более крупными объемами и массами, чем межпланетные челноки. Согласно замыслу архонтов область материализации крупных кораблей граничила с внешними обводами централа. Это были владения мощнейшего гравитационного поля переменных напряженностей, здесь текли реки истекающего с поверхности Дауриса сверхгорячего газа, плавали сгустки раскаленной до миллионов градусов, пусть даже очень разреженной, плазмы.

Понятно, что в таких условиях само существование подобного небесного тела, не говоря о надежном и долговременном исполнении обязанностей, зависели от способности защитного покрытия противостоять высоким температурам и испепеляющим излучениям, а также от его точной ориентации и стабилизации в точке Лагранжа. Только в этом случае архонты могли обеспечить бесперебойную и надежную работу космического моста. Энергии в междуцарствии Дауриса и Тавриса было в избытке, так что, как позже объяснил мне попечитель, во главу угла ставился прогноз ситуации, складывающейся в фотосфере и в подстилающих конвекционных слоях обоих светил.

Интересно, в каких отношениях находился командный пост, отвечавший за безопасность станции, с гневливым, свихнувшимся от безделья, лишенным возможности таскать груз на спине фламатером? Сумели ли они найти общий язык? Судя по тому, что мне было известно о цивилизации Ди, вряд ли. Едва ли искусствен-

ному интеллектуальному механизму, удерживающему станцию в пространстве, пришлось по душе претензии на власть какого-то транспортника, к тому же по прибытию не прошедшего испытательный срок, не сдавшего экзамены, не получившего разрешения на будущие межзвездные перелеты и при этом открыто претендующего на роль хозяина всей звездной системы. Вряд ли вспомогательное судно обладало тайными паролями, с помощью которых можно было бы установить контроль над приводной станцией. Значит, запускать вирус в цепи фламатера можно только в тех местах, где корабль непосредственно подключен к системам жизнеобеспечения, либо посадить непосредственно на корпус. Вот уж чего мне совсем не хотелось, так это пытаться дергать этого тигра за усы.

Между тем зов «отца» не стихал. Возле развилки, где монорельс для обслуживающего персонала нырял вниз, а направляющая для повелителей уходила резко вправо, я определил вектор напряженности ментального поля — она усиливалась в направлении нижних этажей централа.

Тогда двинемся направо. Я некоторое время постоял возле переднего кресла, потом рискнул сесть. На подлокотниках отчетливо были видны логотипы, соответствовавшие тем, которым обучал меня попечитель на чудесном острове. Нажал на клавишу, где была изображена стрелка острием вперед. Кресло тут же тронулось с места, скоро стены туннеля на несколько секунд слились в один серый, изредка помаргивающий фон. Судя по плану, линия выводила меня на главный пост управления. Путь был недолгий. Кресло плавно затор-

мозило и съехало на боковую направляющую, где заняло последнее место в ряду подобных ему средств передвижения, уже которую сотню тысяч лет терпеливо ожидавших пассажиров. Здесь вообще не ощущалось посторонних всхлипов и призывов папаши-фламатера, жаждущего отведать белковой плоти.

Прямо передо мной коридор перекрывала глухая стена, на этот раз поверхность ее была тщательно, даже изысканно, обработана, и на ней был выгравирована окружность с вписанной в него стилизованной буквой «зет». Пришлось опять прибегнуть к помощи липкого шарика-отмычки. На этот раз пришлось ждать около пяти минут прежде, чем округлая створка наконец сдвинулась с места и отползла в стену туннеля. Впереди открылось помещение — его можно было назвать прихожей, если бы не размеры пространства, развернувшегося передо мной.

Переступив через щель в пупырчатом полу, я очутился в удивительном месте, где царили песчаные, покрытые хвоистым кустарником холмы, оранжевое небо. Вдали по горизонту высились красноватые отвесные скалы, убежавшие к бирюзовому океану. Из расщелины, расположенной неподалеку от входа, в декоративно оформленное озерко валился водопад. Оттуда брала начало неширокая речка, вертляво убежавшая к далеко выдвинувшимся в морскую гладь живописному мысу. По берегам водного потока свечками стояли двухметровые плауны с золотисто-коричневыми шишками на верхушках.

Слева же, среди напоминавших сосны деревьев возвышались разноэтажные строения с черепичными

крышами в китайском стиле. Стены поблескивали ослепительной белизной. Со стороны океана строения прикрывал древний папоротниковый лес. Солнце над головой было жаркое, белесое, с сиреневым приблеском, размером с наше светило.

Створка встала на прежнее место. Даль замкнулась, и на месте вмиг исчезнувшего входа открылась та же песчаная всхолмленная равнина, оживляемая далеким горным хребтом с заснеженными вершинами, те же папоротниковые дебри, оседлавшие седловины между холмами, сосновые рощи и густые заросли кустарника по горным склонам. Рев межзвездного, истосковавшегося по белковой свежатине «папаши» стих окончательно, местная аура была легка, напевна и пробуждала поэтическое настроение.

Может, перевести сюда всю группу губошлепов?

Но сумеем ли мы справиться с трудностями, которые встанут на нашем пути, и так ли уж прост доступ хордам во владения архонтов? Какое впечатление произведут на моих спутников белейшие, даже как бы кичащиеся снеговой одноцветностью дома? Губошлепы будут ходить здесь на цыпочках? Ничего, обвыкнут. Кто же должен был поддерживать здесь порядок? Может, в тех невзрачных домишках, что прятались в тени поблескивающих белыми стенами зданий, был устроен заповедник для шлюх, прародительниц ублюдков?

Я направился в сторону двухэтажного, покрытого крышей с загнутыми вверх стропилами, здания. Только изображений драконов, стягов да полотнищ с иероглифами не хватало, чтобы вообразить себя на Земле, в Поднебесной империи, каким-то чудом занесенной в

далекую геологическую эпоху (судя по обилию папоротников, назовем его меловым периодом).

В вестибюле, куда я не без робости отважился войти, располагался диспетчерская или что-то вроде главного наблюдательного поста. Зал был невелик, при этом оформлен как точное подобие рубки Быстролетного: то же округлое смыкание пола с потолком, тот же невообразимый, явно не соответствующий внешним размерам помещения внутренний объем, тот же болотисто-лиловый тон, раздражавший меня во время первых пребываний в утробе койса. Повсюду обилие светящихся сигналов: цепочек, огоньков, сияющих змеек, посвечивающих геометрических фигур, перемигивание цветных квадратов. В углу какие-то громоздкие, с едва закругленными прямыми углами тумбы. Я подошел ближе, пригляделся, вспомнил уроки попечителя и Быстролетного. По всей видимости, эти аппараты обеспечивали связь, выводили информацию на незримый экран, а также, судя по щели в корпусе, выдавали информацию в какой-то более-менее удобной для ознакомления форме.

Все оборудование бездействовало, каждая единица свернулась в исходную оболочку — на это у меня глаз был наметан. Пыли на поверхности не было. Первым делом с помощью особого словаря, развернувшегося из шарика, я попытался вернуть в рабочее состояние информационную машину. Ментальный пусковой код загрузился удачно, затем, уже более уверенно, я оживил экран. В тот же момент в зале притух свет, потолок растаял, и Даурис, и Таврис предстали во всей своей красе. Изображение, правда, казалось несколько

неестественным, напоминавшим спектрозональные аэроснимки. Даурис почему-то предстал ярко-красным шаром с зеленым ободком, Таврис заметно полиловел. Следом по гигантским, занимавшим большую часть экрана светилам побежали кривые, начали выстраиваться графики, обозначились колонки символов, которыми когда-то пользовались ди. Мне еще предстояло разобраться в этой свистопляске данных. Прежде всего изображение зафиксировало состояние станции в момент ухода флота архонтов. Вот последний, с размазанными очертаниями линейный корабль — две усеченные, соединенных основаниями, четырехгранные пирамиды, то есть октаэдр, — покинул станцию, исчез в сером лимбо. Тут же временной интервал резко увеличился, счет пошел на столетия. Скакнуло с десятков цифр, и счет времени вновь резко замедлился.

На экране внезапно и крупно высветился исполинский звездный прыгун, своей формой напоминавший челнок, доставивший нас на станцию. Это был овальный, несимметричный звездолет с башенкой-выступом по правому борту, неуловимо напоминавший нашего речного сома с коротким хвостом и более высокой спинкой. На борту символ транспортного средства, рядом полустертый номер. Это же «Несущий груз на спине»!.. Я невольно подался вперед. Выступ, где размещался командный пост, смят, на корпусе пусто, обшивка местами взрезана и во многих местах пробита — трудно было отделаться от впечатление, что звездолет долбили гигантским ломом.

Я потерял дар речи — мне довелось наблюдать за звездолетом, явившимся с поля сражения, которое

произошло по меньшей мере полмиллиона лет назад. Сигнальные огни на корпусе фламатера горели неровно, часто гасли. Между тем обслуживающие оболочки, как и положено в режиме посадки, налипли на корпус судна, принялись буксировать «Несущего» в сторону распахнутых шлюзовых ворот. Следом на экране появился первый знак, который я узнал сразу. На этот раз словарь, так долго хранимый в левой ноге, не понадобился. Этот иероглиф обозначал, что спуск в приемную шахту и осаживание на посадочное место прошли штатно. Далее на экране высветилась картинка причальной палубы — это было гигантское помещение с одним-единственным звездолетом, улегшимся на исполинские салазки, при этом из корпуса чуть выдвинулись толстые обрубки-конечности. Подсобные койсы и всякая прочая мелочь продолжали ползать по обшивке, потом вдруг посыпались оттуда, как ошпаренные. На этом всякое шевеление на палубе закончилось. Последним на экране появился громадный андреевский крест, что у ди означало сигнал предупреждения. В любом случае, когда ситуация развивалась не по инструкции, в их протоколах появлялись подобные знаки.

На экране опять изменился временной масштаб, и изображения Дауриса и Тавриса вдруг принялись пучиться и сжиматься. По их громоздким беспокойным телам вновь побежали многоцветные кривые, начали выстраиваться графики, колонки цифр. Всякий раз, как размеры Дауриса уменьшались до пунктирной окружности, проходившей под его фотосферой, со станции в сторону звезды выпускались какие-то яйцевидные снаряды. Они погружались в тело Дауриса и через некото-

рое время светило возвращался к первоначальному объему, опять же пунктиром обозначенному на экране. В этот момент меня впервые кольнула крамольная мысль — только ли для приема кораблей служил этот комплекс? Уж не для контроля над беспокойным, того и гляди готовым сжаться в коллапсе и со взрывом возродиться в образе сверхновой звезды Даурисом, была построена приводная оболочка? То, что с самого начала не давало покоя — прежде всего значительно бóльшие размеры станции по сравнению с сооружениями на Беркте (а ведь тот централ являлся узловым для обширного сектора Галактики) вдруг очертилось внезапной догадкой — неужели ее разрушение неминуемо погубит Хорд?..

В углу застрекотал аппарат, из него поползла широкая лента испещренная значками, похожими на наших пауков, тараканов, бабочек. Скоро у меня в руках оказался свиток, в котором был дан отчет — по видимому, очень краткий — за весь указанный период, то есть, с момента выключения машины до ее пуска. Я развернул распечатку — без пол-литра, то есть, без словаря не разберешься.

Догадка о возможной связи приводного централа с процессами, происходящими в недрах красного гиганта, обескуражила меня. Сколько помню себя на Хорде, не было дня, чтобы я не попадал в двусмысленную, требующую скорого и точного решения ситуацию. Всякий раз мне приходилось самостоятельно делать выбор, и в каждом случае это было тяжелое испытание. Вот и теперь! Если мысль о подлинном назначении этой преисподней верна, придется менять всю идеологию нашей

миссии и призывать губошлепов любой ценой сохранить в целостности и неприкосновенности эту цитадель Черного гарцука.

Ладно, где наша не пропадала! Прежде необходимо до конца убедиться, что картина взаимоотношений удивительного по своей неожиданности любовного треугольника: взбесившегося фламатера, приводной станции и экспедиции хордов мною оценивается верно. Интуиция подсказывала, что если с геенной огненной и сообществом губошлепов мне кое-как удалось разобраться, то звездный грузовик, зверь третьего класса, до сих пор оставался в этом уравнении неизвестной величиной.

Может, все-таки рискнуть и отправиться на зов? Но прежде следует выяснить, чем занимаются мои соратники по борьбе.

Вот и пришел черед удивительным штучкам-дрючкам, которыми снабдил меня батяня-комбат. Я извлек из ноги шарик-оболочку, с помощью которого, как уверял меня попечитель, можно войти в цепи управления станцией и попытаться установить контроль над программным контуром. Успех подобной операции был под большим вопросом, но, по крайней мере, полагал я, кое-какими цепями на приводном центре — в первую очередь линиями связи и транспортными средствами, овладеть было можно.

Получив команду, шарик размером с горошину всплыл с ладони, начал совершать зигзагообразные движения по всему пространству овального зала, затем

спикировал к одному из аппаратов, стоявших в углу. Прилип к поверхности, растаял. Вскоре до меня донесся мысленный оклик.

«Готов к приему».

«Изображение вспомогательного шлюза».

Шарик-помощник передал кодовые сигналы, и в тот же миг на экране возникло изображение нашего челнока. Кадр придвинулся к полупрозрачной стене, очертания предметов помутилось, но тут же обрело прежнюю ясность.

...Хорды, объединившись в три круга, взявшись за руки, молились. Повторяли вслед за апостолом Петром.

— К Тебе, кому единому подобает имя Повелитель, Сущий, грозный Судия, Тот, кого можно любить, неприступный царь Славы, Ветхий днями, Старец наш, Господин, Ковчег нерукотворный, обращаемся... Спаси и сохрани нас.

Так повторялось несколько раз. Наконец Огуст, сидевший во втором ряду соплеменников, подал знак, и моление закончилось. Многие утирали пот со лба.

Спустя несколько минут Левий Матвей поднялся с места, вытянул вверх руку с разогнутыми двумя — указательным и средним, остальные сложены в горсть, — пальцами и объявил.

— Сказал Ковчег, а учитель донес его слова до нас, страждущих, замурованных в геенне огненной, посланных на съедение зверю, — плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над птицами небесными и над рыбами морскими, над всякой ползающей и бегающей по пальмам тварью.

Он сделал паузу, затем простер руки к слушателям.

— Вот собрались мы, узнавшие имя Создателя, и радости нашей нет предела, ибо сегодня день торжества. На краю гибели, в пасти Черного гарцука, играем мы свадьбу повелителя нашего Огуста, его помощника Этты и скромной сестры-девицы Дуэрни, пусть будут благословенны их имена. Слушайте сюда, поселяне. Внимайте душой...

«Блаженны изгнанные за правду,
Блаженны храбрые сердцем,
Блаженны верные долгу, ибо их есть Царство Божие.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой?

Она уже ни к чему не годна, так выбросите ее вон на поправление людям».

Левий Матвей справа налево почесал лоб, обошел круг слушателей — все они тоже почесали лбы, — потом обратился к Огусту.

— Встань жених.

Тот поднялся.

— Встань, жених, — обратился Левий Матвей к Этте.

Тот тоже встал.

— Встань, непорочная сестра. Соедините руки.

Женихи и невеста соединили руки.

— Вот было бы здорово, — совсем простецки воскликнул апостол Павел, — если бы учитель мог видеть нашу радость...

Я тотчас отдал мысленную команду и как только пришел ответ, что звуковой канал задействован, сказал.

— Вижу!.. Благословляю...

Все хорды повскакали с мест, начали скакать с ноги на ногу, радостно почесывать друг другу спины, а я, изумленный, с этого момента насквозь пропитанный сознанием неистребимого родства со всеми брачующимися, со всеми приглашенными, зваными и незваными, со всеми убогими, прежними, будущими и нынешними женихами и невестами, желающими плодиться и размножаться при любых обстоятельствах, на краю пропасти, в геенне огненной, в сердце звезды, — взмолился, обращаясь к тому, в ком сомневался, кого искал всю жизнь, с чьим именем шел в бой за сохранение папоротникова цветка, чьим именем внушал истину — дай Бог вам счастья.

Спаси и сохрани вас ковчег!

Между тем Левий Матвей предложил.

— Братья и сестры, давайте возьмемся за руки, повторим слова завета:

«Ищите, что соединяет, и бегите того, что разъединяет!

Остерегайтесь настаивающих и упорных,

Остерегайтесь слепых душой и глухих сердцем,

Прислушивайтесь к испытывающим сомнения и верующим в суть.

Не в именах ищите разность, а в сердце своем!

Ступите на воды и следуйте истинным путем.
Кто бы не повстречался вам в дороге,
Усадите его рядом, поделитесь хлебом.
Не надо слов, не ищите розни!
Берегите разное, но выхаживайте общее».

Я мысленно сменил кадр.

Мельком обозначился потолок и стены вспомогательного шлюза. За то время, что меня не было на челноке, на них появились странные наросты. В тот момент я не придавал им значения, мысли были далеко — прикидывал, как мне проникнуть на грузовую палубу, где дожидался своего часа «Несущий груз на спине».

По команде шарик вернулся на ладонь. Я вышел из административного корпуса. На миг мелькнула мысль заглянуть в другие здания, но что-то подсказало — следует спешить. Жаркое, загустевшее до лимонной желтизны солнце клонилось к горам. С той стороны ползли редкие тучки и сеяли тени по песчаным холмам.

Я двинулся к выходу, расположенному возле водопада, страстно, с обидой, воззвал к попечителю, к Быстролетному.

«Где вы скрываетесь, прозрачный вас задери? Научите, как поступить? В какую сторону шагать? Возвратиться на челнок или попытаться поближе познакомиться с Черным гарцуком?»

Ответа не было. Вот тут и крутись!

Глава 4

На развилке, куда доставило меня транспортное кресло, я вновь ощутил ментальный поток, услышал знакомый призыв. Теперь в нем отчетливо прорезывались ноющие всхлипы.

Хордоед загрузил?

Поддаться ему, успокоить?

Пойти на поводу — пусть фламатер на какое-то время забудет о челноке и даст молодоженам вволю натешиться. Будь что будет, все равно без разведки не обойтись!

Я понадеялся на свое человеческое начало, которое без смеха не могло воспринимать призыв отдаться на съедение.

Я взял в расчет волшебный пояс.

В душе я рыдал и смеялся; рвался к отцу и одновременно издевательски хихикал над подобной неуместной страстью отыскать папашу. Неожиданно ощутил жуткую тяжесть, едва не раздавившую мой разум. К заунывному, сдобренному отчаянными рыданиями зову прибавилась новая составляющая, лишавшая меня возможности принимать осмысленные решения.

В следующее мгновение я перекувырнулся через голову. Возвысился до потолка. Покрытой кольчужной броней волчьей спиной уперся в металлический свод. Пошевельнул плечами, попытался переступить с ноги на ногу. Не тут-то было. В таком состоянии не то, что сражаться, двигаться было невозможно. Кое-как произнес ментальную формулу и вновь обернулся губошлепом, только человеческого во мне стало во много раз боль-

ше. Оно оформилось в непреклонную решимость сражаться до конца.

Гнетущая тяжесть разом отступила, а прибывших сил хватило, чтобы справиться с зовом «Несущего груз». Мне даже хватило юмора обозвать врага «мокрой курицей».

Я нажал клавишу, встроенную в опорную раму, за которую можно было держаться во время движения. Скорость на линии для перемещения биокопий была умопомрачительная — стены туннеля слились в одну бесконечную, извивающуюся, серовато-стальную трубу, вынесшую меня к самому входу на причальные палубы. Их было три. «Несущий груз» располагался на верхней. Теперь в его песне слышались торжествующие нотки, голос подобрел, указал дорогу к лифту.

Я ощущал себя словно в горном потоке, меня тащило от поворота к повороту, от одной двери к другой. Ясности человеческой мысли не терял, был уверен, что когда возникнет необходимость, смогу зацепиться за какой-нибудь спасительный выступ, а то и просто пойти против течения. Все равно на донышке уже копился страх — со зверем такого калибра мне еще не приходилось вступать в схватку? Как бы не поддаться губошлепному, изначально рабскому во мне? Успеть использовать противоядие неукротимому промыванию мозгов, которому раз за разом подвергал меня фламатер.

Итак, как инструктировал попечитель, прежде всего мне следовало поставить Черного гарцука в тупик.

Между тем внутренний голос с жаром выпевал.

«Приди к отцу, отдайся, слейся с ним плотью, повинуйся...»

Я вышел на причальную палубу.

Передо мной открылся ошеломляюще исполинский ангар. Все та же необъяснимая архитектурная загадка. Стены ангара, изогнуто уходившие вверх, смутно рисовались в полумраке, уже которое тысячелетие копившемся в этой металлокристаллической гробнице. Место, где они смыкались, было неразличимо — над головой нависала плотная, навсегда уснувшая тьма.

Здесь было пусто. Пол выстлан плитами с пупырышками, по которым впору ходить великанам. Каждый пупырышек в три четверти моего роста.

Звездолет, пытавшийся соблазнить меня, располагался ближе к дальней торцевой стене ангара. Это было массивное сооружение густо-аспидного цвета. Оно лежало на посадочном месте, но при этом опиралось на выдвинувшиеся из корпуса членистые, толстые опоры. Тусклые огни изредка пробегали по его корпусу. Передней своей частью фламатер был похож на рыбу на коротких ножках, но это было зыбкое ощущение, потому что при таких исполинских размерах его форма была неуловима и могла напоминать что угодно.

Что запомнилось совершенно отчетливо, это туповатая закругленность, бездонно-черный цвет и разве что некая схожесть с заостренным с одного конца полуцилиндром. Очертания другого конца терялись во мгле. Выпуклая надстройка с правой стороны корпуса различалась ясно, по-видимому, она успела оправиться от нанесенных повреждений, как, впрочем, и корпус звездолета, на котором не было заметно следов пробоин и прожогов.

Осыпанный мельчайшими сверкающими искорками, я затемнил шлем, перехватил поудобнее бластер, уселся на выступающий из металлического пола богатый пупырышек, спросил на мысленном коде:

«Ты есть отец?»

Неодолимый стремительный поток, беззвучно омывающий сознание, неожиданно иссяк, и в необъятном пространстве раздался громовой тягучий голос.

— Да-а. Ты-ы пришел. Ты жаждешь приобщиться к вечному. Подойди бли-иже... Бли-иже.

На одной из опор неожиданно появился нарост, в его середине, словно головка прыщика, родилось отверстие, в котором заиграли багровые, с синюшным приблиском огни.

— Как я могу быть уверен, что ты тот, за кого себя выдаешь? Кто наградил тебя знанием вечного — нерукотворный ковчег или Прозрачный? Чему ты способен научить: знаниям или пагубным страстям?

Наступила тишина, глухая, долгая. Наконец тот же голос на этот раз задушевно позвал.

— Не надо рассуждать. Приблизься... Войди в мой дом...

Каждую гласную фламатер очень затягивал, слушать его была сплошная мука. Как же мне прилепить на корпус фламатера один из тех шариков, которыми снабдил меня попечитель? Желательно, конечно, два шарика. Для страховки... Пустить по воздуху или катануть между выступов на плите? Где гарантия, что он не успеет поставить гравитационную защиту? Подойти ближе и швырнуть в распахнувшийся гнойник? Слишком рискованно. Неизвестно какую оболочку сформи-

рует корабль, чтобы взять меня живым. Смогу ли я от нее отбиться? Тех серповидных пакостей, одна из которых лишила меня жизни в сражении при Сатурне, у него должно быть с избытком.

Ментальный поток, увлекающий в сторону обозначившегося округлого зева, усилился.

— Войди в мой дом... Войди в мой дом... — словно заклинание твердил громовой голос.

— Что есть один? — отчаянно сопротивляясь грянувшей буре, крикнул я. — Ответь, что есть один.

— Один — это ты. Войди в мой дом, и мы будем вдвоем.

«Мы будем вдвоем, мы будем вдвоем», — словно эхо повторил ментальный вопль.

— Что есть цифра «два»? — выкрикнул я.

Сверхчувственный напор ослаб, и звучный бас с нескрываемым удивлением спросил.

— Ты сомневаешься, умею ли я считать?

— Ты назвал себя отцом, но я — живое. А ты? Все живое должно знать, что есть «один».

Наступила тишина.

— Хорошо, что есть «один»? — задало вопрос чудовище.

— Едина судьба — смерть, — ответил я, — мать скорби. Ничего прежде, ничего позже, ничего больше. Два — это мелющие жернова, один подымется, другой останется. Толкование такое: жернова суть мир, мелющий душу и тело. Душа подымется, а тело вязнет...

— Что есть «три»?

— Это три царства — медное, серебряное и золотое. Что есть эти царства?

В сверхчувственной области, также, впрочем, как и в звуковом диапазоне, наступила гробовая тишина. Я представил, как в его нейронных цепях идет грызня между различными объясняющими импульсами; как блок, отвечающий за целеполагание, идет войной на те цепи, которые вдруг испытали сомнение, позволили увлечь себя поиском ответов на глупейшие вопросы, задаваемые этим недоростком. В любом случае вопрос — неужели оставшиеся без присмотра биокопии сумели овладеть дрянной, скудной, но все-таки непонятной философией, — смутил фламатер. Ему дела не было до этих металлических царств, но в том случае, когда он не мог ответить, вступало в силу галактическое правило, согласно которому участник диалога, не сумевший ответить на заданный вопрос, был вынужден считать собеседника разумным существом. Отсюда необходимо вытекало требование согласия жертв на добровольную переработку своей плоти. Значит, по закону он должен вступить со мной в беседу, в противном случае, если «Несущий груз» прибегнет к насилию, станет ясно, кто из нас прав и с кем я имею дело. Искусственному разумному, в отличие от существ, рожденных естественным путем и с легкостью прощающих себе свои грехи, очень непросто преодолеть этот барьер.

Звездолет колебался...

Пока фламатер искал ответ, я позволил себе приблизиться к его корпусу. Перебежками одолел значительную часть расстояния, отделявшего меня от «Несущего груз». Затем начал осторожно подкрадываться к чернолицему врагу.

Уловив сверхчувственным восприятием тревожную вибрацию, пробежавшую по ангару — так всегда бывает перед залпом, перед бурей, — громко объявил.

— Медное царство — суть плоды садов и полей, серебряное — это книги, в которых собрана мудрость прошлого. Золотое — это смеющиеся дети. Ответь, что есть «четыре»? Что минует и что остается? Чем море дышит? Что глубже самого глубокого моря? Что круглее колеса? Где веселее всего поют на святках? Чем наполняются все долины? Что чернее засова? Где самый широкий мост...

Я выпустил шарик и, проследив, как едва светящаяся искорка, лавируя между металлических тумб-пупырышков, добралась и приклеилась к подрагивающей смоляной коже фламатера, на которой, если приглядеться, можно было различить странной формы чешуйки, — запустил второй. При этом тарабарил без остановки, так и сыпал загадками, присловицами, даже со страха частушку спел: «Моя милка сто пудов, разогнала верблюдо́в...» — и предложил звездолету объяснить, что значит «милка», «сто пудов» и кто такие «верблюды́»?

Между тем второй светлячок нырнул прямо в открывшееся на одной из опор корабля отверстие. Выполнив задуманное, мысленно включил пояс на полную мощность, обрел силу тридцати богатырей, стойкость Русалочки, пропитался партизанской храбростью и смелкой и, несмотря на усиливающийся ветер, поспешил к выходу. Не тут-то было. Сил не хватило добраться до коридора, ведущего к лифту. Ясно, что «Несущий груз»

успел изготовить гравитационный захват, справиться с которым у меня силенок не хватит.

В следующее мгновение я обернулся трехглавым боевым звездолетом, фламатером первого класса «Непобедимым никем и никогда». Успел рывкнуть.

— Стоять смирно! Двигатели глушить! Мыслей не прятать!!

Огни на корпусе «Несущего груз» вмиг погасли и в следующее мгновение вспыхнули вновь, вспыхнули ярко, в ином сочетании цветов и рисунков. В звуковом диапазоне ослабло гудение, нарастающая волна изумления, подобострастия, радости и неверия пробежала в ментальной ауре. Захлопнулось отверстие, откуда должен был хлестнуть гравитационный бич. Этих мгновений мне хватило, чтобы зацепиться длинным чешуйчатым хвостом за выступ в стене, где прятался выход из ангара. Я с трудом, с трудом пошевеливая грузным прозрачным телом, по-прежнему вопрошая подчиненного, вскарабкался на ближайшее к выходу посадочное место. В следующее мгновение туда же ударила боевая серповидная оболочка. Она насквозь пронзила бестелесную плоть гигантского звездолета, ударила в стену.

Грохот, вспышка света до основания потрясли ангар.

Вновь кувырок, и на месте исчезнувшего линейного корабля очертился космический странник, предвестник смерти. Вначале я померещился фламатеру в одном углу причальной палубы, затем в другом.

Наконец дискообразное привидение начало медленно надвигаться на замерший на крайнем причале транспортный фламатер. Зрелище было жуткое, на «Не-

сущем груз» вмиг поменялась световая сигнализация, от носа до кормы побежали бордовые огоньки. С звездолетом-призраком «Несущий груз» тоже справился без особых трудностей — в момент развеял изображение по причальной палубе, но этих мгновений мне хватило, чтобы добежать до выхода с палубы. У бронированной выходной створки я остановился, обернулся космическим волком — пространства здесь хватало. Крепко вцепился в стенки прохода и крикнул.

— Жду ответа. Если ты живое, скажи, что длиннее дороги и что есть величайшее украшение царского чертога?

Звездолет, по-видимому принял решение. Металлическая плита, прикрывающая вход, попыталась задвинуться и отсечь меня от выхода к лифтам.

Поздно, дружок! Космическому волку совладать с какой-то железной пластинкой раз плюнуть.

Неожиданно на причальной палубе гулко прогремело.

— Знаешь ли ты сам ответы на эти вопросы?

— Знаю. Четыре — это четыре стороны света, в какую ни пойдешь, всюду правду найдешь. Все минуется, одна правда остается. Лихо споро, не умрет скоро, рано или поздно, а добро худо перемелет. Вот так, Черный гарцук!

Я прилепил шарик к створке лифта, а сам продолжил.

— Море дышит волнами. Глубже самого глубокого моря ад. Круглее колеса солнце, на святках веселее всего поют на небесах. Снегом наполняются долины, грех чернее засова, а самый широкий мост по льду... Нет,

Черный гарцук, ты не можешь быть мне отцом. Ты не знаешь, что любовь длиннее дороги и человек — украшение небесного чертога. Человек доставляет радость Творцам!

Фламатер взревел.

— Значит, ты — ортодокс? Как ты сумел пробраться в цитадель истинной веры! Ты будешь уничтожен!..

Ага, он нашел ответ. Теперь преступное деяние будет полито соусом религиозного экстаза. Это мы знаем, это мы проходили. Значит, война. Не на жизнь, а на смерть!..

— Уничтожен будешь ты, падло, — выкрикнул я. — Тебе отрубят голову, тебя сбросят в глотку Дауриса.

Я бросился к лифту, броневая плита за моей спиной с грохотом замкнулась. Едва я успел обернуться губошлепом и скрыться в кабине лифта, как та же плита вдруг отъехала в сторону, и серповидная боевая форма ударила в створку. Кабина содрогнулась от раскатистого громового удара, тем не менее быстро вознесла меня к транспортному узлу — видимо, этому придурку не удалось овладеть командным контуром приводной станции. Впрочем, иначе быть не могло, это была самая защищенная часть комплекса. И попечитель был не в силах ввести свою программу извне — в этом и лежал ответ на вопрос, зачем я оказался здесь. Уничтожить приводной комплекс, вывести его из точки Лагранжа, баяня-комбат, по-видимому, был в состоянии, но проникнуть на борт, овладеть командными цепями, изменить цель его верной службы и тем более избавиться от Черного гарцука — нет.

Это, конечно, было доморощенное объяснение. Знал бы я чего ради попечитель так стремился упечь меня на приводную станцию!

К сожалению, в те минуты мне было не до рассуждений.

Я едва успел к вспомогательному шлюзу. Лишь в последний момент сумел перехватить колонну торжествующих хордов, в едином порыве шествующих в объятия отца. Впереди шагали матросы и протоолетарии, готовые грудью проложить дорогу в царство свободы. За ними Тоот, следом сестры, апостолы, в том числе и Левий Матвей — лицо его было вдохновенно. Сзади с перекошенными физиономиями ступали оба капитана и Огуст, Этта, и наконец Иуда, к спине которого была привязана извивающаяся, выкрикивающая хвалы Черному гарцуку Дуэрни.

Рев новоявленного папаши был нестерпим. Зверь бушевал, грозил, обличал, обвинял подсобные разряды в ереси, свойственной недоноскам из лживо уверовавших ди. Заунывную песню теперь можно было с полным основанием назвать гимном всепобеждающему единению плоти и разума. Плита, ведущая во внутреннее помещения станции, была утоплена в стене. Хорошо, что я успел соскочить со скамейки до того, как матросы выбрались из входного шлюза, иначе они не раздумывая разнесли бы меня в клочья из бластеров.

Медлить было нельзя. Я поспешно извлек странную белесую взвесь, называемую «цечешищем». Искристым облачком она взлетела к потолку. Затем я рас-

тянул ее на весь просвет коридора, приказал этой взвеси, уже обретшей зачатки сообразительности, копить энергию и изо всех сил глушить ментальный сигнал, исходящий от фламатера.

С подобным дивом только более крупного калибра мне приходилось сталкиваться еще на Земле. Во время первой встречи оно как раз и прикинулось «цечешцем» — представилось подсвеченным изнутри, желтым, с прозеленью облаком. Когда же мы столкнулись во следующий раз, эта субстанция обернулось исполинским, изрыгающим огонь драконом, скоро расслоившимся на шары, каждый из которых обернулся идущим в атаку танком. Как только я подбил два «тигра» и один «Т-74», волшебная взвесь сформировало роту боевых роботов. Это колдовское аморфное вещество являлось одним из самых замечательных творения искусных ди, сумевших повторить раритет, созданный во время оно, в эпоху первых цивилизаций, память о которых искоркой небесного костра, из которого возник наш мир, еще жила во мне. Подобной невесомой, мертворождающейся плотью, всякий раз во время использования обретающей разум, был вооружен прятавшийся на Земле «Неугомонный». Вряд ли подобная диковинка имела на борту «Несущего груз».

Если да, наше дело худо.

Результат не замедлил сказаться. Оторопь проступила на необыкновенно посиневших лицах матросов и рабочих. Они словно наткнулись на невидимую преграду. Увидев меня, бросили оружие, присели на корточки, обхватили головы руками. То же случилось с сестрами и апостолами. Я тут же обезоружил их, заставил

взяться за руки и молиться, молиться! Изю всех сил, кричать в полный голос — помилуй нас, ковчег!.. Обрати свой гнев на Черного гарцука, дай нам силы устоять в беде и горести. Левий Матвей, поднявшись на ноги, как ни в чем не бывало затянул тонким голоском.

«Бисми ллахи р-рахмани р-рахим...
Блаженны изгнанные за правду,
Блаженны храбрые сердцем,
Блаженны верные долгу, ибо их есть Царство
Божие.
Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...»

Напряжение потихоньку начало спадать. В тот момент я обратил внимание как глубоко внутрь шлюза прогнулась взвесь-цечешище. Огуст, Хаат и Неемо, усталые донельзя, начали торопливо разворачивать соплеменников и так, на корточках, словно гусей, погнали их сторону малого шлюза.

— Если бы ты, учитель, задержался еще на пять минут, — сообщил Огуст, — случилось бы непоправимое. Мы бы их всех взорвали.

— И рука бы поднялась?

— Это лучше, чем попасть в лапы Черному гарцуку.

Я припомнил тот ужас, который испытал несколько минут назад на причальной палубе, когда я пытался подобраться к фламатеру; прилив омерзения, когда серповидная боевая форма, вращаясь, бросилась в атаку, — и решил, действительно лучше погибнуть, чем испытать превращение в биокопию.

С трудом мы добрались до нашего челнока, начали загонять поселян внутрь. Тут на губошлепов напало откровенное безумие. Они вопили так, что мне стало не по себе, умоляли отца простить их, кидались на бластеры. Огуст снял оружие с предохранителя, ногой оттолкнул Дуэрни, ползающую у его ног и заклинающую мужа отпустить ее к отцу. Лицо у молодого человека страдальчески искривилось, он с мольбой глянул в мою сторону. Еще мгновение, и ему придется открыть огонь.

Я растерянно огляделся.

В чем причина повального безумия губошлепов!

Вот в чем!!!

Со стен и потолка шлюза спускались узловатые толстые побеги или напоминавшие шланги щупальца, присосавшиеся к корпусу челнока. Понятно, что от молотобойных призывов звездолета, поступавших по этим каналам, не могла спасти никакая молитва.

Я выхватил бластер, указал Хаату и Огусту на щупальца и открыл огонь. Мой бластер работал на поражение — бил сгустками высокотемпературной плазмы. Залп — и один их чудовищных побегов рухнул на пол, еще один залп — и верхняя часть корпуса челнока оказалась очищенной от этой мерзости. Буровато-зеленая жижа потекла по корпусу. Что творилось с поселянами в этот момент, когда мы очищали поверхность космического корабля, трудно передать, но как только последнее отросток рухнул на пол и вмиг расплылся густо испарявшимся озерком отвратительной на вид слизи, наступило успокоение.

Некоторое время все мы отдыхали в жилом отсеке. Люди вповалку лежали на полу, Дуэрни рыдала, ос-

тальные сестры громко, надрывая душу, сопели и чесались. Апостолы стыдились взглянуть на меня. Хаваат врезал одному из матросов, самому крупному, зверского, должен сказать, вида. Тоот принялся укорять проотолетариев.

— Замолчите! — прикрикнул я на голосащих поселян, затем обратился к спутникам. — Кто-нибудь сумел устоять перед голосом преисподней? Кто-нибудь нашел в себе силы сохранить ясность мысли и твердость духа? Если есть такие, поднимите руки!

Я насчитал восемь губошлепов. Около четверти подвергшихся незримой атаке поселян. Это был прекрасный процент, мы люди в таких обстоятельствах смогли бы похвастаться только каждым десятым.

К черту отступления, побочные мысли, воспоминания о Земле! Я в системе Дауриса-Тавриса, мы все в преисподней, на краю гибели!

— Братья и сестры! — обратился я к поселянам. — Мы больше не можем здесь оставаться. Рано или поздно Черный гарцук овладеет нашими душами, и все мы неизбежно попадем к нему в пасть. Я видел его — он страшен! Одноцветен, коротколап, неумолим, покрыт мраком. Он жаждет плоти и крови. Нашей с вами крови. Нам следует как можно быстрее перейти в другое место. Я отыскал его. Это райский отсек. Там когда-то жили повелители, там не слышен призыв гарцука. Те восемь человек, которые способны бороться с напором врага, поведут каждый свою группу. Я буду прикрывать вас с тыла.

Огуст тут же разбил соплеменников на группы, всем на спины навесили груз, чтобы стеснить движения.

Груз укрепили так, чтобы носильщик не мог его сбросить. Наконец, построившись, поселяне четверками начали выбираться из челнока. Первую, не запертую фламатером дверь мы преодолели без труда. Аура в шлюзе была спокойна — видно, зверь прикидывал, что задумало белковое сырье, куда направляется? Мы без помех добрались до станции монорельсовой дороги.

Я рассадил всех на кресла, на скамейки для персонала, потом по очереди, нажимая на клавиши, начал запускать их. Последним отправился сам. Так мы добрались до развилки. Здесь оставили монорельс и, построившись в колонну, двинулись в сторону райских куш. Я, поминутно озираясь, тащился сзади.

Как только фламатер определил, в каком направлении мы двинулись, сильнейший удар ментального бича потряс хордов. Никто из нас — даже я — не смог устоять на ногах. Люди попадали на металлический пол и начали извиваться быстро-быстро, как червяки. Им надо было немедленно вернуть разум, заставить двигаться. В этом было спасение — чем дальше вглубь зоны архонтов, тем слабее сверхчувственные волны. Опять пришлось налаживать цечешище. Огуст и Хваат пинками начали поднимать людей. Матросы и проотолетарии злобно поглядывали на меня, на своих начальников, на повелителя. Кулаки у них начали сжиматься, и в этот момент всеобщего озлобления, невыносимых приступов головной боли, среди стонов, рыданий и взвизгов, клекота и истеричных воплей послышался спокойный и сильный голос Иуды.

— Я писать хочу!

Губошлепы замерли, а лишенный памяти поселянин еще раз повторил.

— Очень хочу писать...

Я бросился к Дуэрни, указывая на Иуду, принялся страстно, с истерическими нотками в голосе убеждать.

— Это твой цыпленок. Он хочет по-маленькому. Помоги ему...

Потом бросился к следующей мамке. К петуху-провокатору из тюрьмы на Дирахе подскочил с тем же призывом.

— Это твой птенчик. Видишь, твоя курочка кудахчет возле него, не может справиться. Помоги ей или ты не мужчина, не отец. Помоги малому ребенку, потом отправляйся к отцу. Спаси маленького желторотого цыпленка.

При этом я безжалостно хлестал их по рассудкам.

Дуэрни подобралась к Иуде, он неожиданно взял ее за руку, потянул за собой вглубь туннеля. Брови у жены правителя полезли вверх. Не скрывая удивления, превозмогая проступившее отвращение, она тоже взяла в горсть два пальца ближайшего к ней, самого крупного матроса. Лицо того мгновенно обмякло, затем исказилось неопикуемой гримасой страдания, у него слезы полились из глаз. Этта схватил его за другую руку, своей же, свободной, вырвал из толпы следующую мамку. Та подхватила еще одного проотолетария.

И словно прорвало — Иуда всех утянул за собой вглубь туннеля. Мне, правда, пришлось повозиться с Неемо, не выдержавшим ментальное давление. Он вдруг принялся сбрасывать с себя одежды, но мы с Хааатом и Туути не позволили, тут же оттащили его

вглубь коридора. С каждым шагом тяжесть боли спадала, пока наконец Этта не прибежал к нам и не доложил, что вся группа добралась до тупика. Что дальше?

Наступил критический момент. Мне разорваться?! Никто, кроме меня, не сумеет отворить рабам дверь в чертоги богов. С другой стороны, кто, кроме волка-хранителя, в состоянии сдержать нападение серповидных боевых оболочек? Эти исчадия ада любого губошлепа лишат храбрости. Сумеет ли Огуст с ними совладать, пусть даже он сам выбрал этот путь? Наделенный царственностью губошлеп понадеялся на свой скудный умишко, на глупых стариков, восхищенных собственной мудростью. Они решили, что загнали меня в угол. Вечные нелады разума с гордыней... Имея перед глазами все мироздание, внимая свету звезд, обладая доступом к анналам архонтов, они выбрали для видимой реальности самое плоское объяснение, теперь за это надо было платить.

Вот пусть Огуст и платит.

— Послушай, начальник, я вынужден отлучиться. Никто, кроме меня, не сможет отворить ворота в рай. Я на время оставляю тебя, приготовься к худшему. Пришел твой час. Только ты и Хваат способны противостоять той мерзости, что вот-вот обрушится на нас. Но с Хваатом вопрос прост. Если он поверил в меня, он должен остаться и сражаться до конца. А вот как быть с тобой?.. Может так случиться, что мы больше не увидимся. Решишь принять бой, у твоего народа появится возможность спастись. Какая — не знаю. Верю в чудо. Если нет, всем нам погибнуть.

— Я остаюсь, учитель. Но не ради тебя или так называемого народа. Таков мой удел защищать низших. Если я их брошу, мне будет разрешено покончить с собой, а это страшный позор!

— Кем разрешено?

— Мною.

Я не удержался и совсем по-человечьи пожал плечами.

— Как знаешь. А ты, Хваат?

— Я уверовал, учитель.

— Я тоже, — вмешался в разговор бывший страж.

— Тогда слушайте...

Я вкратце объяснил, что они обязаны открывать огонь по любой движущейся тени. Отродье, которое скоро пригонит сюда Черный гарцук, во время атаки испускает впереди себя волны омерзения, обдает паническим ужасом, поэтому очень важно сохранять хладнокровие, презирать врага — плевать вам нужно на эту пакость! Я сразу зарядил обоих подобным настроением, потом добавил — стрелять следует метко, не раздумывая, не приглядываясь, не тратя времени на то, чтобы выяснить, откуда выползла эта черная пакость. Одним словом, ведите себя как электрические утюги.

— Ты хочешь сказать, как славные Герои?.. — уточнил Огуст.

— Точно.

Я вскочил в кресло для архонтов, нажал на клавишу, мгновением позже добрался до сгрудившихся в тупике поселян. Как только распахнул ворота в рай, услышал позади жуткий вопль. Сразу бросился на сидение, помчался назад. Успел в то самое мгновение, когда ка-

кие-то странные извивающиеся, напоминающие червей твари утаскивали вглубь коридора Хаата. Туути бросился ему на помощь. Извергающие ужас, внушающие омерзение существа набросились на стражника. Огуст не решился стрелять по ним. Хаат орал дико, басом, потом неожиданно стих — наверное, ему сделали инъекцию, однако еще через пару секунд раздался взрыв, громовым раскатом ударивший по ушам. Он успел-таки взорвать себя.

Каков ублюдок!

Тут же покончил со своей плотью и бывший стражник.

Времени на переживания нам не оставили. Не прошло и нескольких секунд, как впереди замаячили твари, утащившие капитана «Калликуса». Они уверенно, все также разбрызгивая впереди себя безумный страх и оцепенелую покорность, ползли по проходу.

Это были черви, их было множество, каждый от двух до трех метров длиной. Ни головы, ни хвоста, только извивающиеся удлинённые тельца, членики которых были прикрыты броней.

Двигались не спеша, по всей поверхности туннеля — по потолку, округлым стенам, по полу. Переползая монорельсы, вздымали передние части. Не доходя до развилки, и начали сворачиваться в клубки и убыстрили ход.

Так, в клубках, и бросились в атаку.

На этот раз им пришлось отведать моего бластера, а не этих древних пукалок, которыми были вооружены губошлепы.

Я перевел регулятор на трассирующий световой луч и ударил по тому скоплению, которое двигалось по потолку. Одного залпа хватило, что обратить их в груды дымящегося месива, из которого миниатюрными зародышами начали выползать новые змейки, на глазах набиравшие длину и объем. Между тем Огуст открыл огонь по клубку, катившемуся по полу. Наконец разделал и этих. Тем временем я просто вымел этих тварей из коридора. Так, отстреливаясь, мы наконец добрались до закрытой створки. Я сунул шарик в щель, мы успели проскочить внутрь до того, как исчадия зверя вновь бросились в атаку.

Глава 5

Поселяне всем птичником устроились на берегу озера — там, где волнуемая водопадной струей, хрустальной прозрачности вода колыхаясь отражала оранжевое небо.

Зрелище было жалкое — губошлепы неподвижно сидели на корточках, в металлизированном рванье, притихшие, оглушенные безграничным раздольем, открывшимся перед ними. Курицы стыдливо прикрывали оголенные плечи, петухи, кто чем мог, старались помочь им скрыть наготу. На небо старались не смотреть, уперлись взглядами в песок, редко посматривали по сторонам. Это подрагивание лохматых перистых хохолов было единственным шевелением, которое позволили себе незваные гости во владениях повелителей. Куда они попали, хорды поняли сразу, инстинктивно — все, как один, расселись на песке спиной к блиставшим

на закате постройкам на холме. Ближайший ко мне матрос с «Калликуса» сцепил руки на макушки и в таком положении замер. Пальцы у него были на редкость волосаты, и коготочки более напоминали ногти.

Как, впрочем, и у Хаата, светлая ему память.

Надо бы помянуть капитана, Героя из славных. Теперь в этом наименовании не было и следа насмешки, едкой иронии. Кровь была пролита, она требовала отщепления. Для этого мне следовало немедленно отправиться на командный пункт и попытаться взять под контроль транспортные артерии комплекса. Мысль о том, как бы вытолкнуть «Несущего груз» с причальной палубы в межзвездное пространство, не давала мне покоя. Это была бы победа и верный путь к спасению.

В тот момент, однако, губошлепов нельзя было оставлять одних. Уйти не помолившись, не рассказав сказку, не поддержав, было слишком не только для учителя, но и для обыкновенного бродяги-горца, человека и волка-оборотня. Повторное нападение змееподобных выродков, наштампованных фламатером за все те годы, что он пролежал здесь, впитавших его злобу, неудовлетворенную жажду мести, было неизбежно. Сейчас не следует без нужды тревожить поселян, гнать на подвиг, приступать к возведению линии обороны. Интересно, огляделся я, где и каким образом в этом благословленном краю можно было бы воздвигнуть оборонительный рубеж?

Вечерело... Блиставшее солнце поблекло, приобрело лимонно-желтый окрас, редкие тучки, ухватившиеся за вершины снегового хребта, отливали изумрудной свежестью. Океан разыгрался — забавляясь, на-

катывал на скалы волну за волной. Между тем грохот прибоя был едва слышен, резкие сильные звуки гасли в благодушной и ароматной ауре. Издали, со стороны кустарников, тонко и явственно запахло мускусом, потом потянуло запахом жареной курочки. Я невольно скосил глаза на своих соплеменников, кое-кто тоже начал потягивать ноздрями. Дырочки в их носах затрепетали.

Первым делом я с удовольствием омылся холодной и чистой водой. За мной последовал Неемо. Весть о гибели Хваата капитан подлодки встретил коротким нервным почесыванием, потом вздохнул и как бы про себя заметил, что теперь его черед. Скоро и он последует за родственником и другом.

— Не спеши, — сказал я. — Не гневи ковчег. Он знает, когда тебе уйти к судьбе.

Следом за мной умылся Иуда — этот весь залез в озерко, начал плескаться, охать от удовольствия. Скоро птичник ожил, поселяне наконец отважились распрямиться в полный рост. Третий столп в компании с Этой и Дуэрни совершили торжественное омовение. Эта церемония была проведена у дальней оконечности озера, за рощей плаунов. После чего мы устроили общую трапезу. Скоро солнце легло на пологую седловину в заснеженных горах. Я крикнул ему: «Подожди!» — и оно зависло над перевалом. Предоставило срок поведать о Добрыне Никитиче, о том, как в молодости богатырь в чисто поле поезживал, малых змеенышей потапывал. Как не послушался родной мамки и отправился к Сорочинским горам, к норам змеиным и освободил полон российский.

Долго ли коротко тянулся закат, наконец, по взмаху руки, местное светило наконец отправилось за горы на отдых. Землю накрыли сизые сумерки. Мы, бессеребренники и скитальцы, к тому времени добрались до одноэтажных домишек, стоявших на отшибе, подальше от блистающих храмин, где и разместились на ночь.

Огуст выставил караулы. Первой стражей командовал Неемо, вторую Третий столп решил возглавить сам. Я же отправился на командный пункт. Первым делом просмотрел отчет о состоявшемся сражении. Все было точно зафиксировано: толпа торжествующих озверевших безумцев, спешивших на встречу с отцом, мучительное пробуждение поселян, когда мы во вспомогательном шлюзе принялись срезать осклизлые щупальца — с их помощью Черный гарцук пытался овладеть мыслями губошлепов. Набег орды боевых, способных излучать обессиливающие противника чувства, роботов, короткое огневое столкновения и, наконец, наше появление в зоне архонтов. Сам бой можно было просматривать и в замедленном, и ускоренном темпе. Гибели Хваата было посвящено всего несколько кадров — по видимому, исключительно для отчета.

Кому?

Это был вопрос вопросов.

Я попытался с помощью шарика проникнуть в блок управления внутренними оболочками и транспортными артериями станции. Ничего не получилось — потребовался пароль.

Вот что еще смущало — непотворение командного пункта управления комплекса агрессивным наскокам звездолета. Меня очень тревожил этакий беспринцип-

ный нейтралитет, которого придерживались броневые двери, кабины лифтов, развязки монорельсовых дорог, ворота и запоры шлюзовых камер, передвижные кресла и сидения, вплоть до роботов, обслуживающих внутренние помещения станции. Может, фламатеру удалось найти общий язык с управляющей централом интеллектуальной оболочкой? Или «Несущий груз» точно знал, какие средства нападения можно использовать во внутренних помещениях станции, а какие нет? Вероятно, поэтому звездолет не решился за пределами причальной палубы бросить в бой серповидные боевые оболочки, применяемые в космосе, а перешел на более примитивные формы. Следовательно, его ударная мощь будет примерно равна нашей. В чем же его преимущество? В количестве — это ясно, как день. Интересно, позволит ли командный пункт штурмовать зону архонтов или будет держаться в стороне, пока сражение не начнет реально угрожать жизненно важным системам комплекса?

Я вывел на экран изображение звездолета, долго вглядывался в его очертания.

Гигантская черная рыба все также неподвижно лежала на посадочном месте. Никаких следов активности. Мне пришло в голову, что здесь, перед экраном, тоже необходимо выставить пост — кто-то из губошлепов должен постоянно следить за врагом. С сожалением прикинул, никого из них калачом не заманишь в логово повелителей, а если кто и решится, тут же, как только окажется один на один с подобным пейзажем, лишится дыхания. Кроме разве что Иуды. Бывший Сулла, как показал опыт, потеряв память и постепенно воз-

вращаясь к жизни, оказался полностью лишен прежних предрассудков. Может, есть смысл выставить на развилке, откуда тянулась ветка в сторону райских кущ еще один пост или прикрепить шарик.

Эх, беда, шариков-то у меня осталось с горстку!.. Кстати, не может быть, чтобы в зону архонтов был только один вход. Это конструктивно исключено. Кроме того, зная их образ мыслей, склонность к высокомерной назидательности, можно быть уверенным — в пределах системы Дауриса-Тавриса архонты тоже вели себя в высшей степени обособленно. Стоило поискать дополнительные выходы — например, для обслуживающего персонала, который, скорее всего, появлялся здесь после того, как архонты покидали зону.

Я затаил дыхание

Как же они ее покидали? Должно быть, у них существовал свой отдельный шлюз? А может, и собственные транспортные средства?

Я тут же дал задание шарик, проникшему в блок управления информационной машиной, а сам поспешил в домик, в котором мои спутники разместились на ночевку. Окликнул меня Неемо. Это был верный человек, с устойчивой психикой, опытный боец, одним словом, настоящий ублюдок. Я поймал себя на мысли, что с гордостью произношу это слово. Смешными показались мне потуги убедить Туути отказаться от использования этого обидного прозвища. Сколько недомыслия я проявил, когда обижался на старцев Ин, не жалевших для меня самых оскорбительных, как мне казалось, эпитетов! Они не имели в виду унижить меня, подобные тонкости пока еще не давались хордам даже самых высших

разрядов, но с моей легкой руки — так и оно оказалось впоследствии — в эти термины скоро начали вкладывать уничижительный, марающий чужое достоинство смысл.

Небо между тем усыпалось звездами. Это был иной небосвод, невиданный, таинственный, нависавший над миром, которого уже давным-давно не было на свете. Я застыл в благоговении — над головой раскинулся звездный чертеж миллионнолетней давности, наблюдаемый из одной из самых удивительных точек пространства — исчезнувшей обители Ди. Рисунок созвездий очень напоминал пейзаж, видимый с Земли. Здесь не было и следа искрящегося звездного обода — та же россыпь блесков, та же равномерность и бездонная насыщенность темного покрывала, разве что извилистый, ломкий, прерывистый след Млечного пути был более отчетлив и ярок. Мне были неизвестны названия созвездий? Пустое! Быстролетный скоро просветил бы меня. Сердце дрогнуло, когда я интуитивно угадал в зените расположенные ковшом звездочки.

В его хвосте сияла Полярная?..

Это следует проверить. Это обязательно следует проверить. Два ослепительных росчерка сверкнули над вершинами горного хребта. Тающие автографы сгоревших метеоритов...

Так было и так будет.

Неемо, стоявший рядом со мной, тоже неотрывно взирал на ночное небо.

— Где мы? — его голос прозвучал глухо, с осязаемым испугом. — Это их... земля?

— Да.

— Они тоже... поселяне?

— Конечно, только древние.

— С хвостами — и поселяне? — в голосе Неемо просквозило явное недоумение.

— Почему с хвостами?

— Я как-то нашел на одном из астероидов изображение повелителей — то есть, тех, кто появлялся и исчезал. Я попытался отыскать их следы в капитанских анналах и обнаружил, что высшие называли себя архонтами, то есть старейшинами или начальниками. Когда меня скинули на плавсредство, ну, на подлодку, этот пункт тоже вставили в обвинительное заключение. Долго уговаривали — забудь ты об архонтах, давай лишим тебя памяти, зачем они тебе? Ага, чтобы и о Тойоти больше не вспоминать, о Хваате, о птенцах... Зачем мне это?

Он помолчал, потом спросил.

— Представляешь, они были с хвостами. Зачем они с нами так, а?..

Я почесался. Что я мог ответить? Он проснулся, прозрел — это был первый хорд, который задумался о справедливости, которой ощутимо не доставало в мире. Значит, он первый задумался о вечном. О том, стоит ли сеять обиды. Скоро прозреет другой, третий, затем десятки, сотни его соплеменников. Они уже никогда не забудут, нутром почувствуют, что мир един, холоден и бесконечен. Впервые задумаются о том, что никто в мире не испытывает к ним сознательной ненависти и вражды. Что богам дела нет до справедливости. Добиться справедливости — наша, человечья, задача. Тогда ожи-

дание неизбежной, впереди стоящей битвы сменится, наконец, простым и ясным делом.

— Где Иуда? — спросил я. — Приведи его.

Неемо отправился в ближайший домик, очень напоминавший архитектурой унылые корпуса канцелярий на Дирахе и Дьори. Скоро потерявший память предстал передо мной.

— Как ты себя чувствуешь, Сулла?

— Хорошо, учитель. Я пописал, покакал.

— Ты называешь меня учителем, значит, ты вспомнил?

— Нет, но все называют тебя учителем, и это звучит.

— Как?

— Гордо.

— Пойдем со мной.

Мы вошли в зал. Иуда вел себя спокойно. Я с опаской подвел его к огромному, в два этажа экрану. На нем в глубине полутемной палубы пряталась гигантская, коротколапая туша. Прикрылась мраком...

— Кто это? — спросил Иуда.

— Черный гарцук. Ты должен следить за ним. Как только из его брюха начнут выползать твари, похожие на червей, ты должен немедленно сообщить мне. Понял?

— Да, учитель.

Я проверил распечатку, выданную информационной машиной. Так и есть — в зону архонтов, кроме известного нам прохода, вели еще три туннеля. Один был вырезан в скале у самого океана, другой — расположен на другом берегу реки, за песчаными холмами. Был

еще проход, в горах, но появившаяся на экране картинка с изображением этого участка местности, ничего мне не говорила: ровная площадка, вокруг скальные откосы, внизу, в расщелине, ведущей к площадке, открывалась поросшая папоротником долина. Ничего приметного. На отвесной, оглаженной гранитной щеке тончайшая овальная линия. Плита, прикрывающая вход в туннель? Куда вел этот выход? Я отдал соответствующую команду и страстно почесался от удивления.

Сразу за потайной броневой плитой располагалось что-то вроде предбанника, куда выходили створки лифтовой камеры. Далее изображение проследовало вверх, добралось до следующего вестибюля, оттуда в специальный шлюз, наконец на экране появилось изображение броневой плиты. На ней был выгравирован стилизованный вилообразный крест. Далее изображение дрогнуло и исчезло, по-видимому, доступ в следующий отсек был заблокирован особым паролем, но все эти детали не имели значения. Судя по обозначениям, этот маршрут выводил на внешнюю поверхность станции, следовательно, обнаруженное мной помещение являлось причальной палубой.

Я тут же распорядился разузнать об этой части комплекса поподробнее, затем выдал команду дать общий план райской зоны. На миг экран потух потом передо мной открылся океанский простор. В нескольких десятках километров от берега, где был расположен командный пункт, на водной глади обозначился архипелаг. Россыпь поросших густой растительностью островов, на них там и тут были разбросаны круглые, крытые тростником бунгало. Я прикинул масштаб изобраа-

жения, произвел в уме несложные подсчеты — получалось, что территория архонтов занимала по крайней мере несколько десятков тысяч квадратных километров.

Это был нонсенс!

Главная ось приводного комплекса не превышал десятка километров. Где же мы очутились? Каким образом ди ухитрились так ловко сворачивать пространство, что мои чувства, даже ментальный зонд, не могли уловить ни единого шва, ни единой несуразности в этом безразмерном раю?

Это были вопросы на потом. Я вновь вернул изображение «Несущего груз» и предупредил Иуду.

— Смотри в оба.

Тот отдал пионерский салют.

Уже у самого порога он остановил меня вопросом.

— Учитель, почему ты назвал меня Суллой?

Я замер. Что ответить? Сказал так.

— Я ошибся, Иуда. Не было никакого Суллы, есть Иуда.

— Это я?

— Это ты.

Разбудило меня энергичное почесывание по плечу, потом кто-то настойчиво и безбоязненно начал скрести меня в области живота. Я с трудом открыл глаза — всю оставшуюся часть короткой светлой ночи мы с Тоотом и его проотолетариями отыскивали два ближайших к нашему лагерю туннеля. Первый, у подножия красной скалы, обнаружили быстро. С помощью шарика вошли в

него, добрались до монорельсовой развязки. Там я закрепил нейтринного следопыта, который должен был предупредить нас о приближении врага.

Поиски входа, расположенного среди песчаных холмов, затянулись до рассвета. Наконец мы сумели проникнуть и в этот туннель, ведущий, по-видимому, в энергетические отсеки станции. У выхода из внешнего шлюза тоже оборудовали наблюдательный пост. Поиски выхода, укрытого у подножия горного кряжа, пришлось отложить, тем более что с внутренними помещениями станции этот туннель не имел связи. Так что поспать мне удалось всего несколько часов.

Я с трудом сел, огляделся.

Солнце стояло высоко, с моря тянул теплый ветерок. Невысокие волны накатывались на полосу песчаного пляжа. Глядя на эту картину, я едва удержался от желания искупаться. Глупо было мечтать об этом. Все эти чудеса голографии обрывались, конечно, в каких-нибудь сотнях метров от поселения архонтов.

Возле меня стоял Огуст. Лицо властителя было перекослено выражением нескрываемой тревоги.

— Они идут? — спросил я.

— Пока нет, но Черный гарцук начал откладывать яйца.

Я удивленно глянул на Третьего столпа.

— Ты осмелился войти в зал?

— Да, учитель, я без труда выдерживаю отсутствие цвета. Учитель, мы здесь с главным инженером Тоотом обнаружили занятные оболочки. Никто не знает, как с ними обращаться, но Тоот утверждает, что с их помощью можно копать и переворачивать камни и песок.

— Это интересно, — откликнулся я, затем спросил.
— Как ведут себя низшие?

— Готовы выполнить любое задание высших!

Мы двинулись в сторону подсобных строений. Здесь собрались все хорды, свободные от дежурств — устроились полукругом возле извлеченных из подземного хранилища, чем-то смахивающих на грибы оболочек, и оживленно переговаривались. Что это могло быть? Предложения сыпались разные, каждое детально обсуждалось, при этом кто-нибудь из губошлепов то и дело терял нить разговора, вскидывал голову и начинал озираться.

Я тоже включился в спор. Наши сомнения разрешил один из проотолетариев, сменный с дежурства и шагавший на отдых. Заметив разбросанные на песке, удивительные предметы, он на мгновение замер, потом страстно почесался, торопливо приблизился. Обошел одну из оболочек, осторожно положил ладонь на макушку едва очерченной шляпки, резко нажал. В ножке что-то глухо заурчало. Неожиданно этот странный, с короткой толстой ножкой гриб начал пухнуть, подрастать, поверхность его внезапно отвердела, затем лопнула и осколки скорлупы посыпались на землю. Хорды, собравшиеся вокруг, бросились врассыпную. Попрятались, затаились на некоторое время, потом начали осторожно подползать к нарождавшемуся аппарату. Я тоже. Перед нами предстала какая-то невиданная, напоминавшая одновременно и насекомое и экскаватор, машина. Стрел было две, обе оборудованы ковшами, передвигалось сооружение на членистых ногах.

Довольный собой протолетарий обтер руки о комбинезон, похлопал машину по округлому борту, затем приблизился к нам и отдал пионерский салют.

— Как тебе это удалось? — спросил я.

Рабочий с остервенением почесался.

— Понятия не имею, учитель. Как увидел эту штуку, руки сами напросились пощупать. Я своим рукам завсегда доверяю. Подошел ближе, чую, нужно сюда жать, потом сюда. Начальник, позволь опробовать копалку?

— Дерзай, — ответил Огуст.

Подобным образом протолетарии смогли оживить еще несколько землеройных, буровых и, как мне объяснил Тоот, сваебойных машин.

Настроение хордов резко изменилось, теперь все горели желанием заняться делом. Тут же наметили план. Огуст предложил немедленно завалить выходы в скале и за барханом. Его поддержали Тоот и Неемо, при этом главный инженер набросал на песке схему подрыва скалы и создания песчаной насыпи. В случае, если эти твари сумеют вскрыть броневые плиты, многотонный груз должен будет рухнуть в туннели и завалить их напрочь.

Я слушал их молча, на все вопросы, обращенные ко мне, отвечал энергичным одобрительным почесыванием. Простаки, они не понимали, что невозможно взорвать скалу, которой нет на свете. Все окружающее они воспринимали всерьез как реально существующие дали. В разговорах между собой загадывали — интересно, что там за горами? Матросы всерьез спорили, в какой части света расположены чудесные острова и как до них добраться. Можно ли из подсобного материала соорудить

дить хотя бы плохонькое суденышко? Сгодятся ли местные папоротниковые деревья? Насчет сосен все сошлись на том, что это добротная древесина. Одним словом, что-нибудь плавучее соорудить можно, дали бы только срок и инструмент.

Я их не разочаровывал — правда, предупредил Тота, что перед тем, как рвать скалу, пусть попытаются взобраться на нее. Сам, борясь с дремотой, отправился на командный пункт. По дороге прикидывал, как все-таки, исходя из современных требований к обороне, обезопасить себя со стороны всех трех выходов? Ничего другого, как приступить к строительству оборонительной линии, не оставалось. В любом случае эти меры не будут лишними. Губошлепов надо занять работой, тогда и настроение у них поднимется, появится задор. Что еще мы могли противопоставить неведомому врагу?

В зале на дежурстве находилась Дуэрни. Молодая женщина держалась храбро, изо всех сил старалась сохранить присутствие духа при виде логова Черного гарцука. Ей было очень стыдно за податливость, которую она проявила, услышав зов страшного «отца». Теперь Дуэрни пыталась подтвердить в глазах остальных поселян свою королевскую породу. Количество оболочек, время от времени откладываемых звездолетом, все увеличивалось, скоро они непробиваемой баррикадой закрыли посадочное место, короткие опорные лапы. Никаких других движений на посадочной палубе не происходило, тихо было и во внутренних туннелях станции.

В этот момент грохот близкого взрыва оглушил меня. Я выбежал из административного здания, глянул в

сторону хребта и ошарашено обнаружил, что весомая часть скалы, в которой был проделан вход в туннель, в самом деле съехала со своего места и наглухо забила расположенную у основания плиту. Я попытался вызвать шарик, он сразу откликнулся, однако теперь его ментальный голос звучал глухо, потаенно, словно из колодца.

Взрыв скалы произвел на меня ошеломляющее действие. Я не удержался и приблизился к месту обрушения, подобрал увесистый, с острыми гранями осколок. Его тяжесть соответствовала моим всегдашним представлениям о весе гранитного камня подобного объема. Выходит, скалы, песок, с которыми мы имели дело, бирюзовая водная масса, ветерок, древесная растительность, снег на горных кручах, являлись материальными предметами, а вот это допущение уже ни в какие рамки известных мне физических законов не укладывалось.

Как могли в ограниченном, пусть даже и очень просторном объеме поместиться горы до поднебесья, безбрежный океан, на поверхности которого были разбросаны острова? Выходит, матросы были правы, собираясь пересечь океанский простор и добрать до terra incognita? Но ведь это полнейшая чепуха! В таком случае солнце в небесах тоже представляло из себя всамделишный раскаленный шар, существующий вопреки всем правилам термодинамики? Я ошарашено посмотрел окрест — вольно было губошлепам принимать всю эту иллюзорную голографию за реально существующий мир, но меня-то не проведешь!.. Или пришел мой черед столкнуться с откровенной нелепостью, называемой чу-

дом, с невозможностью, недопустимостью подобного исполнения физических законов. Выходит, я не должен верить своим глазам?

Мне так и не удалось найти приемлемое объяснение подобным пространственным выкрутасам. Деформация ограниченного, иллюзорного континуума была очевидна, но я не мог проникнуть в ее тайну. Она хранилась за семью печатями, граничила с чудом.

Хорды тем временем энергично принялись за переустройство окружающей среды. Сначала передвинули исток реки, затем принялись спрямлять русло, возводить на нашем берегу оборонительный вал. Вдобавок в тело художественно оформленного — это мне стало ясно с первого взгляда — скалистого кряжа, откуда скатывался водопад, были заложены заряды, с помощью которых можно было устроить грандиозный обвал. Примерно также были оборудованы позиции и возле выхода в песчаных холмах. Здесь поселяне насыпали огромную гору песка. Если роботы фламатера вскроют броневую плиту, туннель будет напрочь перекрыт сотнями тонн реальной крупнозернистой, сыпучей породы. Работали споро, на перекур времени не тратили, отдыхали по команде, слова цедили скупое. Это была раса работяг, где каждый не только изначально владел профессиональными навыками, для выполнения которых был создан его предок, но и на генетическом уровне был привержен трудовой дисциплине.

Был полдень, когда запыхавшаяся Дуэрни сообщила, что из яиц, откладываемых фламатером, начали вылупляться твари. Я и Огуст бросились в командный зал. К тому моменту, как мы оказались перед экраном,

вращенные гарцуком черви, свиваясь клубками, пока- тились к выходам, ведущим с посадочной палубы во внутренние помещения комплекса. Мы ждали недолго, скоро шарики, спрятанные возле первого, второго и третьего прохода передали ментальное сообщение о приближении врага. Я тотчас приказал им вонзиться в замки броневых плит и намертво запечатать их.

Между тем поселяне, повеселевшие, перелопатившие огромное количество грунта и камней, запрудившие реку, и потому уверовавшие в успех, разделились на боевые группы и заняли заранее оборудованные позиции. Вся система обороны была спланирована так, чтобы прикрыть командный пункт. Потеряв доступ в главный зал, мы станем слепы и глухи.

Скоро со стороны металлических дверей послышались протяжные ухающие звуки. Я тут же бросился в административное здание. Иуда, заступивший на дежурство, отдал пионерский салют, я не удержался и тоже вскинул руку кверху. Лицо восстанавливающего память обогрела нескрываемая радость.

— Паразиты подобрались ко всем трем выходам, режут металл, — бодро доложил он.

Вопрос состоял в том, как они его режут? Я передал команду, и на экране высветился ближайший к командному пункту туннель. Два змееобразных, значительно более крупных, чем их собратья, робота, подрагивая бронированными члениками, упорно взрезали плиту почти по ободу туннеля. В этот момент меня опять посетило сомнение насчет странного нейтралитета, которого придерживался приводной комплекс. Почему эта, неимоверной сложности интеллектуальная машина, спо-

собная регулировать внутренние процессы, протекающие в звездах, с таким безразличием относилась к разворачивающемуся в ее недрах погрому?

Наконец червям удалось вскрыть плиту, расположенную возле побережья. В следующее мгновение раздался грохот и сотни тонн породы рухнули в туннель. Наблюдавший за обвалом шарик сообщил, что этот коридор оказался запечатанным до транспортной развязки.

В двух других проходах твари повели себя осторожнее, однако справиться с обрушившимся на них песком в третьем туннеле им тоже не удалось. Хуже обстояли дела в главном коридоре, выводившим воинов гарцука к озеру, откуда лежал самый короткий путь к административным корпусам. Здесь роботы действовали очень аккуратно. Плиту освобождали по частям, работали ювелирно, так что в насыпной горе образовались узкие щели, которые воины гарцука принялись энергично расширять.

Огуст, прибежавший по вызову на командный пункт, долго изучал эту картину, потом принял решение произвести еще один взрыв. Посланные проотолетарии тут же начали бурить шурфы.

Второй взрыв, потрясший выбегавший в океан хребет, окончательно завалил и этот люк. На какое-то время мы могли считать себя в безопасности.

Когда мы остались вдвоем с Иудой, я не удержался и попытался еще раз определить границы жилой зоны архонтов. На этот раз на экране крупно высветились завораживающие первозданной красотой вершины. За ними, за скалистыми, короткими отрогами, подпирав-

шими хребет с противоположной стороны, внезапно открылась обширная, покрытая клочьями тумана равнина. Где-то вдали, на пределе видимости голубыми извилинами обрисовалась полноводная река. В той стороне туманы лежали особенно густо. Там же, на выпуклом лбу террасного холма — изображение очертило его близко, в крупном масштабе, — возвышались развалины древнего города. Я замер, не в силах совладать с манящим зовом живописных руин. С трудом справился с наваждением, попытался двинуть перспективу вглубь вновь открывшейся территории, ближе к сохранившейся причудливой башне таинственного города, однако изображение решительно откатилось в сторону гор. Затем на округлой стене зала, вопреки моей воле, вновь возник заваленный вход в туннель.

Некоторое время я бездумно наблюдал за каменной крошкой, усыпавшей пол. Что-то в этом таинственном поместье, на этой не имеющей права существовать земле, было не так!

Я страдал от непонимания, от невозможности предсказать следующий ход свихнувшегося фламатера, мучился неопределенностью позиции, которой придерживался приводной комплекс. Меня словно подвесили на упругой нити и предложили — воюй! Я тут же принялся дергаться, бездумно палить из бластера, бурить шурфы, взрывать скалы, не догадываясь, что со стороны напоминаю потешного клоуна, подвешенного на резинке. Веселенькое ощущение махать кулаками в отсутствие силы тяжести. Воевать на своей земле, в родных тверских лесах, среди пустошей, оврагов, на обширных полянах, покрытых целебными травами, на

вырубках, где в конце лета и в начале осени полным-полно грибов — это было по мне. А в этом не имеющем границ, загадочном, обманчиво-нарядном заповеднике все было чужое, хотя, если по совести, мне сразу пришелся по душе этот волшебный уголок. Мог ли я вообразить, что мечты о неизведанном, о terra incognita, порой сбываются.

Передо мной лежала территория, существование которой противоречило всем законам физики, здравого смысла и убежденности в неукоснительной материальности мира. Это была земля, где когда-то обитали сгинувшие ди из секты старейшин. Эту землю замыкал причудливый, хранящий свои тайны океан — я уверился в этом сразу и напроць. Может, заняться бурением скважины, с помощью которой можно будет добраться до трех слонов, стоявших на панцире черепахи?

Здесь теснились нехоженые горы, вздымались первозданные, непокоренные пики — трудно вообразить, что когда-нибудь каким-нибудь залетным альпинистам повезет оставить на них свои следы. Заснеженные шапки вершин, древние растения, густохвойные сосны неизменно пробуждали детский восторг, какой охватывал меня в детстве, когда я рассматривал загадочные картинки, рассказывающие о древних чудесах Земли: о зарождавшейся в океане жизни, о первых рыбах, гигантских лягушках и массивных земноводных, когда-то впервые нюхнувших свежего воздуха, о исполинских хвостатых созданиях, невиданных слонах и носорогах, о первых, покрытых звериной шерстью людях.

Очаровательными казались и оранжевое, разнообразных оттенков небо, и зеленоватые облака, и бирю-

зоявая гладь, на которой, словно поддакивая нетерпеливому ожиданию, в десятке миль от берега обнаружилась гирлянда неведомых островов. Это был захватывающий воображение пейзаж. Все равно ощущение свернувшейся в исходную оболочку неопределенности, припрятанного в ней ядовитого жала, каким, того и гляди, может ужалить эта чудная, прикинувшаяся хорошенькой, земля, не оставляли меня.

Единственным спасением была работа. На время утихомилив змеиную орду, хорды немедленно приступили к строительству плота, с помощью которого мы, в случае необходимости, могли бы бежать с этого берега и укрыться на островах. На самое маленькое суденышко у нас уже ни времени, ни сил не хватало.

Хорды и на этот раз с энтузиазмом принялись за дело. До вечера успели навалить деревьев, расчленив их на бревна, соорудить помост, на котором сколотили основание плота. Обрушив опоры помоста, опустили уже обшитый каркас в воду, однако перетащить припасы времени не хватило. Ближе к вечеру, когда местное солнце начало клониться к горным вершинам и воины Черного гарцука приступили к решительному штурму, нам стало не до морских путешествий.

Глава 6

Первым тревожным сигналом начала атаки стали глухие удары или, похоже, взрывы, с помощью которых кольчатые безногие твари принялись расчищать проходы. Затем внезапно померк экран — об этом сообщил прибежавший Иуда. Я тут же бросился на командный

пункт, попытался связаться с проникшим во внутренности информационной машины шариком, однако тот не откликнулся.

Сердце сжало тревожное предчувствие. Некоторое время я в упор рассматривал померкшую стену, пытаюсь ментальным образом вернуть изображение к жизни. Врубил всю мощь, какой обеспечил меня волшебный пояс.

Все напрасно.

Между тем губошлепы разбежались по позициям. Иуду и сестер отправили тыл, в песчаные дюны. Там было построено небольшое укрытие, как раз на полпути между лощиной, ведущей к подножию гор, и небольшой бухтой, где поселяне спрятали плот.

Время тянулось удивительно медленно. Приютившая нас местность как бы замерла. Стихло волнение на море, песок высох точно по оцепеневшей линии уреза воды. На поверхности океана слепяще и резко отражалось местное тусклое солнце. В воздухе ни единого дуновения ветерка, обречено обвисли листья папоротниковых деревьев. В сверхчувственной ауре исчезли убаюкивающие, напоминающие страстные вздохи шумы. Я раз за разом пытался связаться с наблюдательными шариками, оставленными во всех трех туннелях, однако те онемели. Становилось нестерпимо жарко.

Не нравилась мне эта тишина, прерываемая редкими приглушенными раскатами, доносящимися со стороны всех трех туннелей.

Что там творилось?

Прошло более часа, жара не спадала. Я обошел все три позиции, каждый раз дотошно расспрашивал губо-

шлепов, что там, в туннелях — все ухают? Наконец добрался до баррикады, прикрывать которую взялся Неемо с матросами. Капитан выглядел угрюмо, то и дело поглядывал на небо — тучки, что ли, дожидался или дождика? Может, темноты?..

— В чем дело, Неемо? — спросил я, устраиваясь рядом с ним в окопе.

Он долго молчал, все поглядывал на воткнутую в бруствер обломанную зубчиками палочку, потом подвинулся, жестом предложив занять его место. Я подчинился, проследил за крючковатым коготком, которым тот повесил незримую линию от моего правого глаза через верхушку обломанной палочки в направлении солнца.

— Ничего, учитель, не замечаешь?

Я недоуменно почесался.

Он повторил жест.

Я устроился поудобнее — так, чтобы средний зубчик лег на край светила. Пригляделся — оранжевый блеск мне не мешал. Кому пришлось вырасти под жесточайшим приглядом Дауриса и Тавриса, тому яркий свет был не страшен.

— Ну и что? — я глянул на капитана.

— Опять ничего не замечаешь?

— Оно, — я почесал висок и ткнул скрюченным пальцем в светило, — стоит на месте?

— Нет, учитель, оно возвращается к зениту. Засеки время.

Я вновь прищурил левый глаз, навел верхушку палочки на край солнечного диска. Хватило нескольких десятков секунд, чтобы догадаться, что имел в виду Не-

емо. Сердце у меня замерло, подступил леденящий страх. Если он прав, а это так, выходит, кто-то или что-то решило продлить светлое время суток, а это означает, что отстраненности приводной станции пришел конец и нам всем следует готовиться к худшему.

Астрономическое открытие было ошеломляющим, в него не хотелось верить. Мало ли куда направилось солнышко? Может, оно заблудилось или решило вернуться на ночевку туда, где провело утро?

— Худо дело? — спросил Неемо.

Я не удержался и совсем по-человечески кивнул. Капитан догадался, что означает этот жест. С ним не имело смысла играть в темную.

— Они решили нас уничтожить, — тихо, чтобы никто не услышал, ответил я.

— Кто они?

Я обвел рукой окрест.

— Небо, горы, солнце, океан... — с горечью добавил я.

Неемо страстно, недоверчиво почесался.

— Они что, живые? Ты, учитель, соображаешь, что говоришь?

Я утвердительно поскреб висок, попытался объяснить.

— Мы оказались нежеланными или слишком беспокойными гостями. Кстати, океан!.. Немедленно снимай своих людей, я разыщу Огуста. Всем немедленно отступить к берегу, держать курс на плот.

Я не слушал ничьих возражений. Прибежавший с позиций Тоот начал было доказывать, что врагу никогда не прорваться через завалы. Пришлось хлестнуть его

ментальным бичом. Он так и замер на полуслове. Когда же колонна беглецов, собрав снаряжение и оружие, скорым шагом двинулась в сторону укрытия, я придержал удивленного Огуста и заявил.

— Взгляни на небо.

Затем выбрал вершину роскошного плауна, передвинул начальника и объяснил, куда следует смотреть.

Некоторое время тот внимательно наблюдал за солнцем.

— Оно движется в обратную сторону?

— Точно так, — почесался стоявший рядом Неемо.

— Учитель говорит, что местность вокруг ополчилась против нас.

— Я ждал этого, — Огуст повел себя на редкость выдержанно. — О том и в анналах о деяниях Героев говорится. В стране Черного гарцука для нас нет пристанища. Здесь каждая песчинка — враг, каждая капля влаги пропитана ядом! Как быть, учитель?

— Попытаемся отправиться на острова, там схоронимся.

— Может, лучше в горы, — предложил Третий столп. — Воины гарцука не слишком ловки. Мы сможем сбивать их по одиночке.

— Но в горах обвалы, снежные лавины, селевые потоки. Кто знает, что может обрушиться на нас?

— Ты же горец. Это твоя стихия, — заявил Огуст. — Ты будешь предупреждать нас.

— Предупреждать? — страстно почесался я. — В горах, Огуст, не надежны ни камень, ни лед, ни скала! Особенно, если ими правит чуждая, враждебная поселениям воля. Ночью в горах мы можем потерять друг

друга. Собственно, о чем спор, — вдруг согласился я. — Что горы, что море — выбор не велик. Никто не может сказать, где безопаснее.

— В горах есть выход в туннель! — воскликнул Огуст.

— Но мы не знаем, где он и куда он ведет!

— Хорошо, — почесался Третий столп, — я доверяю твоей мудрости.

Когда мы спешно взобрались на вершину прибрежного холма, плот, спрятанный в небольшой бухте, уже был спущен на воду. Края бухты были обставлены крутыми откосами, только в средней ее части, вдоль линии прибоя тянулась узкая полоска пляжа. Два матроса с «Калликуса» хлопотали на плоту, готовились к отплытию.

В следующий момент внезапно налетевшим шквалом нас едва не сбросило с верхней кромки прибрежного откоса, запорошило глаза. Когда мы прозрели, из глубины плавно смыкавшихся вдали оранжевого, с персиковым оттенком неба и бирюзового, в синеву океана, донесся глухой гул. Он нарастал, скоро обратился в рокот, начал расслаиваться на грохочущие раскаты. Наконец на водной глади обозначилась туманная, пропитанная чернотой полоска. Она медленно приближалась, на глазах превращалась в водяной вал. Мы закричали матросам, чтобы те спасались бегством, однако они были значительно ниже нас и только-только различили набегавший шум. Возможно, этих нескольких мгновений и не хватило. Внезапно ход воды ускорился, и многометровая, темная, как ночь, сбросившая пену, волна ударила в прибрежные скалы. Плот мгновенно опроки-

нуло, матросы отчаянно замахали руками. Их закрутило, потом швырнуло на камни. Тут же вода отхлынула. Спустя несколько мгновений муть осела, глубь прояснилась, и прежняя тишь и благодать воцарились на море. Только на поверхности плавали деревянные обломки, и оба матроса, бездыханные, лежали на осклизлых валунах.

Мы бросились в ту сторону, догнали спускавшуюся в бухту группу хордов. Оттащили на песок тела погибших товарищей. Все молча, в отчаянии, смотрели на них.

— Теперь в горы! — выкрикнул я. — Все в горы. Скорее!!

— А как же ребята? — спросил помрачневший главный инженер. — Нельзя же их здесь бросать.

— Да, — откликнулся Огуст и отвел глаза. — Мы их похороним... Там за холмом, подальше от берега.

После погребения толпа поселян направилась в горы. Шли быстро, в ногу, постоянно почесывались, озирались. Петухи беспричинно, то и дело поправляли оружие, курочки старались не отставать, каждая тащила столько груза, сколько могла. Впереди вышагивал высокий Неемо — держал курс на пологую седловину, в том месте было решено перевалить через хребет. Мы с Огустом, не сговариваясь, начали помаленьку отставать, необходимо было отдать павшим последние почести. Это было трудное испытание. Я, с трудом удерживаясь от истерического почесывания, прочитал молитву, благословил Огуста — провел ладонью по его лбу — и тот замкнул цепь. Два глухих взрыва донесли до нас со сто-

роны прибрежных холмов. Мы не имели права оставлять гарцуку тела наших Героев.

— Может, оно и лучше, — после недолгой паузы вымолвил Огуст. — Я бы не хотел, чтобы моя плоть покоилась в этой поганой земле.

Признаться, я тоже.

Чувствительные колебания почвы застали нас, когда мы одолели сосновый бор и через папоротниковые заросли начали взбираться на холм, один из многих в цепи предгорных возвышенностей. После первого толчка поселяне попадали на камни, опять принялись сцеплять руки в замок, прикрывать ими головы. Через момент колыхнуло мощнее, и земля под ногами заходила ходуном. Гигантская трещина пересекла склон, разделила нас на тех, кто остался ближе к вершине и тех, кто только начал взбираться наверх.

На этот раз арьергард вел Неемо. Капитан сразу сообразил, что к чему. Приказал немедленно валить деревья, ладить канатную переправу. Мы перебросили ему веревки, и уже через несколько минут упакованные заплечные мешки один за другим поплыли на нашу сторону. Я подобрался к самой кромке, заглянул в трещину. Обычный стратиграфический разрез: культурный слой, осадочные породы, ниже что-то вроде известняковых пластов.

Но ведь так не могло быть!

Зачем?

По какой причине нас вообще допустили в этот древний заповедник? Не знаю, в ту ли секунду или чуть

позже, когда истошный вопль одной из оставшихся на другой стороны трещины мамки возвестил о приближении воинов Черного гарцука, мне пришло в голову, что сейчас самое время позабыть о поиске ответов. Объяснения в этом случае помочь не могли. Я был уверен, что они существуют, но теперь следовало подумать о том, как спасти свои шкуры, а для этого необходимо напроць забыть о том, чего ты не знаешь, и вспомнить то, что тебе хорошо известно.

Если архонты порой баловались спектаклями, в которых цунами сотнями топили собранных на берегу, обреченных на смерть биокопий; щекотали себе нервы гекатомбами жертв при землетрясениях; или тысячами, для полноты статистики, замораживали их в исследовательских целях, а то и натравливали возвращенных ими гладиаторов друг на друга, — эта страшная догадка вряд ли могла помочь нам добраться до четвертого выхода. Отогнал и едкую мыслишку, а зачем, собственно, мы стремимся к этому мифическому туннелю?

На что надеемся?..

Женский вопль, заставивший всех нас вздрогнуть, собрал хордов у краев трещины. Матросы сразу заработали быстрее, и за эти несколько минут, когда первые червеобразные отростки приблизились к переброшенной через пропасть канатной дороге, им удалось переправить груз и четырех сестер.

Услышав отчаянный вскрик, я бросился вдоль трещины и уже через несколько десятков метров обнаружил цепь извивающихся гигантских тварей, поднимающихся снизу и не спеша одолевавших скальные выступы.

пы. Уловив мое присутствие, часть роботов двинулась в мою сторону и начала сосредотачиваться на противоположном краю трещины. Я прикинул — может обернуться Серым волком или хордянским чудищем и броситься на врага. Тут же отмел эту мысль. Здесь с наскока ничего не добьешься. И волшебный пояс навеял картинку, как окружившие меня насекомые пеленают меня паучьей сетью.

Между тем десяток особей поползли по отвесной стенке вниз. Другие, пошевеливая передними остренькими члениками, принялись выстраиваться в цепь. Не прошло и пары минут, как из бездны показалась первая пара роботов. Я немедленно открыл огонь. Длинной пульсирующей очередью смел выползающих из трещины врагов, затем, поставив регулятор на максимальную дальность, принялся уничтожать тех, кто скапливался на противоположном краю разрыва.

Скоро с ними тоже было покончено. Наступила тишина, в которой особенно резко доносился треск очередей. Это Неемо с товарищами оборонялся возле переправы. Каждый выстрел сопровождался характерным подвыванием, и этот вой уже начал сливаться в один протяжный гул. Я бросился им на помощь.

Первую атаку мы отбили сравнительно легко. Видно, на нас набрел малочисленный разведывательный отряд, по-видимому, орда тварей еще не смогла пробиться на обетованную землю в полном составе. В любом случае следовало попытаться немедленно отыскать четвертую плиту. На месте Черного гарцука и приводного комплекса, я бы приложил все силы, чтобы отсечь нас от этого прохода.

Тем временем солнце внезапно изменило направление движения и резво покатилося в сторону заката. Хорды все, как один, начали чесаться, затем присели на корточки, и Левий Матвей тонким голосом затянул.

— К Тебе, кому единому подобает имя Повелитель, Сущий, грозный Судия, Тот, кого можно любить, неприступный царь Славы, Ветхий днями, Старец наш, Господин, Ковчег нерукотворный, обращаемся — спаси и сохрани нас.

Следом, подняв к небу два крючковатых пальца, предложил.

— Скажи, учитель...

Это была трудная минута. Солнце стремительно мчалось к горам, с океана в направлении хребта сплошной стеной надвигались тучи — в той стороне погромыхивал гром, сверкали молнии. Ближе, у зловещей пасти ослабившейся земли дымились догоравшие останки бездумных, распространявших отвратительное зловоение змеиных детей.

Так шутят в раю?

Пугают приближающейся бурей, губят взбесившейся водой, травят глистами и солитерами, пытаются страхом, неизвестностью, обреченностью подавить волю? Что я мог противопоставить этой травле? Когда разрушены основания, чем способен помочь праведник?

Я рассадил поселян тремя кругами, сам с Иудой остался в центре. Мы обнялись — искавшему память следовало мысленно повторять слова молитвы.

— Повторяйте за мной, братья.

Когда я взываю, услышь меня, Ковчег правды моей! В тесноте ты давал мне простор, светил во мраке. Помилуй меня и услышь молитву мою.

Благоволи, Ковчег, избавить меня, братьев моих, сестер моих!..

Поспеши на помощь!

Я потер лоб.

Все хорды потеряли лбы, поднялись, сгрудились теснее.

— Теперь в путь. Пусть каждый помнит святое слово. Если доведется ему когда-нибудь встретить соплеменников, кто бы он ни был: высший или низший, убогий или одаренный судьбой, пусть объявит ему слово Ковчеха так, как довелось ему услышать его сейчас, в трудную минуту.

Хорды молча построились в колонну. В эту минуту Неемо с матросами, переправившимися последними, подошел ко мне.

— Послушай, учитель, вы ступайте, а мы вас здесь прикроем.

Я опустил голову. Что я мог ответить капитану и матросам, решившим принять смерть? Разве что почесать им на прощание спины да поделиться одним из двух оставшихся у меня шариков. Я передал его Неемо, объяснил, что стоит подбросить его в воздух и он укажет, как нас найти. На том и расстались.

Темнота надвинулась внезапно. Поднялся ветер, швырнул плывущий перед нами в воздухе светящийся маячок-шарик на отвесный склон, возле которого мы залегли в надежде переждать бурю. Шарик тут же вернулся на прежнее место, заалел еще ярче, повел нас далее. Неожиданно завис у скального выступа, затем резко метнулся вправо и вверх — там открылось устье узкой, глубокой, прикрытой мраком, расщелины. Я поднял руку, вся группа сразу остановилась, вперед выдвинулись Огуст, Петр и Павел. Аура здесь была спертая, насыщена угрозой. Сверху донесся глухой раскатистый гул, затем послышался дробный нарастающий грохот, следом из расщелины вырвался обильный камнепад. Обломки скал полетели, покатались вниз по склону.

Неожиданно начался снегопад. Хорды по-прежнему упорно тянулись за мной, месили снеговую, расплывавшуюся потоками воды, кашу. Сначала я, как мог, поддерживал поселян, внушал им уверенность, добавлял сил, однако сразу после гибели Неемо и матросов оставил это занятие. Губошлепов не надо было убеждать, они молча, не дрогнув, пережили гибель товарищей. Последним аккордом прозвучали семь раскатистых взрывов, долетевших до нас со стороны распадка, по которому мы вслед за светящимся маячком выбрались к подножию отвесной скалы. Тут же от основной группы отделился Тоот и три проотолетария. Этим тоже не надо было гнать на смерть, они сами выбрали свою судьбу. Менее всего мне хотелось расставаться с главным инженером, однако он совсем по-человечьи

пожал протянутую ему руку, заявил — это есть наш последний и решительный бой, и, вскинув бластер на плечо, занялся обустройством оборонительной позиции. Мы простились, в последний раз почесали им спины, сестры коснулись их лбов ладонями.

Долгое время с той стороны не доносилось ни звука. Скоро снегопад прекратился, небо очистилось, выступили звезды и открылись дали. Ночь выдалась удивительно ясная, ветреная. С того места, где мы шли, был отчетливо виден океан, холмистый берег, выдававшийся мыс, неестественно белые, словно подсвеченные, нарядные домики командного пункта.

Картина была на загляденье, если бы не воспоминанья, не долгий, трудный путь, не безнадежность, то и дело подступавшая к сердцу. Поселянам было проще, они уверовали, обрели смысл, а как быть мне, посвященному в тайну этой неистребимой вражды, знавшему подноготную всякой жестокой причуды, выкидываемой фламатером и приводной станцией? Во что верить? Или в кого... На кого надеяться, чем исцелить душу? Уверовать в чудо? Я сам рассыпал их пригоршнями, и всякие чудеса не задумываясь записывал в реестр необъяснимых явлений природы, чьи разгадки только и ждут соответствующих исторических условий, требований практики и пытливого исследователя.

В мудрость попечителя? Не слишком ли поздно объявится этот «бог из машины»? Почему после того, как нейтринные сущности проникли в плоть «Несущего груз», тот не пал на колени? Зачем эта война не на жизнь, а на смерть? Эти вопросы оставались без ответа. Я чувствовал, как надрывалась душа. Этот необъясни-

мый духовный феномен или фикция, как, кривясь в усмешке, порой называют ее знатоки человеческой породы, то и дело напоминала о себе. Не знаю, как насчет фикции, но в тот момент она нестерпимо болела — страдала так, что, когда со стороны распадка до нас долетели воющие звуки стрельбы, я начал собирать под свою команду следующих добровольцев. Огуст и Левий Матвей остановили меня.

— Не спеши, учитель, — тихо сказал апостол и почесал мне плечо.

Поселяне сбились в кучу, замерли на краю обрыва. Спустя несколько минут внизу гулко ухнуло, затем еще и еще. Все замерли в ожидании четвертого взрыва. Его не последовало. Я бросил взгляд на Огуста, отвел глаза, потом не выдержал, вновь глянул в его сторону. Тот, не меняя выражения лица, нажал кнопку. Ответом послужил раскатистый грохот.

— Не торопись, — с той же укоризной продолжил Левий Матвей. — В тебе наше спасение. Веди нас. Я знаю, тебе трудно, ты скорбишь, но ведь ты указал путь к ковчегу, вот и налаживай его дальше.

Якуб и Иеремия, а также оба провокатора, ни за что ни про что попавшие сюда, начали прощаться с нами.

Им тоже почесали спины, одна из мамок звонко и тоскливо завывала. Провокатор из Дираха бросился к ней. Обнял, что-то торопливо зашептал. Наконец наши славные начали занимать позиции, устанавливая сектора обстрела.

Мы скорым шагом двинулись вперед. Я ступал во главе сбившейся в толпу колонны, рядом едва передви-

гал ноги Иуда. Это восстанавливающее память существо было всего лишь одной из миллиардов песчинок, густо рассыпанных по вселенной. Каждая по отдельности кажется бессильной — ветер носит их, море сглатывает, толща пород преобразует, жар планетных недр плавит; но на поверку каждая эта частичка обладала неистребимой твердостью.

Если она в самом деле являлась кусочком бытия...

Ее можно раздавить, истолочь, все равно даже осколки останутся песчинками, только более мелкого масштаба. Я тоже хотел сохраниться как отдельная молекула. В этом чудилось спасение — в несокрушимой верности себе. Меня можно сломать, раздавить, довести до жалкой мольбы о спасении, до поднятых вверх рук, но в то мгновение я испытывал непоколебимое стремление идти вперед и спасти хотя бы немногих, ведь за моей спиной гибли люди, точно такие же, как мы с вами, набитые грехами и обреченные на поиски счастья. Куда идти, не так важно. Ковчег подскажет, волшебный светлячок наметит путь. Важно идти — это был свободный выбор свободного человека. Это было целительное упрямство, одобряемое и ковчегом, и физическими законами. И главное — Господом!..

На этой мысли мое внимание привлек неясный шум, возникший впереди, на склоне. Он донесся из-за скальной щеки, прикрывающей вход в расщелину с другой стороны. Этта бросился вперед и тут же вернулся. Заговорил быстро, тыкая пальцем в ту сторону, откуда примчался.

— Там воины гарцука. Подбираются к расщелине.

— Живо в укрытие, — приказал Огуст. — Вы двое, — ткнул он в сторону Мусы и Исайи, — будете прикрывать отход.

Через несколько минут наш поредевший отряд втянулся в расщелину, расширяющуюся сразу за узким лазом. Некоторое время я принявлялся, настороженно разглядывал прикрытое нападавшими сверху скальными обломками, ровное, даже отглаженное дно ущелья. В десятке метров от входа начинались ступени, тоже слегка покореженные пробежавшим камнепадом. Наконец решился сделать шаг. Приблизился к лестнице. Слева и чуть сзади громко сопел следовавший за мной Иуда. Он все порывался выйти вперед. Когда же я оттолкнул его ложем бластера, Иуда обежал меня с другой стороны, все равно вылез вперед и принялся ощупывать ступени, искусно вырезанные в горе.

Светлячок манил за собой, нетерпеливо кружил на середине лестницы. Сверхчувственная аура здесь сразу прояснилась, полегчала. Мы всей толпой двинулись вверх по ступенькам. Двое поселян, оставшиеся внизу, устроили у входа в расщелину завал из камней, залегли у нижней ступеньки.

Скоро лестница вывела нас на широкую и ровную площадку. Я едва не вскрикнул — вот и откос, который я наблюдал на экране. На нем ровной линией обозначилась броневая плита — овал, замыкающий ведущий в выходному шлюзу туннель. Отдал команду шарикуну проникнуть в едва заметную щель, открыть замок. Светлячок растворился в недрах горы.

Прошло несколько минут прежде, чем до меня до-
несся приглушенный ментальный голос.

«Код неизвестен. Замок заблокирован. Вскрыть не-
возможно».

Я почесал грудь, бросил взгляд на вздымающиеся
вокруг отвесные скалы.

Это был тупик.

Снизу раздались протяжные воющие залпы. Видно,
черви подползли ко входу в ущелье, попытались про-
никнуть внутрь. Плотная толпа хордов, выбравшаяся на
площадку, сразу распалась. Мужчины заняли позицию у
вершины лестницы, женские особи разбежались, по-
прятались за выступами, опустили на корточки, при-
крыли головы руками.

— Что будем делать, учитель? — спросил Огуст.

Я не стесняясь пожал плечами, потом ответил.

— Сражаться. Отсюда нам не выбраться.

— Понятно, — почесался Третий столп.

Я ткнул пальцем в сторону лестницы.

— Я вниз, а вы постарайтесь сложить баррикаду...
Ну что, Огуст, почешемся на прощание? Может, больше
не увидимся.

Тот удивленно и с нескрываемой надменностью
глянул в мою сторону, потом коротко распорядился.

— Иди.

Я сбежал по лестнице, на ходу настроил бластер на
полную мощность. Сразу от груды камней, за которой
прятались Муса и Исая, дал залп, затем, непрерывно
стреляя, выскочил из расщелины, световым лучом раз-
бросал штурмующих наше последнее убежище червей.

Их было видимо-невидимо. Широким фронтом они ползли по склону, имея своей целью добраться до входа в ущелье. Я сжег еще нескольких роботов, полоснул слева и справа по вершинам — оттуда посыпались камни. Обвал увлек к подножию еще с десятков тварей.

В этот момент меня окликнул Муса.

— Учитель, тебя зовут.

Я бросился вверх по лестнице. Воздуха не хватило взбежать единым махом, пришлось устроить передышку у самой вершины. Поселяне между тем с воплями, с паническим страхом на лицах устремились вниз.

Левий Матвей схватил меня за рукав и, не в силах выговорить ни слова, ткнул пальцем в каменную щеку, на которой отчетливо очертилось овальное отверстие, ведущее вглубь скалы. В отверстии царил мрак

— Что, засада? Черви?! — отдышавшись, спросил я.

— Нет.... — Левий Матвей еще раз потыкал в сторону отверстия. Рука у него подрагивала. — Там кто-то ходит...

— Где? На площадке?

— Нет, в шлюзе.

— Когда дверь открылась?

— Только что. Там бесцветно, невыносимо, какие-то звуки. Вроде кто-то ступает или бормочет.

Час от часу не легче. Я осторожно, держа оружие наготове, приблизился к отверстию, глянул в устье туннеля. В глубине его действительно копилась непроглядная тьма. Ни огонька, никаких признаков жизни. Вдруг изнутри, из самой черноточки донеслись шорохи, скоро они оформились в шаркающие шаги. Еще через

мгновение во мраке обрисовалось светящееся облачко, очертаниями напоминавшее человеческую фигуру.

Я оцепенел.

Глава 7

Не прошло и пары минут, как на площадке появилось странное, лишенное плоти, существо в одеянии римского легионера.

Скелет в доспехах...

Сбоку, на левом костлявом плече, висел прямоугольный выгнутый щит. Ребра скелета закрывал кожаный панцирь с нашитыми металлическими пластинами. На поясе, непонятно как державшемся на тазовых костях, короткий меч. На ногах сандалии, ремешки которых странным образом крепились на больших и малых берцовых костях. Ухмыляющийся череп был покрыт древнеримским пехотным шлемом с поднятым вверх забралом. Шлем украшал высокий, ровно подстриженный гребень, собранный из выкрашенного в алый цвет конского волоса — знак центуриона. В правой руке скелет держал за ручку огромный станковый бластер. Оружие висело косо, и приклад волочился по каменному полу.

— Здорово, Серый? — приветствовал меня скелет.
— Как вы тут? Заждались, небось?..

Догнавший и вставший за моим правым плечом Огуст вскинул оружие.

— Но-но, — предупредил его воин. — Не балуй, начальник, а то как шарахну светометом, не обрадуешься!

Все это скелет, мой старый знакомец, выговорил на чистейшем хордьянском языке. Огуст пошатнулся и, теряя сознание, начал оседать на землю. Я едва успел поддержать его.

— Что это с ним? — удивился скелет. — Солдат не видывал, что ли?..

— Повоюй с наше!.. — выругался я.

Иступленно, как никогда раньше, завыли мамки. Дуэрни, схватив посох, бросилась на незнакомца.

— Девушка, что ты, девушка! — торопливо затараторил вооруженный скелет. Он скинул мешок, попытался усадить Дуэрни.

— Ох, чудные вы здесь ребята. Мужики в обморок падают, женщины в атаку бросаются.

— Кто это? — слабым голосом спросил меня пришедший в чувство Огуст. — Чей воин?

— Императора Тиберия. Был такой. Давным-давно. В горах... — коротко объяснил я. — Издалека явился. Зовут Василь Васильевич Фаавн. Его нет, Огуст, он нам только кажется...

— Ага, кажусь, — покивал Василь Васильевич. — Через такие дали перли, спешили вам на помощь, в теперь, выходит, я не существую. Он тоже не существует? — спросил скелет и указал на выбравшегося из черного проема исполина в два моих роста, тоже в древнем вооружении. На этот раз перед нами предстал древнерусский богатырь в длинной, до колен кольчуге с зеркалами, шишаке с забралом — из под кольчатого свеса выбивались густые золотистые кудри. Черная густая борода росла на подбородке.

Площадка, на которой происходило удивительное действие, вдруг залил яркий дневной свет. Я зажмурился, потом, преодолевая телесную немощь, открыл глаза. Неужели наступило утро? Когда? Не могу сказать, каким образом местное светило, метнувшись из-за горизонта, сумело заглянуть в достаточно узкий провал, но факт окончания ночи за несколько часов до положенного срока был налицо. Также, впрочем, как и явившейся во всей своей изначальной сказочной мощи царевич Георгий.

Догадавшись, что новоявленные чудища не собираются лишать их жизни, не посягают на их плоть, остальные хорды начали медленно, на карачках, выползать на площадку. Сгрудились у вершины лестницы, готовые ежесекундно, сломя голову, броситься вниз. Тем временем Огуст справился с шоком, удивленно глянул на меня.

— Это существо, — представил я Георгия, — из породы человеков. Тоже из царского разряда владык. Хранитель земли и воды. Будет вам заступником.

— Он — посланец нерукотворного Ковчега? — спросил Огуст.

— Так точно, — ответил Георгий-царевич.

Между тем Иуда, безбоязненно ощупывавший и почесывавший Василь Васильевичу кости, спросил тонким голосом.

— Это биороб?

— Сам ты роб!.. — с досадой ответил фавн. — Мы — создания нежные, электронные, возрожденные к жизни вашими мольбами о спасении. Ты бы лучше объ-

яснил, где здесь нечистая сила? Чей дух мы должны вымести?

Я указал на нижнюю часть лестницы.

— Лупите что есть мочи всех червеобразных. Каждую тварь, которая повстречается у вас на пути. Они — исчадья ада!

— Будет сделано, Роото! — заявил Георгий.

«Он назвал меня хордянским именем, — смекнул я. — Выходит, без попечителя здесь не обошлось!»

Скоро снизу донеслось раскатистое, громовое «ура», видно, «нежные создания» бросились в бой.

Я поспешил им на помощь. Пробежал мимо закрывших головы руками Мусы, Исайи, обоих провокаторов, сумевших отступить в расщелину. Георгий-царевич и Василь Васильевич к тому времени разметали переднюю колонну воинов гарцука. Хранитель земли и воды запросто расправлялся с червями, полчища которых вплотную окружили вход в заветную щель. Работал длиннущим мечом с лазерным лезвием, которое при необходимости, то и дело вытягивалось на несколько десятков метров и до угольев испепеляло врага. На ходу ударами ног Георгий переворачивал напользающих роботов. Те скукоживались, вспыхивали и разваливались. Василь Васильевич укрепивший на сошках станковый бластер, открыл пальбу по задним рядам. Очереди огненной плазмы буквально сметали наступавшего врага.

Солнце, к тому моменту успевшее взобраться в зенит, словно загнанное, начало метаться по небу. На поверхности океана заходили пологие и длинные валы, словно кто-то начал пахтать воду незримой гигантской

мешалкой. Вот что еще бросилось в глаза. Очередная волна, уплыв за горизонт, спустя несколько мгновений, как бы наткнувшись на преграду, возвращалась отраженной. Я, как безумный, завопил от радости.

Ага, этом мерзкому, пропитанному ненавистью парадизу тоже есть предел!

Далее случилось неожиданное. На поверхности океана вдруг очертилась гигантская воронка, неутомимо засасывавшая воду. Земля плавно заколебалась, с ближайших скал посыпались камнепады, нарушая живописную гармонию этих мест. Прошло еще несколько минут, и вся толща воды вдруг исчезла в обнажившемся на дне океана отверстии. Это было истинное чудо, теперь мы посуху могли добраться до вершин холмов, совсем недавно бывших островами.

Бегом я вернулся на верхнюю площадку, где лечила немощных, дарила спокойствие страждущим, касалась пальмовой ветвью лбов и плеч павших духом поселян божественная Каллиопа, представшая перед пораженными губошлепами с перистыми золотистыми волосами, чуть более полными, чем следовало для земной женщины губами, более длинным носом. Я с радостью встретил продолжение чуда. Громко, а может, истерически, расхохотался. Она была обнажена, только легкая, отливающаяся любезным сердцам поселян радужным разноцветьем, накидка покрывала ее. В левой руке держала лукошко, полное плодов и ягод.

Сестры рыдали навзрыд. Взбесившееся солнце, краешком заглянувшее в провал, тут же, словно устыдившись своих грехов, спряталось за край скалы.

Каллиопа подошла ко мне, мы обнялись, я поцеловал ее в губы, она наложила на меня крестное знамение. Я в свою очередь провел пальцами по ее лбу. Затем она занялась взобравшимися снизу апостолами — благословила их. Провокатор из Дираха бросился к своей мамке, они обнялись и с чувством, в такт, начали прыгать с ноги на ногу. Скоро в их круг вступили все оставшиеся в живых поселяне, кроме Огуста. Они с уханьем и воплями окружили Каллиопу, и теперь, совершая ритуальный танец, бережно касались ее накидки, прижимали радужно посверкивающую материю ко лбам.

Третий столп приблизился ко мне и шепнул, указывая на Каллиопу.

— Кто это?

— Хранительница наших гор. Повелительница всякой произрастающей былинки, всякого ростка, тянущегося к свету. Супруга повелителя, — я указал на Георгия-царевича, успевшего подняться ко входу в туннель.

— А этот, без плоти, в боевом одеянии? — Третий столп повел глазами в сторону скелета, который беседовал с почтительно внимавшим ему Левию Матвеем, — ее второй супруг?

— Нет. У нас супружничают парами. Он и она, этого вполне достаточно.

— Так ты, учитель, из этих?

— Да, а что не похож?

— Нет, ты вылитый хорд из среднего разряда помешанных.

— Кого-кого?!

— Из разряда свихнувшихся, чья участь была ублажать прежних повелителей странными звуками и со-

звучными в окончаниях строчками. Эти, — Огуст презрительно цыкнул, — в смутные времена перемерли сразу вслед за шлюхами.

— А я из тех, кто сумел выжить. В горах...

— Слушай, учитель, они, — Огуст указал на моих друзей, — тоже верят в ковчег.

— Да. Это ваши братья. Если ты, конечно, уверовал...

— Что мне остается, — с некоторым раздражением ответил Огуст. — Попробуй не уверовать. Если, конечно, все это мне не снится?..

Я обрадовался.

— Снится, Огуст, снится!.. Это тебе мерещится. Сам ты в этот момент находишься в челноке, готовишься отправиться в обратный путь на Хорд. Вот прилег отдохнуть, и тебя обступили видения. Теперь они будут посещать тебя до конца твоих дней.

— И Неемо, и Хваат, и матросы, и этот... со своими прооолетариями. Они уже на челноке? Они ждут нас?

Я растерялся, потом скорбно почесался. Он будет неплохим правителем, этот Третий столп, он умеет бить в самое больное место.

— Нет, Огуст, они никогда более не появятся среди живых. Они навсегда ушли в страну мертвых, теперь обитают там. К нам будут приходить только во сне, только во время ночного отдыха. Будут являться из сумерек и возвращаться туда.

— Ты, учитель, нанес тяжкий ущерб Хорду, лишив нас таких полезных и много познавших поселян. Ты мог бы пораньше связаться со своим ковчегом, чтобы твои друзья вовремя пришли нам на помощь.

— Ты не прав, владыка, хотя я в полной мере признаю свою вину. Будь справедлив, я делал все, что мог. Мы упорно молились, и нас услышали. В том, что случилось, нет моей сознательной вины. Я не поддался трусости, не болтал лишнего. Впрочем, судить — это твое исконное право, повелитель. Это твоя земля. Только вот что я скажу, и тебе придется поверить мне на слово. Эта оболочка, — я обвел руками просторы приводной станции, — хранит Хорд. Она сдерживает норы Дауриса, не дает ему вспыхнуть и разбросать огненные струи по всему безатмосферному пространству. Так что тебе и твоим потомкам придется оберегать эту станцию, заботится о ней, причем очень долго ни один поселянин не сможет ступить сюда. Путь будет закрыт и для тебя и для тех, кто придет на смену тебе, пока вы не осознаете, как и каким образом она устроена.

— Что будет с Черным гарцуком?

— Он будет наказан. Но ты в свою очередь подаришь мне рукотворный ковчег. Я постараюсь показать его поселянам.

— У меня есть выбор? — спросил Огуст.

— У тебя есть выбор.

— Я должен подумать.

— Только не вздумай советоваться со старцами Ин. Они живут прошлым, а ты сумел заглянуть в будущее. Вообще, мне кажется, тебе не следует упоминать о том, что нам довелось пережить во владениях Черного гарцука. Рассуди, как отнесутся к твоим словам старцы, все благородные, образованные разряды, когда ты упомянешь о солнце, бегающему по небу, о палаче-океане. Оставь это им, — я указал на Петра, Павла, Левия Мат-

веля, — пусть они расскажут. Они поведают поселянам как все было. Потом запишут. Советуйся с ними. Прислушивайся к Дуэрни и нашим сестрам, кто прошел через круги преисподней. Внимай тем, кто явится во сне.

Мы потеряли лучших, Огуст.

Мы потеряли Хваата, Туути, Неемо, Тоота, проотолетариев, матросов. Прости, я не всех знал по именам. Мы потеряли лучших из лучших. Это великая беда и великая надежда. Мы кровью проложили дорогу в будущее. Дай волю своему народу, и поселяне через века будут славить твое имя. Ты сокрушил Черного гарцука, ты избавил поселян от тяжелой дани архонтам, которые из могилы сумели повесить на шею твоему народу рукотворный ковчег. Сделай следующий шаг. Не трогай беглецов, осваивающих степь и горы, пусть в поселениях безбоязненно рассказывают сказки, и если где-нибудь хорды решат поставить кумирню нерукотворному ковчегу, не перечь им. Не заставляй их чуть что прятаться по тюрьмам. Темницы предназначены для тех, кто нарушил закон. Пусть каждый согрешивший не надеется получить прощение в канцелярии, пусть он осознает, в чем его вина. Пусть не боится странного. Пусть дерзает...

— Кто же займется убежищем Черного гарцука?

— Я, мои друзья. Потом они придут к поселянам, принесут много новых сказок — их тоже следует записать. Наступит день, и поселяне увидят, как рукотворный ковчег звездой вспыхнет в небе. Объяви, что с того дня можно безбоязненно смотреть на звезды.

— Что же будет с теми, кто, не щадя усилий, трудится на рукотворном ковчеге.

— Их знания и опыт нужны на Хорде. Они не останутся без дела.

— Ты лишишь их памяти о пребывании на ковчеге? Вернешь утраченные после интеллектора воспоминания о прошлом?

— Нет, Огуст. Я не могу указывать, но будет лучше, если ты и твои потомки забудут об интеллекторе. Тем же, кто сейчас трудится на рукотворном ковчеге, кто в поте лица вооружает его, готовит к межзвездному перелету...

Третий столп резко перебил меня.

— Ты и об этом знаешь, горец?

— Да, владыка. Тем поселянам, которые исполняют свой долг на ковчеге, я подарю сны. Это самое верное средство против провалов памяти, тупой ограниченности и попыток запретить поиск истины. Они вспомнят свои инкубаторы, а кое-кто отцов и матерей. Тогда они начнут тосковать. Тогда они и покинут безатмосферную даль. Когда же начнут своими руками добывать хлеб насущный, они забудут о ковчеге, о пайках, об источающей яд идее покорения пространства, которую вам оставили архонты.

— Ты советуешь обрушить устои?

— Ни в коем случае. Пусть пока все остается, как было, исключая рукотворный ковчег. Ученики — все, кто побывал в преисподней, — понесут благую весть. Пусть работает слово. Твое дело обратить внимание на поселян.

Он ничего не ответил.

К поселку архонтов, где располагался командный пункт приводного комплекса, мы спускались по побежденной, вздрагивающей от страха земле. Трещина, разделившая нас, заросла напрочь — следов не найдешь, однако наш поредевший караван надолго задержался здесь. Поселяне искали останки Героев. Их следовало похоронить на Хорде, одухотворить планету духом непобежденных, пожертвовавших собой, уверовавших и ни на шаг не отступивших перед бесцветным мраком.

С вершины холма Огуст в последний раз бросил взгляд на заполнявшуюся бирюзовой водой бесконечную впадину. Вода струилась робко, подымалась не спеша, словно осознавая вину перед павшими Героями. Замерла в точности на той отметке, где ранее проходила граница суши и моря. Червеподобные воины гарцука под командой Василь Васильевича теперь неутомимо восстанавливали этот райский уголок: энергично откапывали туннели, возводили песчаные холмы, обустроивали скалистый кряж, мысом убегавший в океан. Старались придать ландшафту прежние романтические очертания...

Это опять же была фикция, я был уверен в этом! Очередное представление!.. Та же голография, только с положительным нравственным знаком. Я так до конца и не разобрался в алгебре местных, царивших на приводной станции чудес, но теперь они уже не вызывала во мне прежнего интереса. Всего сутки назад воевавшие против нас воины гарцука, по чьей-то воле сменившие ориентацию, теперь усердно, как военнопленные, трудились на земле обетованной. Они не вызывали у меня

никаких иных чувств, кроме презрения и жалости. Они были напрочь лишены возможности видеть сны. То ли дело вырвавшиеся из пут необходимости, погибшие по моей вине матросы!..

Но более всего я сожалел о двух капитанах, один из которых был настоящий хват, другой истинный Немо. Была в их выборе, образе жизни, решительности и терпении неразрушимая песчинка, которая не позволила мне впасть в уныние, предаться усталости. Горечь и раскаяние вызывало воспоминание об основоположнике «проотолетаризма», главном инженере турбодизельного завода Тооте, великого ума губошлепе, сумевшем опередить время и узреть облик светлого будущего на этой занюханной планете, какой в пределах Галактики являлся Хорд.

Обыкновенная история...

Я сердцем чувствовал мелкоту, провинциальность случившегося здесь, на микроскопическом сколке Галактики. Все равно было горько, трудно. Светлым облачком мелькнуло упоминание о провокаторе и его мамке. Надеюсь, теперь им никто не мешает беседовать, сколько захочется, а совокупляться они будут, когда почувствуют желание, а не по приказу бригадира.

Я проводил товарищей до челнока, ожидавшего поселян во вспомогательном шлюзе. Простился, обещал поскорее вернуться на Хорд и объявить о дате избавления от рукотворного ковчега. Его судьба — на мгновение обернуться звездой и уйти в страну мертвых. На том и расстался с Третьим столпом.

Простившись с поселянами, дождавшись, когда подготовленный Быстролетным челнок всплывет над

направляющими салазками, обернулся Серым волком. На мне был космический скафандр, так что видимая через распахнувшиеся створки шлюза межзвездная бездна не могла причинить вреда, тем более что при открытых воротах ни давление воздуха, ни температура внутри вспомогательного причала не понизились. Я вышел на самый край металлической палубы.

Гигантский Даурис висел слева, густые, изогнутые струи раскаленных газов замысловатыми кривыми перетекали на Таврис. Сколько миллионнолеть этот злобный белесый карлик с жадностью пожирал звездную плоть своего более могучего собрата? Сколько еще веков существовать приводному комплексу? Может, до той поры, пока хордяне не овладеют принципами, на которых основана его конструкция, не изучат архитектуру чуда, не сумеют воплотить станцию в полном ее величии?

Безатмосферный корабль, схваченный гравитационной лапой комплекса, развернулся и, набирая ускорение, по немыслимо сложной траектории отправился прочь из царства Черного гарцука.

Скоро очертания челнока окончательно растаяли вдали. Прошло еще несколько минут, и из подсвеченного, межзвездного мрака вынырнуло черное, как уголь, похожее на сдвоенное блюдце, космическое тело. На корпусе заиграли огоньки, там и тут наметились неравномерно расположенные выступы. Будь это земная машина, она давным-давно перекувыркнулась бы в полете.

« Освободи проход, Серый», — до меня донесся голос Быстролетного.

«Добро пожаловать, вернослужащий. Не поздно ли?»

«В самый раз. Это у вас землян да губошлепов тятляп и готово. Навоевались и по домам, а у меня еще дел по горло».

«Какие же дела могут быть у койса на сдавшемся на милость победителя приводном центре? Кстати, где победитель? Где наш мудрый, наблюдавший за схваткой двух тигров, суслик?»

«На командном пункте, приводит в чувство приводной комплекс. А я, должен тебе заметить, уже не койс».

«Кто же ты? Герой-любовник?..»

«Бери выше — фламатер третьего класса!»

«Никак дослужился? Как это могло случиться с твоим хилым вооружением?»

«Я бы не сказал, что теперь оно хилое. Попечитель здорово меня переоборудовал. Я теперь даже биороба высшего разряда могу сварганить?»

«Вот об этом, живодер, мог бы и не упоминать».

«Что здесь такого! Прикажут, я и тебя могу заново вылепить. Будешь, как огурчик. Только возраст выбирай».

Он сделал паузу, потом продолжил более весело.

«Не журишь, Серый. У попечителя и для тебя есть награда. Какая — увидишь. Дома у тебя, в Снове, все в порядке. Жена трудится, ждет, дети работают, у тебя теперь две внучки и внук...»

«Зачем терзаешь?..»

«Сказал, не журишь, значит, держи хвост пистолетом. Не желаешь прокатиться?»

Быстролетный осторожно приблизился к крайней балке шлюза, подставил корпус, и я шагнул на него, оперся на мгновенно выступившие из черной оболочки перила.

Аппарат плавно отплыл от станции, створки люка задвинулись.

«Гляди в сторону главных палуб».

В том направлении пространство было свободно от газовых струй, стекавших с поверхности Дауриса. Яркий искристый обод Галактической спирали ясно читался в междуцарствии двух светил.

Там, ближе к поверхности раскаленного Тавриса, вдруг возникла слепящая, болезненно-яркая даже через особое стекло шлема точка. Она внезапно расплылась в линию, обернулась четырехконечной звездой. Наконец и эта блистающая на фоне черного провала космоса фигура растянулась, и из образовавшегося отверстия, прорывая пространственную плевую вывалился гигантский звездолет.

Это был «Неугомонный». Следом за ним в трехмерный континуум выплыл следующий корабль, формой также напоминавший когда-то бывший мне родным фламатер. Те же два разновеликих усеченных конуса, соединенных основаниями, та же архитектура надстроек, но размерами и величием этот звездопроходец значительно превосходил «Неугомонного».

«Линейный, I класса... — с гордостью прогнусавил Быстролетный. — Адмирал, построенный спустя пятьсот тыщ лет после того, как наш Неугомонный отправился в экспедицию. Помнишь, отмалчивался на Беркте, пря-

тался в углу. А это транспортник третьего класса, Так, работяга...»

Третий звездный прыгун был поменьше первых двух, но ярче залит огнями.

— Что за сходка? — вслух воскликнул я.

Быстролетный тоже откликнулся в звуковом диапазоне.

— Суд. У вас он называется военно-полевым...

— А у вас?

— Неважно.

Тем временем сгрудившиеся возле приводной станции корабли образовали треугольник, и спустя некоторое время со стороны комплекса показался удлинённый, коротколапый, непроницаемо чёрный, похожий на утолщённую камбалу, «Несущий бремя». Каждый из трёх прибывших на станцию звездолетов казался великаном по сравнению с извлечённым из недр приводного комплекса Чёрным гарцуком. Двигался тот нехотя, против воли, поминутно тормозил, силился освободиться от гравитационного захвата. Неожиданно «Несущий бремя» перевернулся на спину, и в этот момент на передней части, на брюхе, отчаянно замигал золотистый огонек.

В следующее мгновение звездолет архонтов получил толчок и, набирая ход, кувыряясь, полетел в точку, в которой через какое-то время должен был оказаться раскалённый карлик.

Вот что ещё запомнилось. В последний момент, когда узкий, изогнутый знаком вопроса протуберанец коснулся обречённого звездолета, на его корпусе разом вспыхнуло разноцветье огней.

Быстролетный с некоторым даже презрением хмыкнул, перевел световой код.

«Погибаю, но не сдаюсь. Они, архонты, все одного корня. Упрутся — не сдвинешь».

Корпус транспортного фламатера вдруг окрасился в алый цвет, затем в золотистый. Вот «Несущий бремя на спине» нырнул в хромосферу, вспыхнул и исчез.

Прибывшие с Беркты звездные прыгуны по одному — первым двинулся самый большой звездолет — вползали в распахнувшиеся ворота всех трех главных палуб. Когда посадка была закончена, створки задвинулись и на мгновение окрасились тем же жутким алым цветом.

— Теперь — навсегда... — заключил Быстролетный. — Никто уже не сможет извлечь их отсюда. Кто бы мог подумать, что последним пристанищем остатков флота окажется какая-то дыра на отшибе, сооруженная в совершенно неприемлемых условиях.

Последним аккордом в этом в этом удивительном действе стало появление исполинских фигур Каллиопа, Георгия и Василь Васильевича, мерно ступающих по неровной, бугристой поверхности станции. Неожиданно они всплыли и не спеша облетели ту часть станции, где располагался главный причал. Каллиопа что-то походя сеяла. Георгий вскинул двуручный меч и с размаху вонзил его в тело станции.

Приводной комплекс вздрогнул, мелкие волны озноба пробежали по многокилометровому корпусу, с него посыпались осколки и набирая скорость, поплыли в сторону Дауриса.

— Ее заколдовали и запечатали, — сообщил верно-служащий. — Каллиопе именем галактического синклита было назначено совершить последний обряд. Никому теперь нет доступа на приводную станцию. Георгий и Фавн — свидетели.

— Так вот почему попечитель доставил их сюда! — догадался я.

— Конечно, но перво-наперво помочь тебе.

Неожиданно голом его изменился, приобрел уже знакомую мне напористую властность.

— Свою задачу ты выполнил. Ты неплохо потрудился, Серый. За это тебя ждет награда.

— Это вы, ваше попечительство? — голос мой задрожал от возмущения. — Это вы позволили бросить в пасть Черному гарцуку двенадцать невинных душ.

— Перестань, Володя. Их имена не будут забыты или народ хордов вновь подвергнется испытаниям.

— Но я полагал, что запустив нейтринные сущности в плоть фламатера, я обессилил его. Или я промахнулся?

— Нет, ты попал в цель. Но хватит о свихнувшемся звездолете. Теперь, волчара, пришел черед ковчега! — он помолчал, потом добавил. — И не осуждай меня пролитием крови. Так было и так будет, пока все мы: и Хорд, и Даурис, и Таврис, и Земля, и Сатурн, и Солнце, и ядро Галактики не обретут разум и веру. Пока не сольются в едином, страдающем и ликующем, хороводе согласия. Кстати, приятель, сколько чудес я навидался в пространстве, но такой диковинки, как голубое небо, не встречал нигде. Это просто прелесть! Вам бы жить и жить в мире...

— Что же там творится на Земле? — спросил я. — По-прежнему кровь друг другу пускают?

— Не то слово... — после короткой паузы признался попечитель, — но об этом после.

Я помолчал.

Сколько сил и страсти я вложил, описывая губошлепам райскую планету, где, как мне верилось, наступили тишь и благодать. Ведь над нами всеми сияло редчайшая диковинка во вселенной — голубое небо. Одно на всех, голубиной святости, лишённое разноцветья. И под таким небом мы уже некоторое тысячелетие режем друг друга, твердим одно и то же: это мое и это мое. Я впервые до душевной боли задался вопросом — чем же наградил я поселян? Будущими религиозными войнами, когда брат пойдет на брата, посмеявшегося иначе именовать нерукотворный ковчег? Посмеявшегося проводить по лбу левой, а не правой рукой?

Что ждет теперь хордьян?

Нашествия орд, преследование всякого, кто посмеет думать иначе? Неужели они тоже когда-нибудь примутся жечь ведьм, еретиков, схизматиков, язычников? Крушить города, бить ручных летающих зверюшек по головам? Убивать и каяться, зверствовать и лицемерить?.. Мне больно было касаться этой темы, оставим ее на потом.

В следующий момент до меня дошло, что попечитель поздравляет меня с очередным званием. Теперь я галактический хранитель.

— Так постановил Синклит, — заявил попечитель. — Следующим пунктом послания устанавливается ответственность Каллиопа за Землю и Хорд. Теперь ей

звание не сольветера, но мать. Ей придется насадить среди губошлепов культ красоты, плодородия и материнской любви. Но это потом, а пока нас ждет ковчег. Потом можно подумать и о возвращении на Землю.

— Все-таки заслужил? — ехидно спросил я.

— Заработал, — ответил попечитель.

— Какую же награду я заслужил?

— Взгляни...

Передо мной на уровне груди возникло что-то, напоминающее саркофаг. Небольшой, с полметра длиной пенал, накрытый прозрачной крышкой. В пенале — часть пятипалой руки, запечатанной в черную оболочку. Я сразу узнал ее. Это была моя рука. Видно, оберегавшему меня в сражении при Сатурне скафандру по имени «Ноев ковчег» удалось спасти часть моей плоти.

— Это я нашел в окрестностях Сатурна, — объяснил попечитель. — Часть генной структуры сохранилась, так что ты, Володя, имеешь возможность вновь воплотиться не в чье-нибудь, а в свое первородное тело.

Рукотворный ковчег, над созданием которого так долго и упорно трудились хорды, оказался средних размеров искусственным планетоидом, упрятым в астероидном поясе. Когда-то архонты возвели его, чтобы защитить свою индустриальную базу на Хорде от испепеляющих лучей Дауриса-Тавриса.

На первоначальном этапе раскольники с его помощью охраняли гигантскую строительную площадку от межзвездных наблюдателей ортодоксальных ди. С той поры, как на планете были возведены Рииха Борсалос,

Лераад, Фреки, когда на полную мощность заработал Стилмачез, ковчег превратили в жилую зону, а в эпоху гражданских войн также в лечебный и оздоровительный центр.

Когда же архонты сгнули, их наследники-губошлепы, со временем добравшиеся до ковчега и обнаружившие архивы исчезнувших хозяев, с упорством обреченных начали вгрызаться в эту заповедную территорию. За несколько сотен лет губошлепы мало преуспели в овладении тайнами галактической цивилизации, разве что сумели разобраться в принципах работы некоторых частей планетоида, на котором они в случае возвращения архонтов мечтали всей расой сбежать из цепких объятий Дауриса-Тавриса, да пополнили запасы оружия, хранившиеся в подземельях горного кряжа Рииха Борсалос.

Чтобы завершить историю ковчега, мы с Быстролетным первым делом наполнили внутренние объемы ковчега мириадами мелких нейтринных сущностей, пробудивших у работавших там и лишенных прежней памяти губошлепов способность видеть сны.

Никакое другое средство не могло вернуть им память. В любом другом случае, открой им глаза, укажи на прошлое, дело могло кончиться массовым психозом. Когда во время ночного отдыха у собранных на ковчеге специалистов начали возникать картины их пребывания в инкубаторах, воспоминания о мамках, забытых соплеменниках, дело едва не дошло до бунта. Только благодаря помощи апостолов, сумевшим успокоить несчастных, объяснить, что нет больше Черного гарцука, и их сны — это только их сны, что теперь по ночам каж-

дый может жить своей, отличной от других жизнью, отвернуться в нее, напряжение спало. Теперь по окончании рабочих смен обслуживающий персонал поголовно собирался послушать сказки. Затем последовал декрет Третьего столпа, разрешающий всем, кто пожелает, возвратиться на родину.

Скоро начался исход. Отказывавшимися вернуться на родину целеустремленными инженерами, а также до конца приверженными долгу занялся Быстролетный. Он построил для них обитель, в миниатюре напоминающую прежний ковчег. Пусть копаются, сколько хотят...

В самый разгар зимней стужи, когда Даурис и Таврис окончательно скрылись за горизонтом и над северным полушарием Хорда безраздельно засияли звезды, на планете наступил день великого торжества, приуроченный к празднику, посвященному новому поколению Героев.

Наступило обещанное Третьим столпом чудо.

В ясном, насквозь прозрачном небе вспыхнула новая звезда. Петр и Павел объявили, что сам великий ковчег, творимый руками многих миллионов хордов, уверовал в нерукотворного Творца и вознесся к нему. Он исчез в благодатном светоносном потоке, которым Создатель одарил поселян без различий разрядов и мест проживания. Одарил беглецов и провокаторов, инженеров и рабочих, крестьян и воинов, вожakov и ведомых, старцев и молодых птенцов. Каждому досталась часть светоносной силы, в которую обратился прежний повелитель. Теперь хорды могут безбоязненно смотреть на звезды.

Они — частичка той же животворящей силы.

ЭПИЛОГ

Не могу сказать, сколько наших земных месяцев прошло с той поры, как однажды жарким июльским днем я очутился в Восточной Якутии, где в недрах обособленно стоявшей в долине реки Джормин сопки когда-то отлеживался фламатер.

Год, столетие? Подсчитать трудно. Непонятно, по какой шкале оценивать время, проведенное на Хорде? Или срок пребывания в сером лимбо? Я настаивал на том, что мне следует появиться в родном городе спустя несколько месяцев после отъезда из Снова, однако попечитель дал промашку в расчетах, и я появился на родной планете спустя десяток лет после сражения при Сатурне.

Это по земному счету.

Возродили меня сорокалетним, молодым и сильным мужчиной. Первое время, оказавшись в якутской тайге неподалеку от того места, где прятался «Неугомонный», которому так не терпелось покинуть Землю и вернуться на Ди, я долго не мог приспособиться к своему новому телу, чесался по всякому поводу. Когда печалился, приседал, прикрывая голову руками, когда становилось радостно, прыгал с ноги на ногу. Разумом понимал, что обернулся прежним, земным человеком, но приобретенные на Хорде привычки, долго давали о себе знать. Пришлось более месяца отлеживаться на берегу Брюнгаде, в брошенном поселке Нонгакан.

Жил в той самой избе, возле в которой когда-то повстречался с чудом. Уже облачившись в свою прежнюю плоть вновь овладевал волшебным поясом. В компании с Прокопием Егоровичем Спиридоновым, местным шаманом, хранителем окрестностей, прилегавшим к Чисхан-реке, (сноска: Индигирка) — осваивал якутские обряды и заклинания, позволяющие менять личину. По утрам кувырчался, оборачивался то волком, то человеком, ловил крупных, гулявших по ручью, успевших потемнеть хариусов, бродил с ружьишкой по ближайшим сопкам.

Стрельбой не злоупотреблял... На день мне хватало пары полярных куропаток, при надобности глушил тайменя в Брюнгаде. Наконец подоспела грибная пора и быстро схлынула. Потом по уремам пошла ягода. Устраивался в брусничнике, собирал в туюсок, вспоминал... Пил пригоршнями бывшее, вникал в настоящее. Оно было нерадостным. Поперла из-под земли всякая нечисть, и Георгию-царевичу в компании с Василь Васильевичем то и дело приходилось надевать боевые доспехи.

Наконец пришел день, когда больше не было сил находиться вдали от дома. Однажды, сентябрьским утром собрал манатки, перекувырнулся через голову и помчался на запад. Было время, когда мне уже приходилось следовать этим маршрутом. Выше Якутска переправился через Лену, через пару дней допрыгал до Енисея. Великую реку одолел возле Туруханска — напугал при этом нескольких рыбаков. В болотах на правом берегу Оби, пришлось сбавить ход, дожидаться ночей, а через Уральский хребет вообще переползал на брюхе. Наконец добрался до тверских, уже начавших осыпаться

лесов, там вновь перекувырнулся и в человеческом облике автобусом из Калязина доехал до Москвы. Погостил денек у моего наставника, Евгения Михайловича Неволина. Посудачили о том о сем, пришли к выводу, что не все так ладно на родной земле, упрятанной под голубыми небесами. Наконец поутру, едва сдерживая нетерпение, отправился в Снов.

Родной город встретил меня холодной солнечной погодой и обильным листопадом. Тополиные забеленные листья ложились поверх бурого, уже спекшегося слоя подгнивающей листвы. Добравшись до родного дома, обнаружил, что ключи не подходят к замкам — видно, за время моего отсутствия их поменяли. Посидел на скамейке во дворе, потом отправился бродить по городу. Заглянул в городской парк, вышел на обрыв.

Пахра все также зябла у высоких желтоватых откосов. Мимо ухоженной, вновь окрещенной церкви Воскресения Христова я спустился по узкой, секущей речной обрыв дорожке к новому мосту. Здесь, как и в давние годы, когда малым ребенком я прыгал возле колен матери, по-прежнему располагалась лодочная станция. Деревянный настил тянулся вдоль берега, к нему тесно, в ряд были причалены лодки. Два человека — один в телогрейке, резиновых сапогах, на голове кепка, другой в широком светлом плаще, необыкновенно высокий, длиннорукий, с толстоватыми ножищами, борода лопатой, глаза стоячие, — беседовали о подготовке к зиме, о ремонте материальной части. Парень в телогрейке, указывая на лодки, с погасшим жаром отвечал.

— Я когда один эту прорву перегоню?

— Что же делать? — спрашивал собеседник.

— Нет, вы погодите! — горячился парень. — Я один могу эту флотилию до зимы перегнать? Это человеку по силам?

Ответа он не дождался. Его собеседник вскинул голову, долго созерцал голубые до пронзительности небеса — видно, соображал, что же человеку по силам, — потом повторил.

— Так что же делать? — и вновь оцепенел.

Река тоже обречено замерла, словно не в силах поверить, что сможет когда-нибудь освободиться от тяжести суетливых суденышек, истоптавших ей грудь за долгий летний сезон. Счастье укрыться льдом, прикорнуть до весны, увидеть во сне исток — маленький родничок, пробивающийся из-под мшистых камней, — казалось недостижимым.

Из-за речного поворота, завешенного кустами еще зеленого ивняка, показались две прогулочные лодки, направлявшиеся в сторону причала. На веслах сидели мальчишки лет десяти.

— Пацаны гоняют плавсредства на склад, — кивком указал в ту сторону малый. — Много они могут захватить зараз?..

Опять тишина. Лодки, испуганные малой волной, нагоняемой приближавшимися плавсредствами, зашуршали бортами. Парень в телогрейке энергично переступил на месте. Мне померещилось — перепрыгнул с ноги на ногу! Мальчишки, причалив и, стараясь не тревожить взрослых, принялись увязывать лодки.

Я спустился по лестнице, предложил помощь.

Малый в телогрейке подозрительно оглядел меня и предупредил, чтобы более пяти лодок сразу не увязывал. Более мне будет не по силам.

Я, не скрывая радости, отдал пионерский салют и принялся спланировать караван. Увязал шесть штук!

Скоро отбыл. Поверите ли, отплытие, первый взмах веслами, сильный гребок доставили мне не меньшую радость, чем созерцание галактического обода, распушившего свои ветви в десятках тысячах световых лет отсюда. Лодки нехотя, гурьбой оторвались от пристани, лениво растянулись цепочкой и скоро мы выбрались на середину реки.

Мимо рывками проплывали берега, позади осталась насосная станция. Темная прозрачная вода робко постукивала в днище лодки. Бросил взгляд в сторону мальчиков, следовавших за мной. Их сносило от берега к берегу. Они трудились в поте лица, но их лица сияли...

В полдень, к обеду вернулся домой. Жена меня не узнала, потом засмузилась своего постаревшего лица, всплакнула. Этой беде я обещал помочь. Вечером, когда мы остались одни, начал как бы в шутку.

— Возьми отпуск, и мы отправимся в круиз. Тропики, жаркие страны — ты всегда мечтала об этом. Для начала давай я сведу тебя со знакомым народным целителем. Он творит чудеса. Даже молодость может вернуть, если, конечно, пройти курс оздоровления по полной программе. Стоит только сдать анализы, пройти курс лечения, и через пару месяцев будешь как новенькая. Ты хотя бы попробуй.

Несколько раз во время ночного отдыха я осторожно касался этой темы, убеждал, что мы в полной мере заслужили награду, особенно ты, добавил я, обращаясь к жене.

Наконец она согласилась. Разве что на время плавания...

Вообразите ту радость, которую испытала женщина преклонных лет, когда на ее лице не осталось ни единой морщинки. С отдыхом нам тоже повезло — соседи подобрались веселые.

Два месяца я постоянно заводил разговор о возвращении молодости. Убеждал, что могу помочь вернуть утраченные годы, обрести свежесть. Я пытался доказать, что с технической зрения в этом нет ничего невозможного, указывал на бессмысленность предрассудков. Лишние разговоры можно исключить, сменив работу, квартиру, город наконец. Если угодно, страну, даже планету — о таком варианте я тоже однажды обмолвился.

Жена только улыбнулась и промолчала. Ответила за день до прибытия в Новороссийск, за ужином. Положила свою руку на мою, погладила и спросила.

— Сменить дом, город, страну? Даже планету? Я верю тебе. Но, Володя, как же внучки? Я не хочу лишать их бабушки. Мне без них будет трудно. И без всего этого, — она указала на вечернюю морскую гладь, на заходящее солнце, редкие облака на горизонте. — Ты — отрезанный ломоть, тебя не удержишь.

— Я навсегда вернулся домой!

— Не зарекайся. Ты как-то в шутку признался, что являешься каким-то хранителем. Значит, придет срок,

вновь раздастся зов трубы. Что я буду делать, одна на чужой планете, вдали от внушек? И потом, эти разговоры, необходимость таится, скрывать прошлое... Лучше я доживу возле своих.

Уговаривать ее было бесполезно. Это была та соломинка, которую невозможно переломить, песчинка, которую нельзя уничтожить. Она сделала выбор, как сделали его возвративший рассудок Иуда, Петр и Павел, Якуб и Муса, Иеремия и Левий Матвей, отправившиеся к беглым рассказывать сказки. Как решивший обосноваться на Земле Быстролетный. Как сделали выбор Хватат, Неемо, Тоот и другие, ушедшие к судьбе.

Ночь тогда выдалась чрезвычайно звездная. Спать не хотелось. После полуночи я наконец отыскал в западной части небосвода маленькую звездочку. В той стороне, совсем рядом с едва угадываемым светилом располагались Даурис и Таврис. Я рассказал жене сказку о чудесной стране, попавшей в лапы Черного гарцука и освобожденной хваатами, неемами, тоотами, туути, иудами, петрами и павлами и многими-многими другими.

Бог с ними...

Автору можно написать:
e-mail: ishkov@mail333.com

Автора можно поблагодарить,
положив на его номер телефона:
89168323835
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заповедник архонтов	1
Пролог	3
Часть I.....	18
Глава 1	18
Глава 2	35
Глава 3	58
Глава 4	91
Часть II.....	122
Глава 1	122
Глава 2	140
Глава 3	168
Глава 4	189
Глава 5	207
Глава 6	229
Глава 7	249
Глава 8	263
Глава 9	287
Глава 10	307
Часть III	326
Глава 1	326
Глава 2	338
Глава 3	354
Глава 4	380
Глава 5	400
Глава 6	421
Глава 7	440
Эпилог	462